

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Петербургской Газеты. Владимірскій пр., № 12.
1890.

Печатано по распоряжению Совета Императорского Русского Географического Общества.

Оглавление.

Стран.

1. Списокъ Членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписатья на журналъ «Живая Старина». I—IV

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. <i>И. Н. Жданова</i>	1
2. Три года въ Якутской области (Этнографические очерки). <i>В. Л. Приклонскаго</i>	24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).	55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).	57
5. Умиренье крови въ Грблѣ, въ Южно-Адріатическомъ Приморѣ, 27 августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца) <i>П. А. Ровинскаго</i>	63
6. Мариупольскіе Греки. <i>Ф. А. Брауна</i>	78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ. <i>А. И. Соболевскаго</i>	93
8. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго	108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 июня) называется бупальницю и считается днемъ урочнымъ? <i>М. И. Соколова</i>	131
10. Огонь на свадьбѣ	—

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. <i>Ив. Мамакинъ</i>	139
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ.. Кобринскаго уѣзда. Сообщ. <i>— жею М. А. Саковичъ</i>	141
3. Болгарскія народныя пѣсни (Изъ Прилѣпа).	147
4. Болгарскія народныя сказки (Изъ Прилѣпа).	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ логостѣ, пограничномъ съ Норвегіею. <i>Свящ. Щеколдина</i>	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. <i>В. Л. Приклонскимъ</i> .	169

Списокъ

членовъ И. Р. Географическаго и Неофилологическаго Обществъ, а также нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ постороннихъ,—приславшихъ сочувственныя «Живой Старинѣ» заявленія, въ отвѣтъ на предварительно разосланное Отдѣленіемъ Этнографии предложеніе объ изданіи—до открытия подписки¹⁾:

А. Лица, заявившие о готовности внести свыше подписной платы:

		Р.	к.
1.	Ламанский, Е. И.	1 экз.	600 —
2.	Вильмсъ, З. Г.	»	100 —
3.	Бильбасовъ, В. А.	»	50 —
4.	Бунге, Н. Х.	»	50 —
5.	Ровинский, Д. А.	»	50 —
6.	Толстой, графъ М. М. (Одесса)	»	50 —
7.	Ламанский, В. И.	2 экз.	50 —
8.	Пыпинъ, А. Н.	»	50 —
9.	Гротъ, К. К.	1 экз.	30 —
10.	Небольсинъ, П. И. (Вильна)	»	30 ³)—
11.	Вахрамѣвъ, И. А. (Ярославль)	»	25 —
12.	Веселаго, Ф. Ф.	»	25 —
13.	Галинъ, А. М. (Екатеринбургъ)	»	25 —
14.	Галкинъ-Враскій, М. Н.	»	25 —
15.	Оржевскій, П. В.	»	25 —
16.	Соболевскій, А. И.	»	25 —
17.	Корниловъ, Ф. П.	»	20 —
18.	Будиловичъ, А. С. (Варшава).	»	20 —
19.	Подвиццевъ, Е. Е. (Кочкарь, Оренб. губ.). . .	»	15 —
20.	Толстопятовъ, А. А. (Москва)	3 экз.	25 —
21.	Таскинъ, А. Н.	2 экз.	15 —
22.	Анучинъ, Д. Н. (Москва)	1 экз.	10 —
23.	Бруннеманъ, Ю. В.	»	10 —
24.	Глуховской, П. И.	»	10 —
25.	Григорьевъ, А. В.	»	10 —

*) Въ списокъ этотъ, напечатанный уже въ первомъ выпускѣ, вкрались нѣкоторыя не-
точности и пропуски, вслѣдствіе чего въ настоящемъ выпуске онъ печатается вновь, исправ-
ленный Секретаремъ Отдѣленія Этнографіи.

7) В заявлении было обозначено 15 р., но, при уплатѣ казначею, Павелъ Ивановичъ Небольсинъ пожелалъ внести 30 р.

II

		Р. Е.
26. Дурново, А. В. (Вытегра).	1 экз.	10 —
27. Истоминъ, Ф. М.	»	10 —
28. Кидошенковъ, Н. В.	»	10 —
29. Кирпичниковъ, А. И. (Одесса)	»	10 —
30. Клешть, Э. Э.	»	10 —
31. Корфъ, баронъ К. Н.	»	10 —
32. Ламанская, М. Н.	»	10 —
33. Лиліенфельдъ-Тоаль, П. Ф.	»	10 —
34. Марковичъ, А. И. (Одесса)	»	10 —
35. Милютинъ, графъ Д. А. (Минхоръ, Тавр. губ.).	»	10 —
36. Половинкинъ, И. Н.	»	10 —
37. Полтнова, О. И.	»	10 —
38. Семевскій, М. И.	»	10 —
39. Титовъ, А. А. (Ростовъ, Яросл. г.)	»	10 —
40. Успенскій, Ф. И. (Одесса)	»	10 —
41. Флоринскій, В. М. (Томскъ)	»	10 —
42. Шидловскій, С. И. (Волоконовск. почт. отд., Ворон. г.)	»	10 —
43. Веневитиновъ, М. А. (Воронежъ)	3 экз.	20 —
44. Софіано, Л. П.	2 экз.	11 —
45. Дондуковъ-Корсаковъ, князь Н. А.	1 экз.	6 —
46. Милютинъ, Ю. Н.	»	6 —
47. Чарыковъ, Н. В.	»	6 —
48. Шишковскій, К. (Кочкарь, Оренб. губ.)	»	6 —
49. Маркъ, А. Ф.	»	5 ⁸)—

Б. Лица и учреждения, заявившія о готовности подписаться на «Живую Старину»
свыше одного экземпляра:

1. Суворинъ, А. С.	100 экз.	500 —
2. Бобрицкій, графъ А. А.	10 »	50 —
3. Славянск. Благ. Общ.	10 »	50 —
4. Мазингъ, М. К. (Асхабадъ).	5 »	27 50
5. Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. А.	5 »	25 —
6. Смить, Т. С. (Москва)	3 »	16 50
7. Батюшковъ, Ф. Д.	2 »	10 —
8. Добропольскій, В. Н.	2 »	10 —

⁸) Съ предложеніемъ бесплатнаго помѣщенія въ журналъ «Нива» объявленій о подпискѣ на «Живую Старину»—на 200 р.

	Р.	К.
9. Кибальчичъ, Т. В. (Киевъ)	2 »	11 —
10. Мандельштамъ, Г. Е.	2 »	10 —
11. Ольденбургъ, С. Ф.	2 »	10 —
12. Романовъ, А. М.	2 »	10 —
13. Слюнинъ, Н. В. (Кронштадтъ)	2 »	10 —
14. Соколовъ, И. И.	2 »	10 50
15. Струве, Н. Б.	2 »	10 —
16. Университетъ, Имп. Варшавскій.	2 »	11 --
17. Флери, И. И.	2 »	10 —

В. Лица, заявившія о готовности подписаться на 1 экземпляръ «Живой
Старины» ¹⁾:

1. Архангельскій, А. С. (Казань).	23. Коншинъ, А. М. (Тифлисъ),
2. Асланбеговъ, А. Б.	24. Кудрявскій, Д. Н.
3. Браунъ, Ф. А.	25. Кудряшевъ, М. И.
4. Бѣлостоцкій, А. В.	26. Куляковскій, П. А. (Варшава).
5. Весинъ, Л. П.	27. Лавровскій, Н. А. (Варшава).
6. Вишняковъ, А. Г.	28. Липовскій, А. Л.
7. Воеводскій, Л. Ф. (Одесса)	29. Лыткинъ, Г. С.
8. Геруцъ, К. Ю.	30. Макшеевъ, А. И.
9. Голицынъ, князь Г. С.	31. Масальскій, князь В. И.
10. Гротъ, К. Я. (Варшава).	32. Махвичъ-Мацкевичъ, А. И.
11. Дабижъ, князь В. Д.	33. Минхъ, А. Н. (Полтавиновка, Сарат. губ.)
12. Деладруатерь.	34. Моисеенко-Великій, С. В.
13. Дриновъ, М. С. (Харьковъ).	35. Муратовъ, Н. А. (Тула).
14. Друри, И. В.	36. Некрасовъ, И. С. (Одесса).
15. Дьячанъ, Ф. (Варшава).	37. Ординъ, Н. Е. (Кадниковъ, Волог. губ.)
16. Ернштедтъ, В. К.	38. Палаузовъ, В. Н. (Одесса).
17. Земной, А. И.	39. Перетятковичъ, Г. И. (Одесса).
18. Зигель, Ф. Ф. (Варшава)	40. Широговъ, В. Е. (Кострома).
19. Ильинскій, Я. (Кременецъ).	41. Попруженко, М. Г. (Одесса).
20. Китицынъ, П. А. (Голованевскъ, Под. губ.).	42. Потанинъ, Г. Н. (Иркутскъ).
21. Клеръ, О. Е. (Екатеринбургъ).	43. Редакція «Варшавск. Дневника» (Варшава.)
22. Комитетъ, Статистический (Нижній- Новгородъ).	

¹⁾ Подписчики городскіе съ платою по 5 р., иногородные по 5 р. 50 к.

44. Ремезовъ, И. С.	56. Фельдманъ, Ф. А.
45. Розенъ, бар. В. Р.	57. Феды, К. Л.
46. Романовъ, Е. Р. (Витебскъ).	58. Чалѣвъ, Ф. Н.
47. Самоквасовъ, Д. А. (Варшава).	59. Черкаевъ, П. А. (с. Березовка,
Сарат. губ.).
48. Сапуновъ, А. П. (Витебскъ).	60. Шиманскій, Л. И.
49. Смирновъ, А. И. (Варшава).	61. Шляпкинъ, И. А.
50. Созоновичъ, И. П. (Варшава).	62. Шмурло, Е. Ф.
51. Сырку, П. А.	63. Шульцъ, П. А.
52. Сыромятниковъ, С. Н.	64. Щепкина, Е. Н.
53. Тилло, А. А.	65. Щербатской, Ф. И.
54. Трусманъ, Ю. Ю. (Ревель).	66. Энманъ, А. Ф.
55. Федоровъ, П. Ф. (Кронштадтъ).	

Не имѣя въ виду печатать списокъ всѣхъ лицъ, подписавшихся на «Живую Старицу» со времени объявленія о подписаніи, редакціонная комиссія будетъ продолжать печатаніе списка лицъ группы А и Б, т. е. тѣхъ лицъ, которымъ благоволять внести въ фондъ «Живой Старины» сумму, превышающую подписанную плату, или же подписаться на нѣсколько экземпляровъ.

ОТДѢЛЪ I.

Пѣсни о князѣ Михаилѣ.

(*Окончаніе*).

II.

Имя князя Михаила встречается и въ пѣсняхъ юго-западной Руси. Въ сборникѣ «Историческихъ пѣсенъ южно-русскаго народа» Антоновича и Драгоманова помѣщены двѣ пѣсни, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ выступаетъ именно «князь Михайло». Вотъ эти пѣсни:

A.

Маці дочки карала:
Гдѣшь' ти, доню, венчикъ діла?
Схавъ, мамко, князь Міхайло,
І зняв, мамко, венчикъ з мене,
Повѣз, мамко, дорогою широкою,
Дубровою зеленою,
Черезъ село Лунінське,
Черезъ місто боярське.
Касина маті по двору ходит,
Слуги будит:
Слуги мої молодиє,
Уставайце, закладайце
Коні ворониє
Да бежицє, доганяйце,
З пліч головку здойміце! (стр. 56).

B.

Въ темнум лесе
На й орсе
Зовзуденька гнездо звіла,
Звівші гнездо заковала,

Заковавши поленула
В тесе село Луніскее
В тесе місто боярське,
А въ тим селі удивонька
Двор будує,
А збудовавши да й малює,
А помалёвавши да й говорят.
Кто в гетім дворі
Паном буде?
Кто моім діткам
Бацьком буде?
Кто в гетім двору
Панією буде?
Кто моім діткам
Маткою буде?
Схав селом
Князь Михайло
Да каже: я в гетом двори
Паном буду,
Твоім діткам
Бацьком буду,
А моя жинка паню буде,
Твоім діткам маткою буде¹).

(стр. 56—57).

«Пѣсни эти довольно не ясны,—замѣчаютъ ученые издатели,—какъ это часто бываетъ съ вариантами, записанными въ полѣсской мѣстности, и даже не совсѣмъ вяжутся одна съ другою... Первая пѣсня передаетъ въ довольно общихъ выраженіяхъ тему извѣстную и изъ другихъ, какъ малорусскихъ, такъ и западныхъ пѣсень²), — о насильствѣ надъ дѣвушкою, или обманѣ, или похищениіи дѣвушки,—хотя и безъ тѣхъ подробностей, какія мы видимъ въ этихъ пѣсняхъ».

Мнѣ кажется, нѣкоторое объясненіе этихъ пѣсень можно получить путемъ сопоставленія ихъ съ пѣснями того круга, къ которому принадлежитъ

¹) Текстъ пѣсень взять изъ сборника Пинскихъ пѣсень Зонькевича (Ziencikiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851) стр. 150—152, 154—156, въ отдѣлѣ: «Pieśni wiosonne». Въ изданіи гг. Антоновича и Драгоманова (т. I, стр. 56—57) измѣнена лишь транскрипція пѣсень.

²) Указаны нѣкоторыя малорусскія, моравскія и служицкія пѣсни.

великорусская былина о кн. Михаилѣ. При этомъ намъ нужно прежде всего ознакомиться съ особымъ изводомъ пѣсень о женщинахъ, умершей въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, изводомъ, котораго я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Въ пѣсняхъ этого извода рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой ея любовникомъ и умирающей въ разлукѣ съ нимъ; окончаніе пѣсни сходно съ заключительной частью былины о кн. Михайлѣ. Вотъ для образца пѣменской пересказъ этой пѣсни:

Der Ritter und die Maid.

1. Es spilt ein ritter mit einer Maid,
Sie spilten alle beide,
Und als der helle morgen anbrach,
da hub sie an zu weinen.
2. „Weine nicht, weine nicht, brauns mägdlein!
dein er will ich dir zalen,
ich will dir geben ein reitersknecht
dazu dreihundert taler.“
3. Den reitersknecht den mag ich nicht,
will lieber den herren selber,
krieg ich den herren selber nicht,
so klag ichs meiner mutter.
4. Und da sie vor die stat Augsburg kam,
wol vor die hohen tote,
da sah sie ir frau mutter sten,
die tät ir freundlich winken.
5. O tochter, liebste tochter mein,
wie ist es dir ergangen,
dan dir dein rock von vorn so klein
und hinten vil zu lange?“
6. Sie nam das maidlein bei der hand
Und fürt sie in ir kammer,
sie setzt ir auf ein becher wein
dazu gebackne fische.
7. „Ach, mutter, liebste mutter mein,
ich kan noch essen noch trinken,
macht mir ein bettlein weiss und fein,
dass ich darinn kan ligen.“
8. Und da es kam um mitternacht,
dem ritter traumt es schwäre,
als wenn sein herzallerliebster schatz
im kindbett gestorben wäre.
9. „Ste auf, ste auf, lieb reitknecht mein,
sattel mir und dir zwei pferde!“

- Wir wollen reiten tag und nacht,
biss wir den traum erfahren“.
10. Und als sie über die heide kamen,
hörten sie ein glöcklein läuten.
„Ach reicher gott vom himmel herab,
was mag doch diss bedeuten!“
11. Und als sie vor die stat Augsburg kamen,
sahen sie die gräber gruben;
und als sie vor das tor hin kamen,
sahen sie die träger tragen.
12. Stellt ab, stellt ab, ir träger mein,
lasst mich den toten schauen!
es möcht mein herzallerliebste sein
mit iren schwarzbraunen augen“.
13. Er deckt ir auf den schleier weiss
und sah ir unter die augen:
„o we, o we! der blasse tod
hats äuglein der geschlossen!“
14. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die hände:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber hats ein ende.“
15. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die füsse:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber schlafst du stusse“.
16. Er zog herauss sein blankes schwert
und stach sich in sein herze:
„hab ich dir geben angst und pein,
so will ich leiden schmerzen“.
17. Man legt den ritter zu ir inn sarg
verscharrt sie wol unter die linde,
da wuchsen nach drei vierteljarn
auss irem grab drei liljen ¹⁾.

Близость этой пѣсни къ приведеннымъ выше вариантамъ пѣсни объ умершей женѣ очевидна. Въ нѣмецкой пѣснѣ есть только одна новая для наст., чрезвычайно важная въ общемъ содержаніи пѣсни, черта—указание на отвергнутую любовь, на разлуку. Есть варианты, въ которыхъ эта черта выражена еще сильнѣе. Въ португальской пѣснѣ, переданной Вольфомъ, рассказывается, какъ дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, идетъ его отыскивать, находить женатымъ и умираетъ. Она не могъ ее пережить. Вдова хоронить мужа и его подругу вмѣстѣ. На ихъ могилѣ появляются сплетающіяся

¹⁾) *Uhlant*, Alte hoch-und-niederdeutsche Volkslieder, S. 220—223, № 97.

растения¹). — Сходна англійская п'єсня, указанная Уландомъ. Дѣвушка узнаетъ, что ея женихъ береть замужъ другую; она видитъ, какъ онъ идетъ со своей невѣстой. Покинутая умираетъ. Ночью ея призракъ является къ брачному ложу невѣрнаго. Ему кажется, что его постель полна крови. Придя въ себя, онъ спѣшить къ дому умершей, онъ просить ея братьевъ пустить его проститься съ ней, поцѣловать ее въ послѣдній разъ,—онъ докажетъ, что любилъ ее больше, чѣмъ кто либо изъ ея родныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, доказательство не замедлило явиться: сегодня умерла она, а завтра онъ. На ихъ могилѣ любовно свились роза и шиповникъ.²) — Въ греческой п'єснѣ о Синодинѣ—то же содержаніе, но съ новыми подробностями. Четырнадцать лѣтъ продолжалась связь Синодина съ сестрой его жены. Вздумаль онъ разъ посмѣться надъ своей любовницей и говорить ей: «Не хочешь ли ты выйти за мужа?»—Кто меня теперь возьметъ? отвѣтываетъ она. Мое платье стало мнѣ спереди коротко, кушакъ едва сходится, а прежде я могла имъ опоясаться три раза, да еще оставались концы.—«Попроси мать сшить тебѣ новое платье», продолжаетъ издѣваться Синодинъ. — Я лучше умру, говорить она, чѣмъ стану обращаться къ матери съ такой просьбой.—«А хочешь умереть, такъ ступай въ садъ, попробуй тамъ соку лавра да дикой оливы, съѣшь еще змѣиную голову,—смерть будетъ вѣрная». Дѣвушка такъ и сдѣлала. Узналь о томъ Синодинъ, пришелъ къ умершей, простился съ ней, а потомъ выхватилъ кинжалъ и вонзилъ себѣ въ сердце. Умершиe погребены въ одной могилѣ. На ней выросли кипарисъ и лимонное дерево. Каждое воскресеніе деревья склоняются одно къ другому, цѣлуются³).

Положеніе дѣвушки въ пинской п'єснѣ (A) о князѣ Михайлѣ напоминаетъ несчастную судьбу покинутой любовницы въ приведенныхъ п'єсняхъ. Кася потеряла свой «вѣнокъ», его взялъ князь Михайло. Соблазнитель уѣхалъ. Кася—у матери, отъ которой не могло укрыться положеніе дочери. Мать—въ гнѣвѣ, она посыпаетъ слугъ догнать Михайла, убить его. Что же дальше? П'єсна молчитъ объ этомъ. Въ ней нѣтъ конца. Мы не знаемъ, какъ именно завершились отношенія Михайла и Каси, что сталось съ нимъ и съ нею, не знаемъ развязки Лунинской драмы.

Упоминаніе о погонѣ за соблазнителемъ напоминаетъ (какъ замѣчено уже гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ) особья п'єсни на эту тему. Въ п'єсняхъ этихъ разсказывается, какъ мать узнаетъ, что ея дочь похищена;

¹) Sitzungsberichte d. Wiener Akademie XX, 94 (Принѣч.).

²) Schriften, IV, 101—102. Cp. Herders, Stimmen der Völker № 7 (Wilhelm und Margretha).

³) Liebrecht, Zur Volkskunde, 175—176.

за дівушкої отправляються въ погоню ея братъя; сестра отказывается вернуться домой¹). Вотъ два несходныхъ пересказа этой пѣсни:

Пріѣхавъ Иvasенько съ Подolia,
Та ишли Ляшки изъ Аршави,
Та присиливъ коника до голя;
На іхъ сині шаровари;
Насунула чорна хмара съ Нодборя,
Вони й Катю й подмовляли:
Ой прійшовъ вонъ до Маруси въ под-
 Та ідь, Катю, ідь ізъ нами,
 Ой ідь зъ нами, Ляшеньками.
 воря:
«Ой ідь менѣ, Марусенько, ідь менѣ! Та купимъ тобі два персники,
Привезъ ємъ ти срѣбла, злота двѣ Два персники золоті,
 скрываютъ!» Два жупани голубі,
— «По тихеньку, мой миленький, го- Два койники вороні».
 вори, Та дурна Катя й послухала,
Щобъ не вчула моя мати съ коморы». Зъ Ляшеньками й поіхала.
Ой учуда стара мати съ коморы: Та й ажъ приходить мати съ поля;
«Хто съ тобою, Марусенько, говори?» Не зостає дочки дома:
— Съ кухарками, моя мати, говорю, «Та сусідочки, голубочки,
Высылаю до Дунаю по воду». Не бачили ви моєї дочки?
— «На що тобѣ, Марусенько, та вода?» — Та ми бачили й ми видали,
— Умытися, напитися, якъ треба. Поіхала зъ Ляшеньками.
— «Ой, маешь ты мѣдъ, вино, на- «Та сини жъ мої й дороги,
 пійся! Сідлайте коні вороні,
Ой маешь ты молоко, умыйся! Доженіть Катю зъ Ляшеньками».
Маешь ты садъ вишневый, пройдися! Та якъ прибігли до Полтави,
Ой маешь ты бѣле ложе, пресписи!» Сидить Катя зъ двомя Ляшками:
Матеноночка стара заснула, заснула, — «Та здарова будь, сестро наша,
Марусенька зъ Иvasенькомъ махнула. Де поділась твоя зъ лица краса?
Ой устала стара мати на зарѣ, на зарѣ: Та два Ляшки полюбила—
Не машь моей Марусеньки въ коморѣ! Зъ лица красу загубила.
Ой устала стара мати раненько, (Чуб. V, стр. 908).
Заплакала по Маруси ревненько²):
«Ой сѣдайте, родній братя, на коні,
Доганяйте Марусеньку въ погонѣ!»
Ой дѣгнали Марусеньку въ поль бору:

¹) Сходное содержаніе—въ повѣсти «объ убіенії злочестиваго царя Батыя», занесеной въ житіе Михаила кн. Черниговскаго. (Объ этой повѣсти см. Ключевскій, Др.-русс. житія, 147, Халанскій, Великор. былинн., стр. 111 сл.).

²) Варіантъ: Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядьоньку борзенько.

— «Ой вертайся, Марусенько, до
дому!»

— «Не на то я, мои братя, махнула,
Щобы я ся та изъ вами вернула.
Лишила 'мъ въ моей мамцѣ призна-
чокъ—

У пивницѣ на клочку вѣночокъ.
Та возмѣте той вѣночокъ съ пивницї,
Повѣсьте го на клочокъ въ свѣт-
лицѣ;

Ой що моя стара мати погляне,
Ой то мене молоденъку спомяне:
«Ой десь, моя Марусенька детина,
Та що вона въ тимъ вѣночку хо-
дила!

Десь то моя Марусенька въ чужинѣ,
Догаджае Ивасеви въ дружинѣ.

(Голов. I, 77—78).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ конецъ пѣсни передается такъ: братья, оты-
скавши сестру,

Що хотіли, те й зробили,
Да таки жъ поляченъківъ порубили,
Марусеньку исъ собою забрали.

(Чуб. 909).

Или:

Сребро, золото—все забрали
И Ляшенъка зарубили (*ibid*).

Иначе:

Гнали, гнали, не дѣгнали,
Ажъ у Львовѣ та й познали:
Ходить Кася та въ рубочку,
Носить детя по рыноку.
«Помагай Богъ, сестро наша!
Десь подѣла свекра Ясѧ?—
— «Ой у дому за столикомъ,

Пьеси вино эъ ремёсникомъ».
— Помагай Богъ, ой ты, Ясю,
Десь ты подъвъ сестру Касю?
— Якъ утили по колѣна:
«Отъ тожъ, Ясю, намовлѣни!»
Якъ утили вижше паса:
«Отъ тожъ тебъ, сестра наша?»

(Голов. I, стр. 85, стр. 86—87).

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить англійскую балладу о Черномъ Дугласѣ.—У лорда Дугласа похищена дочь Маргарита. Какъ и въ нашей пѣснѣ, мать первая узнаетъ объ этомъ и поднимаетъ тревогу. Въ погоню отправляются отецъ и братья похищенной. Бой. Дугласъ раненъ, сыновья его убиты. Раненъ и похититель. Онъ съ Маргаритой едва успѣваетъ добраться до своего дома, гдѣ его ждетъ мать. Лордъ Вильямъ умеръ отъ ранъ. Вскорѣ послѣ него умерла и Маргарита. На ея могилѣ выросла роза, на его—боярышникъ. Растенія склонялись одно къ другому и сплетались вѣтвями, такъ что каждый могъ узнать, что тутъ покоятся двое влюбленныхъ. «Халъ мимо черный Дугласъ и вырвалъ боярышникъ¹⁾).

Близость пѣсни о кн. Михайлѣ и Касѣ къ пѣснямъ объ увезенной дѣвушкѣ—несомнѣнна. Сходство замѣчается и въ подробностяхъ содержанія, и въ изложеніи. Но это сходство не даетъ еще намъ права утверждать, что пинская пѣсня—испорченный вариантъ пѣсни о похищеніи. При всемъ сходствѣ пѣсни о кн. Михайлѣ съ пѣснями о похищеніи, есть между ними и существенная разница. Кася увлечена Михайломъ, но она имъ не похищена. Кася остается дома, она брошена любовникомъ; объ этомъ узнаетъ ея мать. Ясно, что интересъ пѣсни долженъ сосредоточиться на изображеніи того, что становится съ покинутой, какъ она перенесетъ разлуку и позоръ, какъ отзовется ея горе на судьбѣ ея любовника. Словомъ, положеніе Каси, какъ было уже замѣчено, ставить пинскую пѣсню въ ближайшую связь съ пѣснями о покинутой любовницѣ.

Это явленіе двойного параллелизма, наблюдаемое при сравненіи пѣсни о кн. Михайлѣ съ родственными ей памятниками народной поэзіи, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ пѣснѣ этой слиты двѣ темы (похищеніе и разлука), причемъ это слитіе не выгодно отразилось на составѣ пѣсни. Пинская пѣсня имѣть видъ какого-то обломка, потому что внесенные въ нее темы

¹⁾) Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder german. Nationen v. Talvij, 565—567.

плохо ладили одна съ другой, разнородные подробности несливались въ художественное цѣлое.

Перейдемъ ко второй изъ приведенныхъ выше пинскихъ пѣсень о кн. Михайлѣ. Въ томъ видѣ, какъ эта пѣсня записана Зеньковичемъ, она недостаточно ясна. Рѣчь идетъ о какой-то вдовѣ, «будущей дворѣ». Она спрашивается, кто въ этомъ дворѣ будетъ паномъ и панею, кто будетъ отцемъ ея дѣтамъ. Появляется кн. Михайло и заявляетъ, что онъ будетъ паномъ и отцемъ, а его жена—панею и матерью. Рисуется поэтическая картина безъ движения, безъ опредѣленной завязки и развязки, — явленіе довольно необычное въ области народнаго эпоса. Что за отношенія у кн. Михайла къ этой женщины, строющей домъ? Какой смыслъ имѣютъ его слова:

А моя жинка панею буде,
Твоимъ дѣткамъ маткою буде?

Въ пѣснѣ мѣстомъ дѣйствія представляется «село Лунинское», которое упоминается и въ другой, знакомой уже намъ, пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Это сходство имени лица и названія мѣстности дасть основаніе предположить, что и упоминаемая въ пѣснѣ женщина есть та же самая Кася, которую любилъ и покинулъ кн. Михайло.

Вступительная часть пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ напоминаетъ пѣсни о вдовѣ, увлеченной захожими людьми. Такова именно моравская пѣсня:

„Nematka“.

Při jednej dolině
Větr profukuje,
Při druhéj dolině
Snižek poletuje.
Při třetí dolině
Vdova dům buduje,
Vdova dům buduje,
Kolem ho cifruje.
Jedú Turci, jedú,
Před domem stanuli,
Před domem stanuli,
Na vdovu volali:
Vdovo, milá vdovo,
Zanech budování,
Zanech budování,
A povandruj s námi.
Pane, milý pane,
Já bych vandrovala,
Kambych děla ditky,
Ubohé sirotky?

Турки (въ вариантахъ: «tři pěkní mládenci», или «Janek, z Podola furgmanek») отвѣчаютъ, что старшихъ дѣтей она можетъ оставить на родинѣ, а маленькое дитя пусть возьметъ съ собой. Дорогой ребенокъ расплакался.

Vdovo, milá vdovo,
S dětma sem t'a nebral,
Než sem t'a bral samu
Za svú věrnú ženu.
Vdovo ne meškala
Březu ohýbala,
Vintušku vázala,
Syna do ni klala.

Но она не вынесла разлуки съ дѣтьми:

A dyž už zajeli
Za hory daleko,
Teprv milú vdovu
Bolelo srdečko.
Bolelo, bolelo
Nad dětma jejíma,
Srdečko v ní puklo
Nad dětma drobnýma.

По другому пересказу, мать убита похитителями:

Dy's ty chtěla dítě litovati,
Neměla's s námi jít.
Hned Marušku mezi sebe vzali,
Na kusy roztrhali. ¹⁾)

Моравская пѣсня — эпическая сосѣдка такого рода произведеній народнаго творчества, какъ приведенные выше пѣсни о дѣвшушки, увлеченной захожими людьми, а эти пѣсни имѣютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя родственныя черты съ первой изъ пинскихъ пѣсень о кн. Михайлѣ. Особенностью моравской пѣсни, напоминающею вступительную картину второй пинской пѣсни, является то, что увлекаемой представляется вдова, имѣющая дѣтей. Разсказы, слѣдующие за вступлениемъ въ моравской и пинской (Б) пѣсняхъ, не имѣютъ однако сходства.

Нѣкоторыя выраженія нашей пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ повторяются въ малорусской пѣснѣ такого содержанія: бѣдная вдова горюетъ и причитаетъ:

«Ой якъ мені жити, ой якъ горювати,
Якъ мені свои дітки тай нагодувати?»
Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:
— Не журися, бѣдная вдова,

1) Sušil, Moravské písni, 139—141, № 144.

Я твойму добру хозяінъ буду,
Я твоимъ діткамъ батенькомъ буду.

(Оказывается однако, что слова эти нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ:

Я твою худобу попрививаю,
Я твоі дітоньки порозганаю,—

говорить козакъ¹⁾). Вдова отвѣчаетъ:

Ламли калиноньку, ламли сій вітки,
Любишь удівоньку, люби сій дітки.

(Чуб., V, стр. 821—822).

Послѣднія слова болѣе умѣстно приводятся въ другой малорусской пѣснѣ: молодой козакъ полюбилъ дивчину, но не могъ на ней жениться: ее выдали за другого; позже онъ встрѣчается съ ней, уже вдовой:

«Калиноньку ломлю, ломлю,
А ви, віти, одхилітесь;
Удівоньку люблю, люблю,
А ви, діти, розійтесь!»
— Коли ломишь калиноньку,
То ломай ії віти,
Коли любишь удівоньку,
То люби ії діти. (Чуб. V, стр. 822—823, № 391).

Пѣсня о встрѣчѣ кн. Михайла съ какой-то вдовой, имѣющей некоторое сходство съ указанными пѣснями, отличается отъ нихъ важной, существенной подробностью: князь Михайло, разговаривающій съ вдовой, женатъ:

А моя жинка панею буде,
Твоім діеткам маткою буде.

Дѣйствіе пѣсни, очевидно, должно было развиваться иначе, чѣмъ въ пѣсняхъ о вдовѣ, выходящей замужъ.

Въ малорусскихъ пересказахъ пѣсни о возвращающемся мужѣ, женщинѣ, томящейся ожиданіемъ, называется вдовой:

Край города, край села
Проживає удова.

Къ ней заходитъ козакъ и просить пріюта. «Вдова» говорить:

Молоденкій козаченько,
Боюсь поговору...

Оказывается потому, что захожій козакъ — вернувшійся, но не узнан-

¹⁾ Сходна белорусская пѣсня въ сборнике Шейна (материалы... I, 1, стр. 415, № 506).

ный мужъ. (Чуб. V, стр. 815). Такое же наименование женщины, находящейся въ разлукѣ съ ея возлюбленнымъ, встрѣчаемъ въ другой малорусской пѣснѣ:

«Ой удово, вдово, удово — небого,
Ой якъ ти живешъ на чужині,
Що ворогівъ много?»

Женщина, называемая вдовой, говорить:

«Ой повій, вітроньку, зъ яру на гору,
Прибудь, прибудь, мій миленький, зъ Дону до дому.
Вітеръ повіае, хмару розганяе,
А мій мілий прибувае, славу покривае.

(Ibid. 813—814).

Подобнымъ же образомъ и женщина, упоминаемая въ пинской пѣснѣ Б, могла быть названа вдовой по тому только, что ей пришлось жить въ разлукѣ съ отцемъ ея дѣтей. Допустивъ это, мы устранимъ препятствіе для сближенія второй пинской пѣсни съ первой. Изъ пѣсни А мы узнаемъ, что въ селѣ Лунинскомъ осталась покинутая княземъ Михайломъ его полюбовница Кася; пѣсня Б разсказываетъ, что, проѣзжая черезъ то же село Лунинское, кн. Михайло, успѣвшій уже жениться, встрѣчается съ женщиной, положеніемъ которой онъ имѣеть какое-то основаніе интересоваться. Мы подходимъ такимъ образомъ къ знакомой намъ темѣ пѣсень о покинутой любовницѣ, встрѣчающейся съ своимъ невѣрнымъ другомъ послѣ его женитьбы. Съ вѣроятностью можно предположить, что и окончаніе пинской пѣсни должно было быть сходно съ приведенными выше балладами. Рѣчи кн. Михайла о покровительствѣ, которое онъ обѣщаетъ «вдовѣ» и отъ себя и отъ своей жены, должны были звучать для Каси, какъ горькое оскорблѣніе и злая насмѣшка. Она не перенесла обиды. Обидчикъ, въ порывѣ поздняго раскаянія, «пронзаетъ свое ретиво сердце», какъ говорится въ великорусской пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Таковъ былъ, вѣроятно, конецъ разсмотрѣнной нами пинской пѣсни, распавшейся на два эпическихъ обломка, въ которыхъ затерялся смыслъ первоначального цѣлаго.

Выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше сопоставленій и параллелей получается такой: сѣверно-русскія и западно-русскія пѣсни о кн. Михайлѣ имѣютъ нѣкоторыя общія, родственные черты, позволяющія утверждать, что пѣсни эти стоять въ генеалогической связи, представляютъ развѣтвленія одного и того же первоначального сказанія. Составъ этого сказанія извѣстенъ намъ въ двухъ изводахъ: а) смерть женщины, на время оставленной мужемъ; б) смерть женщины, покинутой ея любовникомъ. Сѣверно-русская пѣсня передаетъ разсказъ первого извода; изученіе пинскихъ пѣсень обнаруживаетъ ихъ близость къ разсказу втораго извода — къ пѣснямъ о покинутой полюбовницѣ.

Но что же слѣдуетъ сказать о тѣхъ подробностяхъ пісень, которые напоминаютъ разсказы о дѣвушкѣ или вдовѣ, увлекающейся захожими людьми? Эти подробности настойчиво повторяются въ пісняхъ пересказахъ: для пересказа А отыскиваются параллели въ пісняхъ о погонѣ за бѣгликой ея родныхъ; пересказъ Б въ некоторыхъ выраженіяхъ сходенъ съ моравской піснью о вдовѣ, выходящей за мужъ на чужбину. Можно, конечно, предположить, что эти подробности позже примиѳались къ піснѣ о кн. Михайлѣ, имѣвшей первоначально такое содержаніе, которое указано выше. Но не устраивается возможность и другого, противоположнаго предположенія: пісня о кн. Михайлѣ въ ея первоначальномъ видѣ могла принадлежать къ ряду пісень о женщинахъ, увозимой на чужую сторону; позже, путемъ эпической ассимиляціи, пісня сблизилась съ разсказами совершенно иного содержанія, подъ влияниемъ которыхъ измѣнился самый составъ памятника. Въ этомъ измѣненномъ видѣ получилась пісня, похожая по содержанію на побывальщины о брошенной и умирающей любовницѣ. Въ области великорусского зпоса преобразованная пісня подверглась новому измѣненію: пісня о смерти покинутой любовницы перестроилась по типу родственныхъ ей пісень о смерти женщины, на время оставленной мужемъ. Какое изъ этихъ двухъ предположений представляется болѣе основательнымъ, какому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Нѣкоторый, конечно только вѣроятный, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать разсмотрѣніе исторической стороны пісень о кн. Михайлѣ. Это имя: «князь Михайло», повторяющееся и въ сѣверно-русскихъ и въ западно-русскихъ пересказахъ, не можетъ быть случайнымъ. Безспорно, это имя историческое.

III.

О слѣдахъ историческихъ воспоминаній въ пісняхъ о кн. Михайлѣ гг. Антоновичъ и Драгомановъ говорятъ слѣдующее: «мы решаемся видѣть въ этихъ двухъ пісняхъ память о какомъ-то частномъ и мѣстномъ событии, такъ какъ въ двухъ вариантахъ названо не только одно имя, но и одно мѣсто и притомъ послѣднее съ характеристическимъ прозваніемъ. — Похожденія князя Михаила происходятъ въ «боярскомъ селѣ», или мѣстечкѣ Лунинскомъ, т. е. въ ту эпоху, когда низшіе слои боярщины, населяя цѣлыхъ села, превратились въ свободное, но малоземельное, сословіе хлѣбопашцевъ, болѣе сближавшееся съ крестьянскимъ (также свободнымъ, но по большей части безземельнымъ), чѣмъ съ рыцарскимъ сословіемъ, т. е. въ XV или XVI столѣтіи. Самое название — село Лунное есть название географическое: село это существуетъ въ Гродненской губерніи и принадлежало къ ленными владѣніямъ

князей Сопигоў (Сапіговъ). Вѣроятно, князь Михайло — одинъ изъ членовъ этого рода. Въ 1583 г. Лунное село находилось во владѣніи князя Льва Михайловича Сопиго (стр. 58).

Замѣчаніе это вызываетъ возраженіе со стороны географическаго опредѣленія «села Лунинскаго». Село это упоминается въ пинскихъ пересказахъ. Едва ли есть надобность отыскивать это село въ Гродненской губерніи¹⁾, если подобное же, вполнѣ совпадающее съ пѣсенныи, мѣстное наименованіе встрѣчаемъ въ предѣлахъ Пинскаго же уѣзда. Въ «Историко-статистическомъ описаніи девяти уѣздовъ Минской губерніи» въ спискѣ населенныхъ мѣсть Пинскаго уѣзда значится между прочимъ мѣстечко Луинъ (въ 38 верстахъ отъ Пинска)²⁾. Г. Зеленскій въ описаніи Минской губерніи сообщаетъ, что Луинъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «заѣтѣнковъ», при чемъ это название объясняется такъ: «Заѣтѣнки составляютъ особенность сѣверо-западныхъ губерній. Отличительная черта ихъ, равно какъ и окрестъ, заключается въ томъ, что всѣ они заселены или шляхтою, пользующеюся и теперь правами дворянства, или однодворцами, т. е. людьми, потерявшими дворянство по неимѣнію на то доказательствъ»³⁾. Такое значеніе заѣтѣнка объясняетъ выраженія пѣсень:

Черезъ село Лунинскe,
Черезъ мѣсто боярскe (A)
или:

Въ тee село Лунинскe
Въ тee мѣсто боярскe (B)

Зенькевичъ въ примѣчаніи къ этимъ пѣсенямъ говоритъ: *Łunin-wieś książat Hieronimów Druckich - Lubeckich*⁴⁾. Друцкіе - Любецкіе — потомки владѣтельныхъ князей Друтскихъ⁵⁾. Поэтому съ вѣроятностью можемъ догадываться, что разсказъ о событии, мѣстомъ дѣйствія которого представляется «село Лунинское», а дѣйствующимъ лицемъ — князь Михайло, всего скон-

¹⁾ При томъ же название Гродненского села не совпадаетъ вполнѣ съ пѣсенными: Лунное, по Геогр. Словарю Семенова-Лунна (т. III, с. v.)

²⁾ Труды Минскаго губ. статист. комит. 1870 г.

³⁾ Материалы для геогр. и статистики Россіи. Минская губернія (Спб. 1864), ч. II, стр. 662. Луинъ отнесенъ здѣсь по ошибкѣ къ Игуменскому уѣзу; въ спискѣ населенныхъ мѣсть этого уѣзда (Труды статист. комит.) такого мѣстечка не значится.

⁴⁾ Piosenki... стр. 157. Ср. того же Зенькевича O iugozyskach i zwyczajach ludu piaskiego, стр. 8—9: «Łunin na pôlnoco-wschód od Pinska, leży o mil 7 droga zimowa, a o 10 letnią».

⁵⁾ Друтекъ (Дрыютъскъ, Дрюцкъ) — одинъ изъ древнейшихъ городовъ русскихъ; первое летописное упоминание о немъ относится къ 1092 году. Теперь Друтекъ — мѣстечко Могилевской губ. и уѣзда, въ 65 верстахъ отъ города. (см. Геогр. Словарь Семенова, т. II. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго, кн. 2, 37—38).

рѣ могъ быть связаъ съ воспоминаніями, имѣющими отношеніе къ какому либо лицу изъ рода именно Друцкихъ князей. Въ русскихъ памятникахъ нѣть опредѣленныхъ извѣстій о родословіи Друцкихъ князей. Карамзинъ только догадывается, что «князья Друцкіе должны быть потомки древнихъ владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ»¹). Польскіе генеалогисты утверждаютъ, что Друцкіе ведутъ свой родъ отъ князя Михаила Романовича, одного изъ сыновей знаменитаго Романа Галицкаго. У этого Михаила былъ сынъ Семенъ, у Семена — Димитрій и т. д.²). Что родословная эта не безупречна, ясно само собой. У Романа Мстиславича не было сына Михаила. Въ усыновленіи родоначальника Друцкихъ Галицкому князю сказа-лась только обычная слабость генеалогистовъ, желавшихъ связать начало того или другого рода съ какимъ-нибудь крупнымъ историческимъ именемъ. Но на основаніи этой ошибки мы едва ли въ правѣ признать указанный перечень Друцкихъ князей липленымъ всякой исторической достовѣрности³), ибо трудно допустить, чтобы въ княжескомъ родѣ, принадлежавшемъ къ числу владѣтельныхъ князей — Рюриковичей, не сохранилось воспоминаній о предкахъ, неизвѣстно было даже имя родоначальника. Помнили конечно, что старѣйшимъ Друцкимъ княземъ былъ Михаилъ Романовичъ; но генеалогическое положеніе этого князя въ ряду другихъ Рюриковичей могло быть забыто: свѣдѣнія объ этомъ выходили за предѣлы фамильныхъ и мѣстныхъ воспоминаній. Название Михаила Романовича Друцкаго сыномъ Романа Галицкаго — плодъ неудачнаго соображенія генеалогиста; оно не лишило значенія только какъ указаніе на эпоху, къ которой пріурочивалось время жизни первого Друцкаго князя. Среди русскихъ князей XIII вѣка, современныхъ дѣтямъ Романа Мстиславича (Даниилъ † 1266; Василько † 1269), известенъ одинъ только князь, носившій имя Михаила Романовича, именно Михаилъ, сынъ Романа князя Брянскаго⁴). Не былъ ли родоначальникомъ князей Друцкихъ этотъ именно Михаилъ Романовичъ?...

Въ такомъ предположеніи нѣть ничего невѣроятнаго: 1) князья Брянские (Дебрянские) принадлежали, по всей вѣроятности, къ роду Смоленскихъ князей (Ростиславичей). Первый Брянский князь, о которомъ сохранились

¹) Ист. гос. Росс. IV, пр. 317. Въ родословныхъ нашихъ извѣстія о кн. Друцкихъ — очень позднія: «Князь Василей, да князь Богданъ, да Андрей Дмитріевичи, а Дмитрій Друцкой Юрьевичъ; Друцкіе прѣѣхали изъ Литвы служити къ великому князю Василю Ивановичу всея Руси». (Временникъ Общ. ист. и др. р. кн. X. стр. 198).

²) Herbarz Polski K. Niesieckiego wyd. przez J. N. Bobrowicza, t. III, 409.

³) Князь Друцкій Семенъ Михайловичъ упоминается у Стрыйковскаго (Kronika... nad. 1846 г., т. I, 249, спр. 251, гдѣ упоминается кн. Димитрій Друцкій).

⁴) Нужно прибавить, что и между всѣми русскими князьями извѣстенъ, кажется, одинъ только Михаилъ Романовичъ, а именно упомянутый сынъ Брянскаго князя. (См. Указатель Строса въ исторіи Карамзина).

известія,—только что названный нами князь Романъ. Лѣтописи упоминаютъ: а) о нѣсколькихъ походахъ этого князя противъ Литвы (въ 1263, 1264, 1275 г.) ¹⁾, б) о бракѣ дочери Романа съ Волынскимъ княземъ Владимиromъ Васильковичемъ (1263) ²⁾ и в) о попыткѣ Брянского князя овладѣть Смоленскомъ (1285) ³⁾. По родословнымъ, Романъ былъ сынъ известного Михаила Всеvolодовича Черниговскаго (убитаго въ ордѣ и признаннаго святымъ): «А у великаго князя Михаила Всеvolодовича у Киевскаго и у Черниговскаго было 5 сыновъ... другой сынъ его кн. (Романъ) былъ послѣ отца своего на княженіи на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкіе князи, а убилъ его царь во ордѣ» ⁴⁾. Соловьевъ не рѣшается принять это известіе, хотя и не отвергаетъ его прямо. Въ одномъ изъ примѣчаній (344) къ третьему тому «Исторіи Россіи» читаемъ: «Романъ Брянский считается сыномъ Михаиловымъ». Въ текстѣ исторіи (стр. 237) это известіе не внесено; нѣть имени Романа и въ родословной таблицѣ князей Черниговскихъ, приложенной къ З тому (№ III, 3). Далѣе, подъ 1309 годомъ въ Никоновской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «того же лѣта князь Святославъ Глѣбовичъ выгна братанича своего князя Василія изъ Брянска, и самъ сяде на княжени во Брянске; того же лѣта князь Василеи Брянский иде во орду ко царю жаловатися на дядю своего на князя Святослава Глѣбовича» (ч. III, стр. 106). По поводу этой замѣтки Карамзинъ говоритъ: «Въ Волынск. лѣт. упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянского, Олегѣ и Михаилѣ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Рамановымъ, вопреки Никонов. Лѣтописцу, который не отличилъ Святослава Глѣбовича Можайского, племянника Георгіемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянского» (И. Г. Р. т. IV, прим. 242). Иначе смотрить на дѣло Соловьевъ: «Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянского сыномъ Александра Глѣбовича Смоленского, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ Можайского княжества и взять въ пленъ Юріемъ Московскимъ; Карамзинъ, обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшаніи разныхъ князей, говорить, что Василій могъ быть внукомъ... Брянского князя Романа. Димитрій Брянский по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣдовательно братомъ Василія» (III, прим. 430). Замѣченіе Карамзина о Святославѣ Глѣбовичѣ справедливо названо голословнымъ, но соображеніе самого Соловьева объ Александровичахъ Брянскихъ едва ли основательно: а) Никон

¹⁾ II. Собр. р. лѣтопис. Т. II, 201, 202, 205—206.

²⁾ Ibid. 202.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 459.

⁴⁾ Временникъ Общ. ист. и др. росс. X. 68.

лѣт. не называеть отчества Брянского князя Василія, хотя изъ другого мѣста той же лѣтописи мы и узнаемъ, что у Александра Глѣбовича было два сына Василій и Иванъ (III, 108); б) относительно извѣстія родословной книги («пришелъ изъ Смоленска князь Александръ Глѣбовичъ; у него три сына: Дмитрей, Володимеръ, Иванъ; Дмитрей да Володимеръ были воеводы у вел. кн. Дмитрея на Дону») находимъ замѣчаніе у Карамзина, съ которымъ въ этомъ случаѣ трудно не согласиться: «Сии Александрочки, вышедши въ Москву съ отцемъ около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельного смоленского князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году». (IV, прим. 315). Строевъ въ Указатѣль къ Исторіи Госуд. Росс. отожествляетъ Димитрія Брянского съ Димитріемъ Романовичемъ Смоленскимъ, ходившимъ въ 1311 году въ Финляндію съ дружинами новгородскими ¹⁾). Если это вѣрно, то нельзя ли и Василья, предполагаемаго брата Димитрія, считать сыномъ не Александра, а Романа Глѣбовича? Указаніе Никон. лѣт. о Святославѣ Глѣбовичѣ, боровшемся съ Брянскимъ племянникомъ Васильемъ, осталось бы при этомъ сохраняющимъ свою силу. О Романѣ Глѣбовичѣ мы имѣемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1300 годомъ: «Того же лѣта Олександъръ Глѣбовичъ ис Смоленска приводилъ рать къ Дорогобужу, и оступъ городъ воду отъялъ; Андрѣй Вяземъскій князь приде съ Вяземпіи и поможе Дорогобужцемъ, и убиша у Олександра сына, а самого Олександра ранили князя, и брата его Романа, а Смолнянъ убили 200 человѣкъ, и Олександъръ взвратися въсвойси» ²⁾). Нельзя ли допустить, что этотъ Романъ Глѣбовичъ и упомянутый выше князь Брянскій Романъ— одно и то-же лицо? При такой догадкѣ установилась бы такая преемственность Брянскихъ князей: Романъ Глѣбовичъ, сынъ его Василій, братъ Василья—Димитрій. Можно, пожалуй, замѣтить, что Романъ Брянскій еще въ 1263 выдавалъ замужъ дочь, а потому едва ли въ 1300 году, т. е. спустя 37 лѣтъ, могъ принимать участіе въ походѣ. Но замѣчаніе это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: намъ извѣстенъ ранній, даже дѣтскій возрастъ, въ которомъ заключались въ ту пору браки у нашихъ князей ³⁾).

2) Каково бы ни было родословіе Брянскихъ князей, несомнѣнно, что Брянскъ и Смоленскъ и князья этихъ городовъ находились въ живыхъ, постоянныхъ отношеніяхъ; исторія Брянска примыкаетъ къ исторіи Смоленска. Въ 1309 г., Святославъ кн. Смоленскій, какъ мы видѣли, борется съ своимъ племянникомъ изъ-за Брянска. Въ 1340 г. сидѣлъ въ Брянскѣ кн.

¹⁾ Карамзинъ, IV, прим. 214; Соловьевъ, III, стр. 283.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 461.

³⁾ «Женили князья сыновей своихъ вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ; дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ» (Соловьевъ, III, 8).

Глѣбъ Святославичъ¹⁾, сынъ только что названаго Смоленскаго князя. Брянскіе князья пытаются, съ своей стороны, утвердиться въ Смоленскѣ: въ 1285 г.—Романъ, въ 1333 г.—Димитрій²⁾. Въ грамотѣ отъ епископа рижскаго къ смоленскому великому князю Федору (1281—1297) упоминается Брянскій князь, называемый при этомъ «намѣстникомъ великаго князя»³⁾.

3) Извѣстно, что еще «въ началѣ XIII в. Полоцкое княжество было въ зависимости отъ Смоленска или въ какой-то связи съ нимъ»⁴⁾. Въ упомянутой выше грамотѣ Рижскаго епископа конца XIII вѣка говорится, что Витьбляне жаловались на Рижанъ предъ Брянскимъ княземъ, намѣстникомъ вел. князя Смоленскаго. Видимъ, такимъ образомъ, что Полоцкія волости и въ это время находились въ зависимости отъ Смоленскіхъ князей. При такихъ отношеніяхъ Полоцка къ Смоленску нѣть ничего удивительнаго, что вѣтвь Брянскіхъ князей, родственныя и политическія отношенія которыхъ переплетаются съ исторіей Смоленскіхъ князей, могла утвердиться въ одномъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества—Друскѣ⁵⁾. Мы возвращаемся такимъ образомъ къ сдѣланному выше предположенію, что родоначальникомъ князей Друскіхъ могъ быть Михаилъ Романовичъ, сынъ Брянскаго князя Романа.

Объ этомъ кн. Михаилѣ Романовичѣ въ лѣтописи сохранилось такое извѣстіе: «бысть свадба у Романа князя у Брянскаго, и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И въ то веремя рать приде Литовская на Романа; онъ же бися съ ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть и не мало бо показа мужество свое, и прїѣха во Брянскъ съ побѣдою и честью великою и не мня раненъ на тѣлеси своеи за радость; и отда дочерь свою: бѣахутъ бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же башеть ему всіхъ милѣе, и послы съ нею сына своего старѣшаго Михаила и бояръ много»⁶⁾.

Выраженія, въ которыхъ записано это извѣстіе, указываютъ, что свадьба княжны Ольги, любимой дочери ея отца Романа, свадьба, совпавшая съ по-

¹⁾ Соловьевъ, III. 309.

²⁾ Ibid.

³⁾ Русско-ливонскіе акты, № XXXIV.

⁴⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 181.

⁵⁾ Удѣлы въ предѣлахъ Полоцкаго княжества: Изяславль, Логожскъ, Стрѣмскъ, Друскѣ, Минскъ. (Шогодинъ, Изслѣдованія и замѣтки, т. V, 303). Были, конечно, въ Друскѣ князья и прежде предполагаемаго утвержденія въ немъ вѣтви Смоленскіхъ князей. Въ концѣ XII вѣка (подъ 1170—1195 г.) упоминается въ лѣтописи Друскій князь Борисъ (П. Собр. р. лѣт. II, 147), котораго считаютъ сыномъ Полоцкаго князя Давида Всеславича! (Указ. къ лѣт. I, 65).

⁶⁾ П. Собр. лѣт. II, 202.

бѣдой Романа надъ Литвой, осталась памятнымъ событіемъ въ семѣ Брянскихъ князей. Могла явиться и пѣсня о томъ, какъ юная княжна отвезена была на чужую сторону ея братомъ княземъ Михаиломъ.

Извѣстны свадебные обряды и пѣсни съ ясно выраженными воспоминаніями объ умыканіи невѣсты. Въ пѣсняхъ этого рода говорится о насильнике, захватывающемъ дѣвушку; невѣста обращается къ брату съ просьбой защитить ее отъ чужаго человѣка, не выдавать ее:

Родимый ты, братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсь,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было пройти, ни проѣхати!

Или:

Ахъ, ты, братецъ, голобчикъ мой!..
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонушкѣ,
У чужова отца, матери,
У чужова роду-племени!

Предполагаемая пѣсня обѣ Ольгѣ Романовнѣ сложена была, конечно, по типу обрядовыхъ брачныхъ пѣсенъ съ особенностями и дополненіями, которыя подсказывались обстоятельствами дѣла. Въ пѣснѣ говорилось о разлукѣ книжны съ отцемъ, который любилъ ее больше другихъ дѣтей, говорилось и о кн. Михаилѣ, который сталъ не защитникомъ, а разлучникомъ сестры, который взялся отвезти ее на чужую сторону. Быть можетъ, брату-разлучнику давалась въ пѣснѣ особенно важная, главная роль.

Пѣсня, связанная съ именемъ Михаила Романовича, сохранилась, вѣроятно, среди лицъ, близкихъ къ нему и къ его потомкамъ, князьямъ Друцкимъ, но по занимательности ли содержанія, или по достоинствамъ изложенія пѣсня эта могла найти и болѣе широкое распространеніе. При этомъ пѣсня о были XII вѣка не избѣжала конечно общей участіи памятниковъ устной поэзіи,—перерожденія, обусловливаемаго вліяніемъ литературной аналогіи.

Предполагаемое содержаніе древней пѣсни о Михаилѣ Романовичѣ и наблюденіе надъ составомъ сохранившихся пѣсенъ о князѣ Михаилѣ позволяютъ свести литературную исторію этихъ эпическихъ памятниковъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

* 1) Слагается обрядово-историческая пѣсня такого содержанія: молодая княжна разлучается съ родной семьей: ее берутъ заѣзжіе люди, отвозятъ на чужую сторону; съ дѣвушкой отправляется ея братъ, кн. Михайло; вместо того, чтобы защищать сестру отъ «чужанина», онъ оставляетъ ее у этого чужанина—Волынского князя, который облюбилъ Ольгу, назвавъ ее своей.

* 2) Утративъ, со временемъ, историко-бытовую опредѣленность, пѣсня эта сближается съ рядомъ пѣсень о похищаемыхъ, увлекающихся красавицахъ: дѣвушка увозится на чужбину; за нею отправляются ея братъ или братья; но возвращаются они домой одни: дѣвушка привязалась къ похитителю, полюбила его. Имя кн. Михайла, какъ имя главного дѣйствующаго лица первоначальной пѣсни, могло удержаться и здѣсь, но оно перемѣстилось сообразно съ измѣнившимся содержаніемъ пѣсни: князь Михайло—похититель.

3) Пѣсня объ увезенной красавицѣ смѣшивается съ пѣснями объ увлеченной и покинутой дѣвушкѣ. Слѣды этого смѣшанія видны еще въ сохранившихся пинскихъ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ.

4) Составъ пѣсень о покинутой любовницѣ имѣть ближайшее родство съ пѣснями о женщинахъ, оставленной мужемъ и умирающей во время его отлучки. Великорусская былина о кн. Михайлѣ—одинъ изъ пересказовъ такой именно пѣсни объ умершей женѣ. Историческимъ остается, такимъ образомъ, въ былинѣ только имя дѣйствующаго лица; то, что разсказывается объ этомъ лицѣ,—представляетъ повтореніе странствующей баллады, въ которой мы можемъ отыскивать отраженіе бытовой, но не быловой дѣйствительности.

При изученіи бытовыхъ былинъ особенный интересъ и важность представляеть наблюденіе надъ ихъ положеніемъ среди другихъ памятниковъ былевого эпоса. Есть цѣлый рядъ пѣсенныхъ побывальщинъ, которые, входя въ общий составъ народнаго пѣснотворчества, стоятъ однако особнякомъ отъ былинъ, не вступаютъ въ ихъ кругъ. Такова приведенная выше пѣсня о бородовичѣ и многія другія. Тѣ бытовыя пѣсни, которые вошли въ гравипы былиннаго эпоса, могутъ быть распределены на нѣсколько группъ по степени ихъ близости къ былинамъ историческимъ и богатырскимъ. Есть пѣсни, которые причисляются къ былинамъ и попадаютъ въ сборники этого рода эпическихъ памятниковъ потому только, что принадлежать къ репертуару тѣхъ же пѣвцовъ, которые хранить и былины. Таковы, напр., въ сборникѣ Гильфердинга пѣсни: Ревнивый мужъ, Братья разбойники и сестра и т. под. Эти пѣсни лишь вѣнчаннымъ образомъ связаны съ былинами. Но есть побывальщины, имѣющія нѣкоторую историческую окраску, заставляющую предполагать и угадывать какую-то опредѣленную быль, лежащую въ ихъ основѣ. Образцомъ пѣсень этой группы можетъ служить разсмотрѣнная нами былина

о князѣ Михайлѣ. Послѣднюю группу побывальщинъ представляютъ тѣ, которые примыкаютъ къ опредѣленнымъ, разнѣе сложившимся былевымъ пѣснямъ, вторгаются, такъ сказать, въ область исторической пѣсни, измѣнья и разнообразия ея составъ. Такова былина о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ», примкнувшая къ историческимъ пѣснямъ о князѣ Романѣ Галицкомъ. Примѣры подобного пріуроченія побывальщинъ къ былинамъ отыщутся и въ области богатырского эпоса. Припомнить былину объ Алешѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Збродовичей. Что это, какъ не побывальщина, въ которую только вставлено имя извѣстнаго богатыря? Таковы же и нѣкоторыя пѣсни о Дунаѣ, гдѣ этотъ богатырь является въ положеніи Ваньки-ключника.

Ив. Ждановъ.

Прим. Ред. Пользуясь свободнымъ мѣстомъ, помѣщаемъ здѣсь замѣченную нами сказку въ одной изъ принадлежащихъ Отдѣленію Этнографіи рукописей доставленной намъ въ 1887 г. изъ Кодекса свящ. о. К. И. Боголѣбовскаго подъ заглавиемъ „Свѣдѣнія о жителяхъ Шахоловской волости, Шенк. у., Арх. г.“. Эта сказка говоритъ объ оклеветаніи жены воротившемуся домой изъ отлучки мужу повстрѣчавшимся ему на пути черноризицами. Эта сказка имѣеть ближайшее сходство съ побывальщиной, напечатанной Гильфердингомъ (въ его Сборн.), подъ названіемъ „Ревнивый мужъ“, см. въ прекрасной статьѣ И. Н. Жданова (Вып. I, стр. 18—19).

О нѣкоемъ князѣ и княгинѣ.

Жиль былъ князь, имѧ коего неизвѣстно. Женился этотъ князь въ 12 лѣтъ, взялъ онъ княгиню 9 годовъ и 9 мѣсяцевъ, жиль онъ съ княгинею ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ гулять пошелъ. Ходилъ онъ—гулять ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ князь домой пошелъ. Идучи дорогой, видѣть, идуть ему на встрѣчу три старицы, три монахини черноризицы и бѣлокнижницы. Давно ли вы, спрашивается ихъ князь, съ моего двора съ Княжевиаго, съ Екатеринскаго? Отвѣчали старицы: мы вчера съ твоего двора съ Княжевиаго, съ Екатеринскаго, и у тебя, князь, въ дому все не по старому, не по прежнему—всѣ добрые кони по колѣнъ въ назыму стоять, ёдять траву все осатину, пьютъ воду все наземную, золота казна вся расхищена, въ теремъ колубень висить (люлька). Выслушавши все это, князь погонилъ своего добра коня, сломя голову. Пріѣзжаетъ князь къ своему двору къ Княжевииному, къ Екатеринскому, выходить молода жена, встрѣтить въ одной тоненѣйкой рубашкѣ—безъ косетчина (сарафан), въ однѣхъ тоненѣкихъ чудочкахъ, безъ башмачекъ; вынимаетъ князь саблю вострую, срубиль, сказнить поплечь голову, укатилась голова конямъ подъ ноги. Потомъ заходилъ князь въ конюшню свою и находить: всѣ кони по колѣнъ въ овсѣ, они ёдять траву все шелковую, они пьютъ воду все ключевую, все цвѣтно платье по стопочкамъ, во теремъ золота казна по шкатулочкамъ, бѣла посуда по наблюдничкамъ,ключи-замки все по полочкамъ, во теремъ зашель, колубия тутъ нѣть, дитя малаго не видано, тутъ пила стоять золоченыя, не столько въ нихъ шито, сколько плакано, все князя въ дому дожидано. Въ другой теремъ заходить и тутъ все въ порядкѣ находить; за бѣду князю тутъ стало, за догадушку великую. Заходить князь во конюшню во свою, выбираетъ князь лошадь добрую, погонилъ онъ коня, сломя голову, ко двумъ старицамъ, двумъ монашцамъ, черноризицамъ, бѣлокнижницамъ, и, прибывши къ нимъ, говоритъ: ужъ вы старицы, монашцы, черноризицы, бѣлокнижницы, зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ навралі? Потомъ взять саблю острую и срубиль, сказнить имъ головы, а самъ бросился на коль-вострой конецъ, и тѣмъ предалъ себя скорой смерти.

Три года въ Якутской области.

Этнографические очерки.

ГЛАВА II.

Встрѣча весны. Ісемэхъ. Преданіе обь учрежденіи ысыэха и происхожденіи Якутовъ. Преданіе обь Эрь-эллеъ, по Миддендорфу. Якуты, выѣсненные съ юга Бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими Русскими. Остатки крѣпости въ Якутскѣ. Судьба Якутовъ послѣ Тыдина. Образованіе Верхоянска.

Проходитъ суровая и непривѣтливая зима, и снѣгъ, нагреваемый солнцемъ, быстро вывѣтривается, говоря по мѣстному—быгаетъ; проходить ледъ на рѣкахъ и также быстро наступаютъ сильные жары. Вѣчно мерзлая подпочва не даетъ просачиваться влагѣ; подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей земля быстро одѣвается густою, высокою и яркою растительностю; дни становятся длиннѣе и наконецъ солнце не закатывается, останавливаясь на горизонтѣ. Съ растительностью оживаетъ и вся остальная природа: прелетаютъ птицы и оглашаютъ воздухъ своимъ разнообразнымъ пѣніемъ; скотъ становится бодрѣе, теряетъ свою мохнатую зимнюю шерсть. Но болѣе всѣхъ чувствуетъ себя счастливымъ бѣдный Якутъ: ему не нужно болѣе коченѣть и дрожать, не имѣя возможности обогрѣться у собственного очага; его не будетъ болѣе томить сосущій голодъ; онъ восторженно прославляетъ грядущее солнце въ своей пѣснѣ, которую поетъ на просторѣ; его не стѣснитъ теперь недремлюющій надзоръ его хозяина; ему будетъ тепло, онъ будетъ сыть, онъ не будетъ сидѣть въ темной и мрачной юртѣ—кровлей ему будетъ широкое и ясное небо!

Якуты мало имѣютъ развлечений, и только съ приходомъ весны и лѣта наступаетъ время удовольствій. Якуты по характеру очень скромны, а потому удовольствія ихъ очень ограничены и носятъ на себѣ отпечатокъ старого, патріархального времени.

По веснѣ кобылы начинаютъ доиться, накапливается кумысъ. Въ торжественные дни, на Николу, въ Троицынъ день, собирается по богачамъ масса народу: подъ открытымъ небомъ, на чистой полянѣ, въ опредѣленныхъ пунктахъ выставляются берестяная посуда—холлого съ кумысомъ; вкапываются три высокихъ столба, украшенные зеленью, и къ каждому

изъ нихъ приставляется мальчикъ лѣтъ 10—11-ти, лицомъ къ востоку, съ громаднымъ турецкому кумысу—с ири-и-сыть; когда соберутся приглашенные и разсядутся на полянѣ, гдѣ будетъ указано хозяиномъ, и сѣднутся почетные гости, старѣйший изъ собравшихся беретъ главный чоронъ (деревянный кубокъ, иногда вмѣстимостью до полутора ведеръ)—а яхъ, украшенный конскимъ волосомъ, до краевъ наполненный кумысомъ, поднимаетъ его высоко надъ головой и произносить посвященіе—алгысъ—перваго удоя Юрюнь-А и Юрюнь-Аръу: «Аи-Тоенъ, благодаримъ тебя! Ты далъ намъ лѣто, ты послалъ намъ много телятъ, жеребятъ, молока. Ты одѣлъ лѣсь весеннимъ нарядомъ, поля—зеленої травой. Скоро наступитъ покосъ и жатва, давно нами ожидаемая благодать. Тебѣ, Аи-Тоенъ, подносимъ этотъ аяхъ съ кумысомъ и усердно прошамъ тебя—благослови насть и напи скотъ, дай тучный злакъ полямъ нашимъ, здоровье и силу скоту! Тоенъ! прими нашу жертву, испей нашего напитка, и благослови его, чтобы и мы, вкусивъ его, были здоровы и счастливы!» Прежде эта жертва приносилась богу огня, и часть кумыса и растопленного масла отлескивалась въ огонь.

Затѣмъ старѣйший отпиваетъ изъ своего аяха, передаетъ его по очереди старѣйшему по себѣ, причемъ каждый отпиваетъ возможно меньше, чтобы изъ этого чорона досталось выпить большинству; но такъ какъ его все-таки не хватаетъ, то подливаютъ въ него изъ тѣхъ, которые держать мальчики, а затѣмъ и изъ другихъ посудъ. По совершеніи обряда, собравшіеся издалека, въ праздничныхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ богатыхъ костюмахъ и на богато осѣдланныхъ лошадяхъ, Якуты и Якутки приступаютъ къ угощенію, которое предлагаетъ имъ хозяинъ, изъ мяса, масла, чаю и въ небольшемъ количествѣ водки. Почетные гости угощаются въ юрѣ, причемъ имъ въ кумысъ кладутъ топленое масло въ мелкихъ кусочкахъ, чтѣ считается особеннымъ знакомъ вниманія къ гостю. Кумыса, этого кисло-сладкаго и пьяного питья, истребляется иногда однимъ Якутомъ неимовѣрное количество: хороший молодецъ выпиваетъ за одинъ разъ до $\frac{1}{4}$ ведра, а въ теченіе дня выпить до $1\frac{1}{2}$ водра. На лугу начинается ысыэхъ пляскою: знакомые между собой соединяются въ кружки, берутся за руки спереди черезъ одного, образуя тѣсную цѣпь, и подъ припѣвъ го-ю-го-ю, раздающійся на далекое пространство, переступаютъ ногами; иногда кто-нибудь изъ пѣвцовъ поетъ, а другіе ему подпѣваютъ: «Эгей эгей оголоръ дже догочоръ брерь кюммють юнья таптыръ кюммють тахсанъ эяръ санга джыбытъ салалынна эргя джыбытъ эляйдя ань дойду ачалата кѣнъ дойду кергенъя ёскюляхъ джонъ ёскята теректэхъ ёсю тэрѣтъя терюръ-ого уялана итаръ ёсю кюрёлянныя бу брю инингяръ бекелесенъ олоронъ кера тылла көсегетегингъ чогусасанъ олоронъ джолахъ тылла тоинногунъ эя догочоръ эгей эгей оголоръ!» т. о. Ой люли, ой люли, ре-

бята! Воть, друзья, радостные дни настали, любимое солнце восходит, новое лѣто наступило, старое лѣто исчезло, вся земля позеленѣла, широкая земля зеленью одѣлась, здоровые люди рождаются, крупный скотъ телится, родившіяся дѣти въ колыбели, прокармливаемый скотъ въ поскотинахъ. Ради этой радости, рядомъ сидя, говорите между собой приятныя рѣчи, сидя рядомъ, счастливо разсуждайте, друзья! Ай люли, ай люли, ребята!

Послѣ кумысу является у Якутовъ желаніе состязаться въ бѣгѣ и въ борьбѣ. Для бѣговъ выбираютъ мѣстность твердую, если можно, вонругъ озера; если озеро небольшое, то обѣгаютъ не сколько разъ, такъ что разстояніе доходитъ до 8, 10 верстъ. Бѣгутъ заразъ не сколько бѣгуновъ, и пришедшему первымъ оказываются почетъ, кричать урой, а отставшихъ встрѣчаютъ насмѣшками, остротами, шутками. Якуты—большіе охотники биться объ закладъ, и на бѣгахъ держать пари за ту или другую лошадь.

Молодежь, подъ вліяніемъ бѣговъ и успѣха опередившаго, начинаетъ хвастать, спорить силой и ловкостью; начинается бѣгъ въ запуски, борьба. При этомъ составляются партіи: каждая выставляетъ своихъ представителей, которые, раздѣвшись до баркы (испорченное русское слово портки), вступаютъ въ состязаніе. Борьба бываетъ самая безобидная и заключается въ стараніи свалить противника, не давъ ему обхватить себя, для чего натираютъ тѣло травой; всякий упавший, хотя бы на одно колѣно, или опершійся на руки, считается побѣжденнымъ, и сконфуженный, скрывается въ толпу, тогда какъ побѣдителя встречаютъ шумное одобрение и восторгъ. Зрители зорко слѣдятъ за состязаніемъ и несдержанно выражаютъ свои сужденія по поводу всякой подробности борьбы. Конечно, бываютъ случаи, что добродушно начавшаяся борьба разгорячаетъ противниковъ, и, подзадоренные восклицаніями толпы, они увлекаются и наносятъ другъ другу памятные удары.

Свѣтлая и теплая ночь позволяетъ забывать и поздній часъ, и утомленіе, и гости разѣзжаются не охотно, ёдуть цѣльными партіями, продолжая танцевать свои монотонныя скрыпучія пѣсни, которая далеко разносится въ тихомъ воздухѣ привѣтливо-мягкой прозрачной ночи.

Не говоря о бѣднякахъ, даже сытые богачи рады веснѣ. Семимѣсячная суровая и сумрачная зима наскучаетъ всѣмъ; богачу, какъ и бѣдному, хочется подышать весеннимъ воздухомъ и насладиться, кто какъ умѣеть, или какъ можетъ, короткимъ и жаркимъ лѣтомъ, полежать на солнышкѣ, погрѣть свой животъ и кости. Бѣдняку, конечно, лѣто еще драгоценнѣе: хотя работы и больше, но онъ работаетъ самостоятельно, безъ надзора; молока больше, а потому и онъ чаще бываетъ сытъ. Вотъ почему съ такою радостью встрѣчается наступленіе лѣта; вотъ почему чаще слышится пѣсня Якута, хотя похожа больше на вой или скрѣпъ немазанного колеса, которому онъ вторить. Подъ

влияниемъ согрѣвающихъ лучей солнца, и скучной богачъ становится тароватымъ и щедро угощаетъ на сырахъ гостей, прославившихъ о предстоящемъ праздникѣ. Рѣзкий переходъ отъ холода къ теплу, отъ мрака къ свѣту такъ сильно вліяетъ на человѣка этой суровой и мрачной окраины, что онъ не въ состояніи сдерживать въ себѣ быстрого наплыва сильныхъ ощущеній, проявляющихся въ цѣломъ рядѣ празднествъ, въ которыхъ и проходятъ всѣ полевые и хозяйственныя работы. Такъ бѣднякъ поетъ: «Вотъ пришла весна, солнышко свѣтить ярче и теплѣе, поля убрались красивою зеленою и прекрасными цветами, лѣсь одѣль свои праздничныя одежды, птички своими пѣснями оглашаютъ воздухъ. Вотъ и намъ можно отдохнуть теперь, погрѣть и расправить свои окоченѣлые члены! Скотъ даетъ много молока, и мы будемъ сыты. Пойдемъ на покосы и, хоть будемъ трудиться, запасемся на суровую зиму. Боже, зачѣмъ ты не дашь намъ вѣчнаго лѣта и весны? тогда-бы мы всегда благоденствовали. Боже, дай намъ долгое лѣто—мы будемъ счастливы»!

Съ учрежденіемъ первого сыраха связано преданіе о происхожденіи нынѣшнихъ Якутовъ. По преданію, Якуты поселились на настоящихъ своихъ мѣстахъ когда-то очень давно и предкомъ ихъ нужно считать Оно-гой-бая¹⁾, Татарина (?) изъ племени Саха²⁾, первого пришедшаго на Лену. Онъ пришелъ съ женой Сара, ея братомъ Улу-хоро³⁾ и рабами; всѣхъ мужчинъ было 13⁴⁾. У нихъ было много скота, рогатаго и коннаго; кочевали они по лѣвому берегу Лены, по долинѣ, названной имъ Сайсары, гдѣ теперь стоятъ г. Якутскъ; мѣсто это было удобно для скота и промысловъ: необозримыя поля, луга и лѣса были преисполнены несметнаго количества дорогого пушного звѣря, исчезнувшаго теперь съ увеличеніемъ населения. На Сайсары у Оно-гой-бая родились сынъ Ань-тайбыръ и дочери Ань-чингай⁵⁾ и Ника-харахсынъ⁶⁾. Спустя некоторое время къ Оно-гой-баю пришелъ Эръ-эллей⁷⁾, сильный и ловкій молодецъ татарского происхожденія (не Бурятъ-ли?). Онъ былъ искусный охотникъ и, какъ говорить преданіе, рыскаль по тайгѣ сѣрымъ волкомъ, водилъ медведей подъ руку, а въ водѣ чувствовалъ себя щукой. Эръ-эллей поступилъ къ Оно-гой-баю работникомъ и прожилъ три года, заслуживъ уваженіе и любовь семейства. Разъ Сара сказала своему мужу: «Отличный человѣкъ этотъ Эръ-эллей! онъ скорѣе пригоденъ намъ въ зятья, чѣмъ въ рабы». Оно-гой отвѣтилъ сердито: «Я ни-

¹⁾ Бай—значить богатый.

²⁾ Киси—человѣкъ; у рангахай-саха—человѣчество.

³⁾ Улу—великий, хоро—имя собств.

⁴⁾ Рабы и женщины у древнихъ Якутовъ не включались въ счетъ людей.

⁵⁾ Ань—первенецъ.

⁶⁾ Ника—нѣженка.

⁷⁾ Эръ—храбрый мужъ.

когда не решусь отдать дочь за пришельца, какъ Эллей; вѣрно, онъ приглянулся тебѣ самой! «Я знаю», сказала Сара, «что ты боишься Эллея; я чувствую, что онъ счастливѣе тебя; ты дрожишь, когда видишь его; если хочешь убѣдиться въ правотѣ словъ моихъ, положи среди урасы (берестяного шатра) бѣлую конскую кожу, прикрѣпи ее къ землѣ кольями и, сѣвъ на нее, возьми въ руки полный до краевъ чоронъ кумысу и призови Эллея». Оногой исполнилъ совѣтъ жены, и, дѣйствительно, когда вошелъ Эллей, Оногой такъ задрожалъ, что половина кумысу у него расплескалась, а кожа сорвалась съ коленъ (см. ниже сказаніе о томъ-же у Миддендорфа). Убѣдившись въ силѣ и вліяніи Эллея, Оногой сказалъ ему: «Другъ мой, Эръ-эллей! ты прослужилъ у меня болѣе трехъ лѣтъ съ усердиемъ роднаго, и я желаю вознаградить тебя; я знаю, что такому молодцу, какъ ты, и конь мой удалый, и дорогой звѣрь пушной, добро мое,—не награда; у тебя нѣтъ подруги, выбери себѣ по сердцу изъ моихъ дочерей». Эръ-эллей поблагодарилъ за милость и просилъ отсрочки. Старшая дочь Оногоя была неуклюжа и звалась Ань-чингай, а младшая Ника-харахсынъ была красива и любимица отца. Прошло еще три года, и Эръ-эллей объявилъ о своемъ выборѣ. Эръ-эллей въ продолженіи трехъ лѣтъ искалъ случая увидѣть, когда невѣсты пойдутъ мочиться; но это ему не удавалось, такъ какъ женщины того времени были очень стыдливы и даже показывались не иначе, какъ съ покрываломъ на лицѣ. Только въ концѣ третьяго года удалось ему наконецъ замѣтить място, гдѣ мочились невѣсты. Тутъ онъ увидѣлъ, что моча младшей Ника-харахсынъ осталась на поверхности земли, а моча старшей проникла въ землю, выворотила корни кустарника и образовала пѣну въ видѣ бѣлой куропатки. Изъ этого Эллей заключилъ, что старшая будетъ матерью многихъ и сильныхъ дѣтей. Младшая не перенесла такого предпочтенія, и, завидуя счастью Ань-чингай, удавилась своимъ длинными косами. Оногой-бай, огорченный смертью любимой дочери и считая въ томъ виновными Эръ-эллея съ его молодою женой, выгналъ ихъ изъ дома и въ знакъ своего проклятія далъ имъ жеребца и кобылу бѣлой масти съ выстриженными хвостами и гривами да быка и корову съ отбитыми рогами. Эръ-эллей не опечалился проклятіемъ; онъ выстроилъ себѣ громадную юрту, а пищей ему были лучшіе звѣри и птицы. Юрта и ураса его украшались костями рѣдкихъ звѣрей и перьями красивыхъ птицъ.

У Эллея было много дѣтей, изъ нихъ 6 сыновей:

- 1) Лабынгха-сюрюкъ, старшій сынъ, впослѣдствіи пропавшій безъ вѣсти; онъ считается первымъ шаманомъ, первымъ установителемъ вѣроіаній и обычаевъ Якутовъ.
- 2) Хадашъ-хагаласъ,—отъ него произошли Якуты двухъ Кангала-скихъ улусовъ.

3) Джонъ-джаагылы (джонъ-джаабы?)—отъ него произошелъ Бату-
русскій улусъ.

4) Молотой-орхонъ—отъ него Мегинскій улусъ.

5) Дэли-дарханъ—отъ него Борогонскій и Дюпсинскій улусы, по
имени двухъ сыновей его: Борогонъ-дожорту и Сюрдаахъ-дюпсюнъ.

6) Хатанъ-хата-малай, родоначальникъ Намскаго улуса.

Эрь-эллей первый ввелъ примѣненіе дымокура, которымъ охранялъ скотъ
отъ комаровъ и мошки; къ дымокурамъ собирался весь скотъ (вѣроятно, и чу-
жой), который онъ выдавалъ. Накопивъ такимъ образомъ много кумысу, онъ
вздумалъ устроить народный праздникъ, назвавъ его ысыахъ отъ слова
«вспрыснуть». Устроителемъ и распорядителемъ праздника быль старшій сынъ
его Лабынгха-сюрюкъ, этотъ первый шаманъ. Онъ велѣлъ вырѣзать изъ тол-
стыхъ березъ чаши, назвавъ ихъ чоронъ-аяхъ, и ковши—эбиръ-хамыахъ.
Чаши и ковши онъ перевязалъ веревками изъ бѣлыхъ конскихъ гривъ и на-
звалъ эти веревки дяльбирга. На открытой полянѣ вкопалъ три столба,
соединивъ ихъ сверху перекладиной; у столбовъ насадилъ молодыхъ березъ,
обвилъ ихъ волосяными веревками, украсилъ пучками конского волоса и на-
звалъ ихъ далбаръ-чачиръ, то есть жертвеннікъ; около столбовъ съ
березками поставилъ кожанную посуду, полную кумысу съ масломъ; вся пло-
щадь предстоящаго праздника была названа дирингъ-тюсюльга. Когда
въ назначенный день съ восходомъ солнца собрались люди, Лабынгха поста-
вилъ ихъ съ открытыми головами у далбаръ-чачира, лицомъ къ востоку, полу-
кругомъ; впереди народа 9 юношей, стоя на лѣвомъ колѣнѣ, держали въ ру-
кахъ чоронъ-аяхъ, полные кумыса съ масломъ; самъ онъ вышелъ впередъ съ
ковшемъ эбиръ-хамыахъ и сказалъ такъ: «Человѣкъ созданъ высшими боже-
ствами (аи-тангара); назначеніе его—украшать и населять землю, пользоваться
земными богатствами во время своей жизни; тѣло наше слабо, должно умереть,
но духъ его (кутъ) будетъ существовать въ вѣчной зелени на небесахъ въ
видѣ жаворонка. Выше видимаго неба еще много небесъ съ божествами, а
подъ землею живутъ злые духи. Сегодняшний праздникъ устроенъ для того,
чтобы мы все вмѣстѣ могли поблагодарить божества, насть создавшія, за да-
рованіе намъ земныхъ благъ и вкусить изъ одной посуды въ знакъ мира и
единенія». Затѣмъ Лабынгха-сюрюкъ, подойдя къ 9-ти юношамъ съ чоронами,
черпаль по очереди изъ каждого кумысъ своимъ ковшемъ и брызгалъ имъ въ
пространство, какъ-бы отдавая въ жертву божествамъ дары, ниспосланные ими
людямъ; при каждомъ чоронѣ призывались по очереди слѣдующія божества:

1) Артъ-тоенъ-ага, сидящій надъ 8-мъ небомъ;

2) Юрингъ-ай-тоенъ, сидящій надъ 3-мъ небомъ;

3) Няльбай-ай-кюбай-хотунъ-ия (богиня);

4) Налыгыръ-аисытъ-хотунъ—богиня, присутствующая при рождении детей;

5) Ань-алой-хотунъ—мать земли; ее сынъ Эряка-джарака—богъ зелени;

6) Кюреджасаягай; ихъ семь братьевъ: а) Сурдахъ-сюгятоенъ—богъ грома; б) Ань-джасынъ—богъ свѣта и молний; в) Таихасытъ-джилгаханъ—распорядитель судьбы человѣка; г) Ильбисъ-ханъ—богъ войны; д) Ордукъ-джасабылъ—вестникъ небесного гнѣва; е) Ханъ-еекситъ-эрдэнъ-аи—вестникъ благодати; ж) Сюнгъ-ханъ-сюнкэнь-зяли-хомпорунъ-хотой-аи—богъ птицъ;

7) Моголь-тоенъ и Усунъ-куяръ-хотунъ—божества, покровительствующія скоту;

8) Бай-баяндай; ихъ семь братьевъ: а) Бай-барылахъ; б) Куралай-бярганъ и в) Курагаччи-сюрюкъ—боги охоты и промысловъ; г) Долбунъ-сокхоръ и д) Соссанъ-эркинъ—препятствующіе охотѣ и промысламъ; е) Тыга-бытырысъ и ж) Ханиахъ-сегеденъ—боги промысловъ;

9) Боссолъ-тоенъ и Бомчак-хотунъ—охраняющіе пути къ божествамъ; Баранъ-батыръ—богъ юрты, Элясъ-батыръ—богъ хлѣва и двора; семь братьевъ—боги огня: Бырджа-бытыкъ, Кырылть-тюсюмъяръ, Кюндуль-чагаинъ, Кюрачаганъ, Ханъ-чаганъ, Хатани-еотуя и Ылгинъ-эрбія.

Поименовавъ всѣ божества, въ честь которыхъ былъ совершенъ насыжъ, Лабынгха-сюрюкъ трижды прокричалъ «урый»; народъ восторженно повторялъ за нимъ, и въ это время видѣли белую чайку, трижды прокружившуюся надъ мѣстомъ собранія, что было принято за доброе предзнаменование божествъ. Оногой-бай, какъ старѣшему, первому былъ поднесенъ чоронъ; принялъ его, онъ упалъ, какъ убитый; онъ пересталъ видѣть, ноги и руки его онѣмѣли; онъ лишился всѣхъ чувствъ. Народъ усмотрѣлъ въ этомъ волю божествъ, карающихъ Оногой-бая за проклятие имъ Эрь-эллея и за изуродованіе имъ скота, созданія Божія.

Оногой-бай вскорѣ послѣ того умеръ; все его богатство исчезло отъ разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ; единственный сынъ его—Барагай-батылы-кяльтаягай-тобукъ, отъ которого произошли Якуты Баагантайского улуса, терпѣль нищету и питался добычей, которую приносила ему черная собака.

Якуты другихъ округовъ области, кроме якутскаго, произошли отъ названныхъ выше предковъ и заселили мѣста въ якутскаго округа путемъ переселенія, частію—добровольно, въ видахъ промысла и охоты, частію—по

необходимости, выгнанные движениемъ другихъ болѣе сильныхъ родовитей и ваконецъ путемъ принудительной ссылки—въ сѣверные, болѣе отдаленные округа.

Послѣ смерти Эрь-эллея ысыахи устраивались въ каждомъ улусѣ по походу какихъ-либо торжественныхъ обстоятельствъ, съ соблюдениемъ описанного обряда. Вѣруя во вліяніе своихъ божествъ, живущихъ на небесахъ, на землѣ и подъ землею, Якуты признавали воплощеніе ихъ въ птицахъ и разныхъ неодушевленныхъ предметахъ и, не поклоняясь, оказывали имъ знаки уваженія, почитали тѣ мѣста, которыхъ, по ихъ убѣжденіямъ, посѣщали эти божества, напр. старые деревья; озера почитались, какъ глаза, а поле, какъ лицо матери земли. Постоянныхъ призываний божествъ не было. Кромѣ общихъ божествъ, каждое племя имѣло своего особаго покровителя, который воплощался въ предметы видимые; каждый обращался къ своему покровителю или къ тому, который соотвѣтствовалъ извѣстному случаю.

Преданіе объ Оногой-бай и Эрь-эллеѣ разсказано у Миддендорфа (русск. изд., ч. II, отд. VI, выпускъ 7-й, стр. 763) нѣсколько иначе, а именно: «Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якутъ, по имени Огономъ. У него было двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другой же любилъ. Его часто посѣщала Бурятъ, по имени Ельяй, потому что они были большие друзья; онъ приплывалъ къ нему внизъ по Ленѣ на суднѣ, сдѣланномъ изъ кожъ. Огономъ предложилъ ему ту изъ дочерей, которая ему понравится. Ельяй выбралъ нелюбимую dochь. Осерчавъ на нее еще болѣе, отецъ далъ за ней въ приданое только кобылу и бурую корову. Между тѣмъ умерла и любимая dochь. Жена стала уговаривать Огонома навѣстить зятя. «Ты уже становишься слабъ», говорила она ему. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Ельяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ прокололъ кафтанъ тестя. Огономъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Шонявъ изъ этого, что онъ началъ слабѣть, онъ помирисился съ Ельяемъ и навѣстилъ его. Сынъ Ельяя назывался Тыгын'омъ и былъ сильный и могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кроме одного, который былъ силачъ и взять въ батраки. Послѣдній уѣжалъ и затѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суднѣ. Долго они вели войну съ Тыгыномъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху бревна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбэрэ, отъ которого происходить существующій еще доселе родъ. Кангалацы-же потомки братьевъ Тыгына».

По поводу выписанного только-что преданія, какъ оно изложено у Миддендорфа, пользуюсь случаемъ разсказать, чтѣ пришлось слышать мнѣ о переселеніи Якутовъ въ Якутскую область и о приходѣ Русскихъ къ нимъ во времена Тыгниа.

Воспоминанія Якутовъ о своемъ происхожденіи и о мѣстахъ своего прежняго жительства до переселенія ихъ въ теперешнюю Якутскую область—смутны. Такъ преданіе утверждается, что въ глубокую старину они жили около моря Байкала, отчего и теперь всякое большое озеро называется ими баягалъ, «море». Во всякомъ случаѣ, Якуты жили ранѣе въ странѣ южной, гдѣ они не знали сѣжной зимы, а поля и луга ихъ были такъ обширны, что если-бы кто захотѣлъ обозрѣть ихъ съ высоты горъ (байкальскихъ?), то глазъ его не увидаль-бы границъ и предѣловъ страны, а видѣль-бы только упирающееся въ нихъ синее небо, такое-же синее, какъ и вода ихъ моря (Байкала). Скота у нихъ было такъ много, что его не помѣстить было-бы въ этомъ морѣ; сами они составляли племя многочисленное, какъ песокъ морской. Ведя пастушескую жизнь, Якуты въ то-же время были и конными воинами; они уже знали употребленіе желѣза и умѣли ковать себѣ оружіе и латы. Лукъ за спиной, колчанъ со стрѣлами съ желѣзными наконечниками—на лѣвомъ боку, обоюдоострая пальма, длиной въ аршинъ и съ короткою рукояткою въ видѣ меча, висѣвшая на поясѣ съ правой стороны и наконецъ желѣзная четырехъ-угольная пика на длинномъ древкѣ—составляли обыкновенное вооруженіе Якута; лучшіе воины, болѣе зажиточные, одѣвались кромѣ того въ желѣзныя шубы—латы. И въ древнее время Якуты жили и управлялись родами, имѣя во главѣ родовика, власть котораго была наследственна; всѣ-же роды, составляя цѣлое племя, подчинялись одному главному родонаучальному, облеченному неограниченной властью суда и расправы и имѣвшему власть надъ жизнью и смертью всякаго принадлежавшаго къ племени. Религіозныя ихъ вѣрованія были языческія; грозныя силы природы убѣждали ихъ въ существованіи духовъ добрыхъ и злыхъ, для умилостивленія которыхъ приносились жертвы чрезъ посредство особыхъ служителей—шамановъ. Въ семейномъ быту признавались полигамія и неограниченное наложничество.

Якуты сами себя никогда не звали Якутами, а носили и носятъ название саха—навозъ¹⁾). Название-же Якутовъ имѣ дали Русскіе, которые въ старое время звали ихъ Еко, чтѣ съ течениемъ времени преобразовалось въ слово: Якутъ.

Воспоминанія Якутовъ не сберегли имъ опредѣленныхъ свѣдѣній о времени, когда предки ихъ оставили мѣста своего коренного, родного края; про-

¹⁾ Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду; за отсутствіемъ глины хозяйство Якута безъ навоза—не мыслимо.

даніе говорить только, что въ блаженное ихъ пребываніе въ южномъ краю пришли къ нимъ въ несмѣтномъ числѣ татарскія полчища, сильно вооруженныя, и, перерубивъ и перестрѣлявъ многихъ, принудили ихъ оставить свои излюбленныя, насиженныя мѣста. Якуты двинулись на сѣверъ, но разбрелись въ разныя стороны; главная же часть съ своимъ главнымъ родоначальникомъ Оногой-баемъ двинулась къ Ленѣ и, спустившись по теченію, остановилась у озера Сайсары на уроцішѣ Собирай, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ. Ведя изстари пастушескую кочевую жизнь, Якуты на новомъ мѣстѣ поселенія старались сохранить свой первобытный образъ жизни, но, выбирая на широкихъ неограниченныхъ пространствахъ удобныя мѣста для пастбищъ, должны были перейти къ занятію скотоводствомъ и, мало-по-малу, подвигались на западъ по р. Виллю, на сѣверъ—къ Верхоянскому хребту и на востокъ—по р. Алдану. Не зная ранѣе на своей южной родинѣ зимы, здѣсь принуждены были они установить новое распределеніе времени: выпадаю первый снѣгъ—начинался годъ; ставиль снѣгъ—этотъ годъ кончался и начинался новый—лѣтний; такимъ образомъ годъ на ихъ новомъ поселеніи равнялся шести мѣсяцамъ съ сентября по мартъ и съ марта по сентябрь. Такое распределеніе года у нихъ осталось и до настоящаго времени.

Отъ брака дочери Оногой-бая—Ань-чингай и Эрь-эллея было шесть сыновей, и отъ одного изъ этихъ послѣднихъ родился Тыгинъ, ревностно охранявшій независимость своего племени. Во времена этого знаменитаго Улаханъ-князя ¹⁾ случилось съ Якутами неожиданное и страшное обстоятельство. На берегу рѣки (Лены) показались удивительные люди; они были бородаты, не похожи на Тунгусовъ; въ общемъ видѣ ихъ былъ страшенъ. Якуты, не забывши своихъ вытѣснителей изъ южной родины, перепугались и доложили своему повелителю. Тыгинъ приказалъ привести къ себѣ этихъ незнакомцевъ. Якуты, собравшись въ огромномъ числѣ, пошли братъ этихъ людей, но послѣдніе отдались имъ безъ всякаго сопротивленія. Якуты привели своихъ плененныхъ къ Тыгину, который опредѣлилъ ихъ къ себѣ въ домашнюю прислугу. Новые рабы обращали на себя вниманіе сообразительностию, расторопностию и скромной исполнительностию. Громадная физическая сила ихъ и выносливость въ тяжелыхъ трудахъ, которые возлагалъ на нихъ Тыгинъ, внушали къ нимъ страхъ, и Тыгинъ не измѣнялъ съ ними своего despoticескаго, а временами даже звѣрскаго обращенія. На одну изъ жестокихъ выходокъ Тыгина жена замѣтила ему: «Напрасно ты такъ грубо обращаешься съ этими людьми; въ ихъ крови живеть смѣлость и отвага; нужно бояться, чтобы они не сдѣлались нашими тоенами» ²⁾). Что отвѣчалъ на это Тыгинъ,

¹⁾ Улаханъ—великий, большой.

²⁾ Тоенъ—господинъ, повелитель.

не извѣстно. Пришельцы между тѣмъ были необыкновенно услужливы и предупредительны, такъ что разъ Тыгынъ даже отступилъ отъ своего обычнаго съ ними обращенія и спросилъ ихъ: «Чѣмъ наградить васъ, слуги мои дорогие? Хотите-ли скота моего и лошадей, хотите-ли мѣховъ дорогихъ—дамъ вамъ; чего пожелаете—просите!» Пришельцы смиренno отвѣчали: «Благодаримъ тебя, великий тоинъ! намъ не нужно скота твоего, или мѣховъ; но если мы угодили тебѣ, то дай намъ земли, сколько зайдетъ воловья кожа». Такая скромная просьба удивила Тыгына, и онъ, поклявшись у корня дерева, что не нарушить правъ новыхъ владѣльцевъ, вѣрѣлъ отвести имъ просимое. Пришельцы повторили исторію основанія Кареагена, и, разрѣзавъ кожу на тонкіе ремни, обвели ими четырехугольникъ земли и стали считаться ся собственниками. Только тогда понялъ Тыгынъ хитрость на первый разъ немудреной просьбы пришельцевъ, но клятва была дана, и нарушеніе ея грозило страшнымъ гнѣвомъ боговъ. Границу своихъ владѣній пришельцы опредѣлили столбами, а сами, построивъ лодки, на парусахъ поплыли вверхъ по рекѣ. Якуты были очень удивлены, увидавъ, что эти странные люди поплыли противъ течения безъ веселъ на какихъ-то шузыряхъ. Новое и страшное обстоятельство вскорѣ поразило успокоившихся было Якутовъ. Пришельцы вскорѣ приплыли обратно, но приведя съ собой новыхъ товарищъ; на ихъ лодкахъ и плотахъ было много провизіи и лѣсного матеріала. Въ одну ночь, гласить преданіе, неизвѣстные люди выстроили деревянную крѣпость и заперлись въ ней со всѣмъ своимъ имуществомъ. На утро Тыгынъ ужаснулся, увидавъ передъ своими шатрами выросшее чудо, и пошелъ со своими рабами осматривать работу пришельцевъ. Близко подойти однако побоялись. Въ это время изъ стѣнъ этой крѣпости раздался огненный громъ; то былъ залпъ изъ пищалей холостыми зарядами. Оглушенные и ошеломленные вскорѣ пришли въ себя и, смѣясь безвредности пущенной въ нихъ молніи, отвѣчали своими стрѣлами изъ луковъ, но затворившіеся въ крѣпости еще болѣе смѣялись безвредности ихъ оружія. Якуты подошли къ крѣпости ближе и казались болѣе смѣлыми. Тогда раздался новый огненный громъ; произведенъ былъ залпъ изъ ружей, но уже заряженныхъ пулями и картечью. Много Якутовъ поплатилось жизнью; былъ раненъ и самъ Тыгынъ; въ злобѣ и раздраженіи, въ сознаніи собственнаго безсилія, нанесъ онъ себѣ смертельную рану копьемъ, и тутъ же умеръ. Якуты, видя смерть своего грознаго повелителя, а съ нею и свою полную беззащитность, въ ужасѣ разбрѣжались. Побѣдители, то были Русскіе, потребовали отъ побѣжденныхъ платежа ясака, а для опредѣленія его размѣра растянули чрезъ озеро Сайсары свой пресловутый ремень, приказавъ увѣсить его шкурками дорогихъ пушныхъ звѣрей. Эта мѣра была установлена для взноса ясака и на будущее время.

Остатки этой крѣпости существуютъ и теперь. По уцѣлѣвшей юго-восточной стѣнѣ этой крѣпости на пространствѣ 83 саженей и отдалено стоящей еще и теперь башнѣ съ западной стороны можно предположить, что крѣпость построена была квадратомъ, при чмъ каждая сторона равнялась приблизительно ста саженямъ. По угламъ стояли трехъэтажныя башни (съ балконами), крытыя на 4 ската, и соединялись между собой двухъэтажными коридорами, перегороженными поперекъ капитальными стѣнами. Черезъ каждыя 6 саженей были другія башни, ниже угловыхъ. Стѣны коридоровъ были высотой въ $9\frac{1}{2}$ арш. и шириной въ $4\frac{1}{2}$ арш.; верхній этажъ былъ шире нижняго и выступалъ на въ семь въ сторону двора, опираясь на выпущенные балки. Ворота въ наружной стѣнѣ были шириной въ $3\frac{1}{2}$ саж. и запирались изнутри нѣсколькими толстыми засовами; маленькая дверь въ той-же стѣнѣ, вѣроятно, служила для вылазокъ. Въ сторону поля стѣны имѣютъ нѣсколько маленькихъ отверстій, повидимому, для ружейной стрѣльбы, но отверстія эти сдѣланы на столько низко отъ полу, что нужно думать, что Русскіе стрѣляли лежа. Крыша надъ коридорами была въ два ската. Оставшаяся въ цѣлости башня, повидимому, имѣла особое парадное назначеніе—или въ ней помѣщалась часовня, или главная квартира; балконъ и дверные косяки этой башни украшены рѣзьбой; общая-же работа отличается изяществомъ отдалки. Остатки этой крѣпости были-бы болѣе значительными, если-бы жители не растаскивали лѣсь на свои постройки и даже на топливо. Цѣлый домъ Якутского городского общественнаго собранія выстроено изъ матеръяла отъ разобранной для того стѣны. Выстроено это собраніе что-то давно, если вѣрить, лѣть 40 назадъ, но домъ стоитъ незыблемо, лучше домовъ позднейшей постройки изъ новаго лѣсу. Бревна этой крѣпости на столько крѣпки, что ихъ не береть хорошій топорь.

Со смертю Тыгына, этого безсмертнаго героя якутскаго эпоса, Якуты не въ силахъ уже были бороться съ своими новыми завоевателями. Родъ за родомъ, несли они свой ясакъ повелителямъ; одни съ покорностію подчинялись имъ, другіе—съ послѣдними вспышками уставшаго сопротивленія, а треты—съ угасающимъ стремленіемъ къ пастушеской независимости оставили и эти едва насиженныя мѣста и разсѣялись по незнакомой землѣ вѣрообразно на западъ—къ рѣкѣ Вилюю, на с. внизъ по течению Лены, на с.-в.—къ Верхоянскому хребту и, наконецъ, на в.—по р. Алдану. Здѣсь Якуты встрѣтили слабое населеніе, которое не въ силахъ было противостоять напору ихъ движенія и въ свою очередь должно было отступить къ болѣе непривѣтливому сѣверу. Этими отступившими племенами были Тунгусы, Юкагиры и Чуванцы. Якуты упорно отрицаютъ существованіе народа подъ названіемъ Омохъ или Омукъ. Они говорятъ, что этимъ именемъ Якуты звали и зовутъ вся-

каго не только не-Якута, но и Якута другого улуса или наслега. Во всякомъ случаѣ, были-ли Омуки особое совершенно исчезнувшее племя, или название это обозначало собирательное понятіе о Тунгусахъ, Юкагирахъ и Чуванцахъ, тѣмъ не менѣе они, уступивъ свои мѣста вновь пришедшемъ искателямъ независимости, сами направились къ сѣверу и здѣсь натолкнулись на болѣе свирѣпыхъ враговъ, чѣмъ были для нихъ Якуты—на храбрыхъ до самоотверженія Чукчей—этихъ коренныхъ съ незапамятныхъ временъ обитателей сѣверо-восточной тундры до береговъ Берингова пролива.

Якуты, пришедши къ верховьямъ р. Яны, вытѣснивъ отсюда мѣстныхъ жителей, нашли громадныя луговые пространства, которыхъ представляли широкую возможность выбора мѣсть, а потому, распредѣлившись родами, гдѣ кому показалось удобнѣе, зажили по старому, надѣясь, что Русскіе не зайдутъ сюда и не лишать ихъ вождѣнной свободы. Но стремленію казаковъ къ занятію земель подъ скипетрь Великаго Государа, казалось, не было предѣла, и казачій десятникъ Елисей Буза съ горстью отважныхъ товарищѣй спустился внизъ по Ленѣ, прошелъ морскимъ берегомъ до устья Яны и поднялся на лодкахъ къ ея верховьямъ и здѣсь неизбѣжно встрѣтился съ новопоселившимися Якутами. Потребовавши съ нихъ небольшой дани, онъ обложилъ ясакомъ иложилъ острогъ на р. Дулгалахъ, въ 100 верстахъ отъ Верхоянска. Слѣды этого острога видны и теперь. Съ приходомъ Бузы Якуты ждали своего послѣдняго часа, но ласковое его обращеніе оставило и до послѣдняго времени въ Якутахъ благодарное къ покорителю воспоминаніе. Внослѣдствіи, въ которомъ году неизвѣстно, Верхоянскій острогъ съ Дулгалаха былъ перенесенъ на другое, болѣе удобное мѣсто, на Боронукъ, на лѣвый берегъ Яны, въ шести верстахъ отъ нынѣшняго Верхоянска и подъ именемъ Верхоянского зимовья приписанъ былъ къ Зашиберскому коммиссарству. Зимовъемъ онъ былъ названъ потому, что только зимой прїѣзжали сюда коммиссарь за полученіемъ ясака и Якуты для взноса его; лѣтомъ острогъ этотъ оставался пустымъ и игралъ роль станціи по тракту изъ Якутска въ Зашиберскъ. Въ 1775 г. Верхоянскій острогъ приписанъ былъ къ Якутской провинціи. Для упроченія распространявшагося православія предполагалось построить церковь, и два богатыхъ ново-крещеныхъ Якута пожертвовали на постройку деньги; оставалось только выбрать соотвѣтствующее для того мѣсто, но жертвователи препирались относительно мѣста: одному хотѣлось имѣть церковь въ Боронукѣ, а другому ближе къ своему жительству. Послѣ многихъ лѣтъ спора, церковь была построена по выбору второго жертвователя и освящена во имя Благовѣщенія въ 1817 году. Около нея построились дома для причта; сюда-же переселились иѣсколько семей богатыхъ Якутовъ, а съ ними и два—три торговца. Жители Боронука затруднялись, вслѣдствіе неудобнаго сообщеній,ѣздить часто

въ церковь и къ купцамъ, а жившіе около церкви постоянно имѣли нужду бывать въ Боронукѣ, гдѣ оставалось мѣстное управлѣніе; вслѣдствіе этого въ 1822 г. острогъ былъ перенесенъ къ самой церкви, и мѣсто это получило название города Верхоянска, причемъ для управлѣнія округомъ его назначены были исправники. Значеніе Боронука упало сразу и, вѣроятно, безвозвратно; но едва-ли и до сихъ поръ не приходится сожалѣть о немъ, какъ о мѣстѣ болѣе высокомъ на берегу р. Яны и представляющемъ несомнѣнное преимущество передъ ямой, въ которой расположены такъ называемый городъ, то есть два—три десятка разбросанныхъ юртъ, съ озеромъ по срединѣ, заражающимъ воздухъ своимъ зловоніемъ и носящимъ мѣстное название—й къ ба я га лъ—«море мочи»!

О судьбѣ вилойскихъ и алданскихъ Якутовъ мнѣ лично не пришлось слышать мѣстныхъ преданій.

III.

Устройство жилищъ—зимнихъ и лѣтнихъ. Пища. Угощенія. Посуда. Одежда и оружіе.
Экипажи и сбруя.

Во всей Якутской области, въ мѣстахъ поселенія Якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни или хотя бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ, и нѣсколько отличаются въ этомъ отношеніи только тѣ наслеги, гдѣ построены церкви и инородческія управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ, и въ нихъ проживаютъ несущіе какую-либо службу при церкви и управѣ: трапезникъ, сторожа, писаря и пр.; но и тутъ не соблюдается порядка построекъ: всякий ставитъ свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ. Внѣшній видъ жилищъ не измѣняется ни отъ какого сосѣдства, кроме жилищъ богачей, строящихъ свои дома на манеръ русскихъ. Лѣтники и зимники ничѣмъ между собой не различаются. Зимникъ, какъ сказано, строится въ мѣстахъ луговыхъ, по преимуществу на острокахъ. Для построекъ выбирается площадь не болѣе 20-ти кв. саж., обносится городьбой съ воротами съ восточной стороны; отъ воротъ на 10 саж. внутрь двора ставится юрта, тоже съ дверью на востокъ. Средняя величина площади юрты не болѣе $3\frac{1}{2}$ кв. саж. Юрта строится слѣдующимъ образомъ: на аршинъ глубины вкапываются наклонно внутрь четыре краеугольныхъ столба, которые соединяются между собой поперечными балками; стѣны ставить стоймъ изъ такихъ-же бревенъ, прислоняя ихъ къ поперечнымъ; съ южной и сѣверной стороны ставить еще по одному столбу,

выше краеугольныхъ; на нихъ кладется средняя матица и отъ этой послѣдней къ В. и З. идетъ на два ската настланная крыша. На строевой материаля употребляется преимущественно лиственница. Въ стѣнахъ прорубаются до 8 оконъ, каждое въ 2 или 3 кв. четверти. Сверхъ настланнаго бревенчатаго потолка стелютъ сѣно, мохъ, кору и засыпаютъ землей, толщиной въ четверть; стѣны обмазываются глиной, а потомъ сырымъ коровьимъ пометомъ; снаружи вокругъ стѣнъ юрты богатые устраиваютъ завалины, набитыя землей, а бѣдные обходятся и безъ нихъ. Въ окна вставляютъ зимой льдины. Посреди юрты, болѣе къ сѣв. сторонѣ, устраивается каминъ съ прямой трубой въ крышу, устьемъ къ западу. Основаніе для камина дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ; стѣники камина дѣлаются изъ стоячихъ колевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной. Каминъ съ западной стороны непремѣнно имѣеть отъ потолка навѣсъ, что называется чарапчи; къ этому навѣсу придѣливается полка для кухонной посуды, для сушки рукавицъ, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ камиономъ, деревянная рѣшетка для просушки платья; рѣшетка эта называется далбырь; на ней оттаиваются также убитую дичь, тутъ-же хранится оружіе, кромѣ ножа и огнива, съ которыми Якуты никогда не разлучны. Вдоль южной стѣны юрты у богатыхъ дѣлается глухой оронъ (т. е. нара), раздѣляющійся на три отдѣленія: ближайшее къ двери сола и а-оронъ предназначается для посѣтителей, не пользующихся уваженіемъ, второй—орт о-оронъ для посѣтителей средняго почета и третій—у гага оронъ для гостей почетныхъ. По западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется биллирикъ: онъ служить спальней для дѣвицъ семейства. Устраивается онъ иѣсколько иначе; онъ отгораживается на глухо отъ сосѣднихъ и завѣшивается во время сна ситцевой или шелковой занавѣской; столбы этого биллирика раскрашиваются разными красками, а занавѣска расширяется бисеромъ. Надъ биллирикомъ снаружи устраивается—холлорукъ—полка съ образами, которые ставятся въ рядъ, и передъ каждымъ образомъ свѣчка, зажигаемая въ праздникъ или прїездъ почетнаго гостя. На юго-зап. колоннѣ виситъ численникъ-календарь, или, какъ они называются, табыльникъ, святца, а чаще кюни-агагарь. О различныхъ формахъ этихъ календарей мной упоминается особо. Календари эти весьма распространены, пользуются особымъ уваженіемъ и потому висятъ около иконъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь придетѣвшихъ изъ теплыхъ странъ птицъ, а также кости вновь упомышленныхъ животныхъ. Этими Якуты желаютъ выразить радостное привѣтствіе дорогимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ мѣста; мнѣ-же кажется, что это обыкновеніе свидѣтельствуетъ объ отжившемъ древ-

немъ обычай посвященія языческимъ богамъ первой упомышенной добычи. Рядомъ съ этимъ орономъ, по западной-же сторонѣ, идетъ къ с.-з. еще оронъ, называемый *кятагаринъ-оронъ*; здѣсь обыкновенно помѣщаются сами хозяева; этотъ оронъ приходится противъ устья камина. На сѣверной сторонѣ противъ унга-орона бываетъ небольшой, отгороженный досками чуланъ—*югахъ*, гдѣ хозяева въ сундукахъ или шкафахъ помѣщаютъ свое платье, лучшее свое имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны—*хангасъ-оронъ*, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ ночуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотонъ. Въ ю.-з. углу, подъ образами, ставится столъ и вокругъ него табуреты—*олохъ-масъ*. Деревянные полы встречаются только у богатыхъ; у бѣдныхъ полъ въ юртѣ изъ набитой глины. Хотонъ (*хлѣбъ*) имѣеть ту-же форму, какъ и юрта, нѣсколько удлиненнію, и также обмазывается кругомъ для теплоты. У Якутовъ небольшого достатка скотъ проходить въ хотонъ чрезъ жилую юрту; телята содержатся въ самой юртѣ, за каминомъ, въ с.-в. углу. У богатыхъ Якутовъ хотонъ строится или отдельно, или смежно съ юртой, но имѣеть особый входъ со двора; въ такомъ хотонѣ ставится каминъ и опредѣляется особый скотникъ, наблюдающій, чтобы скотъ не давилъ телять, не путался, вообще не портился. Бѣдные не имѣютъ возможности устраивать хотона отдельно, не въ силахъ заготовлять для него дровъ; живя-же въ помѣщеніи, отдѣляющемся отъ хотона только стѣной съ пролетомъ для двери, они имѣютъ выгоду пользоваться общимъ тепломъ и, засыпавъ шумъ, всегда могутъ предупредить несчастную случайность. Слабосиліе, недостатокъ физическихъ силъ въ борьбѣ съ природой, бѣдность, страшная стужа, юрта изъ плохого лѣсу, холодная зимой и сырая лѣтомъ, трудность добыванія топлива—всѣ эти причины побуждаютъ экономить тепло на сколько возможно, пользоваться имъ нераздѣльно со своимъ скотомъ, взаимно согрѣваясь общимъ дыханіемъ. Шерсть на скотѣ мокнетъ, шаршившись, а люди болѣютъ глазами, грудью, разстройствомъ пищеваренія, покрываются сыпями. Навозъ изъ хотона выбрасывается черезъ окно, отчего вокругъ жилья образуются цѣлые горы, которыхъ остаются тутъ-же; съ течениемъ времени юрта врастаетъ въ гнойную лощину, испускающую всякия зловонія.

Неподалеку отъ юрты строится *хоспохъ*—подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣв. части области вмѣсто хоспоха строится передъ входомъ въ юрту особый коридоръ съ чуланами по сторонамъ, о чемъ буду говорить подробнѣе. Къ усадьбѣ Якута принадлежитъ амбаръ, при постройкѣ котораго бревна связываются срубомъ въ замокъ, съ плоской крышей; название и способъ постройки цѣлкомъ заимствованы отъ Русскихъ; сюда складываются запасы одежды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Для лошадей строится

особый навѣсь—хасса. Слово хасса обыкновенно читается *haha*, т. е. по правилу языка два *c* читаются, какъ *h*. Хозяйственные постройки бѣднаго Якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ, въ которомъ стоять корова и бычекъ, и только съ приобрѣтенiemъ достатка расширяется домохозяйство: появляется на дворѣ лошадь подъ навѣсомъ, подполье, амбарчикъ и пр.

Якутскій инородецъ, какъ скоро приобрѣтаетъ достатокъ, беретъ себѣ къ домъ работника и работницу, которые подъ присмотромъ хозяевъ исполняютъ домашнюю работу; хозяинъ наблюдаетъ только за исполненiemъ своихъ приказаний по хозяйству, самъ же, насколько позволяютъ средства и время, пускается въ торговлю или поставки—излюбленное занятіе и мечта каждого изъ нихъ. Якутскій годъ распадается на двѣ половины—лѣтнюю и зимнюю, и наемъ рабочихъ бываетъ на тотъ-же срокъ. Лѣтній періодъ распадается на два: на уборку сѣна и хлѣба; работы этого періода, какъ болѣе трудныя, оплачиваются дороже; зимнія работы ограничиваются уходомъ за скотомъ, рубкою дровъ и возкою сѣна и обѣзводами табуновъ. Смотря по зажиточности хозяина, работники или живутъ въ одной съ нимъ юртѣ, имѣя свой отдѣльный уголь—юго-восточный, гдѣ лежитъ какая-нибудь шкура для постели, или живутъ отдѣльно, въ особо отведенной юртѣ; впрочемъ, обѣ отношеніяхъ зажиточныхъ къ бѣднымъ, хозяинъ къ работникамъ я буду говорить подробно въ особой главѣ.

Весной Якуты перебираются съ острововъ на болѣе высокія мыса. Лѣтнія юрты хотя и меньше зимнихъ, но воздухъ въ нихъ чище; хотоны—типикъ строятся по возможности отдѣльно; жилия помѣщенія обмазываются глиной безъ примѣси навоза; ледяные окна замѣняются рамой съ кусочками стекла или слюды, натянутой сухой брюшиной, кожей нельмы, или промасленной бумагой. Богатые, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты, на востокѣ, ставятъ урасу: конусообразное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердей заплется для крѣпости внизу въ три ряда сырьемъ тальникомъ, что наз. курду, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, которую въ два ряда обкладывается нижняя часть урасы. Весь остовъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣльныхъ кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березовымъ варомъ; эти отдѣльные куски бываютъ 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширинѣ, расшиваются разными узорами, украшеніями и прошивами изъ окрашенного конского волоса. Внутри урасы, какъ и въ юртѣ, идутъ вокругъ ороны съ подраздѣленіями для гостей и хозяевъ. По правой сторонѣ отъ входа тянутся полки съ лѣтней посудой: чороны, матарчахъ, симиры, ызгасъ; общее название этой лѣтней посуды будетъ сыгы-исита, такъ сказать лѣтний сервисъ. Вместо камина ставится только очагъ, т. е. четырехугольный ящикъ, набитый глиной. Помѣщеніе, куда загоняется конный скотъ для удоя, называется титикъ, о которомъ я упомянулъ выше. Жеребятамъ,

какъ и телятамъ, чтобъ не сосали своихъ матокъ, постоянно подвязываются къ мордѣ двѣ дощечки, по бокамъ морды, съ зубчатыми концами—юре; траву щипать это юре не мѣшаетъ. Городьба вокругъ юрты и для скота бываетъ троека: 1) сюллюгэсъ-кюре или ють-кюре—когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстіями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) тогосо-кюре, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю колыя парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди, и 3) батулукюре—изъ кольевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины.

Среди Якутовъ есть особый классъ неимущихъ людей; имя имъ въ якутскомъ округѣ—балыксы, а въ верхоянскомъ—итимджи. Слово балыксы происходитъ отъ слова балыкъ—рыба. Люди эти пытаются исключительно мелкой рыбой, которую ловятъ въ озерахъ, построивъ на берегу жалкую лачужку; у него нѣть никакого хозяйства; ему ничего не надо для приправы этой рыбы; зола, въ которой онъ хранить рыбу, замѣняетъ ему соль; брусника дополняетъ необходимую для организма кислоту. Зимой, за толщиной льда и морозами, уловъ прекращается, и балыксы садится за плетеніе сѣтей и мордѣ изъ тальника и есть заготовленный запасъ гнилой, протухшой рыбы, варя ее въ водѣ вмѣстѣ съ брусникой, и такъ живеть до половины марта. Затѣмъ дни становятся теплѣе, телячья одежда можетъ бороться съ холодомъ довольно продолжительное время; тогда онъ береть пешню, долбить ею толстый ледъ, спускаеть подъ него свою небольшую сѣтку—куюръ, держить ее нѣсколько минутъ и вылавливаетъ свѣжую мундышку; день такой ловли, и набирается на дневное пропитаніе семьи. Воздухъ становится теплѣе, и безъ особенного риска бѣжитъ балыксы въ лѣсъ съ салазками за топливомъ. Нѣть теперь ему необходимости есть въ проголодь гнилую рыбу; скоро прилетять утки, рыба начнетъ метать икру, и уловъ будетъ обильнѣй; утки стануть нести яйца—лакомое кушанье. Промыселъ на утокъ поправить силы бѣдника и дасть возможность вымѣнять топоръ и пешню. Розовые мечты, за предѣлы которыхъ не парить фантазія балыксы—завести себѣ корову, чтобы было дѣтамъ молоко, да за одно, чтобъ можно было привезти на неї изъ лѣсу топливо. Вся утварь юрты балыксы заключается изъ двухъ, трехъ горшковъ, большой самодѣльной изъ дерева чашки, ковша—хомыахъ и рыболовныхъ снарядовъ. Вдѣять они, садясь вокругъ чашки, черпая изъ нея по очереди. Плодовитостю такія семьи отличаются необыкновенно; въ трехъ, четырехъ юртахъ приходилось насчитывать по 4, 5 и даже 7 дѣтей въ каждой. Балыксы замѣтно отличается отъ прочихъ Якутовъ отекшимъ лицомъ и опухлостію тѣла, скромностію, граничащей съ угнетенностью, но отуплѣнія, кретинизма не замѣтно.

Зажиточный Якутъ обзаводится фаянсовой чайной посудой, а богатый не-

премѣнно и серебряными вещами, въ особенности вызолоченными бокалами и подстаканниками, подаваемыми въ торжественные случаи. Русская печь встрѣчается рѣдко и только южнѣе Якутска; инородцы не могутъ привыкнуть къ ней: имъ нуженъ каминъ съ его постоянной тягой для обмѣна воздуха, — иначе имъ душно и у нихъ болитъ голова. Только въ домахъ и избахъ русскихъ устроены печи. Чистота соблюдается не во всемъ и не у всѣхъ; посуда никогда не моется; зажиточные могутъ приказать вытереть или вылизать ее; инородцы также не моютъ своего тѣла, исключая руки и лица, рубахи не мѣняютъ, пока она не свалится съ плечъ отъ ветхости, и тогда надѣвается другая изъ синей дабы или темной сардинки. Исключение, какъ и во всемъ, для богатыхъ, которые все-таки мытъся не любить, и баня у Якутовъ не известна.

Потребности обездоленныхъ скучной природой Якутовъ ограничены до послѣдней возможности; болтушка изъ сосновой заболони иногда единственная пища бѣдняка. Конечно, богатые ёдятъ вареное конское и коровье мясо (безъ соли), рыбу, пить чай «съ кускомъ», т. е. съ ячменной лепешкой, затертой на водѣ, молокѣ и поджаренной на рожнѣ, пить водку (никогда регулярно, напр. передъ обѣдомъ и ужиномъ), курять сколько хотятъ и пр., а бѣдные подбираютъ кости, обгладанныя собаками, и заглушаютъ голодъ, затягиваясь до головокруженія стружками, сдобренными никотиномъ изъ трубки. Желудокъ Якута волчий: онъ можетъ не есть нѣсколько дней, а при избыткѣ пищи съѣдаетъ немовѣрное количество. Я видѣлъ въ Верхоянскѣ Якута, съѣдавшаго заразъ до 20 ф. мяса; имѣя громадную семью, при всемъ стараніи заработать какъ можно болѣе, онъ всегда былъ подъ гнетомъ мучительного голода. Сосновую заболонь—бесь и зерновой хлѣбъ толкнуть въ муку въ ступѣ—кели, сдѣланной изъ свѣжаго коровьяго помета, облитаго на морозѣ водой, отчего материалъ ступы принимаетъ видъ полированнаго камня. При толченіи, стѣнки обиваются, материалъ ступки примышливается къ муку, окрашивая ее своимъ коричневымъ цвѣтомъ, чтѣ, однако, не смущаетъ голодный желудокъ: онъ варитъ все, что попадаетъ въ него. Я упомянулъ выше, что у инородцевъ не принято мыть посуду. Мыть посуду грѣшно: ырасъ иситьахъ ыэль джоллохъ болбать день сасиргильляря эселярбить, т. е. кто имѣеть чистую посуду, тотъ счастливъ не бываетъ; худо бываетъ, когда смоешь свое счастье, говорили дѣды въ старину, и за ними повторяютъ и внуки въ наше время.

Во всей жизненной обстановкѣ Якута замѣчается однообразіе; не служить исключеніемъ изъ него и пища; кромѣ того, что она готовится безъ всякихъ приправъ, одна и та-же пища повторяется изо дня въ день всю жизнь: что ёдятъ въ праздникъ, то-же самое и въ будни. Вообще пища малопита-

тельна и безвкусна, за исключениемъ конского, коровьяго, оленяго мяса и дичи. Пища состоятельный болѣе разнообразна. Только въ дни необычайной крайности инородецъ не пьетъ чаю. Употребляется чай обыкновенно кирпичный, не менѣе трехъ разъ въ день; пьютъ его съ молокомъ, если оно есть, а съ сахаромъ только богатые и въ торжественныхъ случаяхъ. Общее употреблениe чаю объясняется легкостю его приготовленія и доступностю въ цѣнѣ; для бѣдняковъ, при отсутствіи горячей пищи, при жестокихъ морозахъ, чай—сущее благодѣяніе. Бѣдняки, т. е. большинство, пьютъ чай только по названію. Кирпичный чай наркотическихъ свойствъ имѣть очень мало, и завариваются его въ такомъ незначительномъ количествѣ, что на долю одного человѣка приходится не болѣе 2-хъ кирпичей въ годъ, каждый кирпичъ вѣсомъ до $2\frac{1}{2}$ ф. Варять чай, кто въ мѣдномъ чайникѣ, а кто и въ горшкѣ; получается невкусная жидкость, которую пьютъ въ огромномъ количествѣ, отчего животъ переполняется и получается нѣкоторое опущеніе сытости. Необходимый для Русскаго хлѣба замѣняется у Якутовъ таромъ. Заготовленіе и цѣна тара обусловливается существованіемъ Якута. Тарь приготавляется изъ снятаго варенаго молока, обратившагося въ простоквашу, которое сливаютъ въ ушаты, вмѣщающіе до 20 пудовъ. Ушаты помѣщаются въ подполыахъ, а чаше въ амбарамъ. Здѣсь молоко киснетъ въ теченіе всего лѣта и пріобрѣтаетъ остроту. Всакій Якутъ, имѣющій одну или двѣ коровы, старается скопить какъ можно больше тара; нескончившій остается на зиму безъ пищи. Одна корова даетъ до 12 пудовъ тара въ лѣто, чтѣ оцѣниваютъ въ 7 рублей. Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкий тарь изъ ушатовъ. Когда тарь станетъ замерзать, то въ него нѣсколько наклонно опускаютъ большую палку, посредствомъ которой потомъ выворачиваютъ его изъ посудины, когда онъ совершенно замерзнетъ; въ такихъ кускахъ замороженный тарь и хранится, а когда нужно, отбиваются отъ него необходимую часть. Бѣдняки бросаютъ въ тарь кости лошадиныхъ, коровьи, рыбьи, обѣдки, дикий щавель, рубленую и вареную сосновую заболонь. Пролежавшія въ кислотѣ кости превращаются въ мягкий храпъ. Бывали случаи, что Якуты бросали въ этотъ тарь и желтые листья капусты, выброшенные Русскими за ненадобностю, но Якуты не одобрили, когда одна усердная хозяйка бросила туда и картофельную ботву. Вообще Якуты не признаютъ за сѣдомое картофель и другія овощи русской кухни. Лучшимъ таромъ считается совершенно бѣлый, безъ всякихъ цимѣсей. Изъ этого тара приготавляется каша; на одного человѣка берутъ фунтъ или два тара, бѣдные разбавляютъ его тремя или четырьмя фунтами воды (или воды

съ молокомъ), а богатые неснятый молокомъ съ прибавкою сливокъ; подмѣниваются отъ $\frac{1}{4}$ до 1 фунта ячменной муки; все это взбалтывается въ горшкѣ, варится, и получается кушанье—каша. Если въ тарѣ вмѣсто хлѣбной муки подмѣнить вареной сосновой заболони, нарубленной въ лашшу, тогда получится такъ наз. юэра. Подмѣняется также въ тарѣ мелко истолченный, высушенный корень болотнаго растенія уньюла; корень этого растенія собираютъ въ маѣ и іюнѣ со дна озеръ. Столовая ложка этого корня на 5 ф. разбавленного тара ступаетъ эту жидкость на столько, что образуетъ кисель съ сладковатымъ крахмалистымъ вкусомъ; корень этотъ, положенный въ большемъ количествѣ, возбуждаетъ рвоту. Ясно, что сдабриваніе разбавленного водой тара этимъ корнемъ производится съ цѣлью обмануть желудокъ, требующій густой питательной пищи. Однимъ изъ любимыхъ якутскихъ кушаний почитается саламатъ, т. е. каша изъ муки, заваренной густо на молокѣ или водѣ; мука размѣняется и сваренное обливается тощеннымъ масломъ. Лучшій саламатъ, подаваемый на свадьбахъ и трудно больнымъ, приготовляется на сковородѣ; наливаютъ сливокъ, подмѣняютъ муки и, постоянно размѣнявая, поджариваются на небольшомъ огнѣ. Конское мясо слишкомъ дорого для бѣдняка, и составляетъ рѣдкое лакомство. Вообще Якуты ёдятъ мясо вареное и никогда жареное; наваръ отъ мяса ёдятъ неохотно. Плавающій въ наварѣ жиръ снимаются и въ него макаютъ куски мяса, которое ёдятъ руками. Остальной наваръ отдаются работникамъ. Бѣднякамъ рѣдко достается ёсть мясо и чаше лѣтомъ, когда больше возможности упомыслить дичь. Хотя мясо разрѣзается на столѣ, но Якуть, взявъ отдельный кусокъ въ ротъ, отрѣзаетъ отъ него ножемъ у самыхъ губъ и всегда такъ ловко, что никогда не обрѣжется своимъ острымъ ножемъ. Возвращусь еще къ кашамъ. Если въ разбавленный тарѣ кладется заболонь въ порошкѣ, то получается бутугасъ. Также къ вареному коровьему молоку подбавляютъ тарѣ или хлѣбную корку и оставляютъ киснуть; комки разбиваются особымъ снарядомъ—мутовкой; къ такому кушанью добавляютъ сливокъ, и получается якутское гастрономическое угощеніе—сора. Ёдять очень охотно мерзлую рыбу, обыкновенно большую, преимущественно стерлядь, чирь, снявъ кожу съ которой строгаютъ и получается струганина; изъ морской рыбы, еще не проголодавшейся въ рѣкѣ, струганина очень вкусная и приятно освѣжающая пища. Замороженная печень налима и мороженные мозги изъ костей млекопитающихъ, въ особенности оленя, составляются лакомое кушанье. Коровье мясо дороже конского и потому употребляется только зажиточными. Кровь, смѣшанная съ молокомъ, налитая въ кипки, даетъ колбасу—хантъ, любимую Якутами. Всѣ части рогатой скотины, конины и рыбы подаются съ удовольствиемъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ; кости, мозги костей, копыта обгладываются съ наслажденіемъ, но никогда даже вѣчно

голодный бѣднякъ не рѣшится съѣсть головной мозгъ животнаго—с оратъ-
мая и. Въ посты религіозные Якуты изъ зажиточныхъ ёдять обыкновенно рыбу,
преимущественно карасей, привозимыхъ изъ вилуйскаго округа, линей—мун-
душку. Припомнить о балыкахъ, которые въ тоеніе всего теплого времени
занимаются ловлей этой рыбы и складываютъ ее въ ушаты, а чаще прямо въ
ямы, гдѣ, слежавшись, она заквашивается и до того пріобрѣтастъ противный
гнилостный запахъ разложенія, что за нѣсколько верстъ можно опредѣлить
его; такимъ образомъ заквашенная рыба называется сымъ и въ нѣкоторыхъ
мѣстностяхъ колымскаго округа совершенно замѣняетъ тарь. Сымъ раздѣляется
на три сорта; изъ нихъ лыма считается лучшимъ. Варять эту рыбу, какъ
тарь, разбавляя водой съ примѣсью заболони и ягодъ. Запахъ этого кушанья
невыносимъ для непривычного обонянія, буквально, на нѣсколько верстъ. Пи-
танье сымой, а также прокисшей и сырой рыбой развиваетъ хроническое раз-
стройство желудка и почти поголовное страданіе солитеромъ, доводящимъ не-
счастныхъ до бѣшенства. Мне приходилось слышать объясненіе громаднаго
процента сумасшествія жителей Якутской области страданіемъ отъ солитера.
При нѣкоторой настойчивости со стороны мѣстной администраціи можно было-
бы вывести вредный способъ гноенія рыбы въ ямахъ, введя конченіе и пра-
вильный засоль, что потребуетъ отъ казны отпуска соли въ большемъ коли-
чествѣ и продажи ея по удешевленной цѣнѣ. Кемпендейскіе влючи и залежи
соли близъ Вилуйска даютъ въ изобиліи прекрасную каменную соль. Конченіе
вводилось въ колымскомъ округѣ бывшимъ исправникомъ Коcharовскимъ. Слѣ-
дуєтъ добавить, что ямы съ гноящейся рыбой едва прикрываются, какъ отъ
атмосферныхъ вліяній, такъ и отъ посѣщенія собакъ, не стѣсняющихся оста-
влять слѣды своихъ посѣщеній. Замороженные корни черноголовника (ымыа—
sanguisorba alpina, Bunge) употребляются въ пищу подъ названіемъ быта.
Эти корни берутъ изъ норъ полевыхъ мышей, которая запасаютъ ихъ на зиму;
въ одной норѣ находить ихъ до 7 фунтовъ; ёдять сваренными въ молокѣ.
Замороженные ягоды толокнянки (*agvutus uva ursi*) ёдять со сливками.
Кумысъ, кобылье молоко, заквашенное особымъ способомъ, нѣсколько пряное,
но не опьяняющее, любимое питье, доступное только богачамъ. Бѣдняки раз-
бавляютъ тарь водою и получается уиданъ—напитокъ кисленкій, но не имѣю-
щий ни пріности, ни крѣпости, свойственной кумысу. Санга¹) приготавляется
изъ варенаго молока, разбавленаго ледовой водой; употребляется исключительно
для утоленія жажды. Большинство Якутовъ не єсть свинины и куръ по
той простой причинѣ, что они, копаясь въ навозѣ, становятся сами отъ того
нечистыми. За грѣхъ считаются єсть аистовъ, зайцевъ и всякую болот-

¹⁾ Нг произносится вѣстѣ, въ ность.

ную птицу. Мясо лебедя также есть нельзя; по поверью, лебедь былъ когда-то дѣвицей, которую злой духъ превратилъ въ птицу; доказательствомъ такого превращенія служить то, что лебедь имѣть очищенія, оставляя въ началѣ каждого луннаго мѣсяца слѣды ихъ въ своемъ гнѣздѣ. Хлѣбъ Якуты очень любятъ, но по дороговизнѣ муки, въ особенности въ сѣверныхъ округахъ, пріобрѣтеніе ея является просто невозможнымъ; напр., въ колымскомъ округѣ пудъ казенной ржаной муки съ провозомъ обходится до 9 р. 50 к. Ближайшіе къ Якутску инородцы покупаютъ печенный хлѣбъ на базарѣ; сами же пекутъ лепешки, замѣшивая муку въ масло и сметанѣ, безъ соли, что называется оладьи, кулумки. Изъ овощей ёдятъ картофель, капусту, морковь, рѣпку, рѣдьку, горохъ и свеклу, но не у себя дома, а у Русскихъ; сами же овощей не разводятъ и не покупаютъ. Дикий лукъ—черемша употребляется въ заквашенномъ видѣ, въ очень большомъ количествѣ и называется кисломъ—хорошее предупреждающее средство противъ цынги. Бруснику Якуты ёдятъ во множествѣ сырью, вареную съ таромъ, съ молокомъ и со сливками, какъ особенное лакомство. Грибовъ Якуты не ёдятъ вовсе. Землянику и толокнянку (костянку) ёдятъ съ молокомъ и со сливками, какъ лакомство. О пищѣ, употребляемой инородцами, мнѣ еще придется говорить нѣсколько разъ, передавая свои впечатлѣнія при разѣздахъ по области.

Какъ угощеніе, якутскіе инородцы подаютъ тѣ-же кушанья, какія можетъ приготовить хозяинъ по своему достатку. Кромѣ перечисленныхъ выше язову еще хаяхъ: на пудъ молока, разбавленного таромъ, вливается 5—10 ф. сливочного масла; все это тщательно размѣшивается и замораживается. Если-же въ молоко не добавлять тара, а масла положить меньше и не замораживать, то получится кушанье, называемое кеберъ. Лѣтомъ первымъ угощеніемъ считается кеерчахъ, приготовляемый изъ взбитыхъ сливокъ съ добавленіемъ мороженой брусники или толокнянки; сбиваются сливки особымъ снарядомъ, отъ которого получило свое название и самое кушанье. Самымъ почетнымъ угощеніемъ считаются оладьи, обильно политыя масломъ, топленое масло, кумысъ съ плавающими кусочками топленого масла, а самымъ высшимъ угощеніемъ — водка, безъ всякой закуски.

Необходимая посуда для каждой якутской семьи средней зажиточности слѣдующая: деревянная чашка — кытыя; тарелка деревянная, мѣдная луженая, оловянная или желѣзная, какъ блюдо; большая деревянная чашка — кытахъ; большой деревянный кубокъ на ножкахъ — чороинъ, солляхъ-ахъ, такой-же кубокъ безъ ножекъ — матарчахъ (чороны вырѣзаются изъ цѣлаго куска дерева до $1\frac{1}{2}$ арш. высоты; ножки вырѣзаются въ видѣ конскихъ копытъ; на такихъ-же ножкахъ ставятся столы и табуреты); берестяные ведра — сылгы-чабычага и кожаныя — ширисить, различной во-

личины, для кумыса; мѣхъ кожаный для приготовленія кумыса — симиры; ложка изъ березового или лиственичного дерева — хамыяхъ; плоскій ковшъ — холбуяръ — для сниманія сливокъ; горшки глиняные разной величины — кесь; деревянный ковшъ — хомось, котлы — солуръ, чайники мѣдные, желѣзные и глиняные. У болѣе зажиточныхъ встречаются чайные чашки, тарелки, ножи и вилки, самоваръ и др. посуда, употребляемая ими только при русскомъ гостѣ, или когда желаютъ щегольнуть своимъ умѣньемъ жить на русской манерѣ. Простая деревянная посуда вырѣзается Якутами дома; также есть мастера ковать желѣзную и мѣдную посуду; остальное все привозится въ область изъ европейской Россіи и продается по чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Одежда Якутовъ-мужчинъ мало разнится отъ одежды Якутокъ, причемъ взрослые Якуты носятъ одежду того-же покрова, что дѣти и старики, а одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ дѣвичьей и той, которую носятъ старухи.

Лѣтняя одежда отличается отъ зимней только тѣмъ, что нѣкоторые предметы шьются безъ мѣха, тогда какъ другія части ни въ какое время года не мѣняются, а потому при описаніи мужской и женской одежды будеть указано, что мѣняется по времени года и что вовсе не мѣняется.

Мужская одежда.

Мужчины носятъ зимой и лѣтомъ этарабасъ (чь Якутскѣ называютъ торбаза), обувь до колѣна, у бѣдныхъ изъ выдѣланной сыромятной коровьей кожи, у богатыхъ изъ оленьей или лосиной съ отворотами изъ плиса или сукна; у щиковотки торбаза стягиваются ремнемъ на пряжѣ, всегда пришитой сзади, выше пятки. Лѣтомъ та-же обувь носится изъ выдѣланной, черненой, непромокаемой конской кожи, причемъ изъ цѣлой большой кожи вырѣзается отъ паховъ задней части полоска шириной не болѣе аршина, а длиной не болѣе 2-хъ аршинъ, изъ которой выходить одна шара обуви — сары. Сырая кожа по снятіи съ животнаго раздѣляется на двѣ: одна изъ нихъ съ шерстью идетъ на постидки — теллякъ, а нижняя часть, прилагающая къ мясу, идетъ на эти сары. Консія сары, хорошо сшитыя, не пропускаютъ сырости, и лучшими считаются верхоянской выдѣлки. Бѣдняки, не имѣя возможности приобрѣсти сары, круглый годъ ходятъ въ коровьихъ торбазахъ, по большей части даже недымленныхъ. Если торбаза доходить выше колѣна, то называются кюрьма. У такихъ кюрьма съ наружныхъ сторонъ придѣлываются ремни къ поясу, чтобы не опускались.

Кятенчи, теплые чулки изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь; они надѣваются сверхъ суконныхъ или шерстяныхъ чулокъ; сверхъ кятенчи нѣкото-

рые обертывают ноги еще заячьей шкуркой следующей формы: берется въ аршинъ длиной и четверть ширины заячий мѣхъ и складывается такъ, чтобы одинъ конецъ четверти на $1\frac{1}{2}$ быть длиннѣе, сшивается только носокъ, куда вкладывается нога до подъема; длинный конецъ закрывает подошву, пятку и выше — такая обувь называется куллукъ.

Баркы — нижніе штаны, широкіе, завязываются ремешкомъ на правомъ боку; шьются изъ синей дабы или другой плотной бумажной матеріи. Болѣе бѣдные, но имѣя баркы, ходятъ круглый годъ въ штанахъ изъ телячей кожи. Настоящіе якутскіе штаны состоять изъ двухъ частей: нижніе — сутуро доходятъ до щиколотокъ, гдѣ завязываются плотно около ноги, сверхъ нихъ надѣваются другіе, идущіе отъ пояса до колѣнъ, это — селья; они шьются съ поясомъ и застегиваются пуговицей спереди¹⁾. Сутуро и селья шьются изъ оленевой или лосиной кожи, очень узко, почти въ обтяжку. Эта часть костюма общая у всѣхъ Якутовъ безъ различія пола и возраста; носятся въ торбаза.

Урбахы (рубаха) шьются изъ дабы, ситца, сарпинки. Даба употребляется синяя, ситецъ — полосатый яркихъ цветовъ, а сарпинка томная въ клѣткахъ. Фасонъ сорочки: воротникъ отложной и у запястья обшигать съ оборотами обтягивается руку на пуговицахъ; воротъ по преимуществу завязывается пестрыми тесемками; наплечья дѣлаются изъ другой матеріи и пришиваются другими нитками. Бѣдняки вовсе не имѣютъ рубахъ, нося круглый годъ куртку изъ телячей шкуры, пока не износится. Урбахы усвоено Якутами въ послѣднее время отъ Русскихъ.

Халтысъ (русскій галстухъ) носятъ только богатые. Онъ сворачивается изъ пестраго ситцеваго или шелковаго платка.

Шелочикъ (жилетъ) шьется изъ сукна, плиса и цветной шелковой матеріи, двубортный, короткій, съ отложнымъ воротникомъ; пуговицы предпочтитаются металлическія, въ особенности офицерскія — съ царской птицей. Спинка дѣлается изъ красного ситца или же изъ зеленої, голубой или пунцовой китайской матеріи.

Купайки (фуфайка), кафтанъ изъ сукна до колѣнъ; идетъ на него 3 аршина; дѣлается онъ также изъ плиса или бумажной матеріи; зимой — на мѣху, чаще заячьемъ; называется также хомуссоль — камзолъ; лѣтомъ — на легкой подкладкѣ, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, однобортный; пуговицы на правомъ боку и металлическія; по бокамъ косые разрѣзы кармановъ; рукава на плечахъ съ высокими и широкими сборками, у кистей рукъ узки; составляеть обыкновенный домашній костюмъ.

¹⁾ Миддендорфъ указываетъ, что дѣлкіе штановъ на двѣ части практикуется и теперь у сѣверо-американцевъ, подъ мѣткимъ названиемъ leggin, и въ центральныхъ горахъ Европы — Венѣбос и Гассѣбос.

Баччи — набрюшникъ, носится зимой и представляетъ собой поясъ шириной спереди до 5 вершковъ, дѣлается изъ какой-либо бумажной матеріи на заячьемъ мѣху; концы сходятся спереди на ремняхъ съ пряжками.

Сонъ — шуба на лисьемъ, пещевомъ, бѣличьемъ, а чаще на заячьемъ мѣху, ниже колѣнь, покрывается сукномъ (4 арш.),шелковой матеріей, а чаще атласомъ; однобортная съ металлическими пуговицами, преимущественно серебряными съ узорами; съ косыми карманами, бобровымъ или лисьимъ воротникомъ; вообще покрой тотъ-же, что и кушаки, только длиннѣе и шире, походитъ на длинный сюртукъ, у которого сзади три широкія складки и разрѣзъ, такъ что фалды при ходѣ расходятся — очевидно приспособленъ для верховойѣзды. Рукава у плечь буфами, а у кистей рукъ узки и безъ обшлаговъ. Лѣтніе и зимніе соны разнятся между собой подкладкой: у первыхъ — легкая цветная, у вторыхъ — мѣховая. Якуты средней зажиточности замѣняютъ бобровую отдѣлку тарбаганымъ мѣхомъ.

Супунъ (зипунъ) — верхняя одежда, длиннѣе купайки и короче сона; шьется изъ толстаго сукна бѣлаго или желтаго; носится инородцами средняго достатка, какъ верхняя одежда вмѣсто сона, а богатыми поверхъ сона.

Сыгнъяхъ — такая-же шуба, какъ и сонъ или супунъ, только безъ складокъ сзади; шьется на мѣху изъ рысихъ, волчихъ или оленыхъ шкуръ, шерстью наружу. Рысій мѣхъ цѣнится Якутами очень дорого, а потому носится только щеголями изъ богатыхъ.

Кемусь-куръ — поясъ, большою частію кожаный, иногда обтянутъ чернымъ плисомъ и унизанъ бляхами разныхъ рисунковъ. Для выдѣлки бляхъ скучаются старыя серебряные монеты, добавляя къ серебру свинецъ или мѣдь. Поясъ бываетъ шириной $2\frac{1}{2}$ верш. и вѣсомъ до $2\frac{1}{2}$ фунтовъ. Есть старинные пояса очень изящной работы, цѣною до ста рублей, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и составляютъ фамильную рѣдкость. Нѣкоторые носятъ пояса, приготовляемые въ Иркутскѣ изъ пекинскаго шелку; они бываютъ шириной до 16 вершковъ и длиной до $5\frac{1}{2}$ аршинъ. Цѣна такимъ поясамъ отъ 30—35 рублей.

Мойтурукъ (боа) носится кругомъ шеи и, когда намерзнетъ отъ дыханія около рта, то передвигается, для чего и шьется круглымъ, безъ концовъ. Приготавливается обыкновенно изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Биристянки — перчатки на мѣху до пальцевъ, стягиваются у запястья шнуркомъ, надѣваются въ дорогу подъ перчатки, или носятся при работахъ, когда пальцы должны быть свободны, напр. женщинами при домашней работѣ.

Ютюлюкъ — рукавицы на мѣху изъ пещевыхъ, лисиныхъ и заячихъ шкурокъ. Наружная часть тоже мѣховая и только внутреннія части ладоней

дѣлаются изъ ровдуги, плису или сукна. Чтобы не снимать рукавицы при работе, не потерять ея и не зазнобить руку у пульса, рукавица снимается только на половину, для чего съ внутренней стороны дѣлается разрѣзъ, въ который и просовыивается рука, а рукавица остается висѣть на руцѣ. Нарядныя рукавицы расшиваются снаружи шелками, шьются изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ, опушаются морскимъ бобромъ и стоять иногда выше 30 рублей. Лѣтомъ употребляются рукавицы и перчатки изъ бѣлой и дымленой ровдуги, расшитыя шелками. Бѣдняки круглый годъ носятъ рукавицы изъ телячей кожи.

Сынгахъ-плата — платокъ, которымъ подвязываются уши,— ситцевый или шелковый, по степени зажиточности.

Набушка (наушники) — два лоскута, соединенные на головѣ тесьмой, подвязываются у подбородка; дѣлаются на мѣху, а старинные расшивались золотомъ и опушались, напримѣръ въ колымскомъ округѣ, морскимъ котикомъ.

Чомпой или **хорохъ** — высокая шапка, похожая на чепецъ съ высокой макушкой, съ наушниками. У богатыхъ верхъ чомпоя шьется изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ и опушается бобромъ, завязывается у подбородка шелковыми лентами. Подкладка дѣлается большей частью изъ бѣличьяго мѣха. Такія шапки стоять до 80 рублей. Бѣдняки носятъ такія же шапки, но изъ какой-либо бумажной матеріи и на заячьемъ мѣху или же изъ мятої конской кожи.

Хортусъ (картузъ) — заимствованъ у казаковъ николаевскихъ времень; это — суконная фуражка съ кожанымъ козырькомъ и даже проволочнымъ кружкомъ, чтобы дно сохраняло свою форму и не сгибалось. Къ околышу сзади всегда пришивается петля-вѣшалка, называемая ыиръ-тимахъ.

Кромъ одежды есть вещи, съ которыми Якуты никогда не разстается, а именно:

Хамса, маленькая желѣзная или мѣдная трубка съ деревяннымъ, изъ двухъ продольныхъ половинокъ, чубукомъ, перевязаннымъ тонкимъ ремешкомъ.

Сапъя — кисеть съ табакомъ, изъ кожи или цвѣтной матеріи, расшиваются шелками, бисерами, носится на шнуркѣ за поясомъ.

Халабысъ — кошелекъ для денегъ; у бѣдныхъ дѣлается изъ монетокъ пороза (тасахъ).

Хатарь — огниво, похожее на бурятское, обдѣлывается въ кожу такъ, что при немъ есть карманчикъ, куда кладется кремень и трутъ. Дорогое огниво украшается мѣдными или серебряными бляхами. Трутъ приготовляютъ Якуты изъ листьевъ травы кыѣ, похожей на лебеду; траву эту сушатъ и минутъ, и кыѣ одинаково хорошо тлѣтъ, какъ и наросты березы.

Кынахъ-бысахъ — ножъ съ ножнами. Ножикъ съ рукояткой; правая сторона лезвія заточена подъ острымъ угломъ, а лѣвая — подъ прямымъ,

на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Деревянныя ножы обтягиваются кожей, чаще съ коровьяго хвоста, украшаются и скрѣпляются мѣдными связками и снабжены кольцемъ, чтобы привѣшивать къ поясу; но обыкновенно ножикъ неизмѣнно носится за голенищемъ торбаза (см. Миддендорфъ: Коренные жители Сибири Якуты, стран. 778).

Юнгю — желѣзное копье на древкѣ аршина 2 съ небольшимъ; имъ колютъ оленей при переправѣ черезъ рѣку осенью.

Батасъ — огромный желѣзный ножъ, насаженный на толстое дерево; употребляется при охотѣ на медведя. Тотъ-же ножъ меньшаго размѣра называется батыя.

Винтепияса — винтовка съ кремневымъ замкомъ; пули употребляются величиной въ крупную горошину. Самое употребительное оружіе Якута; съ нимъ онъ ходить и на птицу, и на звѣря.

Дюлюкъ-масъ — дубина, аршина въ полтора, съ большимъ набалдашникомъ, въ родѣ кистеня; этой дубиной охотники добиваютъ звѣря и рыбу. Въ юртѣ она виситъ около камина на вѣшалкѣ — одарахъ.

Я не помню, видѣлъ-ли я инородца безъ кольца или перстня на рукѣ. Перстень непремѣнно именной, но въ большинствѣ случаевъ буквы вырѣзаны прямо, такъ что при отпечатаніи даютъ обратныя изображенія. Совершенно неграмотный Якутъ умѣеть иногда подписывать свою фамилію или прикладываетъ свою печать или перстень, покоптивъ его берестой, которую носить въ карманѣ. Золото Якуты цѣнятъ мало: въ ихъ глазахъ оно похоже на мѣдь и томпакъ; но серебро они любятъ, и всѣ ихъ металлическія драгоцѣнности дѣлаются ими изъ серебра, къ которому добавляютъ мѣдь или свинецъ.

Якуты средняго достатка замѣняютъ тонкое сукно на своеимъ платьѣ толстымъ, желтымъ или бѣлымъ, но никогда сѣрымъ, напоминающимъ имъ ненавистнаго поселенца.

Женская одежда:

Урбахы — такая же, какъ у мужчинъ, только длиннѣе.

Селья — штаны изъ ровдуги, дабы или другой матеріи, зимой на заячьемъ мѣху; собираются у пояса на шнурокъ и завязываются на правомъ боку; достигаютъ половины верхней части ноги; спереди къ нимъ пришиваются два мѣдныхъ кольца (тербасъ) и къ этимъ-то кольцамъ подвязывается продолженіе ихъ, другое штаны — сутуро.

Сутуро подвязывается къ селья ремнями — мэннэркъ-кътенчи; они тѣ-же, что у мужчинъ.

Куллукъ — такая же, какъ у мужчинъ.

Считается красивымъ и изящнымъ, если у женщины нога отъ ступни до колѣна толстая, а потому всѣ обертываютъ ноги на сколько можно толще, такъ что ноги кажутся какими-то тумбами, а маленькия ступни кажутся еще меньшими.

Ба чы—набрюшникъ, какъ у мужчинъ.

Ко рсеть—кофта безъ рукавовъ, изъ сукна, шелковой или другой, по средствамъ, матеріи, двубортная, съ металлическими пуговицами, косыми карманами, длиной не доходить до колѣна.

В обра бу та хъ—то-же верхнее платье, что у мужчинъ сонъ, только наряднѣе, кроется шелковой цвѣтной матеріей. Воротникъ и правая пола обшиваются бобромъ, шириной въ четверть; рядомъ съ опушкой идетъ въ четверть ширины полоска изъ алаго, краснаго или зеленаго сукна; у подола эта полоска въ $\frac{1}{2}$ арш. ширины и унизывается кругомъ серебряными коваными бляхами. Такая шуба стоитъ иногда до 700 рублей и переходитъ изъ рода въ родъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Люди меньшаго достатка не обшиваютъ мѣхомъ и серебромъ, ограничиваясь цвѣтной каймой.

К ем ю съ-ку ръ, шолко-ку ръ—серебряный или шелковый поясъ, какъ у мужчинъ, только наряднѣе; бляхи большаго размѣра, числомъ болѣе и тщательнѣе по отдѣлкѣ.

К ыльд жы и б ег ехъ—серебряное массивное кольцо, надѣваемое на шею; отъ него по груди до пояса идетъ баҳрама—и линь-кя бисарь—изъ 20-ти серебряныхъ цѣней; бегехъ—серебряные браслеты, въ родѣ манжетъ, шириной до 3-хъ вершковъ; такой-же рядъ цѣней, спускающихся отъ шейнаго кольца по спинѣ, называется х а б а р г а с и м я г а.

С а п а нъ—брошка, большая серебряная четырехугольная запонка, застегивающая воротъ рубахи; такія-же маленькия застегиваются обшлага рукавовъ.

Ы т а р г а—серебряные серьги съ подвесками, доходящими у щеколяхъ до плечъ и обрывающимися уши своею тяжестью.

К ем ю съ-б и с и л я хъ—перстень серебряный и рѣже золотой, съ именемъ.

Х аппаръ—мѣшочекъ, вышитый шелкомъ, иногда серебромъ; въ немъ хранять наперстокъ, трубку, огниво; подвязывается къ поясу. Къ этому мѣшечку въ видѣ брелоковъ подвѣшиваются игольникъ—и н-я ли хъ съ иголками—и ня, ножикъ—бы сахъ въ ножнахъ—кынъ и ножницы—кыптый.

С ю р я хъ—на шейной серебряной широкой цѣпи крестъ, украшенный подвесками. Крестъ виситъ на груди поверхъ одежды, похожъ на протоіерейскій, съ украшеніями, стоимостію доходить до 30 рублей.

Б а съ-бы л а т а—шелковый цвѣтной головной платокъ, штофный, шитый серебромъ или парчевый, подвязывается какъ у мѣшканокъ.

Мой топоръ—боа.

Джабака-бергася—мѣховая высокая шапка, закрывающая уши; передняя часть обшивается россомахой или бѣличными хвостами, верхняя часть затылка—бобромъ, а затылокъ покрываеть въ $1\frac{1}{4}$ арш. высоты и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины доскнуть изъ рысяго мѣху. Верхняя часть шапки иѣчто въ родѣ кички—суконная черная со вставками алого сукна—съ бѣлыми кантами, называется чорчахъ; на ней спереди большая круглая металлическая бляха—то са хта, вѣсомъ до $1\frac{1}{4}$ ф. Шапку завязываютъ спереди подъ подбородкомъ полосками изъ алого сукна въ аршинъ длиной и въ $1\frac{1}{2}$ вершка ширины. Многія носятъ эти шапки и лѣтомъ; большая-же часть носятъ сѣрыя и черные поярковыя шляпы съ полями, надѣвая ихъ сверхъ цвѣтного головного платка. Одежда нарядной Якутки очень дорога, и въ парадныхъ костюмахъ ихъ можно видѣть очень рѣдко, въ особенно торжественные случаи; костюмы эти переходятъ изъ рода въ родѣ и составляютъ, кромѣ своей дѣйствительной стоимости, фамильное сокровище.

Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и въ конецъ вплетаютъ ремешекъ съ цвѣтными лентами. Замужнія заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которая обертываю вокругъ головы, прикрѣпляютъ у темени, а затѣмъ покрываютъ платкомъ. Мужчины стригутъ голову гладко и только иѣкоторые оставляютъ волосы на вискахъ—кэ гуль. Усы и бороду выщипываютъ всѣ инородцы области и перестаютъ это дѣлать только старики и пригородные, допускающіе уже иѣкоторые новшества. Щипчики, которыми вырываютъ бороду и усы, называются искахъ.

Женщины и мужчины, безъ исключенія, ъздятъ верхомъ помужски на тѣхъ-же сѣдахъ съ одинаковою ловкостью и удалью.

Зимой Якуты ъздятъ въ пошевняхъ, розвальняхъ, дровняхъ и только иѣкоторые въ саняхъ особаго мѣстнаго устройства. Сыэрга—есть общее название саней какого-бы то ни было устройства; такъ говорятъ: пошевни—сыэрга, бычы сани—огусь-сыэрата, лошадиный—атъ-сыэрата. Якутскія сани не имѣютъ козель; бока и спинка разрисовываются разными узорами и красками. Передъ саней называется—тумса, копылья—атага, полозья—сынагага, поперечные скрѣпы—ылагага, продольные скрѣпы—быттыга, верхняя половина бычьяго хомута—боргалли, нижняя половина—сюряарь, оглобли—урагасъ, доски адараий. Лѣтнихъ экипажей у Якутовъ своихъ иѣть; одни ъздятъ верхомъ, другіе на русскихъ телѣгахъ и телѣжкахъ.

Къ сбруѣ у Якутовъ принадлежитъ: недоуздокъ—суларъ, узда—юнь, хомутъ, дуга, черезъсѣдельникъ—сисъ-быэта, сѣделка—седелка, возжи—буосса; шлеи у Якутовъ иѣть; обѣ удобствъ и красотъ сбруи Якуты не

забочатся, а потому часто вещи эти примѣняются у нихъ далеко не практично и на видъ крайне некрасиво; напримѣръ, чтобы сдѣлать дугу, берутъ первую попавшуюся талину, загибаютъ ее и, если она слабо затягивается, то придѣзываютъ къ ней поперечину, или-же ограничиваются тѣмъ, что сдѣлавъ изъ палокъ нѣчто въ родѣ прописной буквы А, замѣняютъ этимъ дугу. Нѣкоторые богачи, не стѣсняясь материаломъ и фасономъ сбруи, украшаютъ ее серебряными бляхами, въ особенности сѣдло—ынгыръ, недоуздокъ—чанькэи (иначе называется суларъ) и уздечку—юни. Поводья называются—тасинъ, чумбуръ—кентесь, удила—остуганъ, пряжка—тербасъ, потникъ травяной—бото, потникъ волосяной—серебре, передняя часть сѣдла—илинъ-буруга, задняя часть—каминъ-буруга, ремни у тарака—тергю. Такія вещи переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ и, какъ даваемое въ приданое, входятъ въ счетъ калыма. Нѣкоторые, зная хорошо бурятскій языкъ, утверждаютъ, что отдельные украшенія сбруи у Якутовъ имѣютъ общее название съ бурятскими. Якутское сѣдло похоже на бурятское, только больше его; обѣ луки—бургэ очень высоки, особенно передняя, обиты кожанными серебряными, мѣдными и жестянными украшеніями ажурной работы мѣстного происхожденія. Боковые части вышитаго чапрака называются кычымъ; часть чапрака, лежащая на крестцѣ, къ хвосту—чапаракъ; покрышка сверхъ подушки сѣдла—дөпсая; стремена—исянга; подруги—холуинъ; нагайка—кымми; махалка отъ комаровъ—дайбиръ. Къ числу дорожныхъ приспособленій слѣдуетъ отнести мѣховой мѣшокъ, въ который на ночь залѣзаетъ путникъ до головы, защищая себя отъ вѣтра и холода. По поводу этого мѣшка Миддендорфъ пишетъ: «Нами утрачены многія принадлежности покрова и наряда, которыхъ были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напомню обѣ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ на стужѣ, доходящей до замерзанія ртути. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались, продолжаетъ Миддендорфъ, только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулуппѣ (сокуй) другого, вслѣдствіе чего эти тулуппы смыкались и составляли одинъ мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ». ¹⁾

В. Л. Приклонский.

¹⁾ Чтобы не разрывать цѣлости этого прекрасного труда, мы напечатали у себя и эту вторую главу, хотя она уже была напечатана въ 1887 г. въ XVIII т. Восточно Сибирского Отдѣла И. Р. Г. Общ. въ Иркутскѣ.

Сербо-Лужицкий народный календарь.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

Отъ Редакт. Двѣ слѣд. замѣтки И. И. Срезневскаго взяты нами изъ бумагъ, полученныхъ нами отъ О. И. Срезневской. По всей вѣроятности, эти замѣтки были написаны покойнымъ въ пребываніе его въ Лужицахъ, во всякому случаѣ раньше выхода въ свѣтъ превосходнаго сборника Смоляра «Pjesnički hornych a dolnych Lusatiskich Serbow wodate wot Leop. Hawpta a I. E. Smolerja». Grymi, 1841—1843. 2 ч. въ 4-у. См. тамъ о праздникахъ (II, 220—222), о поварьяхъ (II, 266—270); пѣснь о водяномъ мужѣ — wodny tuž напечатана въ I ч. XXXIV, стр. 62—64.

Nowe ljoto — новый годъ. 1 Января дѣвушки дарятъ своимъ милымъ вѣнки изъ дѣланныхъ цветовъ, переплетенные канителью, а съ тѣмъ вмѣстѣ яблоки, орѣхи, булочки и т. п. Такъ дѣлается у Голицъ. А около Каменца кумы дарятъ другъ друга бѣлыми хлѣбами. Фигурные хлѣбцы въ формѣ коровокъ, козокъ, свиней, гусей пекутся на этотъ день, и называются Nowi ljѣtka: кроме того, что ими дарять, ихъ даютъ скоту, воображая, что они помогутъ ему не болѣть и жирѣть. На крещенье (trisy kroli...) пекутъ трехъяи (triøsan) по имени трехъ королей....

Post — масленица. Въ первые дни масленицы молодой народъ до сихъ порь имѣеть обычай ро kołbasu ke chodžić. Съ палками и ивовыми прутьями отправляются они, ведя передъ собой музыкантовъ, а за ними двухъ носильщиковъ съ мѣшкомъ или корзинками, и ходятъ они изъ дома въ домъ. Въ иныхъ мѣстахъ носятъ еще и еловую вѣтвь, перевязанную пестрыми лентами. Придутъ, поютъ пѣсни, станутъ танцевать съ женщинами, которыхъ найдутся въ домѣ,—а носильщики просятъ между тѣмъ у хозяевъ денегъ, яицъ, колбасъ, печенаго мяса, и складываютъ въ свой ворохъ. Со всѣмъ этимъ ждутъ вечера серды или четверга, и пригласивъ дѣтей, молодицъ и дѣвушекъ въ корчму, потчуютъ ихъ, поютъ пѣсни, пляшутъ. Чтобы еще увеличить зашашь, хватаютъ дѣвушекъ въ платья и выпускаютъ только по выкупу. Пляски эти очень важны: чѣмъ больше потанцуютъ, тѣмъ лучше лень взойдетъ. Пора послѣдняго дня масленицы (Postnicy) проходитъ въ тѣхъ же играхъ.

Въ воскресеніе на 4-ой недѣлѣ Вѣл. поста (Laetaris) выгоняютъ смерть:

изъ соломы дѣлаютъ чучела, одѣваютъ ихъ въ лохмотья и съ пѣснями и съ крикомъ бросаютъ въ воду.

- Wipow danj  — Благовѣщеніе 25 марта.
- Bowo ca (вм. Воѣто са-Palmensonntag), bowo ka — Вербное воскресеніе.

Страстная недѣля. Martrownica — Martrowny tyd ej.

Отъ зеленаго (великаго) четверга (zeleny  tw rtk) до Свѣтлого Воскресенія родители дарятъ дѣтей красными круто спечеными яйцами (писанками).

Великая пятница называется сухою, тихою, покутною, великою (wulki, suchi, pokutny  cisty pjatk =  ichy p tak).

Свѣтлое воскресеніе — jutrownica, а весь праздникъ swjate jutry.

Наканунѣ вечеромъ Walpurgistag коровъ затворяютъ, чтобы вѣдьмы не дѣлали ничего дурнаго съ ними. Для этого же дѣлаютъ на дверахъ коровень смоляные кольца и кресты. Бѣгаютъ и съ зажженными метлами. Въ самый праздникъ дѣти дѣлаютъ маленькую висѣлицу изъ ивовыхъ прутьевъ и перепрыгиваютъ: p ez sibe ci skakaju. Кто удачно перепрыгнетъ, тотъ счастливъ будетъ.

— Зеленая недѣля, называемая святками (swjatki) и первый день Swjato nica (Ниж. Луж. Swjetrownica). Мяту разставляютъ по церквямъ. Отъ нея отрываютъ вѣточки въ то время, когда священникъ благословляетъ. Принося ихъ домой, приносятъ счастіе дому. Раскладываютъ очагъ.

- Ивановъ день. Огни (Либушъ. 263).
- Вознесенье: S-t rje ej Bo e = Ниж. Луж. — Stupenje do neba.
- Праздникъ жатвы (B gu) (Либушъ 258, 283).

Филипповъ день (Advent) P ichoda. Прежде былъ обычай, что отъ Филиппа до Рождества Христова ходили изъ дома въ домъ, одинъ представляя Ангела, другое другое, заставляя дѣтей молиться и раздавая имъ хлѣбцы, плоды и пр. (Knautz. 179).

— 24 Декабря Паторжица. Въ этотъ день не продаютъ хлѣба, мяса, яицъ, и т. п. Вечеромъ зажиточные семьи приготовляютъ 9 кушаний для себя и для своей челяди. Вѣдьмы, которые не въ состояніи приготовить такой богатый ужинъ, пекутъ на этотъ день свячины — Swe enje — celeb ratio festi diei д. л. Gastmahl (какъ называется кое гдѣ и день), только одно кушанье, но изъ 9 припасовъ, напр. свинаго мяса, проса, воды, соли, моркови, чеснока, колраби, пшеничной муки и розинъ (коринокъ). Столъ покрываютъ соломой или кладутъ ее подъ столомъ. Потомъ выютъ изъ нея веревку и обвязываютъ плодовыя деревья, чтобы лучше былъ урожай на плоды. Въ полночь начинаются гаданья: если слышны у гранитныхъ камней стукъ мечей и ржанье коней, то быть на слѣдующій годъ войнѣ; дѣвушки прислушиваются на порогъ конюшень къ ржанию жеребцовъ, и если услышать, то надѣются

выйти замужъ до 24 июня; другія бросаютъ носкомъ правой ноги башмакъ черезъ голову, и если башмакъ упадетъ носкомъ къ двери, то она надѣется скоро выйти замужъ. Это же самое дѣлаютъ и наканунѣ Новаго года (Liebusch, 143).

— Праздникъ Рождества Христова наз. Годы (Hody)¹⁾, а первый день называется Boži dzeń (ср. срб. Божић). Передъ тѣмъ ходятъ съ Божиимъ дитятою (Bož dđećo).

— На вечеръ Новаго года гадаютъ.

Сербо-Лужицкія народныя повѣрья.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

Лужичане, разумѣется, болѣе женщины, до сихъ порь еще вѣрють въ разные чудища и ихъ чудеса.—Такъ между прочимъ вѣрють они въ «Боже седлешко»—Божіе сельцо, думая, что оно, какъ домовой, живеть въ каждомъ домѣ. Въ былое время, когда оно еще показывалось, видали это хорошенькое, бѣленъкое дитя, съ распущенными длинными, очень длинными волосами, въ чистенькой коротенькой сорочкѣ. Теперь уже рѣдко кому приведется его увидѣть, а только иногда слышать, какъ оно стонеть и рыдаетъ, и какъ заслышишися въ чьемъ домѣ этотъ стонъ и рыданье, такъ ужъ навѣрно быть бѣдѣ: «Божіе сельцо плакало» (Боже седлешко је пракаво)—говорять, надообно беречься. Если услышать его стонъ и рыданье вблизи, то надообно спросить: «Божіе сельцо! что со мною будетъ? (Боже седлешко, што ми будже, што ми фалује, што ма со стач), и Божіе сельцо отвѣтить, что тотъ или другой умретъ, что того или другаго въ рекрутъ возьмуть, или что нибудь подобное, а чаще скажетъ только: «Не тебѣ будетъ, а другому (Воно ёне будже теби, гале другему)». Такъ было, по разсказу Грѣфе: Volkssagen und volksth umliche Denkmale der Lausitz von H. G. Gr ave. Bautzen. 1839. ст. 49, и въ городѣ Мужиковѣ (Muskau) передъ пожаромъ 1766: во многихъ домаахъ слышали тогда стонъ Божіаго сельца, и на вопросы горожанъ отвѣчало оно: «Не будетъ одному тебѣ, а будетъ по всѣмъ улицамъ. (Воно ёне будже јено теби, гале на вштихихъ гаюх)». Такъ предрекало Божіе сельцо и пожаръ въ Куловѣ (Wittichenau) 1822 года. Впрочемъ его слышать и видѣть не всѣ.

¹⁾ Годами впрочемъ называютъ и св. Праздникъ и Троицу — zročne časy.

Выливая или переливая кипятокъ, не одна Лужичанка боится обварить Божіе сельцо, и передъ тѣмъ скажеть: «Иди прочь, Божіе сельцо, чтобы мнѣ не обварить тебя (Божіе седлешко, джі преч зо ја че ёе спару). Если же не скажеть, такъ Божіе сельцо ее самое обварить,—и, замѣтъ у кого нибудь прыщи отъ обвару, говорять: «Обварило тебя Божіе сельцо» (Божіе седлешко је тебе спариво»). Тогда надобно лѣчиться—намазать масломъ печное устье и намазывая приговаривать: Божіе сельцо, мажу тебя, залечи меня, ты меня обварило (Божіе седлешко, ја чје мазам, залој ме, ты си ме спариво), а по томъ, снявши масляной накидъ съ кипящаго горшка, помазать больное мѣсто.—Божіе сельцо само по себѣ зла никому не дѣлаетъ и обычно живетъ въ печи или на очагѣ¹⁾.

Съ родни Божьему сельцу приходятся колтки (Koltki)—дѣтки—чертея, живущіе въ домѣ по разнымъ угламъ, въ запечьи, подъ постелью, въ погребѣ, въ чуланѣ и пр. Они помогаютъ семью и за это требуютъ ъесть и пить того самаго, что ъесть и пить вся семья.

Не такова Ходойта (Khodojta-Khodojca) или, какъ ее называютъ Н. Лужичане, Мурдва. У нея нѣть постоянного жилища: она бродить изъ дома въ домъ, ищетъ, чтобы кому зла надѣлать, набивается на обиду, и обиженная мстить всячески. Это—черная, тощая, испитая старушонка крошечнаго росту; глаза у нея вышли изъ-за вѣкъ и быстро ворочаются, и страшно всматриваются въ каждого; иногда, впрочемъ, ходить она и въ видѣ человѣчка въ красномъ платьѣ, продавая разные заморскіе товары; иногда летаетъ сорокой, сужасъ въ лицо, или катится клубомъ, подкатывается подъ ноги, или ложится ножомъ на столѣ, не виданная, а знаемая: ножомъ, да такимъ, что какъ возьмешь, такъ и захочется рѣзать человѣка. Ходойта болѣе всего ненавидитъ дѣтей: иное такъ измучить, что ни подобія не останется: кровь выпить, кости перекрошить, и лежитъ бѣдное дитя словно мочало какое. Если оздѣлится на какую семью, то останется жить у нея до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переморить.

У нея есть свои помощники, маленькие злые черти, которые портятъ все въ домѣ, такъ что отъ нихъ и защиты нѣть.

Къ той же породѣ, что и Ходойта, принадлежить и Зла жена (Зла жена), такая же старушка, крошечная, сухая, костлявая. Голова у нея съ пивной котелъ, на спинѣ огромный горбъ, носъ какъ у журавля, а глаза маленькие, съежились и обтекли. Ходить она, ковыляя на костыль, заходить во всѣ

¹⁾ Невольно припоминаешь о томъ, что разсказываетъ Саксо Грамматикъ: *Faeminae foco assistentes absque suppuratione fortuitas in cinere lineas describabant, quas si pares numerassent, prosperas rei praescias arbitrabantur, si impares, sinistri praonuntias autemabant.*

углы, и въ коровни, и на гумна и огороды, портить тамъ хлѣбъ и зелень, и коровь и козь, и пожитки. Набѣдуетъ въ одну ночь столько, что и въ годъ не поправить: коровы не даютъ молока, полотно гниеть, дѣти болѣютъ и умираютъ. И ничѣмъ отъ нея не отобѣшься, какъ поселится въ какомъ нибудь хлѣбѣ. Завидѣть бывало ей, начнуть бросать въ нее камнями, полѣвнями, сметью, помоями—напрасно. Хлѣбъ сожгутъ, мѣсто освятить крестомъ, вотъ хлѣба будто и нѣтъ, а приходишь, хлѣбъ стоять какъ стоялъ, и Зла Жена въ немъ.

Еще есть и третья старуха—Смертица. Въ бѣломъ покрывалѣ ходить она по деревнѣ, и какъ завидѣть, что подошла къ которому нибудь дому, такъ ужъ тамъ непремѣнно будетъ покойникъ; войдя въ домъ, садится она на постели у больного и выжидаетъ его послѣднаго часу. И если завидѣть больной ее съ своего мѣста: это вѣрный признакъ смерти.

Другія чудныя существа большою частью добрыя: иная изъ нихъ помогаютъ земледѣльцамъ, иная пастухамъ, иная охотникамъ.

О Приполднице (Pšipołnica, Pšezerpołnica) хоть и говорять «благодаря Богу, она уже не покажется» (Dzikowano bydi Bohu zo so jacy ņe rokače) и разсказываютъ много страшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрять, что она и добра дѣлаетъ много. Видали ее въ лѣтнее время въ дни жатвы. Какъ бывало около полудня становѣтъ жарко, изъ рощи или изъ-за рѣки и выходить высокая, прекрасная дѣвушка, вся завитая во что-то бѣлое. Она сидѣть прежде или у воды, или подъ тѣнью дерева, сидѣть и волоса расчесываетъ, и потъ съ лица вытираетъ, и какую-то печальную пѣсню поетъ; потомъ идетъ она къ жницамъ и начинаетъ распрашивывать, какъ имъ жнется, много ли ужали, много ли осталось, какъ свѣли, боронили, какъ всходило, разцвѣтало, созрѣвало, какъ жнуть и вѣютъ, молотятъ и мелютъ; а все распрашивается для того, чтобы жницы не работали. Иной и хотѣлось бы отвѣтить, да работу не кинуть, и примется жать; Приполдница къ ней, и плачетъ, не пускаетъ работать. Если же бы та не послушалась, Приполдница разсердится, и давай ей крутить голову, пока совсѣмъ открутишь, что цвѣтокъ отъ стебля. Если же жницы разговаривали съ нею весело и охотно, да тотъ, кто смотрѣль за ихъ работой, начиналъ ихъ бранить, что онъ лѣнится, такъ Приполдница къ нему, и хоть бы то былъ самъ господинъ или госпожа, задушить и пустить безъ головы: пусть на себя плачетса, зачѣмъ отдыху не давалъ жницамъ. Только бывало тогда Приполдница и не покажется, когда тучи съ грозою находять или вѣтеръ подуетъ. И до сихъ поръ, хоть правда и шутя, говорить жница жницѣ, когда она заработкается въ жаркій полдень: развѣ не боишься, что нападетъ на тебя Приполдница! (Не боиш со ты зо Пшипоуница на тебе пшинич будже) ¹⁾.

¹⁾ Laus. Monatschrift 1797 Panasch Reliqu. der Feld-, Wald-, Wasser- und Haus-Götter, стр. 746.

Въ полдень же прохаживается (по Kotmarberg'у) какая то Мара, заботясь, чтобы все хорошо росло, особенно травы: ее видали пастухи и приносили ей жертвы, прося у нея помощи своимъ стадамъ: зажигали огни и обливали землю молокомъ, вскипяченымъ съ травами (Срав. Либ. 272).

У пастуховъ есть и свое страшилище Гонило (Гонидло — Honidło — Honiło, d какъ въ Motowidlo — мотовило). Чѣмъ оно страшно, Богъ знаетъ; а пастухъ, видя, что другой не выгоняетъ свое стадо въ поле, уже покрытое полной травою, не забудеть погрозить его Гонидомъ, и какъ разъ скажетъ съ угрозой: я пошлю за тобою Гонило, чтобъ онъ тебя выгналъ въ поле (ja budu tebi honidwo do doma posłać zo by sé v polo hnało). Либушъ (288) не напрасно сравниваетъ это Гонило съ Генилемъ Дитмара: — habitatores (vicinitatis meae — не далеко отъ Мерзебурга) rago ad eclesiam venientes (ср. Гриммъ, 700).

Охотники рассказываютъ о Дѣвицѣ (Джевица), которую видали въ чащѣ лѣса не только въ полдень, но и въ полночь при свѣтѣ мѣсяца. Она одѣта какъ знатная госпожа, въ рукѣ у нея ружье tsylba; около нея свора гончихъ. Она стрѣляеть какъ знатная госпожа на вѣтеръ, и куда бы ни стрѣльнула, куда бы ни погналась, ничто ей не помѣшаетъ, деревья по ея волѣ сдвигаются въ сторону, болота у ногъ ея сохнутъ, холмовъ и лощинъ какъ не было. Все бы хорошо, да то бѣда, что ей все равно — что дикий звѣрь, что человѣкъ: застрѣлить и самого охотника какъ серну, положить, будто вѣкъ лежаль. Теперь хоть и рѣдко кто видить Дѣвицу, а все еще боятся заходить въ полдень въ чащу бора; и хоть шуткой, а скажутъ тому, кто идетъ въ боръ о полдень: А ты не боишься, что Дѣвица на тебя выдетъ (*ne boisso zo Dziewica na tѣbi přiné budzé*). — Послышишь ли ночью крикъ охоты изъ лѣсу: это Бѣднать (Bjadnat), панъ Дирикъ, или что Нѣмцы называютъ Дири Бернгардъ. (Въ Сакс. Hakkelbarend, Hakkelberg, въ Мейссенѣ Hans Jagen-Teufel, въ Швабіи Elprentrötsch. Грефе 54. — Гриммъ 515—534). — Въ лѣсахъ же и горахъ живеть Блуднище (Bludnišco) — не то лѣшій, не то самое мѣсто, гдѣ можно забудиться: какъ пойдешь, говорять, на такое мѣсто, такъ приходится пропадать: и пройдешь, и все прямо, кажись, идешь, а придешь опять туда гдѣ былъ, и въ какую сторону ни повернешься, все тоже и тоже; а тутъ еще гдѣ огонекъ засвѣтить, гдѣ змѣй проползть, гдѣ аукинется, гдѣ застонесть, гдѣ что-то невидимое станеть тебя въ задъ пихать, волоса вырывать, гдѣ уставятся на тебя изъ чащи два огромные глаза, горятъ, сверкаютъ, и все ближе да ближе; молись да молись, а иначе ни за пенязь пропадешь.

Въ водѣ свои жильцы: ихъ знаютъ хорошо рыболовы; знать и водяного, и водяную, и дѣтей ихъ: (Wodny muž, wodna žona, wodne dzieci). Видаютъ иногда водяного, какъ онъ хваталъ утопавшаго, а потомъ смотря и

сложить кости гдѣ нибудь на берегу. А Водяная выходитъ изъ воды на берегъ работать, прасть и ткасть, или разложить полотно бѣлиться на солнцѣ, а сама заведеть пѣсню, то веселую такую, что хохочешь, то такую, что нехотя плачешь. И дѣти около нея: играютъ, рѣзвятся. Всѣмъ бы люди, да волосы что-то очень зелены, и платье изъ чешуи, какъ у рыбы.—Если же выходить на ярмарку, такъ и не узнаешь, что не люди, пока не заговорятъ: говорять иначе, хоть и все понимаешь, что говорятъ. На мужѣ длинный бѣлый линяной балахонъ, на женѣ сорочка, исподница,—и подоль мокрый: онъ торгуется хлѣбомъ, она—масломъ. Иногда покупаютъ, иногда продаютъ: если продаютъ, годъ будетъ дешевъ, а покупаютъ—такъ быть дорожевизнѣ (Паннашъ, 750—752). Водянымъ очень нравится Сербки, и не одна уже вышла за мужъ въ ихъ царство. Есть и пѣсня объ этомъ:

Жила была себѣ барышня
Одинехонъка у батюшки.
И просила жь она батюшку,
Чтобъ онъ далъ ей годикъ погулять
По новому двору своему.
Ты, пожалуй, погуляй годокъ
По новому двору своему;
Но пора вѣдь и замужъ тебѣ.
Съ тѣмъ на вышку она и пошла,
На ту вышку, въ нову горенку свою,
И тамъ сидя она плакала,
Бѣлы руки съ горя ломала.
Вотъ пришелъ туда водяной:
А гдѣ, молвилъ, невѣста моя?
Въ своей горенкѣ новой она,
Тамъ сидѣть она себѣ, плачетъ,
Бѣлы ручки съ горя ломаетъ.
О чѣмъ же ты плачешь, голубушка,
Ты, невѣста милая моя?
А какъ же бы мнѣ и не плакать,
Когда говорять ужъ всѣ люди,
Будто сынъ ты жены водяной.
Пусть они говорять, что хотятъ,
А такъ тому, не иначе, быть.
Велю тебѣ выстроить мостъ
Изъ чистаго золота, серебра,

Велю тебя черезъ мостъ везти,
Чтобъ ѿхало тридцать возвовъ,
Чтобъ везли тебя сорокъ коней.—
Не проѣхали и полъ моста,
Какъ началь мостъ проваливаться.
А старикъ отецъ въ окно глядить:
Ахъ, смотри, гѣть, милая жена,
Какъ дочь наша по водѣ поплыветъ.—
—Что же, пусть она плыветъ себѣ.
Вѣдь такъ тому, не иначе, быть.—
И семь лѣтъ она прожила тамъ,
Прижила себѣ семь сыновей.
Какъ пошель же и восьмой годокъ,
Пошла она и съ восьмымъ сыномъ,
И просила у мужа она,
Чтобъ пустилъ ее въ церковь на свѣтъ.
Въ церковь на свѣтъ пушу тебѣ,
Но благословенъ ты не жди.
И пошла она въ церковь на свѣтъ,
И увидѣла брата родного,
Увидѣла меньшую сестру.
Здравствуй ты, наша сестра,
Такъ вотъ и ты къ намъ пришла,
Къ намъ въ церковь на свѣтъ.
Въ церковь то пришла я на свѣтъ,
Да благословенъ ждать не могу.

Нѣть, подожди ужь, милая сестра,
А тамъ вмѣстѣ обѣдать пойдемъ.
И ждала она благословенья.
А водяной кругомъ шагалъ
Въ голубыхъ своихъ шаровалахъ
И въ червоныхъ чулочкахъ своихъ.
И вотъ шла она ужь изъ церкви,
Отдѣлилась отъ сестры своей,
А къ ней пришелъ водяной,
И вырвалъ дитя онъ изъ рукъ у нея
И въ мигъ передъ ней разорвалъ его,

А всѣмъ остальнымъ головы оторвалъ,
По дорогѣ ихъ разбросаль,
А самъ на дверяхъ и повѣсился.
И не жаль же тебѣ и не жаль
Твоихъ бѣдныхъ дѣтей.
Жаль мнѣ, жаль, а ужь больше всѣхъ
жаль,
Того грудного малюточку...
Я лъ его въ купели не мыла,
И въ колыбели не качала,
И яблочкомъ съ нимъ не играла.—

Кромѣ всего этого есть еще змѣи: одни изъ нихъ называются **житными** (житны змиј), другие **молочными** (млоковы змиј), а трети **денежными** (рећеђпу змиј) Liebusch 285.

Колдуны (kuzlař-huzler.—Ujišćer).

Умиренъе кропи въ Грблѣ, въ Южно-Адріатическомъ Приморьѣ, 27 августа 1890 г.

(Наблюденія и размышленія очевидца).

Это — торжественный обрядъ, которымъ завершается кровавая распиря между братствами, родами или цѣльными племенами. Имъ полагается конецъ ряда убийствъ, вызываемыхъ обычаемъ кровавой мести, а иногда прекращается настоящая война между племенами. Исполненіе этого обряда соединено конечно съ большими издержками, падающими на виновную сторону; и, кромѣ того, въ самой формѣ выполненія находится много такого, что морально приижаетъ также виновнаго. И все это переносится ради сознанія великаго добра, приносимаго умиренъемъ.

Правда, въ настоящее время въ Европѣ, кромѣ безсудныхъ албанскихъ племенъ, живущихъ подъ управленьемъ безурядной Турціи, всякое преступлѣніе прослѣдывается и наказывается закономъ, такъ что кровавой мести совершенно неѣть и мѣста; тѣмъ не менѣе мы знаемъ страну, въ которой кровавая мѣсть практикуется до сихъ поръ и гдѣ рѣшеніе государственного суда, хотя бы и признавалось справедливымъ, не въ силахъ ее парализовать. Эта страна — Южное Адріатическое Приморье, состоящее изъ нѣсколькихъ племенъ, какъ Паштровичи, Шборы, Маины, Грбаль, Луштица и др., и сохранившее до сихъ поръ главныя черты своего исконнаго племеннаго быта, которыхъ держится, какъ основы своей автономіи. До недавнаго времени эти племена (а также и вся Бокка Которская) не давали Австріи ни солдатъ, ни ландвера; теперь у нихъ эта прерогатива отнята силою и единственно допущено имъ носить старое кремневое оружіе и небольшіе ножи. И тѣмъ съ большою ревностью они оберегаютъ свою внутреннюю автономію, а въ томъ числѣ и обычай умиренія крови, помимо того, что сдѣлано для наказанія преступлѣнія правительстvомъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ происходило умиренъе кропи въ Грблѣ. Я вмѣстѣ съ другими изъ Черногоріи приглашенъ быть присутствовать при этомъ въ качествѣ почетнаго свидѣтеля. При томъ, какъ Русскому, мнѣ былъ оказанъ особенный почетъ: меня посадили даже въ челѣ стола за обѣдомъ и вообще ставили въ такое положеніе, чтобы отъ моего вниманія не ускользнула ни

малѣйшая подробность. Это и дало мнѣ возможность не только познакомиться со всѣми подробностями, но и вникнуть глубже въ духъ и смыслъ, проникающіе формы обычая.

Если есть гдѣ «живая старина», то этотъ обычай именно представляетъ таковую, принадлежа къ учрежденіямъ, возникшимъ въ то время, когда народы находились на первой ступени своей культурной жизни, и практикуясь въ наши дни подъ властью одной изъ культурнѣйшихъ державъ Западной Европы.

Надобно замѣтить, что описанія этого обычая, чаще всего вмѣстѣ съ кровавою местью, составляютъ цѣлую литературу.

Начиная съ ученаго венеціанскаго аббата Фортиса, описывавшаго въ прошломъ столѣтіи обычай Морлаковъ¹⁾, и оканчивая новѣйшими путешествіями по Черногоріи, всюду вы найдете о кровавой мести и умирѣніи ея, если не въ настоящемъ, то въ прошломъ этой страны. Больше же всего можно найти въ Далматинскихъ изданіяхъ, какъ Сербско-далматинскій магазинъ, *Mjesečnik*, Strenna Triestina и др. Болѣе однако подробное описание представляетъ, кажется, соч. Б. Петрановича (*Rad jugosl. akad. kn. VI*).—«*Osveta, mirenje i vražda*», который старается объяснить духъ обычая и причины его возникновенія. Чисто же ученое сочиненіе по этому вопросу представляетъ единственно соч. Ф. Миклошича «*Die Blutrache bei den Slaven*». Wien. 1887. Наконецъ новѣйшее, известное намъ соч. *Milenko R. Wessnitsch*—«*Die Blutrache bei den Südslaven*». Ein Beitrag zur Geschichte des Strafrechts. Inauguraldissertation. Stuttgart. 1889. in 8°, 70. Обращаемъ вниманіе читателей на эту брошюру г. Веснича, которая при маломъ объемѣ вполнѣ исчерпываетъ предметъ и даетъ обѣ немъ самое отчетливое и ясное представление²⁾.

Послѣ этого краткаго введенія мы можемъ приступить прямо къ описанію обычая по личному наблюдению. Но для ясности, полагаемъ, недишие будетъ предварительно охарактеризовать стороны и личности, участвовавшія въ этой кровавой драмѣ.

¹⁾ Abbate Alberto Fortis.—*Viaggio in Dalmazia. Venezia. 1774.*

²⁾ Наша маленькая рецензія на него въ жур. «Нова Зета» 1889. свѣска V, стр. 196—201.

I.

Грбаль и его раздѣленье. — Характеристика жителей. — Характеристика личностей, участниковъ кровавой драмы. — Убійство. — Общая забота о примиреніи. — Примиреніе принято и поставлены основы.

Грбаль, иначе называемый Жупа (Хира), составляетъ самую большую въ Приморье общину (23 села и до 4000 д. об. п.). Помимо другихъ, онъ упоминается въ старинныхъ документахъ, касающихся исторіи Зеты. Община эта и теперь дѣлится на 4 кнѣжины (по итальянски—contea, а Нѣмцы переводятъ Grafschaft¹⁾): Любаничи, Бойковичи, Лазаревичи и Туйковичи.

Изъ нихъ первые три рода живутъ въ нѣсколькихъ долинахъ, прилегающихъ къ морю, съ богатою почвой; но источниковъ воды, кромѣ цистернъ, и то весьма жалкихъ, неѣть совершенно никакихъ; сообщеніе съ базарными мѣстами, какъ Которъ и Будва, также крайне затруднительное. И при всемъ томъ они богаче, чѣмъ остальные Грбляне, пріобрѣтая состояніе частью на собственныхъ сравнительно обширныхъ земляхъ, частью заработками въ Цареградѣ и другихъ мѣстахъ Турціи. Они горды, высоко держать честь своего рода и, обладая средствами, относятся къ другимъ заносчиво. Въ образѣ жизни весьма просты, хотя дома ихъ построены, какъ кулы (большой каменный домъ съ приспособленьями для защиты), и замѣтна большая роскошь въ одеждѣ. Въ характерѣ ихъ много суворости. Туйковичи, напротивъ, пріютившись какъ разъ у подножія Черногоріи, подъ Ловченомъ и Штировникомъ, имѣютъ всюду обиліе воды: всюду вы видите мельницы; сады и нивы всѣ почти находятся подъ поливой; поэтому растительность всюду густая, роскошная. Но эти же самыя воды и разносить землю; въ слѣдствіе этого Туйковичи постоянно бѣднѣютъ землею, такъ что не помогаетъ имъ и близость базара и удобство сообщеній. Но, при всей бѣдности, вы всегда встрѣчаете благоустроеннность и культурность. Когда шла борьба за независимость, они поднимались первые, хотя положеніе ихъ гораздо затруднительнѣе, такъ какъ всюду крѣпости (Тройца и Горожда) или жандармскія станціи.

Описываемая нами вражда открылась между Туйковичами, именно семействомъ Зецовъ, которое всегда играло роль и занимало почетное мѣсто въ цѣломъ Грблѣ, и Ивомъ Бойковичемъ.

Послѣдній, кромѣ знатности рода, богатства и вліянія на общественные

¹⁾ E. Schatzmayer — Dalmatien. Geographisch-historisch-statistische Beschreibung. Triest. 1877. 8°, 84.

дѣла, славился какъ великий юнакъ (храбрѣцъ, герой), человѣкъ очень умный, рѣшительный и предпримчивый. Къ тому же онъ былъ и отличный торговецъ, извѣстный по цѣлой Боккѣ и Черногоріи. Одинъ только важный недостатокъ въ его характерѣ: слишкомъ большая горячность и постоянная готовность поссориться и побиться. Въ этомъ отношеніи всякий его опасался. Однажды въ горячности онъ убилъ своего близкаго человѣка Бойковича, послѣ чего бѣжалъ въ Черногорію, гдѣ и прожилъ около 10 лѣтъ.

Когда австрійскій императоръ Францъ Іосифъ впервые посѣтилъ Бокку, князь черногорскій Николай, при личномъ свиданіи съ нимъ, испросилъ у него дозволеніе вернуться домой всѣмъ перебѣжчикамъ, и въ томъ числѣ вернулся домой и Иво Бойковичъ.

Когда началась послѣдняя война Черногоріи съ Турціей, Приморцы также вступили въ черногорскія войска; Иво Бойковичъ тоже отправился въ Черногорію. И вотъ, когда происходила осада Никшича и дѣло затянулось, онъ рѣшился отправиться домой, чтобы прославить свое «красно име», день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа (1877 г.). Купивши коровку для заклания изъ свой праздникъ, 14-го августа сошелъ онъ уже въ Грбаль, гдѣ проходило много народа съ Которскаго базара. Тутъ онъ встрѣтился со Стойомъ Зедомъ; произошелъ крупный разговоръ, при чемъ Бойковичъ сильно оскорбилъ Зепа. Зецъ, тоже гордившійся своимъ именемъ и высокимъ уваженіемъ въ цѣломъ kraю за свой умъ, характеръ и горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и также не допускавшій никому стать себѣ на ногу, отойдя немногого отъ народа, закричалъ Бойковичу: «Стой! попробуешь оружіе!» вызывая этимъ его на поединокъ; а тотъ былъ уже готовъ: отекочивши немнога въ сторону, онъ сдѣлалъ выстрѣль изъ револьвера, и Зецъ палъ мертвый на мѣстѣ.

Бойковичу ничего не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ; но куда? въ Черногорію онъ не смѣлъ, такъ какъ и тамъ бы былъ бы судимъ, какъ простой убийца. И онъ 7 лѣтъ держался, то въ своихъ, то въ пограничныхъ горахъ. Преслѣдовали его смѣлые отряды жандармовъ, сбивали на поиски весь народъ. Но не легко было встрѣтиться съ нимъ лично; въ то же время боялись сильнаго братства. Наконецъ онъ самъ какъ-то черезъ Черногорію и Старую Сербію пробрался въ королевство Сербію. Имѣлись уже достовѣрныя свѣдѣнія, что онъ тамъ; а затѣмъ пришло извѣстіе, что онъ погибъ, неизвѣстно отъ кого: по всѣмъ вѣроятіямъ, убили его хайдуки, расчитывавшіе на поживу.

И такъ, собственно отвѣтственнаго лица, такъ называемаго, рукоѣста виника не стало: остался послѣ него только сынъ Іово, которому и теперь едва двадцать лѣтъ; а отъ Зепа тоже Іово, такихъ же лѣтъ, и еще моложе Нико.

Народъ однако смотрѣть на дѣло иначе. Виновникъ погибъ; но дѣло его не погибло: домъ лишился отца и все осталось на малолѣтнихъ; поэтому домъ

долженъ разориться; Бойковичи, богатые и сильные, не давши въ то же время и морального удовлетворенія дому погибшаго, будуть еще горделивѣ и своевольнѣ. Кромѣ того цѣлый родъ лишился доброго главаря, и это было въ ущербъ силѣ и значенію рода.

Въ силу соображеній такого рода дѣло не кончалось случайною смертью виновника: вмѣсто него долженъ погибнуть кто нибудь изъ его рода, и при томъ одинъ изъ лучшихъ его представителей: «мѣсть—святое дѣло!»

Отношенія были самыя натянутыя: одинъ родъ съ другимъ совершиенно не хотѣлъ имѣть никакого дѣла. Одинъ другого опасался; одинъ другому старался вредить, чѣмъ только можно. Чувствовалось и сознавалось всѣми все зло такого положенія, и вотъ понемногу начали хлопотать о примиреніи съ той и другой стороны; но больше конечно со стороны Зецовъ, у которыхъ тутъ страдали честь и имя; а въ то же время они страдали и материально. Одинъ старецъ между ними, больше всѣхъ хлопотавшій о примиреніи, радостный умеръ всего за нѣсколько дней до исполненія обычая. Это особенный случай; обыкновенно же умеренія ищетъ крвики.

Наконецъ общими усилиями достигнуто, что Бойковичи признали себя виновною стороною и предоставили Іову Зецу право избрать 24 кмета (судьи), решенію которыхъ онъ покоряется.

Кметы эти выбраны были Зецомъ изъ различныхъ сторонъ, и чуть-ли не большинство ихъ было изъ партіи Бойковичей. Это былъ хороший знакъ, указывавшій на искренность отношеній и взаимное довѣріе.

Кметы собрались въ селѣ Вишневѣ (тоже въ kraю Бойковичей) и постановили слѣдующее:

1. Іово Бойковичъ, какъ наследникъ рукоставника (крвника, убийцы), платить въ видѣ мыта (подкупъ, плата или дарь, чтобы привлечь кого-либо на свою сторону) 30 цекиновъ (60 florinovъ) и цѣну мертвой головы Іову Зецу и его брату Нику—сумму въ 133 цекина и два гроша и половину пары.

2. Іово же Бойковичъ долженъ устроить обѣдъ Іову Зецу и его сторонѣ на 300 чел.

3. Іово Бойковичъ долженъ послать Зецу два посланника (изъ числа кметовъ) съ 12-ю кумствами.

4. Въ знакъ вѣчнаго мира и любви обѣ стороны должны дать одна другой 12 великихъ и 12 малыхъ побратимствъ.

5. По старинному обычаю, Бойковичъ долженъ исполнить обрядъ передачи пушка-крвнице (ружья, которымъ совершено убийство) со всѣми унижающими его формами.

День назначенъ 27 августа (понедѣльникъ).

II.

Описаніе самого обряда: 12 колыбелей молять принять кумство; виновнику выходить передъ пострадавшаго на четверенькахъ съ ружьемъ на шеѣ; 24 побратимства; обѣдъ; сложеніе виновною стороною оружія на трапезу; прощеніе; чтеніе рѣшенія.—Размышенія по поводу всего этого.

Мы, нѣсколько человѣкъ съ Петиныхъ, наканунѣ отправились коляской въ Сутвару (мѣстечко въ Грблѣ), гдѣ и ночевали у знакомыхъ. Байцы отправились черезъ Ловченъ и прибыли тоже наканунѣ въ село Пелиново, гдѣ живутъ пострадавшіе Зецы.

Назначено было всѣмъ, принадлежащимъ сторонѣ Зецовъ, собраться въ Пелиновѣ въ 6 ч. утра.

Это маленькое сельцо, удалившееся отъ главной дороги въ горы (къ Черногорской границѣ) на полчаса. Кругомъ журчатъ потоки, домики юятся въ размоинахъ и кроются въ зелени деревъ. Домикъ Іова Зеца—совсѣмъ маленький съ одною комнатой наверху, а внизу к оноба (хозяйственное отдѣленіе). Онъ сидѣть въ какой-то ямѣ, такъ что входъ въ верхнєе отдѣленіе съ сосѣдняго бережка устроенъ по мосткамъ. Тамъ теперь помѣстились, кромѣ членовъ семьи, 12 чл., которые должны принять 12 кумствъ. Рядомъ тутъ же круглое гумно, прекрасно выложенное тесаннымъ камнемъ, какъ блюдо съ закраинами. На этихъ закраинахъ и помышляемъ мы, всѣ сторонники Зецовъ; иные взобрались на сосѣдніи скалы и на деревья, чтобы оттуда лучше видѣть всю церемонію. Въ домикѣ происходитъ договоръ, кому какъ дѣйствовать.

Около 7 ч. показались женщины, несущія колыбели на головахъ. Не за долго до ихъ прихода домикъ затворился, и кругомъ водворилась какая-то серьезная тишина. Женщинамъ этимъ предстояло идти часа три; поэтому они должны были тронуться еще до разсвѣта, когда подувать съ горъ свѣжій сѣверный вѣтеръ; а тутъ пригрѣло солнышко, и носильщицъ охватило солнечнымъ жаромъ. Впереди нихъшли два посланника для переговоровъ.

Подошли эти женщины и спустили на землю колыбельки, тихо вздыхая. Никто имъ ни «помагай Богъ», ни онъ никому. Дѣти, замотанные въ своихъ колыбелькахъ, также не подаютъ ни знака жизни.

Посланники, одинъ съ графиномъ ракіи, другой съ виномъ входить на мостокъ и, не стучась въ дверь, какъ бы въ какомъ-то страхѣ, скромно привѣтствуютъ: «Доброе утро въ домѣ кума!» Отвѣта нѣть. Они опять повторяютъ то же самое. Мертвая тишина по прежнему, словно никого и въ домѣ

нѣть. «Богъ и святой Іоанъ! Во имя Бога и святого Іоана, доброе утро куму!» Тогда дверь распахивается, и посланики входят внутрь. Кромѣ угощенья виномъ и ракией, они, опять въ видѣ мыта, подаютъ умиринику двѣ леденицы (пистолеты, отдѣленные въ литое серебро безъ куска дерева или другого металла, кромѣ стальныхъ стволовъ и замковъ). Затѣмъ начинаютъ входить женщины съ колыбельками. У каждого ребенка подъ головкой завернутая въ бумагу какая-нибудь мелкая серебряная монета. Всякій подниметъ головку ребенка, посмотритъ, что тамъ есть, и иной возьметъ, другой оставитъ. Это тоже мыто со стороны матерей. Первый принимаетъ кумство главный изъ Зецовъ: принятіе это выражается поцѣлуемъ ребенку. Такъ точно поступаютъ и всѣ остальные.

Прежде бывало, что колыбели приносились по три утра; съ ними были и другіе, и всѣ они, стоя передъ домомъ, всячески умоляли и заклинали принять кумство. Теперь эта форма смягчена.

Прежде приносили непремѣнно некрещеныхъ дѣтей, и иные нарочно медлили съ крещенiemъ, чтобы пригодилось къ подобному случаю; а теперь только случайно можетъ найтись ребенокъ искрещенный; но кумство заключается настоящее.

Послѣ этого женщины съ колыбельками отправляются къ своимъ Бойковичамъ, на общее сборное мѣсто. Зецъ съ своими гостями отправляется черезъ полчаса, чтобы дать женщинамъ съ колыбельками возможность пройти на мѣсто раньше. Но этого невозможно: народъ этотъ не можетъ идти мѣрнымъ шагомъ, а всякий летить, какъ можетъ, особенно при тяжелыхъ подъемахъ въ гору. Мы нѣсколько разъ догоняли и обгоняли женщинъ, останавливались и давали имъ пройти впередъ, а на сборное мѣсто пришли въ одно время.

По пути мы встрѣчали толпы народу изъ разныхъ сель: одни были наши товарищи, другіе шли къ Бойковичамъ. Послѣднимъ мы не отвѣчали на ихъ привѣтствіе: «помагай Богъ!» Мы еще не помирились; при томъ они заискивали у насъ, а не мы у нихъ.

Наконецъ, черезъ три часа ходу мы достигли сборного мѣста. Главари съ той и съ другой стороны выскочили впередъ и остановили своихъ людей, чтобы не смѣшились. Остановились одни передъ другими точно два враждебныхъ войска, и между ними оставлено нейтральное пространство шириной метровъ во сто.

Насталъ короткій моментъ тишины, а затѣмъ съ той стороны выдѣляется группа. Сынъ убийцы въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и безъ шапки ползетъ на четверенькахъ, а на шеѣ у него виситъ длинное ружье на ремнѣ (всегда длинное ружье, для большаго эффекта, хотя бы убийство совершено было и изъ пистолета); его съ концовъ поддерживаютъ два кмета, тоже безъ шапокъ. Увидя это, Зецъ торопливо побѣжалъ впередъ, чтобы сократить эту тяжелую,

унизительную сцену. Онъ подбѣгаеть къ Бойковичу, чтобы его скорѣе поднять, а этотъ въ тотъ самый моментъ цѣлуетъ его въ ноги, груди, плечи. Снявши ружье съ шеи Бойковича, Зецъ обращается къ нему съ слѣдующими словами, которыхъ ради силы ихъ приведемъ по сербски: «Нрво—брате; пак крвниче; пак завазда брате! је-ли ово она пушка, те узела живот моме оду?..» и, не дожидаясь отвѣта, вручаетъ ружье назадъ Бойковичу, выражая этимъ полное прощеніе прошлаго, и оба цѣлуются, братски обнимаясь.

Послѣ этого съ той и съ другой стороны выходятъ по одному человѣку, которые по спискамъ выкликаютъ личности, долженствующія побратьться. При этомъ не извѣстно, кто съ кѣмъ побратается, потому что списки предварительно не считываются. Между этими 24 побратимствами называются вельми и тѣ 12, которыхъ прежде уже приняли кумство. Со стороны Бойковича всѣ выходятъ безъ шапокъ и съ покорностью.

Послѣ этого, кметы и главные люди изъ Бойковичей зовутъ Іова Зецъ съ его дружиной и гостями на обѣдъ.

Трапеза была устроена высоко подъ скалами: посрединѣ широкія доски, поднятые на камни, представляли собою одинъ длинный столъ, а передъ нимъ, тоже изъ досокъ, немного только пониже, родъ скамеекъ. Чело трапезы обращено было къ востоку. Первые мѣста заняли два начальника (*podestâ*) гральскій Іоко Николевичъ и паштровицкій Нико Давидовичъ; по правой сторонѣ сѣли Зецъ съ 24 великими и малыми побратимами, а по лѣвой, противъ него, 24 кмета. Остальные 300 и даже болѣе человѣкъ размѣщены были также по старѣшинству, и размѣщеніе это продолжалось съ частью. Меня помѣстили между двумя начальниками. На столѣ разложены были говядина и баранина, вареная и печеная, хлѣбъ, сыръ. Когда все было готово, одинъ изъ священниковъ (онъ же и кметъ) прочиталъ молитву, и затѣмъ стали всѣхъ обносить ракией. Ёли, конечно, просто руками, безъ всякихъ инструментовъ, и во время ёды обносили виномъ. Здравицъ не было никакихъ; только кто пилъ, призывалъ имя Божie и вкратцѣ выражалъ желаніе, чтобы миръ быть искренній и прочный. Всѣ ёли; но Іово Зецъ и 12 принявшихъ кумство не прикасались ни къ чему: это значитъ, что умиренье еще не окончено.

Когда обѣдъ былъ оконченъ, кметы напомнили, что теперь пора платить. Распорядители со стороны Бойковичей вынесли цѣлое блюдо завернутыхъ въ бумагу монетъ и стали раскладывать передъ каждымъ зечевымъ гостемъ, начавши, конечно, прежде съ него самого. И это длилось около получаса. Іово Зецъ поднялся съ мѣста и спросилъ своихъ, всѣ-ли получили должное, и опять сѣлъ, получивши утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ опять кметы приказываютъ, чтобы въ дополненіе къ недостающему въ деньгахъ снесено было передъ Зеча оружіе. Тотчасъ началось обезоруженіе бойковичевой

стороны, и все это при самой глубокой тишинѣ. Въ моментъ обезоруженія кое-гдѣ послышался женскій плачъ, тотчасъ однако заглушенный.

Межу тѣмъ передъ Зецомъ поставили огромное металлическое блюдо, и на него стали сносить лучшее оружіе: леденицы и тоже отдѣланные въ серебро большіе ножи, иногда въ позолотѣ и украшенные кораллами и дорогими каменьями. Каждая леденица заряжена и курокъ поднять на первый взводъ. Принесли до 34 леденицъ и 11 ножей. Спрашиваютъ Зец: «Довольно-ли?» — «Нѣтъ», — отвѣтствуетъ онъ. Приносятъ еще 6 леденицъ и 3 ножа. Опять недовольно. Собираютъ какъ бы послѣднѣе: кладутъ еще двѣ леденицы и ножъ. «Довольно» — говорить Зецъ, и молчанье продолжается. Передъ нимъ стоять не только груда серебра, но и отличного и цѣнного оружія, съ которымъ соединены. Богъ знаетъ, какія воспоминанія у его бывшихъ владѣтелей! а теперь оно больше не ихъ. Извѣстно, что все это будетъ возвращено; но тѣмъ не менѣе, у каждого на лицѣ сомнѣніе: а что будетъ дальше? ну, а какъ онъ все это возьметъ себѣ? Это неопределеннѣе состояніе прерываютъ кметы: именно одинъ изъ нихъ, священникъ съ прекраснымъ лицомъ, обрамленнымъ падающими на плечи сѣдыми, кудрявыми волосами — встаетъ и обращается къ Зецу съ такими словами: «Не подаришь ли ты что нибудь намъ, такъ какъ мы, по твоему желанью, потрудились на примиреніѣ?» — Встаетъ Зецъ и, молча, подаетъ имъ черезъ столъ десятокъ леденицъ и нѣсколько ножей. Опять пауза; снова къ Зецу обращается съ подобною же просьбой распорядитель обѣда. И ему даются двѣ леденицы. Затѣмъ Зецъ обращается виѣ стола: «А гдѣ мой кумъ? позовите его сюда». Онъ является по-прежнему раздѣтый, подходитъ къ своему куму съ покорностью и цѣлуетъ въ плечо. Тотъ-же беретъ цѣлое блюдо съ оружіемъ, при помощи другихъ, весь дрожа (отъ волненія или напряженія?) приподнимаетъ его и передаетъ своему крвнику. Эта, поцѣловавши опять кума въ плечо, принимаетъ блюдо при помощи другихъ, и Зецъ говоритъ: «Возвращаю тебѣ все: и прощается смерть моего отца, и забываетъ все, что было; между нами же да будетъ братство, миръ и любовь. Не надо мнѣ и это твое мыто (вынимаетъ и передаетъ ему двѣ леденицы, принятые утромъ), ни бѣлой тряпки со стола не понесу отъ тебя, и возвращаю еще и это мыто» — беретъ и передаетъ ему замотанную въ бумагу монету. «Возвратите и вы всѣ» — обращается онъ къ своимъ.

Затѣмъ настаетъ еще пауза, чисто ради душевнаго успокоенія, потому что сцена была трогательная. Послѣ этого Зецъ спрашиваетъ, гдѣ его кума. Подходитъ кума съ колыбелью, ставить передъ нимъ, а сама цѣлуетъ въ руку кума... «Вотъ тебѣ твое мыто назадъ» — говоритъ Зецъ, возвращая принятую утромъ монету — «а вотъ тебѣ и еще» и вручаетъ флоринъ. «Воротите и вы всѣ своимъ кумамъ, что приняли отъ нихъ;» — говоритъ онъ, обращаясь къ

своимъ кумовьямъ. Тѣ такъ и поступаютъ, возвращая принятое, и прибавляютъ еще какую нибудь монету, иной сверхъ того дарить платокъ.

Когда весь обрядъ исполненъ, тогда одинъ изъ кметовъ встаетъ на столъ и читаетъ се тенцію (рѣшеніе 24-хъ) и передаетъ ей Зепу, а этотъ въ свою очередь передаетъ Бойковичу.

Назавтра долженъ быть обѣдъ для главнаго кума Зепа съ другими 11-ю. Тогда се тенція будетъ изготовлена въ двухъ экземплярахъ, которые будутъ связаны шолковыми шнурками за мелкую монетку, турецкую пару или какую-нибудь старинную венеціанскую. Монетка эта разрывается ножницами, и при каждомъ экземпляре остается только по половинкѣ ея. Вотъ почему, какая-бы сумма ни опредѣлялась за мертвую голову, всегда упоминается и половина пары.

Въ заключеніе намъ могутъ задать вопросъ: какое положеніе занимала во всемъ этомъ официальная власть? Её представляли собою 4 или 5 жандармовъ изъ мѣстной команды; держась сначала совершенно въ сторонѣ, они потомъ смѣшились съ толпою и были любопытными зрителями, какъ и всѣ. Два же упомянутые выше начальника—выборные представители власти и при томъ состояли въ роли кметовъ.

Этимъ все и кончилось. Мы позваны были знакомыми завернуть въ ихъ дома; а сверхъ того сошли за долгъ и честь посѣтить домъ нынѣшняго митрополита черногорскаго Митрофана, который родомъ именно изъ села Глагватаго, гдѣ живутъ его старикъ-отецъ и братъ, семейный человѣкъ. Къ вечеру мы пѣшкомъ вернулись въ Сутвару, а на другой день коласной—въ Цетинѣ.

Передавши такимъ образомъ съ возможными подробностями и точностью все, что происходило передъ нашими глазами, постараемся, сколько возможно короче, собрать во едино и тѣ впечатлѣнія, которыя оставило въ насъ непосредственное наблюденіе фактовъ.

Первое впечатлѣніе то, что всѣ эти сцены, весьма трогательны и даже суровыя, придуманы съ цѣлью подействовать на цѣлый народъ и, устрашая этими формами, отъ исполненія которыхъ не можетъ уклониться ни одинъ низовный, предупреждать возможность убийства. И это, въ дѣйствительности, производить на народъ эффектъ ужасный. Тутъ вы у многихъ могли видѣть слезы на глазахъ, а иной приглушалъ въ себѣ рыданія, не говоря о женщинахъ, которая плакали. Это, значитъ, не пустыя формы и сцены въ родѣ театральнаго представленія, а вѣрно разсчитанныя на нравственное, воспитательное влияніе. Что же касается материальнаго наказанія виновнаго на счетъ его имущества, такъ какъ тутъ страдаютъ и материальные интересы потерпѣншаго, то оно играть чуть ли не послѣднюю роль: за голову платится 266

флор. и 2 гроша—сумма ничтожная, сравнительно съ значенiemъ потери главнаго человѣка въ домѣ. Тѣмъ не менѣе она иногда взималась прежде. Это было особенно умѣсто тамъ, гдѣ съ той и съ другой стороны погибло нѣсколько человѣкъ; тогда такимъ способомъ подводились общіе счеты; кромѣ того тутъ же взималось за лѣченіе раненыхъ и за различные другіе случившіеся при томъ убытки. Но нравственная сторона постоянно брала вѣрхъ, и со временемъ стало какъ бы неприличнымъ цѣнить деньгами голову своего человѣка.

Весьма важную роль тутъ играетъ мыто: вмѣсть съ платою за голову присуждаются 30 цекиновъ (60 флор.) мыта, и кромѣ того подарки или подплата на каждомъ шагу.

Выпрашиваніе кумства—также своего рода мыто, только моральное, какъ великая почесть.

Что касается обѣда,—а прежде бывали обѣды по три дня—то это единственно и падало тяжестью на виновныхъ. Но тутъ помогаетъ цѣлый родъ; и что стоять имъ угостить 300—500 человѣкъ гостей? особенно въ прежнее время, когда со скотомъ некуда было дѣваться; а все угощенье и состоять въ мясѣ. Въ настоящее же время угощенье это доводится до возможно скромныхъ размѣровъ.

Итакъ, въ основаніи этого обычая положенъ принципъ моральный, при чёмъ неизбѣжныхъ издержекъ несравненно меньше, чѣмъ на всякому современномъ судѣ, гдѣ одно сидѣніе по тюрьмамъ составляетъ страшную экономическую и моральную тяжесть.

Послѣ этого останавливаемся на слѣдующемъ фактѣ: пострадавшій принадлежитъ роду Туйковичей и не имѣть за собою никого больше, тогда какъ на сторонѣ виновнаго, кромѣ Бойковичей, стоять еще Любановичи и Лазаревичи; и не смотря на все это Туйковичи выигрываютъ. Этого никакъ не дѣлся бы одинъ родъ, еслибы ему не помогали, проникнутые сознаніемъ его правоты, и все другіе роды, весь Грбаль. Значить, судъ этотъ—результатъ того чувства справедливости, которое глубоко лежитъ въ цѣломъ Грбальскомъ народѣ. И никогда еще не бывало, чтобы судъ этотъ судилъ иначе.

Сколько наконецъ, нужно имѣть доброй воли и энергіи, искусства и стойкости, чтобы цѣлый сильный родъ заставить принять такія тяжкія условія, которыми онъ принижается до крайней степени!... Все это показываетъ на глубоко вѣдранныя гражданскія добродѣтели.

Эти племена дѣйствительно всегда отличались, и какъ юнаки въ бою, и какъ граждане, стоящіе за правду и охраняющіе свои права, какъ высшую драгоценность. Но они извѣстны, рядомъ съ племенными и родовыми бытомъ, держали крѣпко и общину, которая стояла надъ родомъ и племенемъ. Грбаль, собственно, и есть община, въ которую, какъ составные единицы, входятъ роды

и племя. Этимъ духомъ общины Приморцы и стоять много выше своихъ братьевъ-Черногорцевъ, которые, не смотря на громадны преобразованья, постигшія ихъ бытъ, и на громадные труды князя Николая для поднятія просвѣщенія и культуры въ Черногоріи, по духу остаются при возвращеніяхъ своего старого, племеннаго и родового, быта.

Воть къ какимъ выводамъ относительно самого народа привело насть наблюденье обряда умиренья крови.

На этомъ мы могли бы и остановиться; но картина наша была бы не полна и заключенія не совсѣмъ ясны, еслибы мы, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, не упомянули о кровавой мести.

III.

Кровавая месть и умиренье крови — два нераздѣльныхъ древнія народныя учрежденія.

Кровавую месть многіе считаютъ признакомъ дикости народа и отсутствія въ немъ закона и законности, которые обуздывали бы самоволіе и грубые нравы дикарей. Это самый извращенный взглядъ на дѣло. Кровавая месть вмѣстѣ съ умиреньемъ крови представляетъ одно изъ стариннѣйшихъ учрежденій, которое не множило убийства, а напротивъ предупреждало ихъ.

Въ древнее время, во время племенныхъ формъ народной жизни, кровавая месть охраняла эти формы противъ произвола отдельныхъ лицъ. Когда не было хорошей администраціи и полиціи, всякий воздерживался отъ обиды кому либо и нарушенія мира, зная, что его непремѣнно постигнетъ за то казнь, если не его лично, то его родственника или одноплеменника, передъ которыми онъ также долженъ быть отвѣтчикомъ. Что въ послѣдствіи изъ этого произошло много зла, въ томъ виновато не учрежденье, а культурная степень народа и самый характеръ этой культуры. Больше всего принесла этому зла война, которая выше всѣхъ добродѣтелей и способностей человѣческихъ ставить храбрость и умѣніе справляться со своими жертвами; затѣмъ отсутствіе законности и неуваженіе власти къ народнымъ обычаямъ и учрежденіямъ. На Балканскомъ полуостровѣ Турція явилась военною ордою, въ которой все дѣлалось по мысли и волѣ ея главнаго военного повелителя — падишаха и его субалтерновъ.

И въ этомъ обезображенномъ государствѣ народъ спустился на степень скота, а съ нимъ вмѣстѣ потеряли всякое значеніе и его учрежденія, которыхъ съ того времени не могли болѣе дѣйствовать или стали подвергаться извращенію. Между тѣмъ прежде было иначе. Кровавая месть при Неманичахъ признавалась за учрежденіе народное и государственное. Душанъ, не уничтоживъ его совсѣмъ, регулировалъ его, замѣнивъ другими законами.

Интересный случай приводить г. Весничъ (стр. 32—33) изъ начала XIV в. «Однъ Дубровчанинъ убиль Сербина; дубровницкій кнезъ (comes) хотѣль казнить его смертью, по итальянскому закону; но Дубровчане не дали, и дѣло было сообщено въ Венецию. Тутъ рѣшено было передать дѣло сербскому кралю (тогда былъ Милутинъ), тѣмъ болѣе, что пострадалъ Сербинъ. Краль на это отвѣтилъ, что онъ никакъ на это не соглашается, не желая проливать кровь своихъ, и что желаетъ, чтобы судили и рѣшили по древнему, его и его предковъ обычай вражды, и иначе не соглашается никакъ, такъ какъ онъ это подтвердилъ даже присягою, а что Рагузинцы могутъ поступать со своими Рагузинцами, какъ хотять; онъ же самъ съ этими людьми не поступить иначе, какъ по обычай вражды¹⁾).

Этотъ случай лучше всего показываетъ намъ, какъ полезно въ то время было это учрежденіе умиренья крови, которое составляетъ только заключительный актъ кровавой мести.

Междуд прочимъ г. Весничъ обращаетъ вниманіе еще и на тотъ фактъ, что у западныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, уничтоженію кровавой мести главнымъ образомъ помогло католическое духовенство, чего совсѣмъ не замѣчается у Сербовъ (стр. 20—21), и далѣе объясняетъ это невысокимъ уровнемъ образованности сербского духовенства, а потомъ добавляетъ: «Даже когда сербская церковь мѣшалась въ дѣла кровавой мести, священники и тогда являются, какъ суды, и участвуютъ не какъ слуги церкви, но скорѣе, какъ главные люди своего племени» (стр. 69—70).

Въ этой послѣдней замѣткѣ все правда; мы только дадимъ ей надлежащее освѣщеніе.

Католическое духовенство никогда не было народнымъ; поэтому оно никогда и не держалось народныхъ обычаевъ, а скорѣе уничтожало ихъ, не щадя даже самой народности; тогда какъ сербское духовенство всегда было чисто народное и потому держалось¹⁾ народныхъ обычаевъ, какъ своихъ родныхъ, собственныхъ. И потому, участвуя во всѣхъ народныхъ дѣлахъ, какъ люди, стоящіе по уму и другимъ качествамъ выше остального народа, духовные лица старались не уничтожать народныя учрежденія, а оберегать ихъ отъ искаженій и вносить въ исполненіе разныхъ предписываемыхъ ими формъ только порядокъ, любовь, смыслъ и идею, чтѣ и приличествуетъ вполнѣ ихъ пастырямъ.

¹⁾ Отвѣтъ короля Уроша, 1308 г. въ Сербск. Памят. М. Пуцича. (1862 г. стр. 153).
•Quod in hoc nullo modo assentiret et quod solebat spargere sanguinem suorum, sed volebat sententiare et tenere antiquam consuetudinem vrasde praedecessorum suorum et suam et quod alind non faceret aliquo modo, quia hoc etiam firmaverat per sacramentum et quod Racusei facerent de suis Racuseis quidquid vellent, sed ipse non faceret de suis hominibus nisi secundum dictam consuetudinem vrasdae.

скому призванию. Въ этомъ случаѣ не корить ихъ слѣдуетъ, а благодарить за святое храненіе народности со всѣми ея древними обычаями и учрежденіями.

А что касается Запада, то тамъ надъ искорененіемъ этого обычая работало много факторовъ: общее благоустройство жизни и культурность нравовъ, просвѣщеніе и просвѣщенная власть, гуманизмъ и гуманные идеи, которыя сыпались въ народъ великими, просвѣщенными умами; въ томъ же смыслѣ помогало и католическое духовенство; но отнюдь не оно одно. Сербамъ же досталась иная доля: турецкое господство, военная власть, мухамеданство со всѣми сопровождающими злами; а все, чтѣ сербскій народъ сохранилъ, вопреки всѣмъ обращеннымъ на него гоненьямъ, всѣ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи помогли ему освободиться отъ чуждаго ига и занять съ достоинствомъ място между культурными народами, сохранено преимущественно его духовенствомъ.

Вотъ почему духовныя лица были не за истребленіе такихъ обычаевъ, какъ кровавая месть и умирѣніе крови, а за ихъ лучшее примѣненіе на практикѣ.

Говоря о кровавой мести, не нужно забывать, что тутъ примѣщивается иѣчто и изъ религіознаго чувства. «Ко се не остави, тај се не посвети» говорить Сербинъ. Это значитъ: «Тотъ не можетъ быть святымъ, т. е. удостоиться заслуженной его добродѣтелями жизни на томъ свѣтѣ, кто не будетъ отомщенъ».

Это далеко отъ разнузданнаго убийства, которое совершаются въ Албаніи, а когда-то бывало и въ Черногоріи и Приморѣ, когда не изъ мести, а просто изъ пустяковъ видались другъ на друга, и тутъ падали десятки жертвъ.

В. Врчевичъ разсказываетъ, какъ въ Гробљѣ же въ 1842 г., начавши шуткой, окончили тѣмъ, что убили троихъ на смерть, а 6 ранили. Но и это не все. Въ дополненіе къ тому, четверо, встрѣтивши священника и изъ разговора съ нимъ узнавши, что онъ идетъ причастить одного изъ раненныхъ, убили и его на мястѣ.

Это—разнузданность, дошедшая уже до какого-то опьяненія кровью, и какое-то пренебреженіе къ человѣку и человѣческой крови. Для такихъ слушаевъ, мы бы сказали, и нѣть умирѣнья; но народный духъ и тутъ нашелъ выходъ, чтобы только избѣжать зла еще большаго.¹⁾

Такого рода массовыя убийства не имѣютъ ничего общаго съ кровавою местью. Но и она теряетъ смыслъ тамъ, гдѣ государство береть на себя охрану жизни и имущества каждого.

¹⁾ См. В. Врчевичъ—«Низ приповѣдака» Панчево 1881 г. статья: «Крвава умоба» стр. 196—206.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что, какъ кровавая месть, такъ и умиренъе крови, были нѣкогда народными учрежденьями, посредствомъ которыхъ обеспечивалась всеобщая безопасность, и польза или необходимость ихъ признавалась самою политическою властью; но времена и обстоятельство измѣнили ихъ духъ и характеръ, а всеобщая разнузданность нравовъ и привычка биться за каждую мелочь внесли въ это учрежденье то, что оно сдѣлалось бичемъ человѣчества.

Но это нужно приписать измѣненію нравовъ, одичавшихъ подъ вліяніемъ духа воинственности; дикие нравы эти и извратили учрежденье кровавой мести до удовлетворенія кровью за малѣйшую обиду, иногда только воображаемую. Въ концѣ концовъ, кровавая месть теперь утратила всякий смыслъ и значеніе, а только заключительный ея актъ, умиренье крови, какимъ-то чудомъ вполнѣ законно продолжаетъ существовать и нынѣ.

П. Ровинскій.

Цетинъ, 16 окт. 1890.

Маріупольскіе Греки.

Занимаясь исторіей готскихъ народностей въ области нынѣшней Россіи вообще и крымскихъ Готовъ въ особенности, я пришелъ къ убѣждению, что послѣднихъ потомковъ Готовъ таврическихъ слѣдуетъ видѣть въ такъ называемыхъ Маріупольскихъ Грекахъ, выселившихся въ 1778 г. изъ Крыма подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита Готейскаго и Кафайскаго¹). Выходцамъ этимъ были отведены обширныя земли въ нынѣшнемъ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, гдѣ они основали городъ Маріуполь и 23 селенія, существующія и понынѣ²).

Переселенцы, въ составъ которыхъ вошли также тѣ немногіе Грузины и Волохи³), которые вмѣстѣ съ Греками выселились подъ защиту единовѣрной православной державы—Россіи, распадаются на двѣ части: одни изъ нихъ, такъ называемые «татъ», говорять по гречески; они вышли главнымъ образомъ изъ прежнихъ Генуезскихъ владѣній южного берега Крыма;—другіе, говорящіе по татарски,—суть выходцы изъ юго-западной горной области Крымского полуострова, т. е. именно изъ той области, которая до 1475 г. составляла владѣніе Манкупскихъ или «Готскихъ» князей (domini Todori или domini Gotiae Генуезцевъ).

Отправляясь лѣтомъ текущаго года на югъ съ цѣлью отысканія здѣсь слѣдовъ готской жизни, я поставилъ себѣ прежде всего задачей познакомиться съ этими потомками народа, слѣды котораго я хотѣлъ отыскать. При этомъ изслѣдованию подлежала, очевидно, главнымъ образомъ та часть греческаго населенія, которая говорить по татарски. Я могъ тѣмъ болѣе ограничиться ею,

¹) Мысль эта высказана въ видѣ догадки уже въ 1874 г. А. Куникомъ въ Зап. Акад. Наукъ XXIV, стр. 142. Причины, подтвердившія мнѣ эту мысль, изложены мной въ статьѣ «Die letzten Schicksale der Krimgoten», появившейся въ отчетѣ Реформатского училища въ С.-Петербургѣ за 1889—90 учебный годъ.

²) Ихъ теперь 25, такъ какъ прибавилось двѣ деревни: Новая Карань и Новая Игнатьевка.

³) По рукописной «Вѣдомости» Суворова, хранящейся въ ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба и изданной мной въ указ. вмѣстѣ стр. 84 сл., Грузиновъ было всего 219, Волоховъ 161 человѣкъ; Грековъ же 18,391. Армянѣ, вышедши вмѣстѣ съ ними въ число 12,611, отдѣлились отъ нихъ и поселились на устьѣ Дона, основавъ здѣсь городъ Нахичевань.

что греческія деревни посетилъ и описалъ еще въ 1874 г. покойный Григорович¹⁾.

Сводя въ нижеслѣдующемъ результаты моей поѣздки въ Мариупольскій уѣздъ въ одну общую картину, я долженъ прежде всего замѣтить, что ходъ моихъ разысканій обусловливался исключительно главной моей цѣлью—отысканіемъ готскихъ слѣдовъ. Я не могъ и не хотѣлъ останавливаться, напримѣръ, на собираніи точнаго статистического материала относительно численности греко-татарскаго населенія или сельско-хозяйственнаго его быта. Это обстоятельство послужитъ, надѣюсь, достаточнымъ извиненіемъ той неполноты и односторонности, которымъ, по необходимости, долженъ страдать мой очеркъ жизни и быта Мариупольскихъ Грековъ. Главной цѣли своей я не достигъ, т. е. ясныхъ слѣдовъ готской жизни я не нашелъ ни въ лексиконѣ татарскаго говора, ни въ собственныхъ именахъ, ни въ преданіяхъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, по дорогѣ къ ясно-намѣченной, къ сожалѣнію не достигнутой, цѣли попались кое-какіе факты «живой старины», которые, можетъ быть, покажутся читателю не безъинтересными.

Пріемы, которыми я пользовался при собираніи интересовавшаго меня материала, состояли въ слѣдующемъ. Прибывъ въ какое-либо село, я обращался прямо къ сельскому старостѣ или волостному старшинѣ, гдѣ таковой имѣлся. Растрогивъ его и растолковавъ въ чёмъ дѣло, я черезъ него собиралъ всѣхъ стариковъ деревни. Дѣлалось это обыкновенно очень быстро, такъ какъ старики, по дряхлости своей, уже не уходятъ въ поле на работу и въ большинствѣ случаевъ оказывались всѣ на лицо. Приводили ко мнѣ людей дѣйствительно старыхъ; встречались между ними такие, которымъ свыше 80-ти лѣтъ (одинъ, въ Бешевѣ, утверждалъ даже, что ему больше ста); не было конечно такихъ, которые-бы видѣли еще Крымъ; въ большинствѣ случаевъ они оказывались сыновьями, рѣдко внуками, первоначальныхъ выходцевъ. Они почти всѣ крайне интересовались моимъ дѣломъ и очень охотно отвѣчали на мои вопросы. Недовѣрчивость, обычную въ простолюдинѣ въ подобнаго рода вопросахъ, я замѣчалъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Вообще я долженъ отмѣтить фактъ, что во всемъ краѣ, во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ населенія я встрѣтилъ такое дружелюбное, почти ласковое отношеніе ко мнѣ и моему дѣлу, такую, часто неожиданную, предупредительность въ оказаніи содѣйствія моимъ разысканіямъ, что край Мариупольскихъ Грековъ въ этомъ отношеніи оставилъ во мнѣ самое лучшее воспоминаніе²⁾). Я отмѣщаю это не только для

¹⁾ Записка Адтикварія о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ. Одесса. 1874.

²⁾ Но могу не вспомнить адѣль есть особиной благодарностью Мариупольскаго уѣзда-наго исправника Георгія Николаевича Гордышеваго, который всячески и словомъ и дѣломъ оказывалъ мнѣ свое вліятельное содѣйствіе.

того, чтобы печатно повторить выражение глубокой благодарности всѣмъ содѣйствовавшимъ мнѣ лицамъ, но и для того, чтобы показать, что я при своихъ изысканіяхъ былъ поставленъ въ наиболѣшія условія; если результаты моей поѣздки оказались тѣмъ не менѣе сравнительно незначительными, то это слѣдуетъ приписать отсутствію ожидавшагося мной материала.

Возвращаюсь къ изложению моихъ пріемовъ.

Разговоръ со стариками составлялъ самую интересную и поучительную часть моихъ разысканій. Покончивъ съ нимъ, я обыкновенно отправлялся къ мѣстному священнику. Отъ него я часто получалъ драгоценныя свѣдѣнія, такъ какъ большинство священниковъ вышло изъ среды тѣхъ же Грековъ и во многихъ случаяхъ уже раньше интересовалось историческимъ прошлымъ этихъ Крымскихъ выходцевъ. Осмотромъ церкви и церковной утвари обыкновенно заканчивалось мое пребываніе въ извѣстномъ селѣ.

Я провелъ въ области Мариупольскихъ Грековъ всего 10 дней. За это время я успѣлъ познакомиться съ городомъ Мариуполемъ и со всѣми 10-ю татарскими деревнями въ слѣдующемъ порядкѣ: Старый Крымъ, Карань, Игнатьевка, Ласпа, Бешево, Улаклы (Джемрекъ тоже), Богатырь, Камара, Старый Керменчикъ¹⁾ и Мангушъ. Кроме того, я по дорогѣ останавливался въ Большой Янисолѣ (Салгири-Енисала тоже) и въ Стылѣ, двухъ греческихъ деревняхъ.

Что касается исторіи первоначального заселенія края Крымскими выходцами, то нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія я почерпнулъ изъ «Списка съ записки внесенной министромъ финансовъ въ комитетъ министровъ 31-го декабря 1823 году за № 3966.» Списокъ этотъ хранится у г. исправника Гордышеваго и любезно былъ мнѣ имъ предоставленъ. Изъ этой записки оказывается, что по плану въ 1779 г. Высочайше конфирированному Грекамъ предназначалось 1,237,475 десятинъ земли въ границахъ, подробно обозначенныхъ. Но когда въ 1817 г. была назначена комиссія для точнѣшаго определенія земельной собственности каждого села и рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ относительно землевладѣнія Грековъ, то «означенного въ грамотѣ числа десятинъ не оказалось, отъ того что въ самой натурѣ ихъ не явилось», какъ характерно выражается записка, а оказалось въ означенныхъ грамотой границахъ всего только 744,384 дес. 1225 саж., т. е. почти на 500,000 десятинъ меньше предполагавшейся земли. Изъ этихъ земель въ безспорномъ владѣніи Грековъ состояло 723,563 дес. 1359 саж., остальная же земли были

¹⁾ Въ Маломъ-Керменчикѣ я не былъ: это село основано позднѣе выходцами изъ Старого Керменчика и не имѣть, какъ меня увѣрили, ни стариковъ свѣдущихъ, ни старинной церковной утвари.

заселены казенными крестьянами или состояли во владѣніи помѣщиковъ. Но такъ какъ и этихъ земель казалось слишкомъ много для сравнительно малаго числа переселенцевъ, то комиссія нарѣзала основаннымъ послѣдними 23-мъ селеніямъ всего 350,080 дес. 2181 саж., а городу Мариуполю всего 14,991 дес. 145 $\frac{1}{2}$ саж.¹⁾, да для рыбного промысла 6000 дес. удобной и 2332 дес. 755 саж. неудобной земли. Кромѣ того, Грекамъ предоставлено еще 139,517 дес. 1527 $\frac{1}{2}$ саж. для будущаго заселенія. Надѣль бытъ, какъ видно, очень щедрый: всего Грекамъ отведено 518,421 дес. 2209 саж. Въ 23-хъ греческихъ селеніяхъ насчитывалось тогда Грековъ, Грузиновъ и Волоховъ всего 11,212 душъ мужскаго пола, которая распредѣлялись по селеніямъ слѣдующимъ образомъ: Сартана 664, Чермальскъ 425, Карапъ 652, Игнатьевка 630, Ласпа 396, Каракуба 435, Бешево 620, Стыла 489, Волковаха 207, Улаклы 309, Константинополь 487, Богатырь 571, Камара 588, Большая Янисоль 613, Новая Каракуба 417, Керменчикъ 650, Новый Керменчикъ 169, Малая Янисоль 842, Чердаклы 407, Старый Крымъ 214, Мангушъ 655, Ялта 570, Гурзуфъ 202.

Въ Мариупольской городской управѣ сохранился оригиналъ карты тѣхъ земель, которая, по рѣшѣнію Екатерины II, предназначались переселенцамъ. Она носить заголовокъ: «Карта представляющая часть Азовской губерніи Мариупольского уѣзда, земли, которая опредѣляется вышедшими изъ Крыма Грекамъ». Посреди самой карты собственноручная надпись Императрицы: «Быть по сему. Екатерина». Затѣмъ другой рукой приписано: «Конформантъ 2-го октября 1779 года»; наконецъ, внизу на самомъ краю подпись: «Князь Потемкинъ». На эту карту, конечно, еще не нанесены основанные въ послѣдствіи села; но уже обозначено мѣсто, гдѣ предполагалось основать Мариуполь: это тоже мѣсто, на которомъ теперь дѣйствительно стоитъ этотъ городъ.

Въ городской же управѣ хранится и довольно обширный архивъ, но, къ сожалѣнію, въ страшнѣйшемъ беспорядкѣ. Даже поверхностное ознакомленіе съ нимъ заняло бы нѣсколько мѣсяцевъ; я поэтому за него и не брался, тѣмъ болѣе, что хранитель его увѣрялъ меня, что старыхъ документовъ, касающихся первоначального заселенія края, въ немъ не имѣется: состоять они почти исключительно изъ бумагъ бывшаго греческаго суда, просуществовавшаго до 60-хъ годовъ нашего столѣтія.

Что касается распредѣленія переселенцевъ по деревнямъ, то меня прежде всего интересовалъ вопросъ, изъ какихъ именно крымскихъ деревень вышли жители каждого Мариупольского села въ отдѣльности. Къ сожалѣнію, я под-

¹⁾ Удобной земли 14,264 дес. 1732 $\frac{1}{2}$ саж., неудобной 726 дес. 813 $\frac{1}{2}$ саж.; солоніямъ: 346,602 дес. 1010 $\frac{1}{2}$ саж. удобной и 8978 дес. 1170 $\frac{1}{2}$ саж. неудобной.

ной ясности въ этомъ вопросѣ не достигъ. Письменныхъ свидѣтельствъ обѣ этомъ нѣть никакихъ, а что касается устныхъ преданій, то и они въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. Твердыя точки опоры даютъ только названія деревень: въ нихъ повторяются названія крымскихъ сель, изъ которыхъ вышли основатели ихъ: такъ, въ селѣ Улаклы, называющемся и Жемрекъ, поселились, очевидно, выходцы изъ крымскихъ сель Улаклы и Жемрекъ. Этими данными приходится довольствоваться относительно сель: Демирджи (Константинополь тожъ), Камары, Чермалыка, Бешева, старой и новой Каракубы (Аргынъ тожъ), Сартаны, Чердаклы, Малой Енисоли, Эски-Крыма, Мангуша, Стыли, Гурзуфа (или Кызылташъ) и упомянутаго уже Жемрека (Улаклы).

Относительно остальныхъ восьми сель¹⁾ мнѣ удалось установить слѣдующее: въ Карани поселились выходцы изъ крымскихъ деревень Карани, Мармары и Черкезъ-Кермана (устное преданіе); въ Ласпѣ: жители Ласпы и Алсу (потому что одна часть деревни и теперь еще называется Алсу); въ Богатырѣ: изъ Богатыря и деревни Лака (такъ какъ, со словъ священника, часть деревни называлась такъ); въ Большой Енисолѣ поселились жители крымской деревни того же названія и, кромѣ того, выходцы изъ села Аянъ; до настоящаго времени село распадается на двѣ части: одна, Янисоль, говорить по гречески, другая, Аянъ, по татарски!²⁾ Такъ какъ послѣдняя называется и Езенбашъ, то, вѣроятно, въ нее вошли также выходцы изъ этой крымской деревни. Въ Старомъ Керменчикѣ соединились жители четырехъ сель: Керменчика, Шуру, Албата и Бія-сала; они, по преданію, составляли въ Крыму одну парахію и, поселившись вмѣстѣ, заволи споръ о церковномъ престолѣ: побѣду одержали жители Керменчика, и церковь была выстроена во имя Св. Троицы, такъ какъ такая-же церковь имѣлась въ крымскомъ Керменчикѣ.— Наконецъ, Ялта заселена выходцами изъ Ялты, Бюкъ-Ламбата и Кючюкъ-Ламбата.

Что касается села Игнатьевки, то оно заселено исключительно Грузинами и Волохами, вышедшими изъ Крыма вмѣстѣ съ Греками. По ихъ преданію, Грузиновъ-выходцевъ было всего 36 казановъ (т. е. семействъ; по «Вѣдомости» Суворова 219 человѣкъ); они въ Крыму своихъ сель не имѣли, а были въ рабствѣ у Татаръ; митрополитъ Игнатій освободилъ ихъ, вывелъ вмѣстѣ съ Греками и основалъ имъ здѣсь особое село, назвавъ его своимъ именемъ: Игнатьевкой. Они и теперь еще называютъ себя Грузинами, а не Греками, хотя говорятъ исключительно по татарски, забывъ грузинскій языкъ; между

¹⁾ Девятое—Волковаха или Бугасу основано не Крымскими выходцами, а анатольскими Греками въ 20-хъ годахъ.

²⁾ Церковь одна, но въ ней два престола: Воскресенія (Аянъ) и Георгія Побѣдоносца (Янисоль).

ними немного только «грековъ». Въ обычаяхъ и нравахъ они ни въ чёмъ не отличаются отъ сосѣднихъ Грековъ. Осталось одно лишь сознаніе, что они—Грузины, а не Греки, да еще нѣсколько грузинскихъ фамильныхъ именъ (такъ, есть между ними «дворянинъ» Ломидзевъ, который показалъ мнѣ свою дворянскую грамоту, выданную его дѣду при Екатеринѣ, въ подтвержденіе его дворянского достоинства). Въ ихъ составѣ вошли несомнѣнно всѣ выходцы крымскихъ сель Каччюи (?), Бешутки и Султанъ-Салы, изъ которыхъ выселились одни только Грузины. Въ другихъ деревняхъ Маріупольскихъ Грековъ я не нашелъ никакихъ слѣдовъ грузинского населения. Что касается Волоховъ (выходцевъ крымского села Абдалъ), то они, по увѣренію Грузиновъ, тупой народъ и не захотѣли жить вмѣстѣ съ Грузинами въ Игнатьевкѣ: они выселились и основали въ 10 верстахъ отъ старого села новое—Новую Игнатьевку, гдѣ и теперь живутъ сплошной массой¹⁾; говорятъ они по волошски, и фамиліи сохранили старыя, волошскія (я замѣтилъ между ними известную и у насъ фамилію Абаза). По преданію, ихъ было при выселеніи изъ Крыма 96 человѣкъ; по вѣдомости Суворова 161; теперь ихъ 382 души мужескаго и 390 женскаго пола.

Мнѣ осталось еще замѣтить, что въ самомъ Маріуполѣ поселились выходцы изъ Карасу-базара, Кафы (Феодосія) и Бахчисараа²⁾.

Такимъ образомъ удалось опредѣлить мѣсто поселенія выходцевъ изъ 37-ми крымскихъ городовъ и сель. По вѣдомости Суворова, Греки, Грузины и Волохи вышли изъ 68-ми мѣстъ. Остается, слѣдовательно, неясной судьба переселенцевъ изъ 31 мѣста. Вѣроятно Греки городовъ Козлова (Евпаторія) и Балаклавы вошли въ составъ Маріуполя; выходцы другихъ сель слились съ большою массой, не оставивъ по себѣ воспоминанія о первоначальной родинѣ. Странно однакожъ, что въ ряду названий Маріупольскихъ сель встрѣчаются и такія, которыхъ нѣть въ спискѣ Суворова, именно: Богатырь, Аргынъ (Каракуба) и Єзенбашъ (Янисоль), а, между тѣмъ, одноименные села и теперь еще существуютъ въ Крыму и, несомнѣнно, изъ нихъ дѣйствительно вышли православные. Обстоятельство это, конечно, должно быть объяснено неточностью Суворовской вѣдомости. Можетъ быть, спорныя деревни въ ней поименованы, но подъ другимъ только названіемъ?

Замѣчу наконецъ еще, что, по преданію, вмѣстѣ съ православными выселилось изъ Крыма и нѣсколько мусульманскихъ семействъ, которые приняли крещеніе уже только въ Россіи; но они до настоящаго времени народомъ и

¹⁾ Новая Игнатьевка пока еще заштатное село, но жители хлопочутъ о признаніи его самостоятельнымъ и строить церковь.

²⁾ Рѣчь свящ. Павла Щербина по поводу столѣтія кончины митрополита Игнатія, 1886 г., стр. 17.

официально (т. е. по фамилии) называются «турками» (со словъ отца Андрея Чентукова въ Старомъ-Крымѣ).

Виѣшній типъ у всѣхъ переселенцевъ въ общемъ одинъ и тотъ-же: они среднаго роста, не слишкомъ крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, обыкновенно въ кудряхъ, глаза большие, быстрые, черные, носъ большой съ горбомъ, губы широкія, въ сильныхъ, энергичныхъ контурахъ,— однимъ словомъ, это тотъ-же типъ, который и теперь еще господствуетъ среди горныхъ жителей Крыма, т. е. типъ чисто новогреческій, своеобразно красивый и характерный. Типичныя черты тюркскаго племени (въ Крыму—степныхъ и городскихъ Татаръ): узкій разрѣзъ карихъ глазъ, сильно развитыя скулы, узкія блѣдныя губы и желтовато-блѣдныи цвѣтъ лица—встрѣчаются крайне рѣдко; я замѣтилъ въ этомъ отношеніи только одно дѣйствительно типичное лицо (сына волостнаго старшины въ Карани; его отецъ—чистѣйшій Грекъ).

Но болѣе интересно и важно для насъ другое отступленіе отъ общаго греческаго типа: это—чисто готскій типъ. Онъ встрѣчается не слишкомъ часто, но нельзя сказать, чтобы очень рѣдко: почти въ каждой деревнѣ я замѣтилъ одного или нѣсколько лицъ этого типа: они ростомъ выше Грековъ, стройнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкаго, широкаго тѣлосложенія; глаза темно-голубые, красиваго разрѣза, не такие широкіе, какъ у Грековъ, волосы золотистаго цвѣта, съ рыжеватымъ оттенкомъ въ кудряхъ; цвѣтъ лица, какъ у всѣхъ блондиновъ, нѣжный, щеки и губы алые, носъ короткій, прямой. Однимъ словомъ, это чисто готскій типъ; существование его среди греческаго населенія Мариупольскаго уѣзда я не могу себѣ объяснить иначе, какъ атавизмомъ, проявленіемъ готской крови въ жилахъ этихъ переселенцевъ. Особенно поразилъ меня ямщицъ, везшій меня изъ Богатыря въ Камару, юноша лѣтъ 19-ти, носящій всѣ характерныя черты этого типа; имя его Гавріль, по фамилии Чалбашъ (т. е. «блѣлая голова»); онъ рассказалъ мнѣ, что и у покойнаго отца его были свѣтлые волосы и голубые глаза, отчего его и прозвали «блѣлой головой»¹). Что этотъ свѣтлый германскій типъ встрѣчается сравнительно рѣдко, это неудивительно: въ борьбѣ двухъ типовъ, свѣтлого и смуглаго, всегда побѣждаетъ темный (ср., напр., юго-западную Германію и французскую Швейцарію).

Что касается языка переселенцевъ, то они, какъ я уже сказалъ, дѣлятся въ этомъ отношеніи на двѣ группы: одни, такъ называемые «татъ», говорять на своеобразномъ греческомъ нарѣчіи, которое они называютъ «аила» (оно

¹) Я сначала огносился очень недовѣрчиво къ случаю этого рода и въ каждомъ отдельномъ случаѣ спрашивалъ, нѣтъ-ли тутъ примѣси великорусского свѣтлого типа. Но недовѣріе оправдалось только одинъ разъ (въ Ласпѣ), притомъ-же это было дѣйствительно русское, но готское лицо (глаза сѣрые, носъ маленький).

описано Григоровичемъ въ указ. статьѣ); но кромъ того, всѣ «таты» понимаютъ и говорять также и по татарски; пѣсни ихъ даже всѣ исключительно татарскія; греческихъ пѣсень они не помнятъ. Другая группа, говорящая по татарски, вовсе не знаетъ греческаго языка. Любимая пѣсня какъ тѣхъ, такъ и другихъ—пѣснь о героѣ Кјороглу (сынѣ слѣпца) и его подвигахъ, которая поется и въ Крыму еще. Но Татары помнятъ, что и они говорили когда-то по гречески: священники неоднократно рассказывали мнѣ, что крестьяне постоянно обращаются къ нимъ съ просьбой читать имъ евангелие по гречески, хотя они ни одного слова греческаго не знаютъ: «намъ, говорять они, тонь приятень!» (Старый-Крымъ, от. Чентуковъ). И дѣйствительно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда священникъ соглашается на ихъ просьбу и читаетъ имъ евангелие по гречески, то въ крестьянахъ появляется гораздо больше усердія къ молитвѣ, и они толпами сходятся послушать звуки языка ихъ предковъ на далекой родинѣ.

Въ языкѣ Татаръ, съ которыми я успѣлъ поближе познакомиться, встрѣчается сравнительно мало словъ греческихъ, исключительно для выраженія понятій церковныхъ: такъ «святой» въ ихъ языкѣ: аіօս (այօս), но передъ собственнымъ именемъ то же понятіе выражается татарскимъ «азисъ» (азисъ Петросянъ). Германскихъ словъ я въ ихъ языкѣ не нашелъ, хотя ревностно искалъ ихъ. За-то въ него все больше и больше проникаетъ русскихъ словъ. Дѣло въ томъ, что мужчины уже всѣ безъ исключенія знаютъ русскій языкъ, а молодежь даже между собой часто говорить по русски; важную роль играетъ здѣсь, конечно, общая воинская повинность и русское богослуженіе, сравнительно недавно введенное (см. ниже). Обрусѣніе подвигается очень быстро впередъ, и черезъ два-три поколѣнія русскій языкъ будетъ господствовать и въ обыденной рѣчи Грековъ-переселенцевъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я въ глухой степи встрѣтился съ молодымъ Грекомъ и попросилъ его спѣть мнѣ пѣсню, а онъ мнѣ въ отвѣтъ затянуль тонкимъ носовымъ голосомъ: «Я женился, перемѣнился; я таперича не твой!» Я остановилъ его, но онъ увѣрялъ, что у нихъ другихъ пѣсень не поютъ, что старики, моль, еще помнятъ кое-какія татарскія пѣсни, а они, молодежь, поютъ только русскій. Это подтвердили мнѣ въ послѣдствія и старики. Какимъ образомъ сѣверная фабричная пѣсня попала на югъ, на берега Калки—я не знаю.

Все сказанное о языкахъ относится, однако, только къ мужскому населенію; женщины въ этомъ отношеніи консервативнѣе, и я не видалъ ни одной женщины знающей, хотя мало-мальски, русскій языкъ. Фамильные прозвища въ рѣдкихъ только случаяхъ сохранили чисто греческую, либо татарскую форму (напр. Экзарху, Коджасиро; Уружбай, Мами, Муратъ, Тельмачъ); по большей части они уже передѣланы на русскій ладъ (Чентуковъ, отъ татарск.

Чентухъ куцый; Костомановъ, Барабашовъ, Певріевъ, Акритовъ, Темировъ), или же они прямо русскія (особенно въ духовномъ сословіи: Савельевъ, Агапіевъ, Юрьевъ, Антоніевъ; всѣ эти лица—Греки, не Руссніе). Наконецъ въ Мангушѣ я встрѣтилъ старика Суворова, или лучше Сувурова: онъ сказалъ мнѣ, что отецъ его, вышедшій изъ Крыма, назвалъ себя такъ въ честь знаменитаго полководца, который командовалъ въ то время южно-русскими арміями и былъ главнымъ руководителемъ и защитникомъ переселенцевъ въ 1778 году.

Въ бытѣ и обычаяхъ переселенцы Греки не отличаются отъ Татаръ: и тѣ и другіе, какъ жаловались мнѣ священники, народъ лѣнивы; работаютъ только мужчины, да и то лишь бѣдные; женщины же всѣ дома сидятъ и весь день трубки курятъ, въ чемъ, конечно, сохранилась черта ихъ крымской жизни и татарскаго вліянія. Но вообще они народъ трезвый и честный; пьянство пока еще не слишкомъ сильно распространено. Отличіе Грековъ отъ Татаръ замѣчается только въ праздничномъ нарядѣ женщинъ: Гречанки носятъ на головѣ бѣлые повязки съ блестящими побрякушками, Татарки—простые платки яркихъ цвѣтовъ¹⁾). Въ Енисольѣ, которая распадается на двѣ части (см. выше), отличіе это строго соблюдается. Мужчины одѣваются одинаково.

Невѣсты Татары выбираютъ только изъ татарскихъ сель, Греки—изъ греческихъ; но причина этому не сознаніе національного отличія, а различіе въ языкѣ: Татарки не знаютъ греческаго языка и наоборотъ. Браки съ Русскими въ прежнее время никогда не заключались; теперь они хотя и случаются, но очень рѣдко. Жениится молодежь не по расчету, а всегда, будто-бы, по любви: «быль-бы женихъ красавецъ», вотъ принципъ, которымъ руководствуются невѣсты, выходя за-мужъ (Старый-Крымъ).

Любопытный старинный обычай сохранился какъ у Грековъ, такъ и у Татаръ—такъ называемые панаиры, публичныя игры въ высокіе церковные праздники (храмовые, на Рождество и т. д.). Въ опредѣленный день собираются въ сель жители окрестныхъ деревень; всѣ выходятъ на свободное мѣсто передъ селомъ и начинается рядъ поединковъ: борцы обхватываются и стараются повалить другъ друга; побѣженъ тотъ, чья спина первая дотронется до земли. Вокругъ борцовъ стоятъ старики и наблюдаютъ, чтобы все шло правильно, по старинному, чтобы не было драки; они же большинствомъ голосовъ решаютъ спорный дѣла. Передъ борьбой борцы благословляются священникомъ, который обязательно присутствуетъ на играхъ, и затѣмъ приступая къ борьбѣ, обмѣниваются братскими поцѣлуемъ. Награду лучшаго борца составляетъ, кромѣ славы, голова быка, съѣденіяго сообща всѣмъ народомъ.

¹⁾ Для подъ вѣнецъ, невѣсты въ Мангушѣ закрываютъ себѣ лицо на турецкій задъ.

Дѣло въ томъ, что за играми слѣдуетъ пиръ, устраиваемый однимъ изъ сельчанъ или иѣсколькими вмѣстѣ, если участники бѣдны. Священникъ рѣшаеть, у кого быть угощенню въ слѣдующій панаиръ. Охотниковъ всегда много (не смотря на то, что пиръ обходится, конечно, дорого), такъ какъ угощать народъ въ этихъ случаяхъ считается большой честью. Впрочемъ, каждый изъ гостей приносить на пирушку кто что можетъ, уменьшая этимъ расходы хозяина.

Конечно, на этихъ панаирахъ случаются и несчастія. Такъ, иѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Ласпѣ одинъ борецъ изъ Бешева переломилъ себѣ ногу; случай этотъ хотѣли скрыть, и слишкомъ поздно отвезли больного въ больницу, гдѣ онъ черезъ иѣсколько дней умеръ. Не смотря на это, сами родственники пострадавшаго отвѣчали на вопросы полиціи отрицательно, утверждая, что онъ самъ переломилъ себѣ ногу случайно въ полѣ: боялись, что полиція запретить панаиры.

Такихъ панаировъ въ каждомъ селѣ по иѣскольку въ годъ. Въ Мангушѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ сель, ихъ даже 9: два главные, на которые сходятся гости изъ другихъ сель (8 мая и 8 іюня), и 7 мелкихъ (1 яни., 1 и 10 февр., 21 мая, 27 іюня, 11 ноября и 24 декабря).

Что касается народныхъ преданій, то я не нашелъ ни одного такого, которое восходило бы до временъ Готовъ и готскихъ князей: эпоха татарского и турецкаго ига (1475—1778) такъ сильно подѣствовала на воображеніе угнетенныхъ, что въ ихъ памяти совершенно безслѣдно стерлись воспоминанія о прошлыхъ лучшихъ временахъ. Все, что я имъ разказывалъ о прежнемъ ихъ житьѣ-бытьѣ въ Крыму, о манкупскихъ князьяхъ и т. д., оказывалось для нихъ пріятною новостью; они увѣряли, что ихъ отцы и дѣды никогда ничего подобнаго имъ не разсказывали. Только одинъ упомянутый уже старикъ Суворовъ (Леонтій Феодоровичъ) въ Мангушѣ зналъ о существованіи готскаго княжества. Это вообще одинъ изъ интереснейшихъ людей, съ которыми мнѣ удалось познакомиться въ теченіи моей поїздки. Старикъ 81 года, разбитый параличемъ, вотъ уже третій годъ лежащий безъ движенія на постели, у открытаго окна своей избы, еле движущій языккомъ, но замѣчательно умный, начитанный и сохранившій поразительную свѣжестъ памяти. Онъ уже въ 1835 г. былъ старшиной, много путешествовалъ, бывалъ и въ Крыму. Онъ съ молодыхъ лѣтъ живо интересовался прошлымъ своего народа, спрашивалъ объ этомъ кого могъ, читалъ все, что попадалось ему подъ руки. Онъ многое мнѣ рассказалъ; но, къ сожалѣнію, подробности его рассказа скоро убѣдили меня въ томъ, что его источникъ—не устное, а книжное преданіе, хотя онъ и увѣрялъ, что, напримѣръ, объ Исаикѣ, послѣднемъ князѣ Ман-

купскомъ, сказывали ему и дѣды¹⁾). Новыхъ фактовъ я отъ него не узналъ. Ново для меня было только увлеченіе и восторгъ, съ которымъ онъ рассказывалъ обѣ этихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней и о подвигахъ своихъ предковъ, говоря при этомъ всегда въ первомъ лицѣ «мы...» Для него мое посвѣщеніе было сущимъ праздникомъ; онъ расплакался, когда я сказалъ ему, что хочу писать о его народѣ книжку, просилъ упомянуть въ книжкѣ и о немъ, да непремѣнно прислать ему. Я ему, конечно, обѣщалъ.

Если въ памяти переселенцевъ и исчезли слѣды давно минувшаго славнаго прошлаго, то воспоминанія о татарскомъ угнетеніи сохранились очень живыми. Они помнятъ имена Девлетъ-Гирея, Шагинъ-Гирея, Асланъ-бeya; старики не разъ, со слезами на глазахъ, рассказывали мнѣ обѣ угнетеніяхъ и мученіяхъ, которымъ подвергались ихъ отцы, о томъ, какъ Татары похищали у нихъ дѣвушекъ, позорили женъ, пилили ихъ отцевъ деревянной пилой и всячески мучили и разоряли ихъ. Обѣ этомъ и въ пѣсняхъ ихъ поется. Въ пѣсняхъ же воспѣвается, какъ говорили мнѣ священники, и далекая родина—Крымъ, воспоминанія о которомъ крѣпко держатся въ народной памяти. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ старииковъ не соглашался спѣть мнѣ такую пѣсню: они, очевидно, стѣснялись; а молодые этихъ пѣсенъ уже не знаютъ. Но что они помнятъ Крымъ, что отцы и, особенно, матери много имѣ разъ рассказывали о томъ, какъ хорошо въ Крыму, какія тамъ горы, виноградники, сады—это всѣ мнѣ говорили. Сохранились также преданія о богатыхъ кладахъ, будто бы зарытыхъ ихъ отцами при выходѣ изъ Крыма. Бывали примѣры, что потомки отирались туда, чтобы вырыть сконченное богатство: они, конечно, возвращались съ пустыми руками, хотя въ преданіяхъ мѣста, гдѣ зарыты эти клады, обозначены самыми точными образомъ: столько-то шаговъ влѣво или вправо отъ такого-то дерева, такой-то скалы.

Наконецъ, считаю нeliшнимъ упомянуть еще обѣ одномъ любопытномъ фактѣ сохраненія живой связи съ Крымомъ. Въ селѣ Богатырь есть священникъ отъ Леонтий Юрьевъ. Его отецъ и дѣдъ были священниками въ томъ-же селѣ. Прадѣдъ же его (по женской линіи) былъ иѣкто Юрий Сахавъ (Сахау), богатый дворянинъ, имѣвшій много земли въ крымской деревнѣ Богатырь: однихъ пастуховъ у него, по преданію, было иѣсколько сотъ, и при помощи ихъ онъ часто защищалъ и спасалъ христіанъ отъ Татаръ. Онъ же иѣсколько разъ спасалъ митрополита Игнатія и наконецъ вывелъ вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ православныхъ въ Россію, причемъ Игнатія вывезли въ бочкѣ, чтобы скрыть отъ Татаръ. Прибывъ на новую родину, Сахавъ основалъ здѣсь Богатырь и на

¹⁾ Самъ онъ, по его разсказу, также княжескаго рода. Грамота, выданная его предкамъ греческими (византійскими?) царями, была затеряна по пути въ Россію; бабушка Суворова всегда горько плакала, рассказывая внуку обѣ этомъ.

свои средства выстроилъ церковь, которая стоитъ и понынѣ. Въ крымскомъ же Богатырѣ существуютъ до сего дня дома и сады Юрия Сахава. Много лѣтъ тому назадъ жена одного «татарскаго дьякона» въ Богатырѣ, также происходящая изъ того же рода Сахавъ, но въ молодости похищенная Татарами, узнавъ, что въ Россіи имѣются потомки Юрия Сахава, прислала отцу Леонтию черезъ земляка въ подарокъ посохъ, волошскихъ орѣховъ мѣшокъ и 20 штукъ айвы!

Перехожу, наконецъ, къ послѣднему отдѣлу моего очерка. Церкви въ селахъ переселенцевъ въ общемъ довольно богаты. Старыхъ церквей однако мало: онъ большей частью замѣнены уже новыми. Самая старая—соборъ въ Маріупольѣ, выстроенный еще Игнатіемъ; онъ деревянный, простой и невзрачный, окна маленькия, украшеній почти никакихъ. Въ послѣдствіи перестроили его съ цѣлью увеличенія, причемъ, однако, оставили древнюю часть нетронутой; затѣмъ, такъ какъ онъ и въ этомъ видѣ казался слишкомъ малымъ, то выстроили рядомъ съ нимъ новый большой каменный соборъ. Въ старомъ покоятся прахъ митрополита Игнатія, память которого чтится потомками Крымскихъ выходцевъ. Онъ похороненъ въ склепѣ въ сидячемъ положеніи на креслѣ. Склепъ покрытъ бѣломраморной доской съ слѣдующей надписью золотыми буквами:

«Здѣсь покоятся приснопамятный святитель Игнатій
24-ый митрополитъ Готескій и Кафскій
мѣстоблюститель Константинопольскаго
патріарха въ Крыму
откуда увелъ Грековъ въ 1777 г. (sic!)
освободивъ отъ татарскаго ига
и водворивъ въ Маріупольскомъ округѣ
испросивъ для нихъ Высочайше
привилегированную граммату
скончался 16 февраля 1786 г.
и уцѣлѣвшій донынѣ».

Склепъ несолько разъ вскрывали; очевидцы разсказывали мнѣ, что тѣло покойнаго митрополита уцѣлѣло и находится все въ томъ же положеніи на креслѣ; облаченіе же все превратилось въ прахъ. Въ соборѣ же хранятся вещи, никогда принадлежавшія Игнатію, напр., его митра изъ краснаго сукна, серебряное кадило (съ надписью: τοῦ ἀγίου Νικολάου ἐκαστρο Καφᾶ 1778), серебряное блюдо 1732 года, такая-же ложечка 1759 г., и другія мелочи; наконецъ греческое печатное евангелие (Венеція 1709), принадлежавшее предшественнику Игнатія, митрополиту Гедеону, какъ явствуетъ изъ приписки на первомъ листѣ, сдѣланной рукой самого Игнатія въ 1765 г. На нѣкоторыхъ цѣнныхъ вещахъ есть еще слѣды черной краски, въ которую окрашивали

христіане драгоцѣнности, чтобы скрыть отъ хищныхъ Татаръ.—По сельскимъ церквамъ разсыпано довольно много подобныхъ предметовъ церковнаго обихода, вывезенныхыхъ еще изъ Крыма, большей частью издѣлія прошлаго вѣка, грубой работы. Одна только венцъ древнѣе: это серебряная чаша, на ножкѣ которой латинская надпись: PRO * HOSPITALI * S * MARIA * MAGDALENA * ANNO * DOMINI * 1599. Она находится въ церкви села Мангуша и попала сюда, очевидно, изъ какой нибудь генуезской католической церкви.—Наконецъ, отмѣчаю еще такую же чашу въ церкви Игнатьевки: на ея ножкѣ, на пяти круглыхъ медальонахъ, есть греческая надпись, упоминающая—въ самой варварской орѣографіи—о митрополіи Готеской и Кафской (*τις [τῆς] μητροπόλεως Γοτθίας καὶ Καφᾶ ἦτος 1722*). Это единственный предметъ церковной утвари, который напомнилъ мнѣ о томъ, что я находусь среди потомковъ Готовъ.

Изъ древнихъ иконъ самая замѣчательная: икона Божіей Матери Одигитріи въ Успенской церкви слободы Марьина подъ Мариуполемъ. Она уже описана Григоровичемъ. Подобныхъ ей старыхъ иконъ, писанныхъ на мастикѣ, есть несолько: такъ въ Ласпѣ образъ Георгія Побѣдоносца, такой же образъ въ Бешевѣ.¹⁾ Но большая часть иконъ въ сельскихъ церквяхъ—новыя, русской работы. Наконецъ, стоитъ упомянуть о древнемъ желѣзномъ крестѣ (выш. въ 1 м. 50 сант.) въ церкви села Богатырь; онъ покрытъ теперь мѣдными рельефными украшеніями русской работы. Онъ считается явленнымъ: пастухи нашли его въ полѣ еще въ бытность христіанъ въ Крыму, незадолго до выселенія; отнесли его въ сельскую церковь, но онъ не захотѣлъ тамъ остаться: два раза возвращался онъ самъ собой ночью на старое мѣсто, въ поле; наконецъ, когда его принесли въ избу одной благочестивой вдовы, онъ остался здѣсь до самого выселенія православныхъ. Когда захотѣли православные переселиться—съ крестомъ опять бѣда: не想要 онъ оставить излюбленнаго мѣста. Сняли его наконецъ съ молитвами, положили на телѣгу, повезли; да не тутъ-то было: оглобли телѣги повернули назадъ въ деревню. Помогли наконецъ тѣмъ, что крестъ связали, привязали къ телѣгѣ и такимъ-то образомъ отвезли его съ собой въ Россію. Теперь онъ стоитъ въ Богатырской церкви, подъ особымъ балдахиномъ, высоко чтимый жителями села и окрестныхъ деревень.

Что касается церковныхъ книгъ, то на ряду съ новыми, русскими, которыхъ однѣ только въ употребленіи теперь, имѣются во всѣхъ сельскихъ церквяхъ и старыя, особенно евангелія греческія, безъ исключенія печатныя, ве-

¹⁾ Георгій Побѣдоносецъ и Феодор Стратилатъ на ряду съ Константиномъ и Еленой—самые популярные святые края.

иціанской работы (древнѣйшее 1672 г. въ Эски-Крымѣ, затѣмъ 1689 г. въ Стылѣ и другія, большею частью прошлаго вѣка; новѣйшее 1852 года, также печатанное въ Венеціи); кромѣ того татарскій Апостолъ печатный греческими буквами (Венеція 1793 г.) въ Улаклахѣ, и рукописныя турецкія евангелія 1745 г. (Бешево), 1773 г. (Богатырь) и, наконецъ, еще 1869 г. (Карань). Переплеты всѣхъ этихъ книгъ — новые, не представляющіе интереса.

Богослуженіе ведется теперь, какъ я уже замѣтилъ, на русскомъ языкѣ, съ недавнихъ сравнительно поръ; оно было введено повсюду лишь лѣтъ 15—20 тому назадъ (въ Карани лишь съ 1879 г.); прежде оно велось на греческомъ языкѣ, котораго крестьяне вовсе не понимали. Теперь даже проповѣди читаются по русски; только нѣкоторые священники, произнесши русскую проповѣдь, повторяютъ ея суть еще по татарски — для женщинъ, которыхъ, какъ я уже сказалъ, вовсе не знаютъ русскаго языка. Изъ священниковъ мнѣ встрѣтился только одинъ Русскій, от. Феодоръ Карасевъ въ Ласпѣ, молодой еще человѣкъ. Всѣ остальные — Греки, но, конечно, получившіе воспитаніе въ русскихъ семинарияхъ и поэтому прекрасно владѣющіе русскимъ языккомъ. Часто священническій санъ переходитъ отъ отца къ сыну, и я уже указалъ на примѣръ села Богатыря, гдѣ внукъ служитъ въ томъ же мѣстѣ. гдѣ священникъ служилъ его отецъ и дѣдъ, въ церкви основанной прадѣдомъ,

Вышеизложеннымъ исчерпываются свѣдѣнія, добытыя мною во время моего странствованія въ приазовскихъ степяхъ.

Я искалъ свѣдѣній о тѣхъ же Грекахъ еще и въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно, что митрополія Готейская и Кафѣская по смерти Игнатія въ 1786 году была присоединена къ тогдашней Славянской, нынѣшней Екатеринославской епархіи. Я поэтому заѣхалъ въ Екатеринославль и спрашивался, не имѣется ли тамъ какихъ либо бумагъ изъ архива готской митрополіи.¹⁾

Оказалось, что такихъ бумагъ не имѣется, а есть только позднѣйшія записи о крещеніяхъ, бракахъ и т. д. Бумаги же митрополіи остались, какъ я узналъ потомъ, въ рукахъ наслѣдниковъ (племянниковъ) митрополита Игнатія (по фамиліи Хозадинова), и должны находиться у дочери одного изъ этихъ племянниковъ, основавшей въ Херсонѣ женскую гимназію. Я хотѣлъ написать туда, но Суворовъ сказалъ мнѣ, что уже раньше справлялись (если не ошибаюсь, преосвященный Гермогентъ, епископъ псковскій, бывшій таврическій), и что на письмо, посланное въ Херсонъ, не было получено отвѣта. Нужно бы прослѣдить это дѣло лично, на мѣстѣ. У меня не было на это ни времени, ни средствъ. Но думаю, что бумаги эти — если онѣ вообще еще имѣются — должны-бы найтись и что, во всякомъ случаѣ, стоитъ труда поискать ихъ.

¹⁾ Приношу искреннюю благодарность Д. Д. Барашкову за оказанную мнѣ при этомъ помощь.

Наконецъ, не могу не упомянуть о цѣнномъ пріобрѣтеніи, сдѣланномъ мною въ послѣдній день моего пребыванія въ Мариуполѣ. Отъ секретаря земской управы, Ивана Эдуардовича Александровича, я узналъ о цѣнныхъ лингвистическихъ и этнографическихъ матеріалахъ, собранныхъ покойнымъ Феоктистомъ Абрамовичемъ Хартахаемъ († 1881 г.), основателемъ и первымъ директоромъ Мариупольской мужской и женской гимназій. Хартахай самъ былъ по происхожденію Грекъ и еще студентомъ живо интересовался судьбой своихъ соплеменниковъ. Достигнувъ на родинѣ твердаго положенія, онъ явился ревностнымъ дѣятелемъ на поприщѣ просвѣщенія роднаго края. Къ сожалѣнію, многое изъ собранныхъ имъ матеріаловъ пропало по смерти его, такъ какъ имъ не придавали никакой цѣны. Все, что уцѣлѣло, въ старомъ ящикѣ на чердакѣ, было любезно предоставлено въ мое полное распоряженіе вдовой покойного Хартахая, Софьей Аркадьевной Домонтовичъ, за что приношу ей глубокую благодарность. Эти немногіе, но крайне цѣнныя остатки состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) 5 тетрадокъ матеріаловъ (собранныхъ самимъ Хартахаемъ) для словаря нарѣчія аила,
- 2) Греческій пѣсенникъ изъ села Сартаны,
- 3) Сборникъ греческихъ и татарскихъ пѣсень и разказовъ,
- 4) Рукописный словарь греческаго литературнаго языка съ поясненіями на мѣстномъ нарѣчіи,
- 5) 4 татарскихъ рукописи различнаго содержанія; между прочимъ богатый сборникъ татарскихъ мѣстныхъ пѣсень (всего 47).

Всѣ рукописи писаны греческими буквами и пріобрѣтены Хартахаемъ въ разныхъ селахъ Мариупольскаго уѣзда у крестьянъ. Греческій матеріалъ будеть мною изданъ въ скоромъ будущемъ; изданіе татарскихъ текстовъ предоставляю лицамъ болѣе меня свѣдущимъ. Всѣ пріобрѣтенные мною рукописи, по решенію Этнографическаго Отдѣленія И. Г. О., будутъ переданы Императорской Публичной Библіотекѣ.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, не могу не пожалѣть, что результаты моей поѣздки не оправдали надеждъ, возложенныхъ на нее. Къ отысканію слѣдовъ Готовъ остается, слѣдовательно, одинъ только путь — археологическія разысканія въ самой крымской Гори. Первые шаги по этому пути я уже сдѣлалъ нынче же лѣтомъ, и твердо убѣжденъ, что рано или поздно достигну цѣли, рисующейся пока только моей мечтѣ.

Ф. Браунъ.

С.-Петербургъ.
10-го октября 1890 года.

ЗАМѢТКИ

О СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНАХЪ ВЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ БЫЛИНАХЪ.

Мы желаемъ сообщить нѣкоторое количество матеріаловъ, касающихся собственныхъ именъ въ былинахъ.

1) Перѣдъ нами Илья Муромецъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что лицо съ этими именемъ никогда не существовало. Не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтописи во многихъ случаяхъ выставили на первый планъ часто ничтожныхъ князей я умолчали о настоящихъ не титулованныхъ герояхъ событий; народъ-очевидецъ не только могъ, но даже долженъ былъ отнести къ своимъ дѣятелямъ съ большою справедливостью... Имя нашего богатыря—христіанское, и это обстоятельство не позволяетъ относить время возникновенія о немъ пѣсень къ очень глубокой древности. Христіанскія имена стали у насъ употребляться болѣе или менѣе часто не раньше XII вѣка (мы основываемся на данныхъ Новгородской лѣтописи, сохранившей много именъ бояръ и лучшихъ людей), но сомнительно, чтобы они могли спуститься въ народную массу, среди которой сложились былины, раньше начала XIII в. Такимъ образомъ возникновеніе былинъ объ Ильѣ едва ли можетъ быть относимо ко времени до конца XII в.

2) Добрыня Никитичъ. Кажется, нѣть достаточнаго основанія видѣть въ этомъ богатырѣ отраженіе древнѣйшаго изъ историческихъ Добрынь—дяди Владимира св. Имя Добрыня въ древней Руси было однимъ изъ числа самыхъ распространенныхъ именъ, какъ свидѣтельствуютъ съ одной стороны показанія лѣтописей и документовъ до самаго XVII в. (Лаврент. сп. л. 361, 1-я Новгородск. л. 155, Переяславскій лѣтописецъ 177, Акты Федотова-Чеховскаго I, 271¹), съ другой мѣстными названіями: Добрынино (три села въ Ярославской губ., два въ Вологодской, по одному въ Тверской и Владимирской), Добрынина (дер. въ Пермской и Владим. г.), Добрыни (четыре дер. въ Тверск., одна въ Петерб.), Добрыничи (Пскв.), Добрынича (Пермск.), Добрыниха (Влад., Костр.), Добрынка (Пермск.),

¹) Еще см. «Славинскій именословъ» Морошкина и ст. Чечулина.

Добрынинская (Вятск.), Добрынинский починокъ (Волог.), Добрынское (четыре дер. Влад.). Древний Новгородъ имѣлъ Добрыню (=Добрынину) улицу. Сверхъ того, у насъ распространены фамилии Добрынинъ и Добрынкинъ (между прочимъ среди купечества и крестьянства). Поляки нѣкогда имѣли имя Добрыня (Бодуэнъ де Куртенэ, «О древн. польск. языке»). Сравни у Сербовъ названія сель Добрина и Добрине.

Мы придаемъ большую важность мѣстнымъ названіямъ и фамиліямъ.

Въ первыхъ мы очень часто имѣемъ дѣло или съ прилагательными отъ древнихъ личныхъ именъ (Добрынино—первоначально поселеніе Добрыни), или съ патронимиками (отчествами) древнихъ личныхъ именъ (Добрыниччи—сперва потомки Добрыни, жители поселенія, потомъ самое поселеніе), или съ чистыми древними именами, по преимуществу во множественномъ числѣ (Добрыни—сперва нѣсколько лицъ съ именемъ Добрыня, жители поселенія, потомъ самое поселеніе). Здѣсь мы встрѣчаемся нерѣдко съ очень древними личными именами, такими, которыхъ не сохранины намъ ни въ одной лѣтописи, ни въ одномъ документѣ. Таково имя Перемиль, отъ которого название трехъ сель въ Петербургской г. Перемилово и города въ Галиціи Перемиль. Срав. былинное Пермилъ=Бермята.

Въ фамиліяхъ мы довольно часто имѣемъ или прилагательные отъ древнихъ личныхъ именъ (Добрынинъ — первоначально сынъ, потомокъ Добрыни), или патронимики (Добрыничъ—первоначально сынъ Добрыни). И здѣсь, такъ какъ фамилии стали употребляться у насъ по меньшей мѣрѣ съ XIV в., нерѣдко мы находимъ такія древнія имена, которыхъ нѣть въ лѣтописяхъ и документахъ¹⁾.

Понятно, если мы знаемъ большое количество сходныхъ мѣстныхъ названий и фамилій,—мы имѣемъ право говорить о значительной распространенности въ древней Руси того или другаго личнаго имени; если сходные мѣстные названія найдены нами лишь въ извѣстныхъ частяхъ Руси (например, въ сѣверныхъ губерніяхъ), мы можемъ говорить объ преимущественномъ употребленіи личнаго имени въ этихъ частяхъ²⁾.

¹⁾ Таково, между прочимъ, имя Тихонириль. Оно у насъ сохранилось только въ фамиліи, а у Сербовъ известно по документамъ (Деч хрисовулы 90, 123).

²⁾ Мы пользуемся для собственныхъ именъ, русскихъ и инославянскихъ, «Славянскимъ именословомъ» свящ. Морошкина (Спб. 1867), статьею г. Чечулина: «Личные имена въ письмовыхъ книгахъ XVI в.» («Библіографъ» 1890 г. № 7—8), Словаремъ Южно-славянской Академіи (который еще не доведенъ до половины), извлечениями изъ старо-сербскихъ поиманиковъ проф. Новаковича и изданными нѣсколько лѣтъ назадъ сербскими Дечанскими Хрисовулами XIV в. (въ «Гласникѣ» Сербскаго Уч. Общества 2 отд., кн. 12). Мѣстные названія, русскія и инославянскія, извлечены нами изъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ» разныхъ губерній, изъ обширнаго Słownika geograficznego królewstwa polskiego, къ сожалѣнію

3) Передъ нами Чурило Пленковичъ. Имя Чурило не можетъ быть считаемо происшедшемъ отъ древне-русского Юриль=Кирилль, такъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ достовѣрныхъ примѣровъ измѣненія на русской почвѣ *х* въ *ч*.¹⁾ По всей вѣроятности, оно уменьшительное (отъ Чурославъ или ему подобного; сравни въ «Словѣ о полку Игоревѣ» уменьшительное вѣтрило отъ вѣтре, въ одномъ новгородскомъ документѣ, до 1263 г., упомянутомъ въ «Древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма» Срезневскаго, стр. 130, Твердило, имя посадника, отъ Твердиславъ), что не мѣшаетъ ему, какъ и инымъ именамъ на ило, быть общеславянскимъ.

Собственное имя Чурило въ лѣтописяхъ и документахъ XV—XVI вв. встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы можемъ отмѣтить: nobilis Andreas dictus Czurilo (въ галицкомъ документѣ 1410 г. «Akta grodzkie i ziemske», II, 61), Чурилко и Тараку Чурилова (Новгородскія писцовая книги, 1495 г.), Ивана сына Григоріева Чурилова (подъ 1377 г. Поли. собр. р. лѣт. VIII, 32), крестьянина Федку Андреева сына Чуриловскаго (Акты Федотова-Чеховскаго, I, 63), Чурилу Иванова (Акты Калачова II, 274, 1603 г.). Но мѣстные назнанія сохранили его въ значительномъ количествѣ. Мы знаемъ 34 деревни съ назнаніемъ Чурилово (Ярославская г. 9, Вологодская 7, Псковская 6, Костромская 3, Владимир. и Тверская по 2, въ западной Руси 2, Смоленская, Курская и Казанская по 1), четыре съ именемъ Чуриловъ (Вятская 2, Тверская 1, Игumenскій уѣздъ 1), одну съ именемъ Чурилова (Орловская), одну съ именемъ Чурилина (Казанская). Далѣе намъ известны: Чурилково (семь: Псковская 1, Тверская 3, Московская 1, Ярославская 1, Костромская 1), Чурилы (фольваркъ Сѣдлецк. г.), Чурилки (двѣ дер.: Владимирская 1, Костромская 1), Чуриловичи (Минская), Чуриловская (пять: Вологодская 3, Архангельская 1, Вятская 1), Чуриловскій погостъ (Олонецкая), Чурильцево (Владимирская²⁾). Русская фамилія Чуриловъ также известна (отмѣтимъ съ этою фамиліею крестьянина Звенигородскаго уѣзда, жителя Москвы 80-хъ годовъ).

еще по конченного, изъ упомянутаго выше словаря Южно-славянской Академіи и изъ разныхъ случайныхъ источниковъ. Фамиліи русскія взяты нами по преимуществу изъ газетъ, изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, изъ списковъ лицъ имѣющихъ право быть избирателями на выборахъ гласныхъ и т. п. очень немногочисленныхъ источниковъ; сербскія—изъ Словаря Ю.-сл. Ак.

¹⁾ Имя Чупріанъ, откуда великорусское мѣстное назнаніе Чупріановка, явилось, конечно, изъ Кирилланъ, но подъ влияніемъ словъ чупръ, чуприна и т. п. Кстати: Кирилъ въ сербскомъ языке должно перейти въ Ђуриль, а не въ Чуриль.

²⁾ Чурило и Чуриловщина, дер. Погоцкаго уѣзда въ XVI в. (Огдблины, въ Сборникѣ Археологич. Инстит. т. IV); Чурилово, дер. подъ Москвой XVII в. (Дѣло о О. Шакловитомъ, I, 437); Чурилова, дер. XVI в. (Акты Ф.-Чеховскаго, I, 70).

Между сербскими местностями одна носить имя Чуриловачъ (Словарь Ю.-Сл. Ак.); между болгарскими есть Чурилово (село Костурского округа. «Книжици» за 1889 г. № 1, стр. 19). Одна сербская фамилия XVI в.— Чуриловичъ.

Отмѣтимъ еще: мышь Чурилку въ старой лубочной картинѣ «Мышь кота погребаютъ», русск. нарицательн. чурилко (название птицы; мы его знаемъ изъ «Etymologisches Wb.» Миклошича), сербск. нарицательн. чурило (Словарь Ю.-Сл. Ак., при глаголѣ чурити—дымить), ново-болг. нарицат. чурило (тиски для винныхъ ягодъ. «Изв. Слав. Благотв. Общ.» 1888 г. стр. 507).

Имя Пленъ, Плѣнъ, уменьшительное Пленко, откуда отчество Пленковичъ (срв. др.-р. отчества Ивановичъ, Михалковичъ и т. д.) въ древней Руси, повидимому, не пользовалось особою известностью. Лѣтописи и документы не знаютъ его; мѣстные названія отъ него происходящія немногочисленны. Намъ известны четыре деревни съ именемъ Плѣнково въ Вятской г., три съ именемъ Плѣнкина и одна съ именемъ Плѣничиха, тоже въ Вятской г. (Плѣнкина гора въ той же губ.), одна съ именемъ Пленино, Костромской г.

Трудно сомнѣваться въ древности этого имени: сербскіе документы XIII в. имѣютъ его (Плѣнъ, Плинъ, Морошкинъ); по своему образованію оно тожественно съ цѣлымъ рядомъ несомнѣнно древнихъ именъ. Сравни Плѣнъ при глаголѣ пльти (медленно горѣть, Даль) и Жданъ, Бажанъ, Молчанъ, Хотѣнъ, Горѣнъ, Жадѣнъ, при глаголахъ ждати, бажати и т. д.

Кстати: Пленъ иногда называется въ былинѣ гостемъ заморскимъ. Это выраженіе отнюдь не указываетъ на то, что составители былины считали Плена иностранцемъ, прибывшимъ изъ за моря. Оно значитъ, какъ видно изъ 1-й Новгородской лѣтописи: купецъ,ѣздящій для торговли за море, купецъ, ведущій заграничную торговлю.

4) Имя Дюкъ у насъ было объясняемо нѣсколько разъ, но все прежнія объясненія намъ кажутся неудовлетворительными. Что это имя не принадлежитъ къ числу древнихъ народныхъ, языческихъ именъ, въ этомъ никто не сомнѣвался. Но какого оно происхожденія?

Имя Георгій, одно изъ самыхъ распространенныхъ въ старой Руси христіанскихъ именъ, у насъ въ древности имѣло нѣсколько видоизмененій. Лѣтописи приводятъ его въ видѣ Гургій, Гургъ, Дургъ, Дурдій,¹⁾

¹⁾ Звукъ д образовался на великорусской почвѣ изъ з; срв. т въ Авдотья, Акатій и т. п. Малорусское нарѣчіе не дасть намъ примѣровъ измѣненія з въ д и къ т въ тъ въ собственныхъ именахъ.

Юрій. Первые четыре формы были, по лѣтописямъ, въ постоянномъ употреблении приблизительно до половины XIII вѣка и образовали иѣсколько уменьшительныхъ (напримѣръ, Гюриата, имя новгородского посадника XI в.). Затѣмъ они исчезли, бывъ мало по малу вытѣснены формою Юрій (она въ XIV в. употребляется уже постоянно). Имя Дюкъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть уменьшительнымъ отъ Дюрдій¹), не сохранившимъ намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ документахъ, въ послѣднихъ потому, что они восходятъ у насъ лишь къ XIII—XIV в. (и то очень немногіе, какъ духовная Новгородца Клиmenta и рядная Тѣшты), когда формы Гюргій, Дюрдій съ ихъ уменьшительными уже стали выходить изъ употребленія. Но образованіе его вполнѣ ясно: мы знаемъ у Сербовъ вполнѣ соответствующее ему по звукамъ и значенію уменьшительное Дюка (ѣука, въ старыхъ памятникахъ Гюка²); у насъ самихъ извѣстны уменьшительные сходнаго типа: Ивачъ отъ Иванъ (1-я Новгородская лѣтопись), Селивачъ (откуда фамилія Селивачевъ) отъ Селиванъ.

Современные великорусскія мѣстныя названія и фамиліи указываютъ на широкое употребленіе въ древней Руси имени Дюкъ.

Мы знаемъ Дюк-переволоку, мѣстность С.-Петербургской губ., Дюкъ или Дюки, деревню Калужской губ., Дюкъ (Митюшинскій Дюкъ), Тамбовской губ., Дюково, одну деревню Вологодской губ., одну Костромской и двѣ Владимирской, Дюкову, дер. Петербургской губ., Дюковку, дер. одну Владимирской и одну Тульской губ., Дюковскую, дер. одну Костромской губ. (почтов. станція) и одну Вологодской губ., Дюкино, дер. одну Тверской и три Псковской губ., Дюкалово, дер. одну Костромской и одну Псковской губ., Дюкарево, дер. Орловской.

Фамилія Дюковъ въ此刻ъ время пользуется сравнительной распространенностю. Мы знаемъ Дюковыхъ: 1) доктора въ С.-Петербургѣ, не давно умершаго, 2) почетнаго гражданина, жителя Москвы 80-хъ годовъ, 3) студента-филолога Петербургскаго университета 80-годовъ, 4) ученика Ровенскаго реального училища 80-хъ годовъ, 5) крестьянина Шокровскаго уѣзда, жителя Москвы 80-хъ годовъ, 6) дворянина (Московскія Вѣдомости 1889 г. № 166, стр. 5), 7) действительного статскаго советника (Моск. Вѣдом. 1886 г. № 211, стр. 4), 8) крестьянина Ростовскаго уѣзда (Артыновъ, село Угодичи, стр. 11) и 8) владѣтельницу театра въ Харьковѣ. Сверхъ того, одинъ изъ героевъ романа Мельникова «Въ Лѣсахъ» носить фамилію Дюковъ.

¹) Интересно название дер. Дюльково; изъ Дюрдѣково? срв. гончарь изъ горничарь (Ярославской губ.).

²) Словарь Южно-славянской Академіи. Имя Георгій у Сербовъ звучитъ Дюрдъ (турѣ)=др.-русск. Гюрий.

Малорусское название какого-то растения дюкъ и польское название одной местности въ Пруссии Dziuki едва ли имѣютъ отношение къ нашему Дюку.

Богатырь Дюкъ именуется въ былинѣ бояриномъ — выходцемъ изъ «краснаго Галича». Это, по нашему мнѣнію, указываетъ на ту славу, которую пользовалось въ средней Руси XII—XV вв. галицкое боярство, богатое и сильное: народъ считалъ честью для своего богатыря-боярина быть выѣзжимъ изъ Галича.

5) Собственное имя Соловей, безъ сомнѣнія, образовалось изъ нарительного.

Употребленіе названій животныхъ разнаго рода въ качествѣ личныхъ именъ свойственно едва-ли не всему человѣчеству. Древняя Русь знала его издревле. Такъ, намъ известенъ Чеголъ=щеголь, писецъ Словъ Григорія Богослова XI в., Воронъ—писецъ Житія Саввы Освященнаго XIII—XIV вв. (Общ. древн. письм.). Документы XV—XVII вв., особенно московскіе, имѣютъ подобныя имена въ большомъ числѣ. Въ нихъ упоминаются Баранъ Филипповъ, Горностай Гавrilовичъ, Заяцъ Захарьинъ, Кречетъ Мижулинъ, Куликъ Котовъ, Овца Владимировъ, Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ (одинъ изъ живущихъ)¹⁾. XVI и XVII вв. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ, которые въ эту пору стали уже нерѣдко принимать значение прозвищъ и употребляться вмѣстѣ съ христіанскими именами. Первый томъ «Актовъ», относящихся до гражданской расправы древней Руси, Федотова-Чеховскаго, упоминаетъ о Соболѣ Михалевѣ, Михалѣ Собакѣ Семеновѣ, Гридѣ Волкѣ Онфимовѣ, Воробѣѣ Федоровѣ, Хомякѣ Страховѣ, Иванѣ Боровѣ Тимофеевѣ, Боранѣ Павловѣ, Иванѣ Турѣ, Жукѣ Захарьинѣ, Василии Жукѣ Ивановѣ (XVI—XVII вв.). Въ дѣлѣ о кн. Пожарскомъ («Чтенія» Общ. ист. и др. 1870 года, I) мы находимъ такія имена Псковичей: Васька Воробей, Юрій Волкъ, Яковъ Жукъ, Стакей Голубъ (нач. XVII в.). Современные фамиліи въ родѣ Воробьевъ, Волковъ, Жуковъ, Голубевъ, ведущія начало отъ собственныхъ именъ въ родѣ Воробей, какъ известно, очень многочисленны.

Имя Соловей, носимое въ былинахъ двумя лицами, которые между собою не имѣютъ ничего общаго, встрѣчается въ нашей старой дѣловой письменности рѣдко.²⁾ Но это едва ли не случайность. Во всякомъ случаѣ широкое распространеніе въ наше время фамиліи Соловьевъ (между прочимъ среди купечества и крестьянства), кажется, достаточно ручается за частое употребленіе этого имени въ старину.

¹⁾ «Славянский именословарь» Морошкина. То же въ сербскихъ документахъ.

²⁾ Тамъ же. и въ ст. Чечулина.

Безъ сомнінія, имя жены Потока Лебедь Бѣлая принадлежить къ тому же типу именъ, къ которому относится Соловей. Соединеніе въ имени существительного и прилагательного не рѣдкость въ древней Руси; напомнимъ Волчьяго хвоста X в.; укажемъ на Еиспа Лубяну Саблю въ Актахъ Федотова-Чеховскаго (I, 70). Но вотъ что интересно. Потокъ и его жена именуются въ былинахъ довольно часто двумя именами вмѣстѣ—сперва христіанскими, потомъ народными: Михайло Потокъ Ивановичъ, Авдотья Лебедь Бѣлая. Подобное употребленіе среди народа вмѣстѣ двухъ именъ относится по нашимъ документамъ къ сравнительно позднему времени; оно начинается приблизительно съ половины XVI в. (ранѣе народное имя обыкновенно стоитъ одно¹). Кромѣ пріимѣровъ выше указанныхъ, мы можемъ привести изъ Актовъ Федотова-Чеховскаго: Михайло Губа Микулинъ сынъ, Федотъ Оботуръ Вахромѣевъ сынъ, Иванъ Жиха Власьевъ сынъ, Гурей Малюта Фоминъ сынъ Кошкінъ, Зиновъ Шарапъ Васильевъ сынъ. Это обстоятельство заставляетъ думать, что окончательная редакція былинъ о Потокѣ должна быть относима ко времени не ранѣе XVI в.²).

Имя Будимиръ, отъ которого отчество Будимировичъ, было довольно распространено въ древней Руси, особенно въ уменьшительной формѣ Будило (напримѣръ Акты Ф.-Чеховскаго I, 258). Оно вмѣстѣ съ другими древними именами въ XV в. и слѣд. уже вышло изъ употребленія, и потому въ документахъ намъ не встрѣчалось. Но оно сохранилось въ нѣсколькихъ мѣстныхъ названіяхъ: Будимирово, дер. Тверск. губ., Будимировская, дер. Новгородск. губ., Будимирцы, дер. Псковск. г., и въ цѣломъ рядѣ мѣстностей въ разныхъ концахъ Руси съ именами Будиловъ, Будилово, Будиловка. Фамилія Будимировъ намъ не известна, но фамилія Будиловъ, великорусская, и Будиловичъ, Будзиловичъ, бѣлорусская, особенно послѣдняя, пользуются значительнымъ распространеніемъ.

Сербы знали и, кажется, еще знаютъ мужское имя Будимиръ и женское Будимира (Словарь Ю.-Слав. Ак.). У Поляковъ есть мѣстные названія Budziimir, Budziłow, Budziłowo, Budziłówka, Budzile (Slow-nik), что указываетъ на значительную популярность у нихъ въ старое время имени Будимиръ.

6) Ставръ, какъ известно,—имя новгородского сотекаго, заточеннаго Владимировъ Мономахомъ въ 1118 г. (1-я Новгородская лѣтопись). Послѣ это

¹) Князья и бояре именуются двумя именами раньше, съ XV в.: Даниилъ Щеня, Василий Грузъ и т. п.

²) Потокъ, Потыкъ—не искаженіе ли болѣе древнаго Потио (Глѣбъ Потковичъ, Ипатск. сп. 487) или Потка=птица? Потка встрѣчается въ документахъ (Моропкинъ).

имя въ лѣтописяхъ не встрѣчается (если не считать уменьшительного Ставко, Лаврент. си. лѣт. подъ 1096 г.¹). Кажется, оно неизвѣстно и въ документахъ.

Мѣстныя русскія названія показываютъ, что оно въ древности было довольно рѣдко; мы знаемъ лишь четыре мѣстности съ названіемъ Ставро (Владимирская г. 2, Тверская и Псковская по 1, и одну съ названіемъ Ставровщина (Полтавская). Фамилія Ставровскій, нерѣдкая у насть теперь, едва ли имѣеть отношеніе къ имени Ставръ;ѣроятно, она одна изъ новѣйшихъ семинарскихъ фамилій (отъ *σταυρός*).

Сербы знали имя Ставръ, Ставро. Оно, въ формѣ Ставръ, упомянуто четыре раза въ дечанскихъ хрисовулахъ, и, сверхъ того, въ формѣ Ставро, встрѣчается въ старыхъ сербскихъ помянникахъ (Новаковичъ).

Наридат. ставръ, сохранилось только въ выраженіи: ставры точить (новгородское, «Опытъ обл. словаря») = баласы точить, балагурить.

Имя Годинъ, отъ которого отчество Годиновичъ, носимое въ былинѣ двумя лицами, по русскимъ памятникамъ намъ неизвѣстно. Но о существованіи его у насть когда-то говорять мѣстныя названія: Годиновичи (почтовая ст. въ Могилевской губ.) и Годеново (дер. Ярославской губ.²). Это имя общеславянское, существовавшее, кромѣ Русскихъ, также у Сербовъ и Поляковъ (Морошкинъ); первые имѣютъ село Године (въ Черногоріи, известное съ XIII в.; другое село—Годинацъ—въ документахъ того же стол.); у послѣднихъ есть дер. Godunowice (Калишск. г.). Образованіе нашего имени одинаково съ образованіемъ именъ Плѣнъ, Хотинъ и др. (срв. глаголь годити).

7. Дунай. Это имя, встрѣчающееся, кромѣ былины, еще въ одной хороводной великорусской пѣснѣ, нѣкогда у насть было широко распространено, особенно въ уменьшительной формѣ Дунило³). Галицко-волынськая лѣтопись знаетъ галицкаго воеводу Дуная (Ипатск. сп. подъ 1281 г. и слѣд.); поздній, половины XVII в., московскій документъ говоритъ объ живописцѣ Дунаѣ Даниловѣ (Забѣлинъ, «Матеріалы для исторіи русск. живописи», въ «Временникѣ», кн. VII, стр. 8). Современные мѣстныя названія, ведущія начало отъ имени Дунай, нерѣдки. Мы знаемъ пять поселеній съ именемъ Дунаево (г. Пермск. 2, Вятск., Новг. и Псковск. по 1), одно съ именемъ Дунаевка (Влад.), три съ именемъ Дунай (Вятск., Костр.. Томск.), два съ именемъ Дунаецъ (Курск., Черниг.), три съ именемъ Дунайка (Курск. 2, Черн.), по одному съ именами Дунаевщина (Новгор.), Дунайчицы (Слуцк. уѣзда) и Дунаевцы (Ушицк. у.); поселенія съ именами Дунилово, Дуниловская, Дуниловичи довольно многочисленны. Современная фамилія Дунаевъ

¹) Лѣтописное: со Ставкомъ можно читать также: с Оставкомъ.

²) Акты Федотова-Чеховскаго знаютъ еще дер. Годинки (I, 227)

³) Акты Фед.-Чеховскаго: Лева Дуниловъ (I, 78).

пользуется значительной известностью (особенно между купечествомъ и крестьянствомъ); такъ, въ Москвѣ въ 1889 г. находилось четыре лица съ этой фамилиею, имѣвшихъ право быть избирателями на выборахъ гласныхъ: одинъ почетный гражданинъ, одинъ московскій мѣщанинъ, одинъ крестьянинъ Егорьевскаго у. и одна Ковровская купчиха.

Это имя—имя общеславянское. Дубровницкій документъ 1347 г. имѣеть выражение: arid domum Dunaj; теперь у Сербовъ известны село Дунави и село Дунаевичъ въ Босни (словарь Ю.-Сл. Ак.). Поляки имѣютъ мѣстное название Dunaj (Słownik) и фамилию Dunajewski. У древнихъ Чеховъ (XII в.) было имя Дунай (Морошкинъ).

Мы не беремся опредѣлить отношеніе собственнаго личного имени Дунай къ названію рѣки и къ тѣсно связанному съ послѣднимъ областному польскому нарицательному дунай—рѣчка, потокъ¹⁾), но не видимъ достаточнаго основанія считать личное имя происходящимъ отъ названія рѣки.

8. Имя Хотѣнь—довольно распространенное въ древней Руси. Мы знаемъ Хотѣна въ писцовой кн. Шелонской пятини 1584—85 г.; намъ известны современные русскія мѣстные названія: Хотѣново, семь деревень: три въ Ярославской и по одной въ Владим., Костромск., Олонецк. и Тверской губ., Хотѣнцево, дер. Яросл. г., Хотѣника, четыре деревни: двѣ въ Тверской, одна въ Калужской губ., одна въ Ровенскомъ уѣздѣ, Хотѣнь двѣ дер., одна въ Калужской и одна въ Волынской губ., Хотени въ Ровенскомъ у., Хотени въ Тверской, Хотеничи въ Черниговской, Хотѣнское во Влад., Хотѣнчицы въ Виленской губ. Сверхъ того, мы знаемъ городъ на Днѣпрѣ, который въ молдавскихъ документахъ XV в. называется Хотѣнь (сборн. Уляницкаго, стр. 53, 75)¹⁾.

То же имя употреблялось у старыхъ Чеховъ XI—XIII в. (Морошкинъ).

Образованіе этого имени ясно: сравни Хотѣнъ при глаголѣ хотѣти со Жданъ при ждати. Извѣстно русское областное прилагательное хотѣнъ.

¹⁾) Dunaj у Мазуровъ означаетъ глубокую воду (озеро, ручай) съ высокими берегами (Wisla 1889 г. III, 568, 585—6), въ другихъ мѣстахъ—пропасть (? Zbiór wiadom. do antropolog. kr. II, 246). То же нарицательны дунай=потокъ встрѣчается у Русскихъ на югѣ (Zbiór VII, 171, 183) и въ Олонецкой губ. (Гильфердингъ, Онѣж. бых., 330).

²⁾) Мѣстные названія Хотилово, Хотыково, довольно многочисленны въ средней Руси, происходить отъ уменшительныхъ Хотило, Хотыко, которая могли образоваться или отъ Хотимиръ, или отъ Хотѣнъ.—Хотѣнъ вѣроятно,—отъ Хотей=Фотей, Фотий.

Село Хотѣново, на Кашинскомъ рубежѣ, упомянуто въ актѣ XVI в. (Акты Федотова-Чеховскаго, I, 167).

Имѣніе Хотени, Ров. у., упомянуто въ грам. 147 г. (Archiwum Sanguszko, I, № 91).

Имя Блудъ, отъ котораго образовано отчество Блудовичъ,—имя исторического лица Х в.¹⁾). Наши мѣстныя названія свидѣтельствуютъ о его нерѣдкомъ сравнительно употребленіи въ старину. Мы имѣемъ: Блуди, три деревни въ Московск., Тв. и Черниг. губ., Блудово, шесть поселеній, два въ Костромской и по одному во Владим., Нижегор., Псковской и Ярославск. губ., Блудково, дер. въ Вологодск. г., Блудиново, дер. въ Ярославск. губ. У старыхъ Чеховъ имя Блудъ было довольно распространено (Морошкинъ); Поляки имѣютъ мѣстныя названія *Błędów*, *Błędowa*, *Błędowo*, *Błędowice*.

9. Имя Козаринъ, отчество Козариновичъ, въ старой Руси было довольно распространено. Мы знаемъ въ началѣ XII в. воеводу Козарина (Лаврент. сп. л. 270), въ XV в. пана Козарина Рязановича (*Archiwum Sanguszko*, I, 45 и др.), пана Козарина (грам. Свидригайла 1438 г.), въ XVI московскаго дьяка Козарина Дубровскаго²⁾.

Мѣстное название Казариново известно намъ въ шести губерніяхъ (Вологодск., Костр.. Ярославск., Нижегородск. 2, Псковск.), Казаринова—въ одной (Пермск.), Казарино или Казарина въ 5 (Вологодск., Костр. 2, Пермск. 3, Тульск., Псковск.), Казаркино въ 2 (Волог., Костр.). Затѣмъ мы знаемъ мѣстныя названія: Казаринцево (Псковск.), Казариновка (Каневск. у.), Казары (Ошмянск. у. и Вятск. г.), Казарь (Тульск.), Казарикъ (Ворон.), Казарка (Калуж. и Ярославск.), Казарки (Пенз.), Казаричи (Черн.), Казарята (Влад.), Козариха (Волог.), Казарное (Волог.), Казаровщина (Вятск.), Казаринскій (Вятск.) и др. Фамилия Казариновъ, по преимуществу дворянская, у насъ нерѣдка.

Это имя едва ли не однородно съ другими собственными личными именами, происходящими отъ народныхъ (племенныхъ) названій. Наша древняя лѣтопись знаетъ боярина Чудина (т. е. одного изъ народа Чудъ); 1-я Новгородская лѣт. упоминаетъ о Семьюнѣ Еминѣ (изъ Еми, подъ 1219 г.) и бояринѣ Неревинѣ (изъ Неревы, подъ 1167 г.). Далѣе известны: писецъ такъ наз. Юрьевскаго Ев. XII в. Угринецъ (уменьшил. отъ Угринъ), отецъ писца Ев. 1270 г. Лотышъ, Варяжъко, Ляшъко, Торчинъ (убийца св. Глѣба); позже Фрязинъ³⁾), Русинъ, Куманинъ, Череп-

¹⁾ Имя Блудихо въ Актахъ Осд.-Чеховскаго, I, 112 и др. Тамъ же, 232: Игнатий Блудовъ.

²⁾ Еще нѣсколько старыхъ примѣровъ употребленія этого имени у Морошкина. Чечулинъ отмѣчаетъ его, какъ часто употреблявшееся въ XVI в. Казаринъ Осбинъ въ Актахъ Осд.-Чеховскаго (I, 78).

Крестьянинъ Фрязинъ Ивановъ въ Актахъ Осд.-Чеховскаго (I, 82).

мисинъ (откуда фамиліи: Руциновъ, Куманинъ) и т. п. Первоначально эти имена принадлежали лицамъ изъ инородцевъ; потомъ они стали передаваться потомкамъ и мало по малу вошли въ общее употребление.

Сравни былинные имена Жидовинъ¹⁾ и Волхъ (Всеславьевичъ). Послѣднее едва ли не произошло изъ Волохъ; по крайней мѣрѣ въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. мы читаемъ: волхи 24, волхи 25 и др.=волови. А имя Волохъ сохранилось въ старыхъ (съ XV в.) и новыхъ фамиліяхъ и въ рядѣ мѣстныхъ названий: Волохово (Калужск., Влад., Псковск. три, Тул.), Волоховъ (Курск.), Волхово (Тв. три), Волоховщина (Тв.), Волховская (Волог.).

10. Микула Селяниновичъ. Микула=Никола. Эта форма была распространена у насъ издревле до новѣйшихъ временъ.

Селянинъ принадлежитъ къ числу довольно известныхъ древне-русскихъ именъ. Его знаютъ сравнительно поздніе документы (Акты Арх. Эксп., I, № 205. Акты Калачова, I, 692; III, 97; Чечулинъ); оно сохранилось въ названіяхъ Селянино, село Тульской губерніи, Селянино, двѣ дер. въ Тульск. и въ Яросл. губ., сверхъ того, мы знаемъ мѣстн. название Селянцево, Костромск., Селятино, Псковск., Селилово, Калужской, Селиловичи, Орловской. Послѣднія происходятъ отъ уменьшительныхъ Селата и Селило.

Святогоръ — собственное имя, повидимому мало известное въ древней Руси. Его нетъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ документахъ; оно дало мало мѣстныхъ названий. Тѣмъ не менѣе послѣднія существуютъ. Мы знаемъ поселенія: Святогоры, Вологодской губ., Святогоръ, Пермской, Святогорки, Орловской, Святогорово, Московской, Святогорское въ Вологодской и Вятской, Святогорье въ Вологодской и Костромской. Фамилію Святогоровъ носить старый купеческий родъ въ г. Твери.

12. Передъ нами имена русскихъ не играющихъ въ былинахъ особенно видной роли, а также нѣкоторыя отчества.

Берната едва ли не искаженіе Берната, уменьшительного отъ Бернъ, Бърнъ (въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в. 11). Дер. Бернатино—Костр. г.

Срв. польское отчество Бернатовичъ (нач. XIII в.) въ Ипатек. сп. 485.

Буславъ, изъ Богуславъ, съ опущеніемъ г = h откуда отчество Буславевичъ, Буславличъ, искаженное Буславьевичъ, Буславичъ,—тоже одно изъ древнихъ и общеславянскихъ именъ. Оно было у насъ въ древности по видимому въ значительномъ употребленіи. Мы знаемъ

) Мы имеемъ мѣстные названія Жидово, два поселенія Костромской г., Жидовичи Псковск., Жидиха Пск.

въ XIII в. новгородского боярина Богуслава. 1-я Псковская лѣтопись, подъ 1500 г., говоритъ о посадниѣ Фомѣ Буславичѣ. Деревня Буславля упоминается въ XVII в. (Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, 186); село Буславо существуетъ теперь въ Костромск. г. Фамилія Буславъ пользуется у насъ иѣкоторою распространенностю.

Имя Богуславъ у Чеховъ и Поляковъ было иѣкогда въ большомъ употреблениѣ (Моропкинъ).

Казимеръ, откуда отчество Казимировичъ, принадлежитъ къ числу очень древнихъ, общеславянскихъ личныхъ именъ. Сложныя имена, въ родѣ Казимира, Ярославъ, Воигость, Миронѣгъ, по лѣтописямъ и документамъ, стали уже рѣдки въ XIV в., а въ XV—нач. XVI в. они—исключительное явленіе и встречаются по преимуществу въ отчествахъ (старець Насій Ярославовъ XV—XVI в.). Имя Казимеръ вышло изъ употребленія однимъ изъ послѣднихъ: Новгородская лѣтопись упоминаетъ о новгородскомъ посадниѣ Казимирѣ подъ 1476 г. Название ручья Казимиръ—въ Череповецк. у. Новг. г. (Новгор. Сборникъ, V, 222). Фамилія Казимировъ въ концѣ 80-хъ годовъ принадлежала двумъ жителямъ Москвы—чухломскому мѣщанину и корчевскому крестьянину.

Колыванъ. Мы знаемъ Александра Колыванова (въ продолженіи 1-й Новгор. лѣт., 362) и иѣсколько мѣстныхъ названій: Колыванъ (1) др.-русское название Ревеля, 2) название какого-то города изъ числа волынскихъ Новг. лѣт. по Синод. сп. 447, 3) название села въ Пермск. г.), Колыванка (Влад.), Колываново (два села Нижегор.).

Мамелфа или Амелфа—христіанское имя=Мамелва. Оно съ буквою *ф* находится въ Макарьевскихъ Минеяхъ (5 окт.).

Путята—одно изъ самыхъ обычныхъ именъ древней Руси, между прочимъ имя писца Минея XI в. Мѣстные названія: Путятинъ и ему подобные, довольно многочисленны; фамилія Путята (или, въ польской передѣлкѣ,—Пуцято), Путятинъ—не рѣдкость.

Рахманъ (отчество Соловья-разбойника Рахматовичъ едва ли не искаоженіе Рахманичъ) и особенно Рахманинъ—нерѣдкія,¹⁾ но едва ли древнія имена. Они ведутъ свое начало, вѣроятно, отъ прославленныхъ въ романѣ обѣ Александрѣ Мак. и въ иѣкоторыхъ апокрифическихъ житіяхъ въ Рахманъ=браминовъ; во всякомъ случаѣ въ поздніхъ спискахъ Александри и посланія Василія Новгородского о земномъ раѣ мы вмѣсто въ Рахманѣ читаемъ: рахмане. Мѣстные названія въ родѣ Рахманово (Костр.. Кал., Орл., Моск. пять, Нижегор., Пенз. г.) у насъ довольно обычны. То же можно сказать о фамиліяхъ Рахмановъ, Рахманиновъ, Рахманинъ.

¹⁾ «Славянскій именословъ» Морошкина.

Саулъ. Мы знаемъ Ивана Саулина (Акты Фед.—Чеховскаго, I, 237) и поселеніе Саулово Яросл.

Имя Сбродъ, отчество Сбродовичъ, было повидимому, въ древности мало употребительно. Можетъ быть оно дало начало нѣсколькимъ мѣстнымъ названіямъ: Збродово Волог., Збродова Кал. и Пермск., Збродовъ, Пермск., Збродовская Волог., Сброды Вятск.

Имя Оника, Аника, откуда уменшительныя Аничко, Аничка,— не что иное какъ видоизмѣненіе имени Іоанникій, получившее начало на греческой почвѣ (срв. Алекса при Алексѣй = 'Алѣѣс'). Оно было у насъ въ употребленіи въ старое время (мы знаемъ его съ XVI в.) и употребляется какъ обычное въ народѣ въ наши дни. Отъ него происходятъ довольно распространенные теперь фамиліи Аникинъ, Аничковъ, Аничкинъ.

13. Имена враговъ русскихъ богатырей въ былинахъ—по большей части русскія или употреблявшіяся Русскими. Въ виду этого представляется на напѣ взглядъ рискованнымъ отыскивать въ нихъ Тугоркана, Шарукана и т. п. историческихъ лицъ,

Имя Тугаринъ было у насъ въ употребленіи въ XVI—XVII в.; мы знаемъ Сузdalца Тугарина Данилова (Акты Федотова-Чеховскаго, I, 314) и Тугарина Молчанова Акты Калачева, III, 232. Мѣстные названія: Тугариново Новгор. и Олон. г., Тугарино Орловск., Тугары Вятск., Тугарки Нижегор., Тугаровская Вятск., и довольно распространенная фамилія Тугариновъ (между пр., Барсуковъ, Погодинъ, I, 191) свидѣтельствуютъ о томъ, что это имя у насъ не было рѣдкимъ.

Съ именемъ Шарка мы можемъ сопоставить мѣстные названія: Шарково Моск. г., Шаркова Арханг., Шарковщина Полт., Шарки Тверск. (два поселенія), Шарчина и Шарчикова Пермск., Шаричи Вятск. Мѣстность Шарковщина, и нынѣ носящая это название, существовала въ Полоцкомъ уѣздѣ еще въ XVI в. (Оглоблинъ).

Кощеи, какъ извѣстно изъ «Слова о полку Игоревѣ» и лѣтописей, какъ нарицательное въ XII в. и позже означало: рабъ. Мы не напали это слово какъ собственное имя въ документѣ до 1459 г. (Акты Калачова I, 547) (срв. Смердъ Пыхачовъ, Холопъ Митинъ сынъ въ Актахъ Ф.-Чеховскаго, I, 154, 15). Мѣстные названія отъ него не особая рѣдкость: Кощеево, шесть поселеній въ Ярославск. г., одно въ Тульск., Кощеевка Яросл., Тул. Фамилія Кощеевъ не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ. Ее носили въ концѣ 80-хъ годовъ изъ московскихъ жителей одинъ цеховой и одинъ кашинскій крестьянинъ.

Баба Латыгорка, мать сына и врага Ильи Мур., едва ли не есть нарицательное (какъ указалъ уже Ф. И. Буслаевъ въ своемъ академическомъ

*) Фамилія Шарковъ довольно обычна въ Новг. губ., по крайности въ г. Боровицахъ и въ уѣздахъ.

разборъ «Ильи Муромца» Ор. Миллера). Во всякомъ случаѣ 1-я Псковская лѣтопись называетъ Лотышей Лотыгою: Нѣмцы и Лотыгоро, съ Лотыгорою (стр. 187). Былина связываетъ Латыгорку съ камнемъ Латыремъ: «я отъ камня отъ Латыря, я отъ бабы отъ Латыгорки», говорить сынь Ильи. Мы не надѣемся дать какое-либо удовлетворительное объясненіе камню Латырю, но можемъ указать мѣстныя названія: Латырево Влад. г., Латырь Вятск., Латырскій Вятск. и рядомъ съ ними название Латыгорево Тв.¹⁾.

А фромей, Вахрамей = Вареоломей.

14. Мѣстныя названія былинъ не требуютъ особыхъ поясненій.

Что такое крестъ Леванидовъ, къ которому, по однимъ былинамъ, съѣзжаются богатыри, у котораго, по другимъ, живетъ Соловей-разбойникъ, изъ подъ котораго, по третьимъ, вытекаетъ Волга? Мы должны ограничиться предположеніемъ. Древняя Русь повидимому нерѣдко ставила большие каменные кресты или огромные камни съ высѣченными на нихъ крестами для указанія границъ и въ воспоминаніе какихъ-нибудь событий. Мы знаемъ Рогволодовъ, Борисовы камни на Двинѣ, мы знаемъ Стерженскій крестъ, поставленный новгородскимъ посадникомъ Иванкомъ Павловичемъ въ 1134 г. въ память начала работъ въ верховьяхъ Волги; новгородская лѣтопись упоминаетъ, какъ обѣ известнѣйшіе урочища, обѣ Игначѣ (Игнатовѣ) кресты²⁾; молдавскіе документы 1446 и 1452 гг. упоминаютъ о Крачуновѣ или Короченевѣ камни (Уланицкій). Крестъ Леванидовъ, упоминаемый былинами, а за ними духовными стихами, могъ быть однимъ изъ хорошо известныхъ въ древней Руси крестовъ (въ родѣ Игнатова), стоявшимъ на какомъ-нибудь распутьѣ или возвышенности³⁾.

Во всякомъ случаѣ Леванидовъ — прилагательное отъ имени Леванидъ = Леонидъ. Это имя, съ *в*, — сравнительно нерѣдко въ великорусскихъ памятникахъ XVI—XVII вв.

Городъ Кидишъ, встрѣчающійся въ былинахъ обѣ Ильѣ, упоминается («Китежъ») въ раскольническихъ легендахъ (о нихъ, между прочимъ, въ романѣ Мельникова «Въ лѣсахъ»), какъ невидимый городъ, хранящій древнее православіе.

¹⁾ Латырево можетъ быть измѣненіемъ Латыгорево.

²⁾ Татары шли «отъ Торжку Серегѣрскимъ путемъ оли и до Игнача креста», подъ 1239 г.

³⁾ Можно отмѣтить, что въ нѣсколькихъ былинахъ выраженіе «у креста Левонидова» поясняется выраженіемъ: «у мощей Борисовыхъ». Мощи Бориса и Глѣба, какъ известно, были въ южномъ Переяславлѣ.

Городъ Орѣховецъ, упоминаемый въ былинѣ о Вольгѣ, известенъ по 1-й новгородской лѣтописи (стр. 347).

Рѣка Смородина, упоминаемая въ тѣхъ же былинахъ, по названию близка къ соврем. рѣчкѣ Смородинной близь г. Карабцева, въ сѣв. части Орловской губ.¹⁾ (Моск. Вѣд. 1889 г. № 101, корресп. изъ Карабцева), и къ соврем. Смородинской волости, Фатежск. у. Курской губ.

Слово **поляница** = витязь встречается въ старшей редакціи сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ («Лѣтопись» Тихонравова). Слово **храборъ** = витязь встречается только въ древне-русскихъ текстахъ на церковно-славянскомъ языке или съ примѣсью церковно-славянского элемента (особенно часто въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ). Древне-русские тексты съ болѣе или менѣе чистымъ русскимъ языкомъ и современные русскіе говоры не знаютъ этого слова.

A. Соболевский.

1) Здесь же село Девятидубье.

ПИСЬМА П. И. ПРЕЙСА КЪ М. С. КУТОРГЪ, М. И. СРЕЗНЕВСКОМУ,
П. О. ШАФАРИКУ, КУРШАТУ и друг.

(1836—1846).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Считаю себя счастливымъ, что могу издать въ свѣтъ предлагаемыя письма и записки, наилучший конечно источникъ биографіи первого преподавателя Славяновѣдѣнія въ Петербургскомъ Университетѣ, покойнаго П. И. Прейса († 1846 г.)—и важный материалъ для исторіи русской и славянской науки. Въ ея лѣтописяхъ Прейсу по праву принадлежитъ почетное мѣсто. Въ исторіи Славяновѣдѣнія, по времени и по ученой подготовкѣ, по дарованіямъ и по заслугамъ, Прейсъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковыми, Копитаромъ и Шафарикомъ¹). Въ Россіи и вообще въ Славянствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительного языкознанія и первымъ критикомъ Бонповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ Славянствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знатокомъ Литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ изслѣдователемъ Славянскихъ древностей. Уже въ 1843 году ему ясны были разные недочеты, проблемы и недостатки знаменитаго труда Шафарика „Славянскія древности“. Небольшія статьи его о Ц.-Сл. языкахъ, о средне-болгарскомъ нарѣчіи, о глаголической письменности, объ эпической поэзіи у Сербовъ и проч., явившіяся съ полвѣка тому назадъ, и теперь должны быть рекомендованы всѣмъ начинающимъ славистамъ, какъ работы образцовые. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ рѣдкую честь въ Славяновѣдѣніи, за одно съ разными статьями и изслѣдованіями Добровскаго, съ разсужденіемъ и наблюденіями Востокова.

Сынъ иностранного подданнаго, музыканта, католического исповѣданія (не Чеха ли или Мораванина?), Петръ Ивановичъ Прейсъ родился кажется во Псковѣ или гдѣ то въ Пск. губ., въ 1810 г. О детствѣ и первоначальномъ его воспитаніи къ сожалѣнію намъ ничего не извѣстно. Знаемъ лишь, что семья его была бѣдная, что съ 13 уже лѣтъ, какъ онъ самъ говорить въ печатаемой нами ниже запискѣ, въ немъ пробудилась научная любознательность, стали сказываться его филологическая наклонности и его любовь къ Русскому языку. Въ Петербургскомъ университѣтѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, Прейсъ пробылъ три съ половиною года. „Обстоятельства семейныя,—писалъ Прейсъ въ 1838 г. (27 іюля) Попечителю С.-Петербургскаго Округа (см. ниже)—за десять лѣтъ предъ симъ заставили меня оставить С.-Петербургскій Университетъ въ то время, когда мнѣ до окончательнаго экзамена оставалось только полгода, и отправиться въ Дерптъ для занятія по Высочайшему повелѣнію мѣста“ учителя въ тамошней гимназіи. Надо прибавить что дѣйствительный студентъ Прейсъ 12 мая 1828 г. былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ Русскаго языка въ Дерптской гимназіи и лишь 10 окт. 1837 г. былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ той же гимназіи.

Въ Петербургѣ у адъюнкта Попова, проф. Фрейтага и Греффе Прейсъ могъ пріобрѣсти основательныя знанія по древнимъ языкамъ. Еще 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ и потомъ студентомъ онъ съ жадностю читалъ и перечитывалъ что могъ достать въ тогдашней Императорской Публичной Библіотекѣ по русской и славянской филологии. Тогда же еще онъ ознакомился съ знаменитымъ разсужденіемъ Востокова, почувствовалъ сразу его важность, но, по собственному его признанію, долго его вполнѣ не понималъ. Десятилѣтнее пребываніе высокодаровитаго и трудолюбиваго Прейса въ Дерпѣ было

¹) Изъ первыхъ нашихъ насадителей Славяновѣдѣнія по возрасту Боданскій О. М. былъ старше всѣхъ. Онъ родился въ 1808 г., Прейсъ—въ 1810 г., Срезневскій—въ 1812 г. и Григоровичъ—въ 1815 г.

для него въ высшей степени благотворно. Лѣтомъ же 1828 г. пріѣхали въ Дерптъ его университетскій товарищъ и другъ Мих. Степ. Куторга, а затѣмъ и другіе молодые люди изъ Русскихъ университетовъ, для поступленія въ профессорскій институтъ, ставшіе вскорѣ его друзьями: Шкляровскій П. П.¹), умершій въ Дерпѣ въ 1830 г., Порошинъ, Викт. Степ., Чивилевъ, А. И., Калмыковъ, Петръ Дав. и другіе. Въ Университетской библиотекѣ, гдѣ, благодаря стараніямъ знаменитаго проф. Эверса, было хорошее собраніе книгъ и изданій по Славянщинѣ, Прейсъ нашелъ много важныхъ для себя источниковъ и пособій по Славяновѣдѣнію. Въ теченіе десяти лѣтъ изъ этого необыкновенаго и удивительнаго младшаго учителя Русскаго языка образовался и выработался превосходный ученикъ. Между тѣмъ шли годы, Дерптскіе друзья Прейса уѣхали изъ Дерпта, пробыли годъ, два въ Европѣ, заняли каѳедры въ Университетахъ, а Прейсъ все оставался младшимъ учителемъ гимназіи. Наконецъ, 10 октября 1837 г. его назначили старшимъ учителемъ, а еще въ сентябрѣ того же года Министръ Народнаго Просвѣщенія письменно обратился къ Петербургскому Попечителю съ вопросомъ, не имѣть ли кого Петербургскій Университетъ предложить на открытую новымъ уставомъ каѳедру Истории и Литературы Славянскихъ нарѣчій и прибавилъ, что Министерство разрѣшило-бы, для лучшаго приготовленія, отправить такого кандидата въ Славянскія земли, какъ уже рѣшило послать кандидата Московскаго Университета на эту каѳедру—Бодянскаго. На запросъ объ этомъ Попечителя, Профессора Историко Филологического Факультета Устряловъ, Куторга, Порошинъ и иѣкоторые юридическаго, какъ проф. Калмыковъ, хорошо знавшіе П. И. Прейса и высоко цѣнившіе его знанія и дарованія, рекомендовали его Совѣту Университета, а Совѣтъ Попечителю, какъ человѣка, наилучше приготовленнаго для занятія этой новой каѳедры. Такъ началась новая эпоха въ жизни Прейса.

Въ слѣдѣ за письмами Прейса къ М. С. Куторгѣ изъ Дерпта мы помѣщаемъ ниже два офиціальныхъ его письма къ князю Дондукову-Корсакову, тогдашнему Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, двѣ записки Прейса: одну черновую обѣя его Славянскихъ занятіяхъ до отѣзда его за границу, другую о планѣ его путешествія по западнымъ Славянскимъ землямъ. Тутъ же прилагаемъ заимствованный нами изъ отношенія Попечителя къ Министру Народнаго Просвѣщенія отзывъ Востокова, подъ руководствомъ котораго, по собственному желанію, занимался Прейсъ девять мѣсяцевъ въ Петербургѣ до отѣзда своего въ исходѣ 1839 г. за границу. Даѣте идуть позднѣйши, въ высшей степени любопытныя письма Прейса изъ Кенигсберга, Данцига и Берлина, особенно же изъ Славянскихъ земель Австро-Венгріи и изъ Петербурга, за послѣдніе годы его жизни, такъ рано прервавшейся къ великой горести его друзей и къ великому ущербу для науки.

За изданіе этихъ замѣтательныхъ писемъ и записокъ превосходнаго ученаго и прекраснѣйшаго человѣка, столь важныхъ и интересныхъ не для одной русской науки, должно благодарить владѣльцевъ ихъ—Мих. Степ. Куторгу, сына натуралиста проф. Степ. Сем. и плейнника и наследника проф. Мих. Сем. Куторги,—ближайшаго друга Иреисова—и О. И. Срезневскую,—любезно передавшихъ намъ для печати эти письма и записки Прейса. Остальные материалы извлечены нами изъ хранящій, указываемыхъ въ своемъ мѣстѣ²).

B. Ламанский.

Ко всѣмъ живымъ еще пріятелямъ и знакомымъ Прейса или къ ихъ наслѣдникамъ какъ въ Россіи, такъ и заграницею обращаемся съ покорѣйшою просьбою доставить намъ свои воспоминанія о немъ или имѣющіяся у нихъ его письма, замѣтки или вѣрныя съ нихъ копіи. Просимъ и бывшихъ Дерптскіхъ учениковъ и университетскихъ слушателей (1842—1846) Прейса сообщить намъ что сохранила ихъ память обѣ

¹) См. Стихотворенія Паавла Шкляровскаго. СПб. печатано въ типографіи вдовы Плюшара. 1832. 12° 85 + XIII стр., съ предисловіемъ издателя (М. С. Куторги).

²) О Прейсѣ см. прекрасно написанное воспоминаніе Срезневскаго въ его замѣтальной брошурѣ: «На память о Бодянскомъ, Грангоровичѣ и Прейсѣ П. И. Срезневскаго. СПб. 1878. О Прейсѣ стр. 4—14.

этотъ высокодостойномъ человѣкѣ и ученомъ. Полагать можно, что въ Дерптѣ и Прагѣ, въ Загребѣ и у Словаковъ—напр., у наследниковъ М. Ходжи бывшаго великимъ почитателемъ Прейса, какъ я знаю изъ бесѣдъ моихъ съ Ходжею (лѣт. 1862 г.), и вѣроятно другихъ старыхъ Словенскихъ дѣятелей могутъ найтися письма Прейса, или вообще болѣе или менѣе любопытныя данныя для его биографіи.

22 апраѣля 1836 года. Дерптъ. Среда.

Милъ-сердечный другъ, Михаилъ Семеновичъ! Пока ты еще не обаился (это название водится на Руси), то тебя можно тревожить и беспокоить; а тебѣ стыдно и грустно на это гнѣваться. Каково? Не это ли называется на храпомъ взять. — А что взять? тому слѣдуютъ пункты.

Ты самъ знаешь, куда иногда не дернеть человѣка припадокъ учности. А такъ какъ я страдаю этимъ недугомъ и мѣстные лечебныя пособія не помогаютъ, то я рѣшился прибѣгнуть къ тебѣ, Отче! и просить о учinenіи мнѣ выписки изъ *Böhmes diplomatische Beiträge zum Schlesischen Recht und Geschichte*. Этой книги нѣть ни въ библіотекѣ адѣшней, ни у Крузе. — Послѣ этого нечего было искать инудѣ.

Быть можетъ, что въ Венковомъ пріобрѣтеніи или у Круга и т. д. найдется пятый томъ этой книги с. 141. Миѣ думается, что эти Beiträge похожи на наше собраніе грамотъ и договоровъ; если моя догадка справедлива, то ты мнѣ сдѣлаешь одолженіе и доставишь всю грамоту въ точной копіи и спискѣ. Ходъ моихъ изысканій устремилъ меня на эту страницу; найдешь ее, такъ легко узнаешь, а не найдешь ее, то я самъ при первой возможности, сообщу тебѣ объясненіе. Теперь же я не богатъ до-сугомъ¹⁾.

Одно еще обстоятельство хотѣлось бы мнѣ поставить тебѣ на видъ (прости мнѣ такое нахальство); мнѣ бы нужна была эта выписка so bald als möglich. Скажу болѣе: эта выписка тѣсно связана съ планомъ, который тебѣ, вѣроятно, не безъзвѣстенъ, т. е. съ переселеніемъ моимъ въ Петербургъ при первомъ случаѣ.

Мнѣ пріятно думать, что ты не откажешься съ своей стороныбросить на вѣсы моего счастія нѣсколько лотовъ; эти нѣсколько лотовъ перетянуть меня въ Петербургъ, быть можетъ, скорѣе нежели вы могли ожидать. — Слѣдовательно: so bald als möglich und wo nur möglich.

Сергѣй Елисеевичъ носить подъ мышками бумаги отъ и къ попечителю; часто обѣдаешь у него; часто напоминаетъ мнѣ объ обязанности моей писать хоть для журналовъ, а я его упрекаю тѣмъ-же. Потомъ я бываю у Тихвинскаго; потомъ отъ него маршъ домой за книгу, оттуда въ постель.

¹⁾ Къ сожалѣнію этого рѣдкаго сборника Böhme нѣть въ Петербургѣ, ни въ Имп. Цубл., ни Акад., ни Унив. библіот. В. Л.

на почлегъ, а оттуда за книгу, да за уроки и т. далѣе. Вотъ тебѣ и жизнь, но не безъ удовольствій.

Кланяйся, пожалуйста Порошину, скажи ему, что я никогда не могъ достать тетради, которую бы стоило пересыпать. У иного конца нѣть, у другаго смысла нѣть, у третьаго не разберешь даже при помощи опытныхъ и свѣдущихъ палеографовъ между студентами. — Жаль, очень жаль, что я не могу услужить Виктору Степановичу.

Кланяйся также и Федору Ивановичу Нейдгарду и разругай его за неисписаніе, такъ, какъ только друзья могутъ ругаться.

Калмыкову, Петру Давидовичу поклонъ и упрекъ, что не пишетъ о судебныхъ поединкахъ.

Однимъ словомъ, если будешь гдѣ либо между нашими, такъ раскланивайся на всѣ четыре сторонушки отъ ихъ товарища. — Будь здоровъ, къ Берлинъ дери черезъ Дерптъ, вотъ пока мои желанія тебѣ.

Въ ожиданіи твой *П. Прейсз.*

30 марта 1837 года. Среда.

Любезнѣйший Михаилъ Семеновичъ!

Слѣщу отвѣтомъ на письмо брата: оно несказанно утѣшило и обрадовало меня, увѣривъ въ непремѣнности твоего расположенія ко мнѣ, въ твоей любви къ товарищу по университету, по наукѣ и чувствамъ. — Отъ глубины простаго сердца приношу тебѣ мою чувствительнѣйшую, искреннюю благодарность. — Она тѣмъ сильнѣе во мнѣ, что мнѣ понятна цѣль твоего дружескаго предложения: это сближеніе меня съ занятіями моими. — И кто сть этой стороны затронулъ мое сердце, тотъ счастливъ тѣмъ блаженствомъ, которое онъ доставилъ другому. — Болѣе не умѣю ничего сказать.

Братъ пишеть мнѣ, чтобы я отвѣчалъ тебѣ поскорѣе: съ первою почтою исполню его просьбу. — Съ своей стороны [долгомъ] почитаю обратить твоё вниманіе на дерптскія обстоятельства мои.

Тихвинскій, отблаговѣстивъ свои 26 лѣтъ при Дерптской гимназіи, долженъ въ слѣдствіе новаго положенія подать въ отставку. По словамъ попечителя нашего мнѣ приходится занять его мѣсто; быть можетъ, удастся получить и лекторство при университѣтѣ. — Все это къ юрю непремѣнно должно решиться. — Кажется, что благоразуміе требуетъ отъ меня — обождать, не представляется-ли мнѣ въ Дерптѣ лучшіе виды?

Степанъ Семеновичъ пишеть мнѣ, что ты предлагаешь мнѣ мѣсто старшаго учителя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ — Очень хорошо. Но ты не знаешь, можетъ быть, что я, по милости бывшаго министра просвѣщенія, только младшій учитель. Подвергнутъ-ли меня, при занятіи предлагае-

мато тобою мѣста, экзамену или нѣть. Это мнѣ навѣрное слѣдуетъ знать.— При опредѣлѣніи въ Дерптѣ я избѣгну такого экзамена или подвергнусь формальностямъ онаго и то въ крайнемъ только случаѣ.

Прошу также увѣдомить меня объ обязанностяхъ учителя въ корпусѣ.—

1) Чему я буду учить? 2) По какимъ руководствамъ слѣдуетъ мнѣ учить предметъ преподаванія? 3) Будетъ-ли на мнѣ лежать поправка тетрадей кадетовъ? 4) Сколько часовъ придется мнѣ давать? 5) Продолжается урокъ часть или два? 6) Какъ продолжительны вакаціи въ корпусѣ? 7) Наконецъ, каково жалованье по мѣсту, которое ты мнѣ предлагаешь?

Притомъ хотѣлось-бы мнѣ знать, когда я долженъ поступить на службу, въ случаѣ, если условія мѣста учительскаго въ корпусѣ могутъ показаться мнѣ annehmbar.

Ты извиниши меня навѣрно за скрупулѣзность моихъ запросовъ. Сообразивъ мои обстоятельства, ты, вѣроятно, найдешь ихъ справедливыми и основательными, найдешь также естественнымъ мое недоумѣніе и нерѣшительность.— Впрочемъ отъ обстоятельности твоего отвѣта будетъ многое, или лучше, все зависѣтъ. — Важныя, очень важныя причины заставляютъ меня желать перемѣны мѣста моего жительства, хотя съ другой стороны привычки и иные, незвѣстны тебѣ, причины привязываютъ меня къ Дерпту.

Надѣюсь, что ты досконально увѣдомишь меня обо всѣхъ пунктахъ, которые я по дружбѣ предложилъ тебѣ и будь увѣренъ, что я очень хорошо понимаю и умѣю оцѣнить всѣ выгоды служить подъ начальствомъ друга.

Зная меня, какъ человѣка, зная, можетъ быть, и какъ учителя, который совѣтливо и честно несъ тяготу своего званія 9 лѣтъ въ Дерптѣ, гдѣ мнѣ приходилось во все это время учить одной только азбукѣ, зная притомъ, что я никакъ не слабѣлъ въ своемъ усердіи къ наукѣ, что я презиралъ всѣми выгодами жизни въ жертву ей, зная, говорю, все это, ты можешь быть увѣренъ, что одушевлюсь еще большою ревностію, имѣя предъ собою прекрасное поприще дѣятельности восхитительной: душа моя жаждетъ ея.

Прощай и кланися брату, супругѣ его и всѣмъ, кто меня еще помнить.

Твой П. Прейсл.

19 мая 1837 года. Дерптъ.

Любезный Михаилъ Семеновичъ!

Благодарю тебя за доставленіе сочиненія твоего: оно принесло мнѣ много удовольствія.— При случаѣ надѣюсь доставить тебѣ замѣчанія свои во свидѣтельство того, что я читалъ статью твою съ должнымъ вниманіемъ.— Жаль,

что ты не могъ воспользоваться послѣднимъ сочиненіемъ Шафарика: нѣкоторыя его мнѣнія ты могъ бы подвергнуть суду. — Пріятно бы услышать твой приговоръ¹⁾.

Теперь спѣшу сообщить мое рѣшеніе по поводу дружескаго твоего предложенія. Я долго боролся между да и нѣтъ и наконецъ долженъ быть произнести роковое для меня: «нѣтъ». Славянская древность впутала меня въ значительные расходы, которые, разумѣется, надобно будетъ покрыть.

Переѣздъ въ Петербургъ и первое обзаведеніе потребовали бы также издержекъ значительныхъ, füR welche ich jetzt nicht gewachsen bin.—Безъ отагощенія моихъ родныхъ, у которыхъ также ничего нѣтъ, я не могу на это рѣшиться; быть же имъ въ тягость—рука не поднимется у меня никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ. Сверхъ того и нѣкоторые пункты твоего письма невыгодны для меня: въ Корпусъ квартирныхъ полагается 200 р., а въ Дерптѣ получаю 400; зимнія каникулы очень коротки; праздниковъ мало... Грѣшный человѣкъ! Я люблю то и другое.

Жалѣю, очень жалѣю, что и теперь, при такомъ удобномъ, казалось-бы, случаѣ, прыжокъ изъ Дерпта въ Петербургъ оказывается для меня невозможенъ.

Если меня впредь когда либо будешь имѣть въ виду, то я осмѣливаюсь тебѣ отрекомендовать и знанія мои въ Русской Исторіи.—Это такъ, мимоходомъ, для большихъ окказій, какъ сказано въ Горѣ отъ ума.

Еще разъ благодарю тебя за доброе, дружеское предложеніе и жалѣю, что не могу имъ воспользоваться, въ силу пунктовъ, писанныхъ выше. Ликуй и веселись будущій, счастливый мужъ и не забывай одинокаго друга и товарища твоего

П. Прейса.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь!

Литература и Древности Славянскихъ народовъ издавна составляютъ любимый и почти исключительный предметъ моихъ занятій, не имѣвшихъ доселе никакой другой цѣли, кромѣ одной Науки. Но теперь, когда Правительство предположило послать въ Славянскія земли нѣсколькоихъ молодыхъ людей, должностнуюющихъ со временемъ распространить въ нашемъ отечествѣ науку совершенно новую, во мнѣ родилось живѣйшее желаніе дать моимъ любимымъ занятіямъ основаніе и направленіе болѣе точное и тѣмъ достигнуть нѣкогда возможности быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ.

¹⁾ Здѣсь разумѣются соч. М. С. Куторги Полит. устройство Германцевъ до VI ст. Слб. 1837, и трудъ Шафарика Slovanské Starožitnosti. W Praze. 1837.

Обращаясь къ Вашему Сиятельству съ покорнейшею просьбою доставить мнѣ счастіе быть на томъ поприщѣ, которое одно можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для ученыхъ занятій, я далекъ отъ мысли считать себя вполнѣ достойнымъ онаго: досуги, послѣ занятій моихъ службою, до сихъ поръ едва позволили мнѣ изготовить нѣсколько статей, изъ которыхъ двѣ заключающія извлеченія и переводы изъ сочиненій, писанныхъ на Богемскомъ языкѣ, доставлены мною въ «Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія». Одну, уже напечатанную, имѣю честь представить Вашему Сиятельству. Вскорѣ представлю и другія статьи, изготовленныя мною для того же Журнала.

Мнѣ неизвѣстны всѣ условія, требуемыя Правительствомъ, но я слышалъ, что одно изъ нихъ непремѣнное; это степень по крайней мѣрѣ Магистра. Для меня, который въ продолженіи многихъ лѣтъ занимался предметомъ слишкомъ специальнымъ, и который по должности старшаго учителя Русскаго языка, не можетъ отлучиться на долгое время, нѣть никакой возможности подвергнуться тотчасъ испытанію на степень магистра. Я долженъ сначала войти въ болею экзаменующагося и для этого только двѣ возможности. Я обязуюсь по возвращеніи изъ заграницы выдержать и Магистерскій и Докторскій экзаменъ, въ термины, которые мнѣ назначать; или, если меня примутъ съ тѣмъ, чтобы я предварительно остался на годъ въ Петербургѣ, гдѣ бы я могъ заниматься подъ руководствомъ извѣстнаго знатока Славянскихъ языковъ Г. Востокова, и по истеченіи сего времени выдержавъ Магистерскій экзаменъ, отправиться въ Славянскія земли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, оставивъ мою должность и не имѣя иныхъ средствъ существованія, я быль бы поставленъ въ необходимости просить опредѣленнаго содѣржанія отъ Правительства.

Вѣряя себя вполнѣ покровительству Вашего Сиятельства, я долженъ присовокупить, что для меня тѣмъ еще лестнѣе вступить на предлежащее поприще, что развитіемъ любви къ моему предмету я обязанъ Университету, находящемуся подъ Вашимъ благодѣтельнымъ попеченіемъ.

Съ совершенной преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ честь имѣю быть

В. С.

Мил. Гос.

Покорный слуга

П. Прейсъ.

Дерптъ. 19-го Февр. 1838 г.

(Арх. М-ва Нар. Просв. Дѣло Прейса).

В. С.

М. Г.

Въ письмѣ моемъ отъ 19-го Февраля этого года изъ Дерпта я осмѣялся обратиться съ покорнѣйшою просьбою къ В. С-ву о доставленіи мнѣчастія быть на томъ поприщѣ, которое любимымъ занятіямъ моимъ дало бы основаніе прочное и направлѣніе положительное. Непремѣнное условіе, которое Правительство требовало отъ посылаемаго за границу для изученія Славянскихъ языковъ было то, чтобы избранный для сей цѣли имѣть степень по крайней мѣрѣ Магистра. мнѣ, который не имѣетъ никакой степени, представлялись двѣ возможности: или по возвращеніи изъ за границы выдержать экзаменъ и Магистерскій и Докторскій, или еще до отправленія въ Славянскія земли пріобрѣсть степень Магистра. Въ послѣднемъ случаѣ на приготовленіе испрашивалъ я годового срока, въ продолженіи котораго надѣялся выполнить требование Правительства. Тѣмъ тверже былъ я въ этой надеждѣ, что приготовляясь къ экзамену на степень Магистра Россійской и Славянской Словесности, я въ это время исключительно занимался бы только своимъ предметомъ. И какіе отличные виды представляло мнѣ пребываніе въ С.-Петербургѣ! Руководство А. Х. Востокова, посѣдѣвшаго въ изученіи Славянскихъ языковъ, бесѣды съ другими знатоками этого предмета, изъ которыхъ иѣкоторые сами были въ земляхъ Славянскихъ, возможность пользоваться сокровищами здѣшнихъ библіотекъ, наконецъ многочисленные случаи къ практическому изученію языка Польскаго, коего и древнѣйшіе, литературные и исторические, памятники могли мнѣ быть доступны. Такимъ образомъ я утѣшалъ себя основательною надеждою, что познанія мои въ языкахъ Церковно-Славянскомъ, древне-Русскомъ съ его различными измѣненіями, и Польскомъ, будутъ значительно дополнены такъ, что за границею мнѣ бы оставалось исключительно изученіе прочихъ діалектовъ.

На прошкіе мое послѣдовало предписаніе Его Высокопрев. Г. Министра Нар. Пром., сообщенное мнѣ Г. Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа чрезъ Исправляющаго должностъ Дерптскаго Директора Училищъ. На основаніи сего предписанія, былъ я, по причисленіи къ С.-Петербургскому Университету, уволенъ отъ должности Старшаго Учителя Россійской Словесности при Дерптской гимназіи, и получилъ приказаніе отправиться въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года выдержать экзаменъ на степень кандидата и магистра.

Обстоятельства семейныя за десять лѣтъ предъ симъ заставили меня оставить С.-Петербургскій Университетъ въ то время, когда мнѣ до окончательнаго экзамена оставалось только полгода, и отправиться въ Дерптъ для занятія по Высочайшему повелѣнію мѣсто Учителя въ тамошней гимназіи. Здѣсь и занятіе Литературою и Древностями Славянскихъ народовъ, бывшее еще

въ С.-Петербургскомъ Университетѣ любимымъ моимъ предметомъ, сдѣлалось исключительнымъ, специальнымъ занятіемъ. Весь досугъ, хотя и умѣренный, послѣ трудовъ службы былъ посвященъ на удовлетвореніе страсти моей къ изученію Славянскихъ языковъ. Со многими жертвами сопряженное изученіе древне-Русскаго, Церковно-Славянскаго, Богемскаго, Польскаго, Сербскаго, Русинскаго, ихъ литературы и исторіи, равно какъ и сравнительнаго языко-зананія, было содержаніемъ моей дѣятельности, постоянной и исключительной.

По изложenіи этихъ обстоятельствъ долгомъ своимъ почитаю объяснить Вашему С-ву, что непремѣнное условіе держать экзаменъ на степень кандидата сопряжено для меня со многими затрудненіями. Десятилѣтняя служба и занятія однимъ предметомъ поставили меня къ большему числу факультетскихъ Наукъ въ отношеніи довольно отдаленныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми, которые постоянно занимаются однимъ специальнымъ предметомъ. Между тѣмъ, предписаніемъ Его Высокопревосходительства Г. Министра, я долженъ буду соединить двѣ обязанности: ученика, приготовляющагося къ экзамену и вмѣстѣ обязанность, обязанность священную, къ Правительству и Наукѣ. Приготовленіе къ экзамену на степень кандидата займетъ почти все время, которое мнѣ слѣдовало бы употребить на занятія моимъ главнымъ предметомъ, и такимъ образомъ ожиданія Правительства въ отношеніи къ успѣхамъ моимъ въ Славянскихъ языкахъ, при всѣхъ средствахъ, которое (*sic*) оно мнѣ открываетъ, не могутъ быть исполнены. Затрудненія увеличиваются тѣмъ еще болѣе, что мнѣ послѣ этого предстоитъ выдержать экзаменъ на степень Магистра, написать и защитить диссертацию.

Высоко цѣнія благодѣянія Правительства и вмѣстѣ желая оправдать ожиданія оного, я почитаю долгомъ своимъ по совѣсти и откровенно сказать, что при обязанности выдержать экзаменъ на Кандидата я не нахожу возможности удовлетворить требованіямъ Начальства, и такимъ образомъ долженъ буду лишиться дѣятельности въ области той Науки, которая издавна составляє главный предметъ моихъ занятій.

Представляя сіи обстоятельства на благоусмотрѣніе Вашего С-ва, я остаюсь въ совершенной увѣренности на покровительство, которое Вы оказываете занимающимся Науками.

Честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностю
В. С.

Мил. Гос.

Покори. слуга

II. Ирейсъ.

С.-Петербургъ, 27 Июля 1838 г.

(Тамъ же).

Черновая записка Прейса объ его занятіяхъ съ 1823 по 1839 г.

Еще съ первой поры моего юношества положилъ я начало филологическимъ изученіямъ¹⁾; чѣмъ болѣе я съ ними знакомился²⁾, тѣмъ все живѣе и живѣе становилась во мнѣ идея изучить Русскій языкъ съ условіями и требованіями(ми) точнаго и основательнаго знанія. Занятія древними языками дали начало моимъ изученіямъ и управляли ихъ ходомъ³⁾. Что я только умѣлъ требовать изъ Импер. Публ. Бібл., то все было читано съ жадностю: съ 13-го (года⁴⁾) моей жизни до 18 (лѣтъ) она была мою наставницей.

На этой точкѣ зреїнія находился я за десять лѣтъ по выходѣ моемъ изъ Университета С.-Петербургскаго. Обязанности службы переселили меня въ Дерптъ.—Здѣсь стремленія мои мало по малу начали осуществляться.—Многое, чего мнѣ не доставало въ Петербургѣ какъ по ограниченности моихъ средствъ, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, было наконецъ восполнено тѣми сокровищами, которая представляла мнѣ Университетская Библіотека. Незабвенный Эверсъ собирая и успѣлъ собрать важнѣйшее по части Славянскихъ древностей и языкоznанія. Чѣмъ болѣе я углублялся въ предметъ, тѣмъ болѣе онъ распространялся предо мною: для изученія Русскаго языка потребовались знанія, о которыхъ я прежде и не чаялъ.

Добровскій далъ моимъ изученіямъ направление критическое, также рецензіи Копитара въ Wiener Jahrbücher. Зародышъ сомнѣнія былъ брошенъ; пытливость была подстrekнута.—Къ сожалѣнію, не находиль я въ нихъ полного, удовлетворительнаго отвѣта на мои запросы.—Все, что было напечатано на Древнес-Славянскомъ, знакомило меня съ словами, оборотами и грамматикою языка. Но именно при грамматическомъ изученіи встрѣчались трудности неизрѣодолимыя. Неудивительно! Я имѣлъ подъ рукою памятники позднѣйшіе, также и руководителями были люди, пользовавшися преимущественно тѣми же источниками.—Для развитія критического духа въ этомъ бореніи заключалось достаточно пищи.—При всемъ томъ все это составляло aggregat свѣдѣній разнородныхъ, въ которыхъ не было единства, требуемаго отъ точнаго знанія.

Въ 17 ч(асти) Труд(овъ) О(бщества) Л(юбителей) Р(оссийской) Сл(овесности) при М(осковскомъ) У(ниверситетѣ)⁵⁾ прочель я разсужденіе о Славянскомъ языкѣ⁶⁾ знакомство мое съ этимъ разсужденіемъ очень давно. Первоначально

¹⁾ Было написано и зачеркнуто: «съ давней поры» «труды Общества любителей Словесности, существовавшаго при Московскѣ Университетѣ и многія другія пособія дѣлали».

²⁾ Б. нап. и зач.: «чѣмъ болѣе я углублялся въ»

³⁾ Б. нап. и зач.: «Высота филологическихъ изслѣдований въ области классическихъ языковъ служила (была) для меня путеводною звѣздою».

⁴⁾ «года» и «лѣтъ» прибавлено нами. В. Л.

⁵⁾ Все чѣмъ въ скобкахъ прибавлено нами. В. Л.

⁶⁾ Б. нап. и зач.: «однако-же».

я понималъ его очень плохо¹⁾. Въ каждомъ замѣчаніи сочинителя этого разсужденія заключается результатъ, выводъ изъ предварительного глубокаго изученія своего предмета: подробности должны были найти мѣсто въ его грамматикѣ²⁾. Чтобы вполнѣ достичнуть тѣхъ результатовъ, которые предложены авторомъ, надобно было развивать все, что авторомъ дано *in nuce*.—Трудъ не легкій при недостаткѣ древнихъ памятниковъ³⁾. Мало по малу⁴⁾ статья я отыскивать средства, которыя мнѣ казались довольно надежными.

Ознакомясь съ Гриммомъ⁵⁾, я стала все болѣе и болѣе довѣрять тому, что находилъ въ организмѣ новѣйшихъ діалектовъ. Вскрѣ однако долженъ быть убѣдиться что въ нихъ только отчастно сохранились свойства древняго Славянскаго. Сличеніе ихъ съ Ц. (Ц. зач.) С. въ отношеніи грамматическомъ и лексикологическомъ постепенно приводили меня къ результатамъ, введеннымъ авторомъ разсужденія о Ц. С. языкѣ. При этой работѣ я не могъ ограничиться одними живыми языками (*sic.—ами*), надобно было прибѣгнуть къ изслѣдованію историческаго хода ихъ. Къ счастію, въ этомъ отношеніи я имѣла передъ собою для наученія своего Краuledворскую рпсь и *Starobyla Skladania*⁶⁾, изъ Польскихъ нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ сочиненій⁷⁾ которыя я по возможности сличаль съ нынѣшнимъ Польскимъ при помощи Поляковъ самихъ. Въ отношеніи къ Сербскому заключающемся въ Ексархѣ Болгар. Калайдовича было единственнымъ моимъ источникомъ. Къ удовольствію моему я въ послѣдствіи замѣтила, что столкнулся во многомъ съ Шафарикомъ⁸⁾. Само собою разумѣется, что въ отношеніи къ Русскому я находилъ болѣе средствъ.

¹⁾ Прейсъ разумѣеть: знаменитое «разсужденіе о Славянскомъ языке» служащее введеніемъ къ грамматикѣ его языка» Востокова 1820. (Филологическая наблюденія А. Х. Востокова. Изд. по поруч. II отд. А. Н. И. Срезневскій. СПБ. 1865 г., с. 1—27).

²⁾ Б. нап. и зач.: «Только съ того времени, какъ дальнѣйшее изученіе Славянскаго породило во мнѣ тьму сомнѣній, познакомило меня со множествомъ противорѣчій и вмѣсть съ тѣмъ пробудило живѣйшее желаніе разсѣять эти мраки, (засѣтилась надежда-за че рк и у то), только съ этого времени упомянутое разсужденіе сдѣлялось для меня доступиѣ. Но всѣ трудности не могли быть тогтчаша устранины.—Сочинитель этого разсужденія».

³⁾ Б. нап. и зач.: «Чтобы понять и убѣдиться вполнѣ въ истинѣ того, что предложено авторомъ, мнѣ ничего не оставалось, какъ тщательно изучать памятники подъ его руководствомъ. Успѣхъ (зачеркнуто) Слѣдствіемъ такого».

⁴⁾ Б. нап. и зач.: «Изъ (нихъ:—зачеркнуто) которыхъ однихъ можно бы было при помошь критики извлечь собственно принадлежащее Ц. С. и то, что вошло въ него въ послѣдствіи изъ новѣйшихъ діалектовъ».

⁵⁾ Нап. и зач.: «Болѣомъ и другими» Прейсъ разумѣль здѣсь великий трудъ Я. Гримма: *Die Deutsche Grammatik*. Gotting. 1819. В. I, изд. 1822. Bd. II—IV. 1826—37.

⁶⁾ Удивительно, что Прейсъ ни слова не говорить о превосходномъ трудѣ Добропскаго *Geschichte der böhm. Sprache u. Literatur* 1792 и 1818 гг., гдѣ собственно въ первыи, особенно же въ изд. 1818 г., явился опытъ исторического изученія одного изъ славянскихъ языковъ.

⁷⁾ Было написано и зачеркнуто: «Сигизундовыхъ временъ».

⁸⁾ Здѣсь разумѣется сочиненіе Шафарика *Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der scrb. Mundart*. Pesth. 1833.

Другимъ пособиемъ для меня было наблюденіе надъ словами, перешедшими изъ чужихъ языковъ въ Славянскія (sic). Многія изъ нихъ, заимствованныя у Германскихъ народовъ, значительно разнятся отъ тѣхъ же значеніемъ и формою. Это заставило меня опять обратиться къ великому труду Гримма, къ сочиненіямъ Граффа, Циманна и т. д.¹⁾—Этотъ источникъ моихъ изученій не остался безъ пользы какъ въ отношеніи филологическомъ, такъ (и) въ отношеніи историческомъ. Г. Шафарикъ въ своихъ Древностяхъ не упустилъ изъ вида этого важного исторического момента; и здѣсь я имѣлъ удовольствіе во многомъ найти подкрѣпленіе своимъ наблюденіямъ, хотя съ другой стороны приведенъ въ необходимости отступить отъ него, особенно въ отношеніи къ Финскимъ языкамъ²⁾.

Источникомъ самого ограниченного объема были слова перешедшія изъ Славян. языковъ въ чужія (sic). Болѣе всего отыскаль я ихъ въ словаряхъ Венгерскомъ, Молдавскомъ, Литовскомъ и Эстсскомъ. Значеніе и форма, хотя не вездѣ чистая, проливали все однакоже свѣтъ на предметъ.

Всѣ эти изученія вмѣстѣ съ исторіею, древностями и—сколько дозволяли мнѣ средства—правомъ Славянъ, послужило основаніемъ къ составленію Словаря этимологическаго обще-Славянскаго; отъ этого накопились у меня материалы къ сравнительной Славян. Грам., образовались сборники юридической и мифологической, грамматики исторической Русской, Словаря древнихъ словъ Русского языка, извлеченаго изъ чтенія едва ли не изъ всего, что напечатано³⁾.

Присоединить ли къ этому тѣ материалы, которые постепенно копились при сличеніи Слав. Грам. съ родственными языками. Изученіе такое было для меня важно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны сличеніе Славян. съ Герман. Лат. Греч. и отчасти Литовск. указывало на многія общія точки, въ которыхъ первый соприкасается съ послѣдними, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживая тѣ особенности, которая образовались и развились независимо, своеобразно, въ духѣ Славянскому.—Такимъ образомъ при этомъ сличеніи не тождество, но разность, особенность были главнѣйшимъ предметомъ изученія. Постепенные переходы и измѣненія, которымъ языкъ подвергается въ продолженіе времени⁴⁾, никогда не бывають повсемѣстны, никогда вполнѣ не измѣ-

¹⁾ Т. с. Graff, Eb. G. Althd. Sprachschatz Berl. 1835—43. 6 Bde. Ziemann Mittelhd. Wörterbuch. 1838. Болѣе краткій 1837.

²⁾ Въ Дерптѣ Прейссъ познакомился съ Эстонскимъ языкомъ, а затѣмъ пользовался уже и друг. финскими нарѣч. См. позднѣйшее письмо его къ С. И. Барановскому въ Гельсингфорсъ.

³⁾ Написано и потомъ зачеркнуто: «При всемъ этомъ я быть слишкомъ далекъ отъ увѣренности въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ. Масса собранного и безпрестанно (напис.: безпрестанного) растущаго материала (недостатокъ времени) (зач.) невозможность обработать и привести сіе въ систему накопленное по недостатку досуга».

⁴⁾ Б. нап. и зач.: «Но такъ какъ языкъ въ постепенныхъ переходахъ и измѣненіяхъ, которымъ онъ (языкъ) подвергался въ продолженіе времени, отказывается не отъ всего, что составляло его собственность въ древнѣйшую эпоху».

няютъ первобытнаго его состава: въ новомъ его состояніи всегда остается многое древнее, до котораго время не касается. На основаніи этого некоторые отдельные случаи въ новѣйшихъ діалектахъ суть исключенія, между тѣмъ какъ въ Ц. Сл. они составляютъ правило. Тоже самое представляеть и грамматическое сличеніе языка. Слав. съ родственными: то, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ представляется явленіями, не имѣющими видимой связи и *причинами* (sic вм. причины) въ настоящемъ организмѣ языка, то самое находимъ въ родственныхъ языкахъ въ видѣ закона, правила, вполнѣ развитаго. И вотъ другая сторона необходимости сравнительной филологии для полнаго историко-критического познанія нынѣшнихъ языковъ. Эти два направлѣнія нисколько не мѣшаютъ одно другому, ибо дополняютъ себя взаимно.

Не смотря однако-же на всѣ эти изученія и наблюденія я былъ слишкомъ далекъ отъ надежды ¹⁾ всѣ эти довольно разнообразныя свѣдѣнія связать въ цѣлое, привести въ стройную систему. Сверхъ того ²⁾, что дѣятельность учительская, столь тяжелая въ Остзейскихъ губерніяхъ, не позволяла приступить къ подобной работѣ, сверхъ того, что ³⁾ масса (написано по ошибкѣ маста) собираемаго постоянно увеличивалась, я находился безпрестанно въ затруднительномъ положеніи къ Ц. С. Я все не имѣлъ документовъ, вѣрныхъ и несомнительныхъ, которыя (sic) могли бы убѣдить въ вѣрности тѣхъ путей, которые я долженъ былъ избрать для того, чтобы дойти до результатовъ, которые сочинитель раз(сужденія) о Ц. С. (Востоковъ) предложилъ (какъ) въ Трудахъ, такъ (и) въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ.

Glagolita Clozianus, думалъ я, объяснить мнѣ многое, прочитавъ объявленіе о книгѣ Коштара. — Къ сожалѣнію я напечь здѣсь только то, что сей послѣдній уже прежде говорилъ въ Wiener Jahrbiicher и то что заимствовано имъ изъ трудовъ А. Х. Востокова.

Наконецъ въ прошломъ году мнѣ представилась возможность исключительно посвятить себя тому, что составляло содержаніе и стремленіе моей жизни. Просьба моя, въ которой заключался актъ справедливости, уважена; но въ Прагѣ я ⁴⁾ началъ свое приготовленіе къ новому призванію, но въ Петербургѣ.

Изъ предыдущаго видно, какъ я понималъ задачу Славянской филологии, какія средства употреблялъ къ рѣшенію оной и наконецъ чего мнѣ не доставало. Теперь къ занятіямъ моимъ въ Петербургѣ.

Понятно послѣ этого, что Ц. С. долженъ быть составить главный пред-

¹⁾ Б. нап. и зач.: «Не троинутымъ, но очень натурально, что родственные языки».

²⁾ Б. нап. и зач.: «увѣренности».

³⁾ Б. нап. и зач.: «Не говоря уже».

⁴⁾ Б. нап. и зач.: «Каждый день болѣе или сколько-нибудь».

⁵⁾ Нап. и зач.: «долженъ начать».

меть моихъ занятій. Надобно было повѣрить тѣ результаты, которые пріобрѣты были (sic—вм. были) сравнительнымъ изученіемъ Церковно-Славянскаго. Вообще говоря, многое подтверждалось и именно то, что обще нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ Славянскихъ діалектовъ. Многое, казавшееся мнѣ Ц. С. ¹⁾), должно было отойти въ грамматику тѣхъ діалектовъ, изъ которыхъ Ц. С. получалъ чуждые ему приливы.—Наблюденія этого рода не безполезны будуть для исторической грамматики новѣйшихъ нарѣчий.

Вообще меня занимала система гласныхъ Ц. С. въ корняхъ, производныхъ слогахъ и грамматическихъ функцияхъ и отношеніе сихъ гласныхъ къ новымъ діалектамъ.—Дѣйствительно слишкомъ долго система гласныхъ была оцѣниваема чрезвычайно поверхностно и безъ должнаго соображенія ихъ важности. Еще Добровскій не довольно точенъ былъ въ семъ отношеніи: это видно изъ его каталога корней. Открытие правильнаго употребленія полугласныхъ ъ и ь (напис. рѣ), потомъ открытие ринезмовъ дало изслѣдованіямъ другое направление. Безъ этого очень легко самые разнородные корни соединять или пріурочивать ихъ къ значеніямъ самымъ произвольнымъ. Нѣть сомнѣнія, что замѣчаніе Гrimma: Die Consonanz gestaltet, der Vocal bestimmt und beleuchtet das Wort, останется навсегда правиломъ при этимологическихъ и грамматическихъ изслѣдованіяхъ.

Сверхъ того, что древніе памятники ²⁾ установили нѣкоторыя мои шаткія понятія о вопросахъ грам. Ц. С., я долженъ сказать, что лексикографическая часть моихъ изученій подвинулась очень значительно.—Значеніе многихъ словъ я принужденъ былъ прежде отыскивать (sic—вм. вать) то въ новыхъ діалектахъ, то угадывать изъ связи, въ которой они мнѣ встрѣчались,—но здѣсь опытъ доказалъ, что средства эти помогали не вездѣ: сличеніе съ Греч. подлинникомъ и изустное объясненіе ³⁾) имѣло слѣдствіемъ довольно важныя модификаціи моихъ прежнихъ понятій. Не говорю уже о множествѣ словъ совершенно ⁴⁾ новыхъ, которыхъ нигдѣ мнѣ не встрѣчались или встрѣчались въ новыхъ діалектахъ.—Далѣе—пріятно было встрѣтить нѣсколько словъ, важныхъ въ отношеніи къ древнему праву Славянъ, къ ихъ Миѳологіи и т. д. Встрѣча эта тѣмъ пріятнѣе ⁵⁾ была, чѣмъ неожиданіе. Эти слова восполняютъ сумму (sic—вм. сумму) тѣхъ случаевъ, которые составляютъ общее достояніе Славянъ.

При чтеніи древніхъ памятниковъ и постоянномъ ихъ сличеніи съ Греческимъ подлинникомъ...

¹⁾ Б. нап. и зач.: «при повѣркѣ древн.».

²⁾ Б. нап. и зач.: «которые были мнѣ предложены вели не сообщ.».

³⁾ Очевидно—Востокова. В. Л.

⁴⁾ Зач.: «для меня».

⁵⁾ Б. нап. и зач.: «что тѣмъ драгоценнѣе, что...».

Лѣтопись Манассія и Георгія Амартола озарили для меня вождѣй-нымъ свѣтомъ нѣкоторые грамматические пункты Болгарскаго и Сербскаго. Изъ первой видно, что Болгарскій 14 столѣтія многое уже утратилъ и измѣнилъ, что ему принадлежало нѣкогда. Кажется что діалектъ сей въ означенню эпоху едва ли сохранилъ ж-сы съ носовымъ изглашеніемъ. Не смотря на то, что хотя сіи звуки употребляются promiscue, одинъ вмѣсто другаго, но нигдѣ не употреблены вм. ю, оу. Это подтверждается и словами Венелина (Моск. Набл. 1837. Сентябрь Кн. 1 с. 74) «Такъ въ однихъ мѣстахъ (въ Болгаріи) говорять песокъ, хлѣбъ, камень, любя, лябахъ и проч., а въ другихъ; пасокъ, любъ, комокъ, любимъ, любихъ». За то: Аржс (Арѣс), Ефратжс (Еѡфрѣтс) необходимо ведутъ къ заключенію, что ж=ы или ъ (ъ), подобно какъ Ц. С. б ж д е тъ произноситься Болгарами: Быде (Моск. Набл. 1837. Сентябрь Кн. 1 с. 93 — 94). Въ этомъ я еще болѣе убѣдился при чтеніи Временника Георгія Амартола, гдѣ ж вмѣсто ъ довольно часто встрѣчается, но также и вмѣсто ъ; кжбль (кѣбль), пронжзи, тжмж, лжбина (лѣбина), скжетаніе и скѣктуаніе, вм. и стѣнж (вм. стѣны) и т. д., изрѣдка только вм. ъ, которое едва ли не произносилось подобно Польскому въ словѣ wiara: по крайней мѣрѣ къ этому ведеть правописаніе нѣкоторыхъ словъ: напр: мѣдны (младый), глѣва, (глава), ъше (-аше).

При чтеніи Георгія Амартола я собралъ многое, что можетъ послужить со временіемъ дополненіемъ и модификацію мнѣній Шафар. въ его Serbische Lesekogr. gr.

Литературою прочихъ славянскихъ народовъ я менѣе имѣлъ возможность заняться, по неимѣнію подъ рукою необходимыхъ пособій.—Преимущественно меня занимало сравнительное изученіе эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ у разныхъ народовъ Славянскихъ. Для этого у меня было достаточно материаловъ, потому что мало мало я успѣлъ собрать едва ли не все, что до сихъ поръ издано въ свѣтѣ. Сожалѣю, что въ Петербургѣ я не могъ воспользоваться собраніями Нѣмецкихъ и Скандинавскихъ пѣсень, которыми я пользовался въ Дерптѣ какъ изъ Университетской Боблютеки, такъ и изъ частныхъ Библіотекъ. На время это важное изученіе должно было пріостановиться. Польскимъ языкомъ мнѣ удалось заняться и исторически: Psalterz krolowej Małgorzaty, потомъ отрывки, довольно значительныя, которыя я нашелъ у Мацѣевскаго въ его Pamiętnikach, были для меня чрезвычайно поучительны. Для Краинскаго, кромѣ Словаря и Грам. Ярника, Мурко, Metelko я имѣлъ подъ рукою Volkmera Fabule ino Pésmi. Сербское собраніе моихъ книгъ увеличилось двумя: Шѣвания Церногорска и Херцеговачка, Словакскихъ: пѣснями народными Коллара и поэмою Голаго: Святополикъ и Моравскихъ Сушила (напис. Сушилы). Сверхъ того изученіе Шаф. Starož. и Časopis Českého Museum.

При всемъ томъ а успѣль слѣдоватъ (sic) и за успѣхами Сравнительной Филологии: третья часть Бопповой *Vergleichende Grammatik*, новыя сочиненія Бенари, Граффа, Куна. Впрочемъ съ этой стороны надѣюсь сдѣлать пріобрѣтенія за границею».

(Пол. отъ М. С. Куторги).

Одобренный Востоковымъ планъ путешествія Прейса по заграничнымъ Славянскимъ землямъ.

Отправляющійся въ заграничныя Славянскія земли обязанъ исключительно имѣть въ виду изученіе языковъ и литературу Славянскихъ. Древности, Исторія, Палеографія и т. д. также пересмотръ Архивовъ не должны отвлекать его отъ главной цѣли. Такимъ образомъ излишне, кажется, путешествіе по странамъ, гдѣ Славянское населеніе изчезло и гдѣ находятся одни только памятники чисто историческіе, но не литературные. Этимъ сбережется время, которое можно будетъ съ большою пользою употребить на преслѣдованіе главной цѣли въ путешествіи по землямъ чисто Славянскимъ. На основаніи этого позволено думать, что поездка въ сѣверную Германію и Италію, по всей вѣроятности, не принесетъ существенной пользы тому, который обязанъ имѣть въ виду литературно-филологическія изученія. Въ отношеніи къ прибалтійскимъ странамъ Германія можно утверждительно сказать, что для языка и для литературы здѣсь нельзя ожидать пріобрѣтеній. Въ разсужденіи Италіи должно будетъ переговорить съ Копитаромъ, который недавно тамъ былъ. Судя по извѣстіямъ, сообщеннымъ Г. Палацкимъ и по другимъ свѣдѣніямъ, можно думать, что посѣщеніе Милана, Генуи, Болоньи, даже Рима и Венеціи, едва ли представить особенныхъ выгоды. Во всякомъ однако же случаѣ подробности можно будетъ узнать отъ Копитара, Палацкаго и другихъ.

Въ послѣднія десять лѣтъ сравнительная филология сдѣлала такие блестательные и огромные успѣхи, что Славянскій языкоизыскатель не можетъ не слѣдовать за ходомъ ихъ. Сравнительная филология получила нынѣ совершенно иное значеніе. Теперь дѣло заключается не въ томъ, чтобы отыскать тождество звуковъ въ сравниваемыхъ языкахъ и такимъ образомъ выводить начало одного языка изъ другого. Въ новѣйшее время метода эта оставлена, убѣжденіе сдѣжалось повсемѣстнымъ, что Европейскіе языки имѣютъ матеріалъ общий. Вся важность вопроса заключается въ опредѣленіи органическихъ различій и въ развитіи характеристическихъ началъ отдѣльныхъ языковъ, въ раз-

витіи того, что имъ особенно свойственно. Въ этомъ отношеніи для послѣдователя Славянскихъ языковъ становится чрезвычайно настоятельнымъ изученіе Литовскаго языка, въ чёмъ никакъ нельзя сомнѣваться послѣ того, что высказано объ этомъ предметѣ Гриммомъ, Боппомъ, Боленомъ, Резою, Шафарикомъ и другими. Въ послѣднєе время Потть всего ощутительнѣе сдѣлалъ эту истину, преимущественно въ новомъ сочиненіи: *De Borusso—Lithuanicae tam in Slavicis quam Letticis linguis principatu.* Недавно еще справедливо замѣтилъ Шафарикъ (*Casopis Českého Muzeum.* 1838 с. 255), что безъ вреда нельзя исключить Литовскаго языка изъ круга Славянскихъ и что, при сличеніи послѣднихъ между собою, первый есть регулятивъ, подобно какъ языкъ Готскій для изучающаго германскіе діалекты.

Послѣ этого не безполезнымъ будетъ посѣтить Кенигсбергъ, гдѣ въ тамошнемъ Университетѣ есть каѳедра языка Литовскаго. Нѣкоторыя свѣдѣнія правда небольшія, пріобрѣтенные Прейсомъ въ этомъ языкѣ, подаютъ надежду, что изученіе его не составитъ особенной трудности и не останется напраснымъ для науки. Изъ Кенигсберга отправиться въ Данцигъ и селенія Кашубовъ для собранія свѣдѣній о языкѣ ихъ и прошѣрки замѣчанія Мронговіуса, будто нарѣчие Кашубовъ ближе къ Русскому, нежели къ Польскому (Библіографические Листы с. 251). Послѣ этого побывать въ Берлинѣ и войти въ сношеніе съ Боппомъ, который въ своей *Vergleichende Grammatik* оказалъ важныя услуги Славянскому языку поясненіемъ его грамматическихъ формъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Сверхъ того можно ожидать много поучительнаго отъ знакомства съ Граффомъ, Бенари и другими, которые много содѣйствовали успѣхамъ сравнительной филологии. Наконецъ вотъ еще одно обстоятельство, которое сильно влечетъ сюда того, который въ продолженіи десяти лѣтъ усердно занимался Педагогіею практическими и теоретическими: это учебныя занѣденія въ Пруссіи. Какъ бы пріятно было увеличить познанія въ этомъ предметѣ на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Изъ Берлина отправиться въ Великое Герцогство Познанское, отсюда въ Силезію, Саксонію, Лужицію, Моравію и Богемію. Указателями при путешествіи по этимъ землямъ послужатъ извѣстія и замѣчанія, которыхъ напечатаны въ разныхъ сочиненіяхъ гг. Кеппена, Добровскаго, Копитара, Мацѣевскаго, Строева (въ Протоколахъ Археографической Коммиссіи) и т. д. Сверхъ того знакомство съ учеными въ этихъ земляхъ будетъ надежнымъ руководствомъ для путешествующаго. Вообще сіи земли болѣе извѣстны, точнѣе описаны, большее число заключаютъ въ себѣ дѣлателей. Въ продолженіи года можно здѣсь сдѣлать важныя пріобрѣтенія, особенно въ Прагѣ.

Изъ Богеміи поѣхать въ Вѣну, гдѣ воспользоваться руководствомъ Копитара и пособіями тамошнихъ библіотекъ.

Изъ Вѣны отправиться въ Пестъ и Офенъ, потомъ проѣхать въ Штирію, Каринтию, Крайну, Кроатію и Славонію, изъ Лайбаха въ Триестъ и оттуда въ Венецію, если въ послѣдствіи окажется что поѣздка въ Венецію можетъ быть особенно полезна для изучающаго Славянскіе языки и литературу. Страны, гдѣ господствуетъ нарѣчіе Хорутанское, должны особенно обратить на себя вниманіе путешествующаго. Труды Копитара и другихъ сдѣлали это нарѣчіе чрезвычайно важнымъ въ отношеніи историческомъ и филологическомъ.

Отсюда путешественникъ долженъ поѣхать въ Далмацию, Герцеговину, Рагузу, Скутари, Черногорію, Боснію, Сербію и Булгарію и чрезъ Молдавію, Валахію и Семиградскую область въ Галицію, гдѣ, какъ известно, для дѣятельности Славянскаго ученаго представляется обширное поле. Въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе Русиновъ, столь важное по отношенію къ Малороссійскому, должно обратить особенное его вниманіе.

Изъ Кракова направить путь въ царство Польское; въ Литвѣ вновь обратиться къ языку Литовскому и короче познакомиться съ нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ.

Путешествіе по землямъ, гдѣ господствуютъ Славянскія нарѣчія, принадлежащія къ Иллірійской отрасли, потомъ поѣздка въ Галицію и царство Польское, сдва ли можетъ совершиться въ продолженіе годового срока, особенно если сообразить значительное пространство земли, малоизвѣстность нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ странъ, довольно ограниченное число надежныхъ руководителей и т. д. Можетъ быть на путешествіе по этимъ землямъ потребуется не менѣе полутора года.

«Этотъ планъ былъ, но словамъ Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа въ его отношеніи къ Министру, разсмотрѣнъ г. Востоковымъ и найденъ имъ очень основательно написаннымъ и совершенно соответствующимъ своему назначению». — «Г. Востоковъ, — писалъ Попечитель Министру 5 Маѣ 1839 г.—отзываются съ весьма похвальной стороны объ успѣхахъ занятій Прейса, котораго при самомъ порученіи его руководству въ Іюлѣ прошедшаго 1838 г., онъ нашелъ хорошо уже приготовленнымъ къ избранному имъ поприщу, и потому Востокову легко было руководить его къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній. Прейсъ, по указанію его, преимущественно занимался въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Румянцевскомъ Музеумѣ чтеніемъ древнѣйшихъ Славянскихъ рукописей и выписками изъ оныхъ, и Востоковъ надѣется что въ сіи девять мѣсяцевъ онъ не мало пріумножилъ свой запасъ Славянскаго языкоznания, который ему теперь остается дополнить предстоящимъ путешествіемъ, и что послѣ оного Прейсъ будетъ безъ сомнѣнія способнѣе всѣхъ занять каѳедру Славянскихъ нарѣчій при С.-Петербургскомъ Университетѣ».

(Арх. М. Нар. Пр.).

Кенигсбергъ. Декабря 19-го 1839 года.

Пока еще не замерзли въ чернильницахъ чернила с пѣшу писать къ тебѣ, любезный Мишель.—Вы все вѣрно на меня сердиты, что я такъ долго молчалъ. Виноватъ, впредь буду аккуратнѣе. Уже не въ первый разъ узнаю, что большія рождаются бѣды, когда начнешь откладывать.

Про Дерптъ не пишу; Сухачевъ вѣрно былъ въ Петербургѣ. Въ Ригѣ я пробылъ день; вечеръ провелъ въ пріятной бесѣдѣ съ моими бывшими учениками, которые теперь большею частію сами учителя. По порученію Кеппена былъ я у Гольдгаммера (который немедленно хотѣлъ списаться съ П. И. Ему же чрезъ Сухачева, я доставилъ диссертацию Ленца о Духоборцахъ. И прочія его порученія исполнены или будутъ исполнены въ свое время). Все это для Виктора Степановича). Гольдгаммеръ женатъ и отецъ семейства; онъ просилъ меня всѣмъ вами кланяться.—Въ Ригѣ я нанялъ фурмана до границы и доѣхалъ пресловойно въ прекраснѣйшей коляскѣ. Изъ Таурогена до Тильзита въ прусской почтовой бричкѣ. Нѣманъ cum adjacentibus напомнилъ мнѣ одну поэму, которая услаждала мнѣ путешествіе по Жмуди. Въ Тильзитъ приѣхалъ я рано, а потому тотчасъ отправился къ директору гимназіи, который былъ такъ добръ, что подарилъ мнѣ цѣлый день. Онъ познакомилъ меня довольно подробно съ здѣшнею гимназіею. Душевно радовался я успѣхамъ учениковъ. И неудивительно! Учителя — чудо. — Только учитель Исторіи мнѣ не понравился своимъ "непомѣрнымъ крикомъ и странными жестами. У него Исторія въ лицахъ. Въ то время, какъ я былъ въ его урокѣ онъ представлялъ Монтецуму. Умора. — Послѣ классовъ къ директору на бесѣду; ему обязанъ многими свѣдѣніями. — Въ 7 часовъ вечера тронулся наконецъ дилижансъ и я съ нимъ. На другое утро нижеподписавшійся былъ уже въ Кенигсбергѣ. Первымъ дѣломъ было отыскать брата Розенбергера (бывшаго дерптскаго директора). Сей былъ такъ добръ и услужливъ, что я пересказать тебѣ не умѣю. — Послѣ того къ Сарториусу, котораго здѣсь не жалуютъ; отсюда къ Лобеку съ твою диссертациею¹), за которую онъ тебя очень благодарить. Онъ очень обрадовался, что въ Петербургѣ Русскіе занимаются древностію, между тѣмъ какъ тамже офиціальные археологи ничего не дѣлаютъ. Sapienti sat. — Лобекъ кланяется Кеппену и пеняетъ, что онъ оставилъ древность. — Я пораженъ былъ нѣсколько при первомъ взгляде на

) Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquit . Paris. 1839. Сарториусъ Э. В. Х. богословъ р. въ Дармштадтѣ 1795 г., былъ проф. богословія въ Дерптѣ (съ 1824), а потомъ съ 1835 г. суперинтендентомъ В. Пруссии въ Кенигсбергѣ. + 1859 г. Налич. нѣск. богосл. соч.

Лобека. Читая его *Aglaophamus*, я полагалъ, что онъ лѣтъ 30. На самомъ же дѣлѣ онъ оказывается уже порядочнымъ старичкомъ¹⁾).—Лобекъ очень нодоволенъ сравнительной филологію; я ее защищаю за исключениемъ разумѣется злоупотребленій, которыхъ дѣйствительно съ каждымъ днемъ усиливаются, какъ видно изъ новаго сочиненія Höfer-a²⁾).—Я нерѣдко бываю у почтеннаго Лобека. Потомъ направилъ я свои стопы къ Друману, который принялъ твою диссертацию и меня съ величайшимъ благоговѣніемъ. Человѣкъ онъ очень добрый и умный, да только мучить меня своею вычурною учтивостію; чѣмъ я ему соотвѣтствовать не могу. Фохта я также посѣтилъ; только онъ мнѣ показался нѣсколько спѣсивымъ³⁾). Отъ него я узналъ, что въ здѣшнемъ Тайномъ Архивѣ Русскихъ актовъ нѣть ранѣе пятисотыхъ годовъ (1525). Съ этого года можно ими пользоваться только съ позволенія министерства. Такъ какъ эти акты не могутъ мнѣ принести существенной пользы, то я и не хлопоталъ обѣ этомъ позволеніи тѣмъ болѣе, что они будутъ списаны для археографической комиссіи. Что же касается до профессора Резы (Rhesa), то это чудакъ, какого свѣтъ не производилъ. — Это съ ногъ до головы укутанный иппохондрикъ, человѣкъ боязливый, разсѣянный, забывающій сказанное самимъ за нѣсколько минутъ. Такъ какъ онъ говоритъ медленно, съ разстановкою и тихо, то каждое мною скоро и громко сказанное слово конфузить его. Онъ начинаетъ посеменивать ногами, руками и всѣмъ тѣломъ. Разумѣется, что и я конфужусь. Пробыть у него часъ—мученіе для меня. Я пользуюсь только его библіотекою, въ которой очень много драгоцѣнныхъ рукописей, относящихся къ Литовскому языку. — Учусь собственно у одного студента, природнаго Литвина⁴⁾, котораго Реза мнѣ рекомендовалъ.—Я очень доволенъ его уроками. — Сверхъ того ежедневно въ $\frac{1}{2}$ 7 утра является ко мнѣ унтеръ-офицеръ — Литвинъ, съ которымъ стараюсь конверсировать.

Вообрази себѣ, что здѣсь Landau никто не знаетъ; одинъ знакомецъ

¹⁾ Лобекъ р. 1781 г. + 1860 г. Отличный филологъ-эзотерикъ. Важны были его труды по Греч. грам. Его *Aglaophamus, seu de theologiae mysticae Graecorum causis*. Бензебергъ 1829 г. 2 т. имѣть большое значение въ исторіи сравнительного изученія миѳологій и религій. (См. Lang A. *Myth, ritual a. religion*. London. 1887 I, 20).

²⁾ Пр. вѣроятно разумѣль его сочин. *Beiträge zur Etymologie u. vergl. Gram. d. Haupt-Spr. d. indogerm. Stammes*. Berlin. 1839.

³⁾ Друманъ р. 1786 г. + 1861 г. Его главное соч. *Gesch. Roms in seinem Uebergang v. d. republ. zur monarch. Verf.* неудачное по порядку изложенія, блещетъ новыми и вѣрными мыслями. Незадолго передъ смертью онъ изд. *Die Arbeiter u. Kommunisten in Griechenland u. Rom.* 1860.

⁴⁾ Это былъ Куршатъ, известный составитель Грам. и Слов. Литовскаго.

⁵⁾ Voigt. р. 1786 г. + 1863 г. в. заслуженный историкъ: *Gesch. Preussens 1827—1839. 9 том. Codex diplomaticus prussianus. 1836—1861. 6 том., и нѣк. др. замѣчат. въ свое время труды, какъ Hildebrand als Papst Gregor VII, 1815. 2 изд. 1846.*

мнѣ сказывалъ, что человѣкъ, носящій подобную фамилію, уѣхалъ въ Америку. — Какъ жаль!

Слѣдовательно, какъ видишь, первый день прошелъ; на другой же день я отправился съ моимъ попутчикомъ странствовать по городу и осматривать достопримѣчательности, которыхъ не много: вечеромъ былъ въ театрѣ (въ первый и послѣдній разъ): представляли die Stuntpie von Portici и очень дурно.—На третій день я уже сидѣлъ въ моей уютной квартирѣ за Литовскимъ, которымъ занимаюсь усердно.—Это занятіе удержитъ меня въ Кенигсбергѣ до половины января, а можетъ быть и до конца. — Для другихъ языковъ пособій довольно вездѣ; для Литовскаго нигдѣ, кромѣ Кенигсберга. Притомъ этому прекрасному языку суждено въ Пруссіи скоро умереть. Общая повинность быть солдатомъ и запрещеніе въ школахъ учить на Литовскомъ, чрезъ нѣсколько поколѣній, истребятъ совершенно этотъ языкъ, тѣмъ болѣе, что Литовское народонаселеніе не превышаетъ 150 тыс. человѣкъ.

Кенигсберга (*sie*) описывать нечего; ты его знаешь. Изъ лекцій мнѣ бы всего болѣе хотѣлось послушать Розенкранца; къ сожалѣнію однако же не могу изъ-за Литовскихъ уроковъ, которыхъ никакъ нельзя расположить иначе. Другія же лекціи меня не интересуютъ; съ большою пользою употребляю я лишнее время на посвященіе школьн., которая, не повѣришь, какъ меня занимаютъ.—Професоръ Боленъ (*Bohlen*), къ душевному моему прискорбію, находится теперь въ Галлѣ, надѣясь вылечиться отъ сильнѣйшей чахотки. — Этотъ молодой ученый съ жаромъ принялъ за изученіе Литовскаго и успѣлъ въ немъ до того, что путешествуя по деревнямъ, собралъ множество народныхъ пѣсенъ. Онъ перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ и думалъ издать съ подлинникомъ; но не нашелъ *Verleger-a*. Онъ лежать теперь въ Тайномъ Архивѣ, но я надѣюсь до нихъ добраться.

Дней пять тому назадъ проѣхалъ чрезъ Кенигсбергъ Срезневскій, одного со мною предмета; его посылаетъ Харковскій (*sic*) университетъ. Онъ очень обрадовалъ меня своимъ проѣздомъ.

Недѣли за двѣ общество здѣшнихъ врачей праздновало день своего учрежденія; въ качествѣ гостя и я былъ приглашенъ сюда. Разумѣется, фли, цили, пѣли, между плюющими гораздъ былъ Moser, Prof. Physic. Здѣсь я сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Развѣ два были въ обоихъ здѣшнихъ клубахъ, которыхъ есть членъ. Разговору нѣть; играютъ въ карты, читаютъ газеты и молча пьютъ пиво изъ огромнѣйшихъ стакановъ. — Слѣдовательно, довольно скучно.

Забавно смотрѣть на ученіе здѣшнихъ солдатъ, которыхъ этимъ дѣломъ занимаютъ часовъ 6 въ день. — Годы службы уменьшены до 2-хъ, вмѣсто прежнихъ трехъ; волонтеры служить полтора. Стою я однажды на плацу

парадѣ подлѣ кучки солдатъ, стоявшихъ праздно. Вслушиваюсь въ ихъ разговоръ. Одинъ между прочимъ тако рекъ: «närrisch genug, dass unser einer, einzeln genommen ganz schaufelig aussieht. Ist er aber im Glied und Reihe, so sieht er ganz russisch aus»¹⁾). Это разсужденіе простаго прусскаго солдата меня очень позабавило.

Конецъ моимъ разглагольствіямъ о Кенигсбергѣ.—Напиши мнѣ, сдѣлай милость о себѣ. Что, каково идутъ твои дѣла. Я часто обѣ этомъ думаю, какъ жаль, что я не дождался брата въ Петербургѣ: какъ ему приятно было возвратиться домой. Здорово ли дитя? Твое здоровье каково? Степанъ Семеновичъ разумѣется здоровъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Каролинѣ Борисовнѣ. Нельзя-ли будетъ сообщить о времени и планирующемся Чижова²⁾), съ которымъ очень бы хотѣлось гдѣ нибудь столкнуться. Поклонись ему и извини меня, что не успѣлъ съ нимъ проститься. Къ Виктору Степановичу aber kurz oder lang буду особенно писать.—Нельзя-ли будетъ какъ нибудь добыть двухъ экземпляровъ Чувашской грамматики, вышедшей въ 1836 году въ Казани и сохранить ихъ до моего приѣзда. Черезъ два года можетъ быть не сыщешь ни одного экземпляра. Объ этой книжѣ я свѣдалъ по разбору, напечатанному въ Berliner Jahrbücher.—Не вышла ли диссертация Кастрорскаго, которая меня очень интересуетъ? Нельзя ли ее будетъ черезъ Кашпеша отправить въ Прагу къ Шафарiku, который бы мнѣ ее передалъ.

А. В. Никитенкѣ и Цлетневу мое почтеніе свидѣтельствуетъ ниженодѣланній.—Исторію Устрялова въ «Preussische Staatszeitung» расхвалили; за то дѣсталось ей въ «Neue Hamburger Zeitung».—Другихъ рецензій еще не встрѣчалъ.

Крафтгитрема вездѣ знаютъ. Лобекъ разсказывалъ мнѣ нѣсколько премурительныхъ анекдотовъ.—Слѣдствіе о Мукерахъ кончено; приговоръ еще не опубликованъ. Говорятъ, что наказаніе будетъ строгое. Одинъ изъ этихъ фантатиковъ дошелъ до того, что предвидя скорый новый потопъ, построилъ себѣ судно на Прегелѣ, на случай надобности. Такъ какъ постройка этого ковчега производилась очень дурно, то онъ и потонулъ. Эки чудеса дѣлаются въ пресвѣтлой Пруссіи. Впрочемъ дуракамъ законъ не писанъ.

И такъ до слѣдующаго письма. Будь здоромъ и побѣждай.

Твой П. Прейс.

Адресъ: Koenigsberg. Burgstrasse № 4, Haus Paulini.

Спасибо тебѣ за Лобека и Друмана: чрезъ нихъ я имѣю свободный входъ въ Королевскую Библіотеку.

¹⁾ Т. е. довольно забавно, что любой изъ насть взятый въ одиночку смотрить совсѣмъ дрянью, а въ ряду и въ строю смотреть совершенно Русскимъ. Schaufelig —собств. schofelig—слово заимствованное изъ Еврейскаго жаргона—жалкий, дрянной.

²⁾ Ф. В. Чижовъ адъюнктъ математики въ Пет. ун. и известный потомъ общественный деятель.

14 января 1840. Кенигсбергъ.

Только нѣсколько строчекъ на этотъ разъ, любезнѣйшій М. С. и прежде всего спасибо за дружеское письмо, которое меня очень развеселило. Поздравляю тебя съ началомъ лучшей эпохи. Я былъ въ восторгѣ отъ извѣстій, которыхъ ты мнѣ сообщилъ. — Ура!

Литовскій удержалъ меня въ Кенигсбергѣ долѣе, нежели я предполагалъ. Предметъ этотъ впрочемъ требовалъ по возможности основательнаго изслѣдованія. — Я приближаюсь теперь къ концу своихъ изысканій и слѣдовательно къ отѣзду изъ Кенигсберга. Отсюда отправляюсь на нѣсколько дней въ Данцигъ, гдѣ пробуду много недѣль. Изъ Данцига поспѣшу въ Познань недѣли на три и отсюда уже въ Берлинъ, гдѣ слѣдовательно надѣюсь быть въ мартѣ мѣсяцѣ. — Этотъ планъ заставляетъ меня просить тебя о высыпѣ мнѣ денегъ въ Кенигсбергѣ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

До отѣзда моего изъ Кенигсберга буду писать въ Совѣтъ Университета. На дніяхъ принимаюсь за составленіе записки.

Относительно Шиндера, я только могу просить тебя дать мнѣ цыбулочку, если тебѣ это будетъ не непріятно! Custos библіотеки есть великое дѣло! По прїездѣ въ Берлинъ первымъ моимъ дѣломъ будетъ сходить въ Дункеру. Боюсь только не будетъ ли поздно.

Кругъ моихъ знакомствъ распространяется. Я былъ также нѣсколько разъ приглашеннъ на вечеръ къ Друману, Лобеку, Сарторіусу. Познакомился также съ Розенкранцемъ, у которого даже былъ на лекціи. Читаетъ обворожительно. — Въ Sylvester-Abend былъ на балу и смотрѣлъ, какъ потѣшается здѣсь средній классъ. Дамы болѣею частію премилыя существа, за то кавалеры народъ неотесанный. — Какъ членъ клуба, я хожу иногда слушать концерты, даваемые здѣсь диллетантами. Въ послѣдній разъ я писалъ о пораженіи Устрялова, теперь бывать безъ милосердія Фаддѣя Булгарина, напримѣръ, въ «Berliner Jahrbücher». — И по дѣламъ!

Ничего ты мнѣ не пишешь о своемъ здоровьѣ. Сиг? Не забудь объ этомъ отмѣтить въ будущемъ твоемъ письмѣ. И я аплодирую Степану Семеновичу: floreat, crescat! До слѣдующаго письма! Будь здоровъ: поклонъ всѣмъ безъ обиды.

Твой П. Грайсъ.

Что дѣлаетъ Петръ Давидовичъ? ¹⁾ Кто ректоръ?

¹⁾ Проф. Калмыковъ.

Берлинъ. 27 апрѣля 1840.

Любезный Мишель! Я уже слишкомъ двѣ недѣли въ Берлинѣ; полагаю, что застану письмо твое здѣсь. Ждалъ, ждалъ, ходилъ каждый день на почту, справлялся у Дункера; но письма нѣть, какъ нѣть. Или оно затерялось на почтѣ или ты болѣнъ. — Досадую на себя, что не писалъ тотчасъ по прїездѣ своемъ въ Берлинъ; мысль, авось сегодня или завтра получу письмо отъ тебя, удерживала меня. — Изъ Кенигсберга я не писалъ потому, что на другой день по полученіи твоего письма я уже былъ въ дорогѣ. Но возвратимся въ Кенигсбергъ.

Тяжело мнѣ было разстаться съ нѣкоторыми изъ кенигсбергскихъ знакомцевъ, особенно съ Лобекомъ. По желанію твоему я былъ у него съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣніе о твоихъ *tribubus*. Вотъ точное *fac-simile* его словъ:

«*Da ist eine höchst gediegene, geistvolle Arbeit. — Uns in Deutschland kommen solche Arbeiten nicht zu oft vor,* прибавилъ онъ съ обыкновенною солью, *wahrhaftig nicht*». Причемъ вновь просилъ меня «*ihn Dir zu empfehlen und danken für die Ehre die ihn H. Prof. Kutorga erwiesen hat.*» — Онъ заключилъ надеждою и просьбою, что ты не оставишь поприща, «*die so rühmlich begonnene Laufbahn*».—

Ты вѣрою не воображаешь, какъ обрадовалъ меня такой отзывъ Лобека. — Зная его, что это человѣкъ *durch und durch Wahrheit*, зная, какъ онъ недоволенъ текущею ученой литературою, я боялся, что и тебѣ достанется: онъ человѣкъ откровенный, и не умѣеть щадить. — Я слышалъ, какъ онъ казнилъ нѣкоторыя знаменитости. — Слава Богу, сошло благополучно!

Теперь въ Данцигѣ, который мнѣ чрезвычайно понравился во всѣхъ отношеніяхъ. Сравненія нѣть съ Haupt und Residenzstadt Кенигсбергъ, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе упадаетъ. — Жители горько жалуются на затруднительность торговыхъ сношеній съ Россіею.

Въ Данцигѣ дали мнѣ нѣсколько писемъ, въ числѣ ихъ были адресы и не къ ученымъ, т. е. къ бургерамъ въ тѣсномъ смыслѣ, которыхъ я въ Германіи почитаю самыми здоровыми классомъ людей. Надобно самому испытать то гостепріимство и радушіе, съ которымъ я здѣсь былъ принятъ, особенно долженъ я упомянуть объ аптекарѣ Лѣфасѣ и кандидатѣ теологии Рѣснерѣ (который, разумѣется, уже женихъ и опять разумѣется женихъ не одной только церкви Христовой). Они водили меня по городу, водили по окрестностямъ, которые очаровательны и въ марта мѣсяцѣ, когда снѣгъ не успѣлъ еще сбѣжать съ полей. Замѣчательно, что отъ Кенигсберга до Данцига площадь — хоть шаромъ покати. Близъ Данцига вдругъ начинаетъ

тинуться цѣлая линія возвышеній, которая произвѣли на меня сильное впечатлѣніе. Это для моихъ глазъ первыя горы. Все подгорье застроено дачами, домиками, усажено аллеями; подъ ногами твоими море, вдали Hela и ты позволишь мнѣ молчать. Бесѣда съ этими добродушными бургераами отрадна, особенно тѣнили меня твердыя ихъ убѣжденія въ существенныиихъ пунктахъ, касающихся человѣка. Изъ ученыхъ съ удовольствиемъ упомяну о добрѣмъ старикѣ, который прозываетсѧ Mrongovius, известный Польскій лексикографъ. Я ему очень многимъ обязанъ въ отношеніи къ своей цѣли. Любовь его къ своему предмету превышаетъ всякое описание. Не смотря на то, что почти 8 десятковъ лѣтъ покоятся на его могучихъ плечахъ, онъ еще бодръ, свѣжъ и юношески дѣтеленъ. Его чрезвычайно обрадовало мое посѣщеніе: я видѣлся съ нимъ ежедневно.

Mrongovius ввелъ меня въ Journalisticum. Это название имѣеть въ Данцигѣ особенное значеніе. Разъ въ мѣсяцъ одинъ изъ членовъ этого Journalisticum, поочереди, приглашаетъ на вечеръ всю братію, принадлежащую къ этому соетус пошить винца, чаю, шоколаду, покурить, побалагурить. Здѣсь я нашелъ весь почетъ Данцига, начиная отъ Ober-Bürgermeisterа—а это не шутка. Комиссія—знакомиться со всѣми! Въ памяти у меня остался Marquart, учитель здѣшней гимназіи, филологъ. — Stadt-Angelegenheiten были главной темой, особенно Weichsel-Durchbruch. И я поневолился съѣздить посмотреть на эту достопримѣчательность. Въ теченіи двухъ часовъ Висла успѣла прорыть себѣ новое устье (о геологии!). До сихъ поръ не знаютъ еще навѣрно, къ добру-ли Данцига случился этотъ казусъ. Мнѣ сказывали, что въ прошломъ, если еще не 17 столѣтія, сенатъ города Данцига хотѣлъ именно въ нынѣшнемъ Durchbruchѣ прорыть берегъ. Планъ остановился за неимѣніемъ миллионовъ, которые потребовались на исполненіе его. Природа сдѣлала gratis. Я варваръ,—глядя на Durchbruch, жалѣль объ одномъ: огромныя льдины, которыми загромождены были Висла и берега ея, имѣли видъ утесовъ и скаль. Все это должно исчезнуть!

Данцигъ всѣмъ хороши и пригожи; въ одномъ пунктѣ однакоже оплошаешь.—Подумайтѣ: Здѣсь болѣе 400 человѣкъ, которые отличили себя какимънибудь воровскимъ дѣломъ и которые всѣ insgesammt состоять подъ присмотромъ полиціи, почему и именуются здѣсь: «die Observaten». За нѣсколько лѣтъ они такъ изволили здѣсь шалить, что бѣдные бургеры принуждены были образовать общество; очередные члены по иѣскольку разъ ночью должны были являться на квартиру обсерватовъ, для того, чтобы убѣдиться, не на промыселъ ли молодцы.—Ихъ обыкновенно отсылаютъ въ Грауденцъ въ рабочій домъ, который я видѣль въ проѣздѣ мой чрезъ этотъ городъ. Надъ воротами рабочаго дома написано «Der Reue und Besserung». Этотъ демонъ обсерваты толкаютъ по своему: проживъ здѣсь нѣкоторое время, они возвра-

щаются въ Данцигъ съ раскаяниемъ, что до сихъ поръ были только мелкие воры, въ действительности исправляются, дѣлаясь ворами № 1. За несколько недель передъ моимъ пріѣздомъ одинъ изъ исправившихся обсерваторъ разрѣзаль ножемъ ротъ жандарму, который хотѣлъ было его схватить съ личнымъ. Богъ меня миловалъ отъ нападеній этихъ обсерваторъ. Здѣсь завидуютъ намъ, что въ нашей власти Сибирь.

До самаго почти Грауденца я ѿхалъ въ пріятномъ обществѣ.

Это былъ Мариенвердскій Schulrath. Цѣлый день толковали о школахъ. Отъ Грауденца до Торна спутникомъ моимъ былъ солдатъ, который повѣстновать мнѣ о состояніи ратнаго дѣла въ Пруссіи. Дорога была ужасная; здѣсь иѣть шоссе. Ужасъ! Я измучился на пространствѣ этихъ 8 миль.

Проехавъ черезъ городокъ Kulmsee, я не пропустилъ случая взглянуть на здѣшнюю ратушу для контраста. Говорю безъ всякаго преувеличения; эта ратуша ни дать, ни взять голубятня.

Отъ Грауденца начинаются уже польскія деревни и города, которые и здѣсь точь въ точь какъ въ Жмуди.—Хотя я и не принадлежу къ числу чертей, при всемъ томъ долгомъ моимъ почитаю замѣтить, что Boże mѣki (Божи муки, Stucifixia), разставленныя на дорогахъ и поляхъ были и будутъ мнѣ противны.

Въ Торнѣ я пробылъ три дня, надѣясь получить вѣкоторыя грамоты, о которыхъ мнѣ говорилъ проф. Фохтъ. Но ихъ уже иѣть—исчезли съ лица земли въ слѣдствіе беспорядочности здѣшнихъ магистратскихъ чиновниковъ. Здѣсь я познакомился съ Новицкимъ, учителемъ здѣшней Bürgerschule, натуралистомъ, какъ слышу, очень дѣльнымъ.—Другое знакомство было съ Dr. Наепеке, который усердно занимается древностями Торна и сравнительнымъ языкознаніемъ. Въ Торнѣ я насмотрѣлся на католическія церкви, видѣлъ домъ, гдѣ жилъ Коперникъ, осмотрѣлъ ратушу съ ея диковинными прелестями Bürgerthum'a и т. д. Въ церквяхъ на каждомъ шагу поражали меня картины, вѣкоторыя изъ нихъ пребывавшаго содержанія. Напримеръ, Спаситель несетъ оленя. Надпись гласить: dulce opus teum. Другая картина представляетъ операцию обрѣзанія. Очень нужно!

Въ 4 часа ночи меня разбудили: пора ѿхать. Нечего дѣлать. До Гнѣвкова, первой станціи отъ Торна, мнѣ пришлось ѿхать одному. Въ Гнѣвковѣ присоединился ко мнѣ неожиданный, но весьма пріятный пассажиръ — преобразованная, прелюбезная, преживая, прелестная Жидовочка лѣтъ 16. Насъ было только двое! Въ Иноврацлавѣ, на слѣдующей станціи, я принужденъ быть съ нею разстаться и ѿхать съ какимъ-то польскимъ графомъ, человѣкомъ интереснымъ и бывалымъ.

Стрѣльно, Тршемешно и т. п. города Польскіе, т. е. масса домовъ, обмазанныхъ глянцемъ и наполненныхъ Жидами. Въ Тршемешно я успѣлъ осмотрѣть

здѣшнюю церковь. Въ ней 16 придѣловъ. Съ дороги видѣлъ башню Крушвицкую, гдѣ Попеля мыши сѣли:

То старина, то и дѣяніе.
Синему морю на послушаніе!

Наконецъ вечеромъ въ 9 час. мы доплелись до Гнѣзна, первой столицы польскихъ королей и донынѣ митрополіи Великопольской. Городъ этотъ за двадцать лѣтъ предъ симъ выгорѣлъ почти до тла. Всего замѣчательнѣе здѣсь соборъ, гдѣ обрѣтаются моши св. Войтѣха (Адальберта), хранящіяся въ серебряной ракѣ; по бокамъ ея вырѣзаны на серебрѣ апостольскіе подвиги этого первоучителя Прусскої Литвы. Сверхъ того примѣчательнѣй дворецъ Дунина, нынѣ пустой. Этотъ Дунинъ, по разсказамъ, человѣкъ весьма ограниченаго ума, который любить поѣсть, пошить и повеселиться. Въ его дворцѣ собиралось самое любезное общество Гнѣзна и окрестностей, не выключая и дамъ! Не удивляясь, что сіи послѣднія ходятъ по немъ въ траурѣ.—Кромѣ того стоитъ еще взглянуть на церковь св. Георгія. Она построена на мѣстѣ языческаго требища. Здѣсь показывали мнѣ двѣ каменные фигуры яко бы изображенія двухъ идоловъ. Дѣло не невозможное.—Отъ скучи я познакомился съ директоромъ здѣшней гимназіи, Neu, переводчикомъ Лелевелевыхъ Kleine Schriften.

Отъ Гнѣзна до Познани оставалось 7 миль. Чтобыѣхать на почтовыхъ, надобно было ждать три дня, а потому я нанялъ Куявака; въ открытой телегѣ, при несносной погодѣ (мокрый снѣгъ валилъ безъ милосердія) я поѣхалъ до Рознанія. Дорогой забавлялъ меня этотъ Куявакъ своими рассказами и особенно тѣшилъ своимъ великопольскимъ выговоромъ. Ночью, Богу помогающу, мы прибыли въ Познань. На другой день я отправился съ письмами къ здѣшнимъ литераторамъ. Въ тотъ же день былъ уже въ библіотекѣ Рачинскаго, относительно которой я нѣсколько обманулъ въ своихъ ожиданіяхъ. Въ двѣ недѣли, проведенные мною здѣсь, я почти не выходилъ со двора; погода была не выносимо дурна. И я не былъ этимъ не доволенъ: успѣлъ пройти нѣкоторыя части исторіи Польской литературы... Войковскій, Лукашевичъ и. с. в. снабжали меня всѣмъ, что относилось къ предмету моихъ занятій.

Quoad-Познань, то этотъ городъ имѣть двѣ стороны: одна старопольская (см. выше), другая принадлежить новѣйшему времени, и это безспорно лучшая часть. Подивовался я на огромный коллегіумъ, принадлежавшій нѣкогда іезуитамъ. Нечего сказать, умѣли строить! Но вотъ замѣчательность особеннаго рода, которая мнѣ пришла въ голову при мысли о Познани. Въ день воскресный я какъ-то забрель въ Лютеранскую церковь Garnisons-Kirche и осталбенѣль! Церковь была биткомъ набита. Развѣ это не рѣдкость. До того въ лютеранскихъ церквяхъ я видѣлъ только нищихъ, калѣкъ, чающихъ движенія воды.

Но впрочемъ пора въ Берлинъ, до котораго 34 мили, т. е. 24 часа ъзды. Съ почтамта мнѣ удалось перебраться тотчась на квартиру (Neu-Friedrichs-Strasse №. 64). Первый выходъ въ посольство, гдѣ какой-то молоденький дипломатъ сказалъ мнѣ, чтобы я отправился «на полицію», что и сдѣлано было. За симъ къ Дункеру; застаю его дома и слышу изъ устъ его, что онъ тебя не имѣеть чести знать. Можетъ быть это мой сынъ? Тыfu пропасть, подумалъ я. Отправляюсь къ сыну, хотя мнѣ и невѣроятно было, чтобы ты въ письмѣ своемъ ко мнѣ могъ ошибиться, давъ мнѣ адресъ къ старину Дункеру. Сынъ живеть подлѣ. Вхожу, спрашиваю и онъ знать ничего не знаетъ. «Сходите въ контору отца моего». — Отправляюсь въ контору, допытываюсь. Выходитъ: точно съ старикомъ ты имѣлъ дѣло, но что до сихъ порь не получали отъ тебя писемъ. Я сталъ въ туникѣ. — Я могъ только увѣрить Commis, что письмо не замедлитъ прибыть и просилъ его увѣдомить меня, коль скоро оно получится. Въ ту же минуту я бросился на почту — и тутъ ничего: проходить недѣля, другая. Ты вѣрно заболѣлъ или письмо потерянно. — Вотъ на чёмъ я остановился и каждый день досадую на себя, что не тотчасъ взялся за перо. Но глупость сдѣлана и ея не поправишь досадой. Другая непріятность: я прѣѣхалъ въ каникулы. Съ 1-го мая начнутся лекціи. Мнѣ непремѣнно хочется побывать у нѣкоторыхъ профессоровъ, и потому пробуду здѣсь до письма твоего. Впрочемъ каникулы въ томъ отношеніи для меня удобны, что я свободно могу заниматься работами въ библіотекѣ, гдѣ съ 9—12 и съ 2—5 обрѣтаюсь. Сверхъ того и дома у меня довольно дѣла.

Ближайшиe сосѣди мои Цумпть и Риттеръ. Къ первому я отправился съ твоей диссертацией; онъ очень сердечно благодарилъ тебя за нее. Цумпть ужасная флегма. — Онь, между прочимъ, говорилъ о питомцахъ Педагогического института и спрашивалъ: гдѣ они получили свое первоначальное образованіе. Я притворился, что не знаю, чуя, въ чёмъ это ему нужно. «Fleissige Menschen, aber stumm, mit einer mechanischen Auffassung» и т. д. Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, пока продолжалась его филиппика. — Потомъ онъ перешелъ къ Фрейтагу, благодарилъ его за Иліаду и сталъ ее хвалить безъ конца: «da ist ein Buch, welches in den Händen aller Schullehrer sein muss; diese Arbeit verräth grossen Geschmack, Tact; es ist in jeder Hinsicht vortrefflich». Эта похвала высказана была Цумптомъ непріятвенно; онъ не забылъ прибавить, что онъ не ожидалъ отъ Фрейтага такого труда. Съ тѣхъ порь я не видѣлся съ Цумптомъ.

Къ Риттеру я отправился съ поклонами отъ П. И. Кеппена, которому онъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Кроме ласковаго приема безподобный Риттеръ далъ мнѣ нѣсколько писемъ къ M-me Robinson (урожденної Jacob, известной переводчицѣ Сербскихъ пѣсенъ подъ псевдонимомъ Taluj), къ библіотекарю Фридлендеру и, наконецъ, къ Вилькену, къ которому тотчасъ отправился. Онъ

откомандировалъ меня ad Pontium Pilatum, къ Пиндеру.—Все люди чрезвычайно привѣтливые и услужливые.—О тебѣ ни пол слова, ни Пиндеръ, ни Вилькенъ. Въ библіотекѣ я познакомился съ Бутманомъ, у котораго языкъ—мечь обоядо-острый.

На этотъ разъ довольно: усталъ «писаниемъ», какъ говоривала Протасова.—Хотѣлось тебѣ разсказать о комической трагедіи Раупаха Борисъ Годуновъ (sic), о томъ, какъ Годуновъ одѣть быть, о кучерскихъ его порткахъ и рубахѣ и т. д. Ужъ натѣшился я, глядя на эту трагедію. Нелѣность въ высшей степени! И Нѣмцы ю недовольны. Что до того Раупаху: 300 таллеровъ у него въ карманѣ.—

Поклонъ отъ меня всѣмъ добрымъ нашимъ друзьямъ и товарищамъ. Я, благодаря Бога, здравствую при такой превосходной погодѣ: шинелей давно не видать.—По полученіи отъ тебя письма не премину тотчасъ отвѣтить. — Будь здоровъ и отведи душу твоимъ письмомъ.

Твой П. Прейсъ.

**Отчего канунь Иванова дня (23 июня) называется купальницею и
считается днемъ урочнымъ?**

Оказывается, что этимъ вопросомъ задавались наши предки, и уже въ XVI вѣкѣ, не зная настоящей причины, одинъ книжникъ отвѣтилъ на него легендой. Въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462 л. 82) находимъ слѣдующую статью:

«Что ради наречеся Иванъ вечеръ Купалницею и коеа ради вины полезно есть на различныя лѣчебныя потребы? Отвѣть. Добръ вѣпрашаещи, вѣлюблѣніе, тайна убо царскаа добро есть таини, дѣла же Христова проповѣдати преславно есть. Отъ много убо пытаний сіа навыкохъ отъ искушнѣйшихъ мужъ: въ каа времена и въ коихъ странахъ преж сіе учинися прозваніе. Бѣ человѣкъ благочестивъ въ Израиліи, именемъ Товитъ. И оклеветанъ бысть къ царю и избѣгъ виѣ града и успе подъ стѣною царскою, отвореніи очи имы. Птицы же, зовомыя ластовицы, упустиши каль свой на очи его. И бысть на очю его бѣлма. Бѣ же отроковица отъ рода его, имущи въ себѣ бѣса. И повелѣ сыну своему Товиту поняти еа. Онь же не смыкаше бѣса ради, прежде бо того семь мужъ убъеи быши отъ бѣса. И помолися отроковица Богу, и послалъ Богъ на помошь има ангела своего Рафаила. И рече Товитъ сыну своему Товиту: съ рукописаниемъ отиди въ Мидію и оттуду, вземъ десять талантъ золата, скоро принеси ми. Отроку же пытающу спутника и обрѣте ангела Божія Рафаила, яко человѣка стояща. И рече Товиту: азъ путь съѣдаю, а имя ми Назарь, да иду съ тобою. И придоша къ рѣцѣ Тигрѣ, отроку же влѣзши купатися по съѣту ангелову, и прииде къ нему рыба ліа, по нашему же осетръ. И рече ему ангель: ими рыбу и, прорѣзавъ чрѣво ея, вѣзми утробу и сердце и желчь и съ храни. Отроку же вѣпрашающу: чему се на потребу? и рече ему ангель: утробою я сердцемъ кадащи изгонить бѣса и понметь отрокъ отроковицу жену себѣ; желчю же потребити бѣлмо. Егда же возвратися Товитъ къ отцу своему и створи, якоже сказа ему ангель, и прогнанъ бысть бѣсь кажденiemъ сердца и утробы, и потребися бѣлмо помазаніемъ желчи. И оттолѣ мнози назиаменаша той день, въ он же Товитъ купася съѣтомъ ангеловыимъ, мѣсяца іуніа

въ 23, яко той день благопотребенъ есть на всякъ ползу роду человѣческому».

Въ приведенной статейѣ мы видимъ любопытный образчикъ того, какъ книжникъ народному обычая и вѣрованію старается дать объясненіе и оправданіе при помощи церковной литературы. Интересный сюжетъ библейской «Книги Товита» пользовался въ старину большою популярностью и легъ въ основу апокрифического рассказа о томъ, «какъ Прорѣ называлъ Иисуса братомъ» (въ компиляціи съ именемъ болгарского попа Ереміи), и однородного съ нимъ «Указа о братотвореніи»; эта послѣдняя легенда пересказывалась у насъ для объясненія происхожденія очень распространенного въ старину у Грековъ и православныхъ Славянъ обычая «братотворенія», «побратимства» или братства названнаго (Разборъ легенды см. въ нашей книгѣ: «Материалы и Замѣтки по старинной славянской литературѣ» в. I. М. 1888 г. стр. 168—172). Не дѣлая никакихъ выводовъ, замѣтимъ, что жена Семиклея—Селевкія, не названная въ текстахъ югославянскаго апокрифа, въ русскомъ «Указѣ о братотвореніи» называется Купавой.

М. Соколовъ.

Огонь на свадьбѣ.

«Въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ волынского Полѣсья сохранился еще своеобразный свадебный обычай. Невѣсту, прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь. Это испытаніе дѣлается съ цѣлью узнать, сохранила-ли она дѣвственность до замужества. По понятіямъ Полѣщуковъ, огонь долженъ обжечь дѣвушку, еслибы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренію. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, должна перешагнуть невѣста». («Нов. Вр.» № 5303).

ОТДЪЛЪ II.

Великорусские народные легенды.

Марина безбожница и Стенька Разинъ¹⁾.

Въ „Орловомъ кустѣ“ обитала атаманша Марина безбожница, а въ „Чукалахъ“ жилъ Стенька Разинъ. Мѣстности эти въ то время были покрыты непроходимымъ лѣсомъ. Марина со Стенькою вели знакомство, и вотъ, когда Марина вздумаетъ со Стенькою повидаться, то кинеть въ станъ къ нему, верстъ за шесть, косырь, а онъ ей отвѣчаетъ: иду-де, и кинеть къ ней топоръ. Марина эта была у него первой наложницей, а прочихъ до 500, и триста женъ. И не могли Стеньку поймать. Поймаютъ, посадятъ въ острогъ, а онъ попросить въ ковшикѣ водицы испить, начертить уголькомъ лодку, выпить воду — и поминай какъ звали! Однако, товарищемъ его всѣхъ переловили и разогнали, а онъ самъ ушелъ и спрятался въ берегу, между Окой и Волгой и до сихъ поръ тамъ живеть: весь обросъ мохомъ, не знать ни губъ, ни зубъ. Не умираетъ же онъ отъ того, что его мать-земля не принимаетъ. И оставилъ этотъ разбойникъ здѣсь кладъ, подъ корнями шести березъ зарылъ его. А узнали про это вотъ какъ: сидѣль одинъ мужичекъ въ острогѣ вмѣстѣ съ товарищемъ разбойника. Вотъ тотъ и говорить ему: „послушай, братъ, въ такомъ-то мѣстѣ лежитъ кладъ, мы зарыли его подъ корнями шести березъ, рой его въ такое-то время“. Стало быть, ужъ онъ не чаялъ, что его выпустятъ на вольный свѣтъ, а, можетъ быть, раскался и даль зарокъ. Вышелъ этотъ мужикъ изъ острога, пошелъ на указанное мѣсто, а березы ужъ срубили и корней не знать; рассказалъ онъ про это всему селу: подѣлаи шупы, однако клада не нашли, а кладъ-то, говорять, все золото да серебро, цѣлые бочки.

¹⁾ Сообщившій эти преданія г. Мамакинъ предполагаетъ преданіе о Стенькиномъ кладѣ слѣд. замѣніе: «Старожилы разсказываютъ, что во времена Пугача помѣщичіи крестьяне Лукояновскаго уѣзда охотно принимали сторону послѣдняго, для чего стояло надѣть какую-то юбку, заткнуться — и готовъ казакъ. Въ деревнѣ приказчикъ, по случаю смуты, бѣжалъ и прорвался до Питера, къ гостиницѣ своимъ, по ночамъ лѣсами. Народъ бросился его искать и въ домѣ, и въ стогахъ сѣна, пробуя вилами, потомъ принялись разорять барскій домъ; лоскуты отъ обосѣи дѣвки вплетали въ косы. Послѣ усмиренія бунта, будто бы, у виновныхъ крестьянъ рѣзали уши, рвали бороды; ключья послѣднихъ: черные, рыжіе, сѣдые, говорить, долго хранились въ водосточныхъ трубахъ отъ разореннаго барскаго дома. Этотъ бунтъ, нацѣ подлагать, и послужилъ канвою для слѣдующаго довольно распространеннаго преданія, въ которомъ имена дѣйствующихъ лицъ довольно таки перепутаны». Подробности любопытны, но предположеніе невѣроятно. Во второмъ преданіи приписано Брюсу, чтѣ на христіанскомъ востокѣ въ довольно раннѣе время приписывали Симону Волхву, а въ средніе вѣка въ Германіи Фаусту — сотвореніе человека. Творимая Брюсомъ изъ цѣлѣвой женщины — очевидно молодая и красавица, коли возбуждастъ ревность его жены — не слѣди ли и отзуку другаго мотива Симоновскаго и Фаустовскаго сказанія — обѣ Еднѣ? Какъ и когда оно къ намъ зашло? Въ третьямъ преданіи судъ и наказаніе Салтычихъ глубоко-поэтически привосони Пугачу. Салтыкова род. въ 1730 г., б. наказаніе въ дек. 1768 г., прожила въ тяжкомъ заключеніи 33 года + 1800 или 1801 г. Русск. Арх. 1865. 247 сл. Тамъ же 1871 С. 1281. Русская Старина 1874 С. 497 сл. Было открыто, что въ течении 10 или 11 лѣтъ она погубила своихъ людей слишкомъ 100 л., преимущественно женскаго пола, въ томъ числѣ дѣвочекъ лѣтъ 11 и 12. Убийства совершались въ Москвѣ въ собственіи домѣ и подмосковномъ селѣ Троицкомъ Подольск. у За Салт. числилось болѣе 600 д. крестьянъ въ гг. Волг., Костр. и Моск. Молва народная обвиняла ее въ людоѣствѣ, будто бы С. употребляла себѣ на жаркое вмѣшательство сладкаго мяса — женскія груди. (Р. Арх. 1865 и 1871 г.). Ред.

Б р ю с ь.

Былъ въ старые годы великий чародай Брюсъ. Много хитростей зналъ и дѣлали онъ; додумался и до того, что хотѣть живаго человѣка сотворить. Заперся онъ въ отдельномъ домѣ, никого къ себѣ не впускаетъ, никто не вѣдалъ, что онъ тамъ дѣлаетъ, а онъ мастерилъ живаго человѣка. Совсѣмъ готовилъ—изъ цвѣтовъ—тѣло женское, какъ быть,—оставалось только душу вложить, и это отъ его рукъ не отбылось бы, да на его бѣду — подсмотрѣла въ щелочку жена Брюса и, какъ увидала свою соперницу, вышибла дверь, ворвалась въ хоромы, ударила сдѣланную изъ цвѣтовъ дѣвушку, и та разрушилась.

Пугачь и Салтычиха.

Когда поймали Пугача и засадили въ желѣзную клѣтку, скованнаго по рукамъ и ногамъ въ кандалы, чтобы везти въ Москву, народъ валма-валилъ и на стоянки съ почлегами, и на дорогу, гдѣ должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народъ, а тѣхъ въ каретахъ разные господа и въ ка-биткахъ купцы.

Захотѣлось также взглянуть на Пугача и Салтычихѣ. А Салтычиха эта была по-мѣщица злая-презная, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на видъ грозная. Да какъ ей и не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясомъ грудныхъ дѣтей. Отбереть отъ матерей изъ своихъ крѣпостныхъ шестинедѣльныхъ дѣтей, подъ видомъ, что малютки мѣшаютъ работать своимъ матерямъ, или другое тамъ для виду наскажеть — господамъ кто осмѣлитсѧ перечить? и отвезутъ-де этихъ ребятишекъ куда-то въ воспитательный домъ, а за самомъ-то дѣлъ сама Салтычиха заколетъ ребенка, изжарить и сѣсть.

Дѣло было подъ вечеръ. Остановился обозъ съ Пугачемъ на почлегъ; прѣѣхала въ то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я изъ робкихъ. Молва уже шла, что когда къ клѣткѣ подходилъ простой народъ, то Пугачъ ничего — разговаривалъ; а если подходили бѣре, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой — черный народъ сожалѣть о немъ, какъ жалѣть о всякомъ преступнику, когда его поймаютъ и везутъ къ наказанію,— тогда какъ покуда тотъ преступникъ ходилъ по волѣ и отъ его милости не было ни проходу пѣшему, ни проѣзу конному, готовъ былъ колы поднять, — сожалѣть по пословицѣ: „лежачаго не бѣть“; а дворяне болѣе обращались къ нему съ укорами и бранью: что-де, разбойникъ и душегубецъ, попался!..

Подошла Салтычиха къ клѣткѣ; лакеиши ея раздвинули толпу. — „Что попался, разбойникъ?“ спросила она. Пугачъ въ ту пору задумавшись сидѣлъ, да какъ обернется на зычный голосъ этой злодѣйки — и, Богу одному извѣстно, слышаль ли онъ ию нее, видѣль-ли, или просто-на-просто не понравилась она ему звѣрскимъ выраженіемъ лица и своей тушей, — да какъ гаркнетъ на нее; застучаль руками и ногами, инда кандалы загремѣли; глаза кровью налились: ну, скажи звѣрь, а не человѣкъ. Обмерла Салтычиха, насили успѣли живую домой довезти; привезли ее въ имѣнья, внесли въ хоромы, стали спрашивать, что прикажеть, а она уже безъ языка. Послали за помѣмъ; пришелъ батюшка; видѣть, что барыня ужъ не жилаца та бѣломъ свѣтѣ, исподѣвалъ глухою исповѣдью; а вскорѣ Салтычиха и душу грѣшную Богу отдала. Прилетали въ это время на хоромы ея два черные ворона...

Много лѣтъ спустя передѣливали домъ ея и нашли въ спальнѣ потаенную заднюю въ подпольѣ склонившія косточки.

Ив. Мамакинъ.

(Записаны въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи).

П ъ с н и

крестьянъ села Молодова Гродненской губ., Кобринского уѣзда.

(*Окончаніе*).

9.

Ой, пайду я лісомъ, лугомъ: bis
Тамъ мій мылый орѣ плутомъ.
Ой, вінъ орѣ, а я бачу— bis
Вінъ спевае, а я плачу.
Понэсӯ я ёму істы, bis
Чи не скаже вінъ міі сісты.

Понэсӯ я ёму пыты, bis
Чи не стаңэ говорыты.
Якъ наіуса, да напытва bis
То-й на ролю (22) повалытва:
Ой, кто каже: мій мужъ добрый,
Бодай тому вікъ нэдовгій.

10.

Коло млына, коло броду bis
Два голубки пылы воду.
Нашмышися, полынули (45),
Крылечками стрепэнулы,
Свое коханіе вспомэнулы:
.Якъ мы, сэрдце, любытыса,
Сухи дубы розвытыса; bis
А якъ-же мы побратыса,
То-й зелены повалытва". bis
— Ой, немае, да-й не буде,— bis
Розсудылы злые людэ.
Розсудылы, розгудылы, bsi
Щобъ мы въ пари не ходылы.

Я молода въ Божуй кари (46), bis
Не давъ мэні Господь пари:
Ны пари, ны пароныки, bis
Ны долы, ны доленьки.
Ой, пайду я у церковку;
У церковцы людэ мныго,
Оно-жъ нэма сэрца мого.
Ой, пайду-жъ я на річенку,
На річенку подывлюса,
Да-й объ камэнъ розобьюса.
Нэхай тэе людэ знаютъ, bis
Що зъ коханія умывають.

11.

Зеленый дубочекъ
На лісъ похильтва:
Молодый жеаче,
Чого замурилва (39)?.
Чи волы присталы,
Чи зъ дорожки забылва?
— Волы не присталы,

Зъ дорожки не забылва, —
Пошовъ до корчомки,
Горилки измытва.
Ишоу изъ корчомки,
На пытъ (40) повалытва,
Тамъ людэ стоялы,
Мэні осуждалы...

— Вы дывные людэ,
Чого суждаестэ,
Самы не знаете:
Я у чужимъ краю
Пароньки нэ маю;
Тылько у менэ пари —

Чорны очи у твари. (41).
Тылько-й розмованьки, (42) —
Що чорни бровоньки.
Тылько-й прихильечка —
Била постилечка.

12.

1.

Гиля, гиля, білы гусы,
Изъ поплаву (52) — на песокъ:
Оддавъ менэ мій батенько, —
Я-жъ думала, на часокъ.
Гиля, гиля, білы гусы,
Изъ поплаву — на воду:
Оддавъ менэ мій батенько
Изъ роскоши да въ беду.
Гиля, гиля, білы гусы,
Вжежъ наплавалыса. —
Ужежъ моі ясны очки
Да-й наплакалыса.

2.

Нагніавса мый мылэнкій
Безъ причины на менэ:
Якъ сядэмо вчераты, (54).
Не говорить до менэ.

Зустринемось ў воротечкахъ,
Обиходыть вінъ менэ: —
Сама знаешь, молодая,
Що нэ люблю я тебе.

13.

Ой, ты груша моя, кунджерява. (31)
Ой, а гдэ-жъ ты росла, молоджавая?
— Я весною взойшлă, літомъ выросла
При зелёномъ лужкѣ, при крутымъ бе-
рожкѣ.
Тамъ стояло дэучà (32) пуръю зъ вѣ-
чора,
Зажигало свѣчу воску ярого, *bis*
Дожидало дружка пріудалого.
Ой, пришовъ, прибегавъ підъ воротечка,
Застучавъ, забрязчавъ у окнечко.

Одчинило (33) дэучà сіны,—хаточку,
Запросыло (34) дружка на вечеруш-
ку (35). (*bis*)
Налывало дружкѣ віна чарочку.
„Я до тёбэ пришовъ нэ наштыса,
А до тебе пришовъ разспростытыса: (*bis*)
Чи позволышъ, дэучà, ожеништыса.
Оженись, молодецъ, помогай Боже!
Не бери удовы, бороны Боже!
Да бери за себэ ты подруженьку,
Красну дывоньку, полюбовнычу.

14.

Ой, шумыть, гудѣ дубровонька,
Да плаче, тужить удивонька.
Ой, плаче, тужить и рыдае,
Да на бытый шлягть (36) поглядае.
А тымъ шлягомъ уланѣ надуть,
Да мого дружка коня ведутъ.
„Ой, уланушки молодые,
Куда вы мого дружка ділы?“
— У чистумъ полі трава шумыть,
А въ туй трави твій другъ ложитъ:
„Вы, уланушки молодые,
Чи пайдэтэ въ мою сторону?“

Накажні (37) мой жинци,
Нэхай вона менэ не ждë,
Да нэхай вона замужъ идэ.
Да нэхай не идэ за никдого, —
За поручынчика молодого,
За поручынкомъ добре будэ, —
То вона менэ позабудэ.
За поручынкомъ добре житы,
Да на панщину нэ ходыты;
На панщину нэ ходыты,
Да лыхімъ панамъ нэ годыги. (38)

15.

Якъ пріхавъ мій мыленький съ поля,
То-й заплякавъ, коло конька стоя:
„Ой, бідная да головонька моя,
Захворила (43) мыленькая моя“.

Не плачь, мылый, не плачь, чорно-
бровый,

Не вбываися у велыкую тугу.

Якъ я умру, то возьмешь себѣ другу,

А мні зробиши зъ хитрыноньки труну(44).
„Нема-дэ, мыла, хитрыноньки взяты,
Да будешь, мыла, въ сосновумъ ле-
жаты“.

Да будешь, мылый, по садочку ходыты,
Молодую жинку за ручку водыты,
Да тобі, мылый, жинка молодая,
А моімъ діткамъ маты нэрідана.

16.

Ой, задумавъ, загадавъ: (bis)

Не по себї жинку взявъ.

Пойду до війска служиты, (bis)

Щобъ мні зъ єю нэ житы.

Ой, кобъ ей Бігъ узявъ, (bis)

То я-бъ ей поховавъ

И могилу-бъ высыпавъ,

Жывтъмъ пескомъ обгорнуу,

Дывыною обсадывъ:

„Ой, дывыно, дывыно,

Зеленая ялыно,

На ялыни соловей,

Соловейко маленький,

Голосочекъ тонэнький,

Не щебечи на зорі,

Нэ задавай жалю мні.“

17.

Ой, на гори жито,
И въ долыни жито.
Подъ білою березою
Козака забыто.
Быто-жъ ёго, быто,
На смерть нэ забыто;
Червоную (23) китайкою (24)
Оченьки (25) закрыто.

Якъ пришла дивчина

Съ черными очима,

Да подняла китаечку,

Да-й заголосыла (26).

Да пришла другая,

Вжехъ то нэ такая,

Якъ подняла китаечку,

Да-й поціловала

Да пришла третяя
Изъ новеі хаты:
„Було-жъ тобі, вражій сынэ,
Насъ трехъ изъ кохаты.“

— Ой, одна любыла,

А друга кохала,

А третяя чаровныца,

Да-й очаровала.

А тэперъ я тута,

А завтра пойду;

Будэшь, мыла, припадаты

До моего сліду.

„Я-жъ нэ припадала,

Припадать нэ буду,

Якъ безъ тебэ горовала,

Гороваты буду“.

18.

1

Тэпэръ Купайлло, завтра Янъ, Янъ,
Будэмъ гуляты цілый дэнъ, дэнъ.
Тэпэръ Купайлло, заутра Янъ, Янъ.
Мні молоденький на торгъ (47) трэба.
Повезу батэнъка продаваты,
Собі мылого куповаты.
Продамъ батэнъка за три грди,
Куплю мылого за четыри.

2.

Нэ ластівонька (48) купаласа,
Га бэрожечку сушылася, —
Дівонька у батька просыласа:
„Ой, батьку, батьку, мый батэнъку,
Учинь-жъ бо мні свою волю, —
Кобъ ще я літо літовала,
Русую косу годовала.
Русая носа до пояса,
Білзе лычко, якъ яблычко.“

19.

,Дивчино моя, заручоная!
Чого ходыши, не говоришь, — засмучо-
ная?, (49).

— А вчора буда, якъ рожа (50) цвѣла,
А тепѣра білѣ личко,
Якъ рута въяла.

Я-жъ тебѣ не бывъ, а мы батько мій,
Да бывъ тэбѣ, дивчинонько,
Лурный розумъ твій.

Я-жъ тэбѣ не бывъ, не мати моя.—
Была тэбѣ, дивчинонько,
Натура твоя.

Я-жъ тэбѣ любыъ,
Якъ ружовыій цвітъ;
Чи мі тэбѣ Бигъ не судыть,
Ой, чи цілый світъ*.

И смѣды гора, и туды гора,
Промежъ тымъ гороньками
Ясная зоря.
Ясная зора раненько взойшлѣ,
Молодая дивчинонька
По водыцу шла.

Казакъ за ёмъ, якъ за своёю:
Сивымъ, сивымъ коныченъкомъ
По-пидь горею:
„Дивчино моя, напій мі коня
Зъ холедній кримыченьки,
Зъ нового вѣдра*.

— Якъ буду твоя,
То напою й дза
Зъ холадній кримыченьки,
Зъ нового вѣдра.

20.

Бувайтэ здоровы,
Новыи пороги,
Тамъ, дѣ походылы
Мої білы ноги.
Ой, гдѣ походылы,
Не будуть ходыты;

Кого я любыла,
Не буду любыты.
Кого я любыла,
У людэ пустыла,
А кого нэ знала,
Съ тымъ на шлюби (51) стала.

21.

Да чія-жъ то пшеница,
Що довги загоны? —
— То-жъ того козака,
Що чорные бровы.
Да чій-жъ то волыки
По гори ходылы?
— То-жъ того козака,
Що мы въдохъ любыли.
Одна любыла, —
Другого зашибыла.
Я-жъ ёго любыла, —
Житъте отруила (18).

Кого нэ любыла,
Любыты нэ буду. —
Его-жъ полюбыла,
То-й вікъ нэ забуду.
Я ёго любыла,
Сестра розлучила;
Бодай тэбѣ, сестро,
Вода утопыла.
Бодай тэбѣ, сестро
Вода руда мыла,
Ой, якъ же-жъ ты менэ
Зъ мыльми розлучила.

22.

Була Польща, була Польща,
Да стала Россія:
Не заступить синъ за батька,
А батько за сыва.
Пошовъ батько изъ сохомъ,
А сынъ зъ боромою;
Пошла мати за ленъ жаты,

А дочка до гною.
Ой, ковала зозуленька,
Ковала, ковалы,
Якъ паницина, даремцина
Одь пана втѣкала. (54).
Утѣкала паничинонька,
Ажъ горы траслиса. —

А за ёю экомовы:
 „Панциро, варныса!“
 Нагонылы панциноньку
 На калыновумъ мосты:
 „Варнысь, варнысь, панцинонька,
 Хоть до пана въ гости.“
 — Не варнуса, не варнуса,
 Бо изна до кого,
 Було хлопа шановаты, (35).

Якъ здоровья своего.
 Из варнуса, из вернуса,
 Бо нэма до кого;
 Тэпэрь менэ посылайте
 Хоть до мирового. —
 Подякую-жъ Богу и Царю
 А также-й Царицы:
 Законалы панциноньку
 На прусской граныцы.

23.

Ой, ты зайчину,
 Кудривчику,
 Не становыса
 Блызъко менэ,
 Не становыса
 Блызъко менэ,
 Бо скажутъ людэ, —
 Любышъ менэ,

Бо я родоньку
 Нэ такого,
 Шобъ я любыла
 Лада-кого. (56).
 А колы любышъ,
 Любы дуже, —
 Колы не любышъ, —
 Из жартуй-же. (58)

24.

Ходыть голубь коло хаты,
 У ёго ножки волохаты;
 Якъ загуде жалостнэнько,
 На сэрденку тиженъко.
 „Ой, из ходы, голуба,
 Ой, из гукай, избоже,
 Да кого-жъ я вірно люблю,
 Поможи-жъ бо мні Боже.
 Ой, зроблю я зъ воску свічку,
 Да пущу я на воду:

Шлыви, плыви зъ воску свічка
 Да крузы цілу нычку.
 Ой, из свэты зъ воску свічка,
 Да из свэты ныкому,
 Оно-жъ мойму мылэнъкому,
 Якъ идти-до дому.“
 А въ городи барвіночкъ
 Да на дыль похильвса;
 Нідз мылый на Україні
 Черезъ людэ поклонивса.

25.

Заковала зозуленька,
 Изъ бору лэтючи,—
 Заплакала сыротонька,
 На службоньку идучи.
 „Ой, Боже мій милосэрдный,
 Всімъ світомъ груешъ,
 Богатому долю даешъ,
 Сыроти жалуешь.
 „Десь ты мене, моя маты,
 Съ півночи родыла,
 Шо ты мені, моя маты,
 Долі из вձыла“

— Уделыла, доню, долю. —
 Чорнэнъкіе очи;
 Нэ досыпай, моя доню,
 Темэлькіе ночи.
 „Ой, хоть бы я, моя маты,
 Ночи из доспала,
 Людэ скажутъ и сковорать:
 Сырота заспала.
 Ой хоть бы я, моя маты,
 День и нічъ робыла,
 Людэ скажутъ и сковорать:
 Сырота лэныва.“

Объяснение некоторых непонятныхъ словъ.

22. Роля—пахатное поле.	41. Тварь—лице.
23. Червоная—красная.	42. Розмованка—разговоръ.
24. Китаечка—лента.	43. Захворіла—заболѣла.
25. Оченьки—глазки.	44. Труна—гробъ.
26. Заголосыла—заплакала.	45. Полынулы—полетѣли.
27. Мова—разговоръ.	46. Кара—наказаніе.
28. Зозулька—кукушка.	47. Торгъ—ярмарка.
29. Рабы—пестрые	48. Ластывонка, ластоўка—ласточка.
30. Хусточка—платочекъ.	49. Засмучоная—опечаленная.
31. Кундженявая— кудрявая.	50. Рожа—роза.
32. Дэўча—дѣвушка.	51. Шлюбъ—бракъ.
33. Одчинило—отворило.	52. Поплавъ—лугъ.
34. Запросыло—пригласила.	53. Вачераты—ужинать.
35. Вачерушка—ужинъ.	54. Утёкаты—уходить.
36. Шлягъ—столбовая дорога.	55. Шановаты—дорожить, уважать.
37. Наказаты—передать.	56. Ліда-кого—лишь-бы кого.
38. Годыты—угождать.	57. Дуже—очень.
39. Зажуривса—запечалился.	58. Нэ жартуй-же—не шути-же.
40. Плыть—изгородь.	

Записала *M. A. Сакович*, членъ-сотрудница Императорскаго
Русского Географического Общества.

Болгарокія народныя пѣсни,

(записанныя въ Прилѣпѣ).

Юначи.

1.

Книга пиши' цара Костадина,
Ми я пракъя града Митро'ица
На оные воинъи сино'и,
Воинъи сино'и, бракъя Ашико'и:
Едно Стеванъ, а друго Павле:
„Ви се моламъ, бракъя Ашиковци!
Како знаите во Стамболъ да дойте“.
Книга пишить Павле помалечокъ
И му вели на брата Стевана:
„Ей ди брате, Ашибанъ Стеване!
Ни дошло книга отъ града Стамбала
Отъ онега цара Костадина
На оные бракъя Ашиковци,
Како знать во Стамболъ да дойдатъ.
Тогай вели Ашибанъ-Стевана:
„Ей ди брате, Павле помалечокъ,
Ясь сумъ женеть, а ти не си женеть;
Си имаме една мила сестра,
Мила сестра, бѣла Ангелина;
Ами отъ насть по богати нѣма,
И отъ насть нигдѣ по юнаци нѣма,
Како дворье сами да останьме;
Да не се чуе, да не се разбери,
Оти не се тута воинъи сино'и,
Да не ин се стори голѣма превара!
Изговори Павле помалйотъ:
„Ей ди брате, Стеванъ-Ашибане,
Тоа гайле ли си ти забрало?
Ние си имаме яко кале,—
Триста стажни во вишина,
Стойпедесетъ во ширина,
Си имаме до два сиви конын,
Не се конын, како конын,—
Туку ми се како сиви сокли.
Кье явниме конын по вечера,
До полнокъ Стамболъ кье пойдиме,

„Отъ полнокъ пазать кье дойдиме;
Кой кье чуе, кой кье не разбери?
И два брата калъ се стори'я;
Яко кале, яко заклучи'я,
По вечера коны ми явнà'a
И со коны кале прериша'a,
И до полнокъ Стамболъ отидо'a,
Го найдо'a цара Костадина,
Кай ми шетать шарена одая
И му велать воинъи сино'и:
„Богъ помагай, царе Костадине“!
А що бѣше цара Костадина
Часотъ сабя ми потегна
Да погубить воинъи сино'и.
Тогай велать бракъя Ашиковци:
„Мили вуйко, царе Костадине!
Що си пратилъ града Митро'ица
На оные воинъи сино'и“
Се дости цара Костадина,
—Добрѣ дошли, мои мили виучина!
Ви се моламъ отъ небо до земи,
Да пойдите во Кочани Клисурѣ,—
Наживеле гладин арамии
Да сѣдите дѣвѣ недѣли врѣме.
Що кье найдите на коль да удрите,—
Да смирите Кочани Клисурѣ“.
Що се дочу отъ край до край земи,
Що се дочу во земя Арапска,
Кай ми разбра Мевметъ Арапина,
Оти не се тута воинъи сино'и.
Тей ми зеде до триста арапи
И ми дойде града Митро'ица.
Богъ го било Мевметъ арапина!
Ко'а гледать кале заклучено.
Истро било Мевметъ арапина:
Ми напрѣи триста колье,

Триста колье—студено желѣзо,
'И' закачи во кале високо;
Ми сопаша тристана пояси
И си върза танка поло'ина;
Отъ коль на коль на кале се вкачи.
Що ми влезе во рамни дворо'и,
Вити порти 'и отвори,
Ми влего'а до триста арапи
И малцѣ стока поплѣни:
Двайсе то'ари су'о злато!
Богъ го било Мевметъ Арапина!
Тей не гледа стока да поплѣни,
Само плѣни бѣла Ангелина.
И остана млада Стеваница
Сама во рамни дворо'и
И се чуди сама що да чинить,
В'рапѣ крена свое машко дѣте.
Бърго търчать во бѣла чаршия;
Тая пойде во ладии ме'ани,
Таму найде гяче учениче;
Изговори младата невѣста:
„Мило брате, гяче учениче!
Напиши ми едно бѣло книже;
Кье го пратамъ во града Стамбola
На оние бракъя Ашиковци,—
Како зна'атъ бърго да си дойдатъ.
Оти дойде Мевметъ-Арапина:
„Я поплѣни нивна мила сестра
И му плѣни нивно су'о злато.
Л що бѣше гяче учениче,
'В напиша една бѣла книга.
И що бѣше младата невѣста,
Си я зеде тая бѣла книга,
Бърго търчать на рамни дворо'и;
Що се качи високи дивани
И отвори шарени мусандри,
Ми изваде пиле соколо'о,
Книга му заши на дѣсното крило
И на пиле му велеше:
„Чуй ме мене, пиле соколо'о:
Бърго 'оди во града Стамбola,
Да 'и барампъ твоите стопани;
Ако тука не 'и найдишъ,
Ти да 'оишъ в' Кочани Клисури,
Да му да'ишъ ова парче книга!
Лѣтна пиле соколо'о,
Ми отиде во града Стамбola,
Сиyo Стамбъль го прошета,
Не 'и найде бракъя Ашиковци;
Тогай пойде в' Кочани Клисури,
Кога гледа пиле соколо'о:
Во стредѣ Кочани бѣла шатора,
Подъ шаторо Павле помалечокъ,
Стеванъ му спие на дѣсно колѣно.

Пиле слѣзе на Павле'о рамо;
Пиле пищить, дѣсно крило треситъ;
Кога гльда Павле помалечокъ,
На крило му бѣла книга има.
Кога виде Павле помалечокъ,
Пърсти кършитъ, дробни солзи ронитъ,
И скорива свой братъ рогъви:
„Стани, брате, Ашикбанъ Стеване!
„Що ни дошоль Мевметъ Арапина
„Во нашитъ рамни дворье,
„Ни поплѣниль наша мила сестра;
„Ни поплѣниль су'о злато.
В' часо два брата рипна'а
И кони ми наружа'а,
Кони ми сиви явна'а.
Овде, онде по бѣли друмища
Ми дойдо'а на дѣс раскърсници:
Една търга града Митро'ица,
Друга търга во земя Арапска.
Изговори Стеванъ по старѣо:
„Айде брате, Павле помалечокъ,
Да си о'име на рамни дворо'и!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Ей ди брате, Ашикбанъ Стеване,
„Що бараме на рамни дворо'и?
„Ти пойди си на рамни дворо'и,
„Да си видишъ твоята невѣста
„И да видишъ твое машко дѣте.
„Ясь кье одамъ во земя Арапска,
„Я кье гла'а да'амъ, я кье сестра земамъ;
„Ама ти се моламъ, мос мило брате,
„Бърго иди индатъ да ми сторишъ.
А що бѣше Павле помалечокъ
Коня бие со остри маймузи,
Дури црева коню кье истуритъ.
Кога бѣше врѣме икиндия,
Ми отиде во земя Арапска.
А що бѣше него'а мила сестра!
Тая сѣди на високи дивани
И до неа—Мевметъ Арапина.
Мила сестра брата си го виде.
Наче гърло бѣла Ангелина:
„Чуй ме мене, Мевметъ стопанине!
„Ти се моламъ отъ небо до земи.
„Вечерь вѣра кье мѣнишъ,
„Испущаше бѣла видѣлина,—
Да си одамъ на вода студена,
„Да си одамъ со деветъ алайки.
Изимъ ѝ даде Мевметъ Арапина,
Да ми оди на вода студена.
А що бѣше бѣла Ангелина,
Що си зеде два злати ябрика
И отиде на вода студена,
И му рече на деветъ алайки:

„Наздѣте 'и два злати ибрика,—
„Да го прашамъ онай добръ юнакъ,
„Али видѣлъ мои бракъ рогъени.
Тогай вели бѣла Ангелина:
„Чуй ме, брате, Павле помалечокъ!
„Кри се брате отъ Мевида,
„Оти е юнакъ, да го Богъ убнетъ!
„Сега ми е време рамазана,
„Той ми има голѣма адети;
„Да си о'нть по църни кавина,—
„Дойди вечеръ, брате, да ме земишъ,—
„Къе бѣгаме, како Богъ иоможи!
Богъ го убилъ Мевметъ Арапина,
Ми отиде по църни кавина.
Ката вечеръ порти затвораше,
Тая вечеръ порти забораи.
И ми дойде Павле помалечокъ.
Си ѝ зеде своя мила сестра.
Богъ го било Мевметъ Арапина!
Како каве що пиеше,
Само себе се раздума:
„Фала Богу за чудо голѣмо!
„Ката вечеръ порти си затворафъ,
„Ова'a вечеръ порти заборанѣ,
„Да не ми се стори голѣма превара!
Како каве що пиеше
И на часо ми рипнало,
И ми търча во рамни дворо'i,
Я побара бѣла Ангелина.
Кога виде оти побѣгнала,
В' часо собра до триста арапи
И ми прати голѣма потера.
Богъ, 'и убилъ тристана арапи,
Що Павлета ми го привтаса'a.
Се опути бѣла Ангелина
И му рече на брата си:
„Дей ди брате, Павле помалечокъ!
„Я Фѣрли ме во трѣва зелена,
„Не загинуй и ти зара'й мене!
Тогай вели Павле по малечокъ:
„Не бой ми се, сестро Ангелино,
„Дури стои гла'a на рамена!
Уще Павле зборо недорѣче
Го стаса'a тристана арапи.
А що бѣше Павле помалечокъ,
Часо слезе отъ конъя на земи
И потегна сабя отъ ножница—
Деветъ педи во ширина,
Двана'есеть во должина;
Свѣрте саби на лѣво на дѣсно,
Ми посѣче до триста арапи.
В' часо аберъ на Мевида му пойде
И голѣма войска ми пособра.
Напрѣтъ търча Мевметъ Арапина,

Отъ конъя дизгина в'уста държитъ,
Отъ заби му оганъ излегуватъ,
Во дѣв' рацѣ до дѣв' саби носитъ.
Го доглѣда сестра Ангелина:
— Ей ди, брате, Павле помалечокъ
Я Фѣрли ме во трѣва зелена,
Оти идить Мевметъ Арапина.
Многу е юнакъ, да го Богъ убнетъ!
Отъ конъя дизгина в'уста държитъ,
Во дѣв' рацѣ до дѣв' саби носитъ,
Отъ уста му оганъ излегу'a,—
Да не загинишъ и ти зара'й мене!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Не бой ми се, моя мила сестро,
„Дури стои гла'a на рамена!“
И привтаса Мевметъ Арапина,
Отъ конъя слѣзе Павле помалечокъ,
В'часо тръгна сабя отъ ножница:
Деветъ педи во ширина.
Двана'есеть во должина;
Свѣрте сабя на лѣво на дѣсно,
Сета войска ми ѝ испотроши,
Живъ го фати Мевметъ Арапина.
Добра коня низъ кърви плি�ваше!
Ете идить Стеванъ, постарийтъ братъ;
Ами Павле брата не го позна,
Часо търгна сабя отъ ножница,
Къе погуби свой брата рогъени.
Тогай конън се познале,
Се познале, конъи ми виснале.
Тогай гласи Стеванъ ми пропици:
„Не бой ми се, Павле помалечокъ!
„Еве на индатъ ти идамъ.
Тогай Павле му велеше;
— Ей ди, брате, Ашикбансъ-Стеванъ!
„Ако конъи не висне'a
„И тебѣ къе младо да загубевъ.
Се здружи'a два бракъ рогъени,
Отидо'a во рамни дворо'i,
„Г'отнесо'a Мевметъ Арапина,
Живо, голо го слеко'a;
Го вързага во стредъ дворо'i,
Го измачка'a меда и пекmezа.
Тогай се молить Мевметъ Арапина:
„Ви се моламъ, бракъ Ашиковци!
„Ї слезете отъ диванъ високи,
„Младо мене вие загниете.
Тогай велать бракъ Ашиковци:
„Али чуешъ, Мевметъ Арапина!
„Ние нѣма да те загубиме,
„А сакаме, да ни го донесишъ
„Наше злато—два'есеть то'ари.
Тогай вели Мевметъ Арапина
„Чуйте мене, бракъ Ашиковци!

„Пущете ми само дѣсна рака,
„На дайте ми калена, дивита,
„Да напишамъ една бѣла книга,
„Да ѝ пущашъ на моя стара майка.
А що бѣ а войно и сино и,
Му пущия нему дѣсна рака,
Му дадо а калема, дивита,
И напиша една бѣла книга:
„Чуй ме мене, моя стара майко!
„За два есеть то ари су о злато,
„Да ми пратишъ четири есеть товара,
„Туку живо ясъ да си откинамъ;
И му прати злато, що сакаше.
А що бѣ а бракъ Ашиковци
Ми викнале дванаца бербери:
Гизбрichi а, живо го одра а
И со слама кожа наполни а,
И на коня го качия,
Аберъ ми пратия во Арапска земя
На него а стара майка,

Оти идти Мевметъ Арапина
Со она а уба а невѣста.
А що бѣше него ата майка,
Си излезе да си го пречека.
Кога гледа тая, що кье види,
Цѣрна кожа слама наполнета!

Веселисе, чесни домакине,
Весела била чесиата тѣрпеза
Со ядене, брате, со пиене!
Що слушало веселба имало,
На кукъя слана, а во кукъя слава,
До кукъята дѣрвье со ясенье,
Во кукъята здравье со веселба!
Да се живи лугъе во кукъята,
Да е жива стока по полето,
Да е жива гла а домакинска,
Да се живи гости приятели!
Я турете, да се напинеме,
Нослѣ друга кье ви прикажине!

2.

Вино пиять три млади юнаци,
Вино пиять Кочани дервени,
Вино пиле за девять години,
Заптисале Кочани дервени,
Заптисале морскитъ скелина,
Кай що вѣрвить царевото азно,
Що му 'одитъ отъ вѣра рисянцка.
Кой кье бидать три млади юнаци?
Първо бѣше Марко отъ Вароша, *)
А другио Янкула Будимецъ,
Трекио бѣше малечокъ Секула.
Тие на царо до'одокъ не пуша а,
Що му 'оди отъ вѣра рисянцка.
А що бѣше цара отъ Стамбола,
Той ми личи три млади теляли,
Три теляли нисъ три града добри:
Първи теляль во града Стамбола,
Втори теляль во града Солуна,
А трекио нисъ града София:
Да се бери многу турцка войска,—
Кье 'и бие три млади юнаци.
Се собрал е оджи, ефендии,
Се собрале по турцки кавина,
Мегю себе лакърдии чинатъ:
„Аль чуесте, оджи, ефендии,
„Ай да о'име во града Стамбола,
„Ние царо да го научиме,

„Да не бери гумно турцка войска,
„Да не 'и бие три млади юнаци;
„Тие не се три млади юнаци,
„Туку ми се три млади краle и:
„Първо ми е Марко отъ Вароша,
„А вторио Янкула Будимецъ,
„А трекио малечокъ Секула.
„Тие со войска не се удира ать,—
„Кье изявлять коны пеливани,
„Кье потъргнатъ саби отъ ножници,
„Сета войска кье му ѝ потрошатъ,
„Живо царо в'рацѣ кье го ватать,
„Кье го начатъ на жива живота,
„Кье му сѣчать нозѣ до колѣна
„И бѣли му рацѣ до рамена,
„Кье му вадатъ очи отъ гла ата;
„Туку ние царо да го научиме,
„Тембивъ да стори на вѣра 'рисянцка,
„Голѣмъ тембивъ за триста година:
„Ни да се женатъ, ни да се мажатъ,
„Ни на Велигденъ на законъ да одатъ,
„Како тие адеть що има ать;
„Ни па дѣте мало да се кѣрсти,—
„Ситѣ тие кье се испотурчать.
Богъ 'и убиль 'оджи, ефендии!
Отидо а во града Стамбола,
Тие царо ми го научи я:

*) Варошъ—деревня на $\frac{1}{4}$ ч. разстоянія на С.-З. отъ Прилѣпа; надъ деревней на скалахъ воздвигнутъ замокъ кралевича Марка, развалины которого торчатъ и до сихъ поръ.

„Честити царе, жежко сонце наше!
„Не мой да беришъ многу турца войска,
„Да 'и биешъ три млади юнаци:
„Тие не се три млади юнаци,
„Туку ми се три млади Крале'и.
„Тие со войска не се удираатъ:
„Къе изявнать конъя пеливанъ,
„Къе потъргнатъ сабъя отъ ножници,
„Сета войска къе ти я потрошать,
„Живо в'рацъ тебе къе те вататъ,
„Къе те мащать на жива живота,
„Къе ти съчать нозъ до колъна
„И бѣли рапъцъ, царе, до рамена,
„Къе ти вадатъ очи отъ гла'ата;
Туку, царе, да те научиме:
„Тембивъ да сторишъ на в'бра 'рисянцка,
„Голѣмъ тембивъ за триста години:
„Ни да се женатъ, ни да се мащатъ,
„Ни на Велигдень на закоънъ да пойдатъ,
„Како адеть що имаятъ;
„Ни па дѣте мало да се кърсти,—
„Сите, царе, къе се испотурчатъ!
Кога бѣше недѣла Лазара,
Се собра' до триста дѣвойки,
Къе ми одатъ на вода студена,
Мегю себе тие си веле'а
„Ал'чуете, моми, емъ дѣвойки!
„Еве сие сега тамамъ за мащенье;
„Кай къе чекаме до триста години,
„Бѣли плетенки къе си заплелиме;
„Момчината бради къе испуштать,
„Къе испуштать дури до пояси.
„Ай да о'йме во града Стамбola,
„Ние на царо да му се молиме,—
„Изимъ да дай цара отъ Стамбola,
„Да играме недѣла Лазара,
„На Велигдень сittъ се турчиме.
Отидо'а при цара силнего;
Тие цару тогай се моле'я:
„Честити царе, жежко сонце наше!
„Ние, царе, къе ти се молиме:
„Изимъ дай ни, царе отъ Стамбola,
„Да играме недѣла Лазара,
„На Велигдень сittъ се турчиме.
Изимъ му даде цара отъ Стамбola;
Си играле недѣла Лазара.
Кога бѣше на Велия сабота,
И затвори в'стамболцка джамия.
Изутрина гървъ день е Велигдень,
Царъ къе турчи до триста дѣвойки.
Таму се згоди крало отъ Будима.
Чудо крало, добро ми разбрало,
Бърго търчать на рамни дворо'и,
Уще отъ порти крало ми викаше:

„Бърго, виуче, дѣте Еливерче!
„Бърго търчай в'долзи конюшници,
„Да отберишъ до деветъ ато'и,
„Дури ферманъ ясь да ти напишамъ.
„Ти да пойдипъ во града Вароша
„Кай онega Марка Варошия,
„Да му дашъ бѣлата фермана.
„Царь къе турчи до триста дѣвойки,
„Наша вѣра тоб къе испогани;
„Ако конъи, чудо, попука'атъ,
„Бърго оди во града Вароша.
Кога пойде дѣте Еливерче,
Кога пойде во града Вароша,
Осумъ конъи подъ него пукнале;
А що бѣше дѣте Еливерче,
Ми застана на вититъ порти,
Дваш'клукнува, три пати викнува:
„Отворими, мили вуйко Марко!“
Бърго търчать младо Марко'ица,
Вити порти тая 'и отвори;
Кога гърда дѣте Еливерче,
Наче гърло дѣте да ми вели:
„Мила вуйно, млада Марко'ице!
„Що Марко'и дворъе огърделе?
Изговори млада Марко'ица:
„Чуй ме мене, дѣте Еливерче,
„Еве има до деветъ години,
„Сумъ го чула, не сумъ го видѣла,—
„То'а било в'Кочани—дервени.
Вейкье дѣте нищо не ми рѣче,
Туку врати конъя пеливанъ,
Бърго търча в'Кочани—дервени.
Таму ми е Марко отъ Вароша,
Таму ми е Янкула Будимецъ
И со него Секула малечокъ.
Бърго търча дѣте Еливерче,
И тая конъя подъ него пукнала;
Мало дѣте на нозъ ми търчать;
Отъ нозъ му скорни се скинале,
Отъ нозъ му църни кърви текатъ;
Падка дѣте во трѣва зелена,
Пищить дѣте како змия лута,
Що ми пуши танкитъ гласе'и:
„Чуй ме мене, мили вуйко Марко!
„Ти, кай да си, сега овде да си,
„Оти младо загинувамъ.
Како Марко вино що пиеше,
Танки гласи ми заслуша,
Наче гърло до зборува:
„Чуй ме мене, малечокъ Секула,
„Я явни го шарца пеливана
„И налѣзъ по бѣли друм'о'и:
„Алайлемъ, иди дѣте Еливерче.
А що бѣше малечокъ Секула,

Часо явна шарца пеливана,
Оди, оди по бълли друм'и,
Ми го найде дѣте Еливерче,
Ми го найде во трѣва зелена
И го вати за рака дѣсница,
Си го върли задъ себе на койно
Го однесе в'Кочани—дервени.
А що бѣше дѣте Еливерче,
Си посигна во свилени пазу'и
И изваде бѣлата фермана,
Му я даде на вуйка си Марка.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
В'льва рака дѣржи бѣлъ ферманъ.
А в'дѣсната мали чабуръ дѣржи,
Мали чабуръ седумъ ока;
Вино пиетъ, Марко, ферманъ не'и'.
Како вино Марко що пиеше,
Ройно вино отъ нось му потече.
Фърли чабуръ на чесна търпеза,
Що ми бие рацъ отъ колъна,
Дури пърсти нему попукале.
Солзи рони по бѣли образи,
Часо рипа на нозѣ юначки,
Бърго търча долзи конюшници
Той раиеше двана'ес' ато'и;
Наче гърло Марко да му вели:
„Ал'чуесте, двана'ес' ато'и!
Кой кье видята отъ ситѣ по юнакъ,
„До полнокъ Стамболъ да м'однеси,—
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Ситѣ коны глави павед'о,
Нѣма кония що да се навати,
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми пойде кай стара кобилица.
Наче гърло Марко да ѝ вели:
„Кобилице, мило добро мое,
„Али можишъ в'Стамболъ да ме носишъ,—
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Нами вели стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко, стопанине!
„Ти си ранишъ дална'ес' атои,
„Ти се' имади тие во врѣмето,—
„Тие можатъ Стамболъ да те носатъ;
„Еве има два'есе години,
„Како си ме мене подвърдило,—
„Ясь не можамъ Стамболъ да те носамъ.
Ми се врати Марко плачейки;
Се обзърна стара кобилица,
Наче гърло тая да му вели:
„Стопанине Марко отъ Вароша!
„Донеси ми мене едно ведро,
„Едно ведро—лутница ракия
„И донеси шиникъ бѣла пченница;
„Дури Марко ти да се наружашъ

„И ясь добро кье си се назобамъ.
Вейкье Марко ми се ослободи,
Ѣ донесе лутница ракия,
Ѣ донесе бѣлата пченница;
Дури Марко се наружа,
Кобилица се назоба.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Ѣ изведе стара кобилица.
Изговори стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко стопанине!
„Опаша ми со деветъ колани,
„Фърли ми се на мойтѣ рамена.
Добро Марко Ѵ опаша,
Я опаша со деветъ колани,
Ѣ се фърли юнакъ на рамена.
Ѣ потеря по бѣли друм'и;
Угрѣяла давѣзда вечерница,
Па ми вели Марко Варошанецъ:
„Оди, коню, нозѣ да ти капнати,
„Ал'ие глѣдашъ давѣзда вечерница.
Па ми вели стара кобилица:
„Стопанине, Марко отъ Вароша,
„Я изва'и си твоя танка риза,
„Превързя си твойтѣ църни очи,
„Оти кье одамъ високи планинье,
„Да не очи негдѣ ти нарасамъ.
А що бѣше Марко отъ Вароша
Си изваде своя танка риза,
Па'ми вели стара кобилица:
„Али чуешъ, Марко стопанине!
„Я изва'и си чаталли камшия.
Що извади Марко чаталли камшия,
Да Ѵ удри стара кобилица;
Тая вати вейкье прекутрупа,
Прекутрупа високи планинье.
До полнокъя Стамболъ ми отиде.
Ми застана стамболска джамия.
Наче гърло стара кобилица:
„Стопанине, Марко Варошля!
„Отвързя си твойтѣ църни очи,—
„Ме начека висока планина,
„Да Ѵ видишъ коя є планина.
Тогай Марко очи си отвърза
Кога глѣда Марко отъ Вароша,
Не ми било висока планина,
Туку била стамболска джамия.
Тогай слѣзе отъ конъ на земи,
Ѣ цѣлива давѣтѣ църни очи:
„Блазѣ тебѣ со твое юнаст'о;
„Не е тая висока планина,
„Туку ми е стамболска джамия.
Върза коня за врата охаминска.
Изговори Марко Варошля:
„Али чуешъ, стара кобилице!

„Ясь къе 'одамъ во ладна ме'ана
„Малку вино да си се напиямъ,
„Не къе пущишъ жива ди'ания,
„Ни да влези, ни па' да излези,
„Оти джувалъ мене не ми да'ашъ.
Кога бъше той денъ шървъ Велигденъ,
Кога зора се обзори,
Ете иди цара отъ Стамбola,
Кай ми носи оджи, ефендии.
И ми носи триста чо'адари,
Къе 'и турчи до триста дѣвойки.
Кога глѣда цара отъ Стамбola
За джамия коня привързано,
Тогай царо ми се досѣтило,
Па' ми вели цара отъ Стамбola:
„Ал'чусте, млади чо'адари!
„Ай одете по ладни меани
„Да видите иѣной пияница
„Добра коня, що ми привързalo.
Отидо'а на ладна ме'ана,
Го найдо'а Марко отъ Вароша,
Кай ми пие вино тригодишно;
Па ми велатъ триста чо'адари:
„Ай де Марко, царь те вика тебе,
„Да си земишъ коня пеливана,
„Царь къе турчи до триста дѣвойки.
А що бъше Марко отъ Вароша
Часо рипна на изѣй юначки,
Часо дойде стамболцка джамия,
Отъ далеку ми се поклонуе:
„Чуй ме мене, царе отъ Стамбola!
„Прости мене до триста дѣвойки,
„Не мой вѣра да ни испоганишъ.
— „Богъ те било, жолта бугарину!
„Земи си коня пеливана,
„Да не вадамъ сабя отъ ножница,

„Да ти сѣчамъ глава отъ рамена.
Тогай Марко лели се молеше:
„Изньль дай ми, царе, коня да си земамъ!—
А що бъше Марко отъ Вароша
Що си зеде коня пеливана,
Му се вѣрли коню на рамена,
Часо потегна сабя отъ ножница,—
Деветъ педи во ширина,
Двана'есеть во должина,
Свѣрте сабя на лѣво, на дѣсно,
Ми изсѣче триста чо'адари,
Живо вати цара отъ Стамбola,
Му престѣче изѣй до колѣна,
Бѣли рацѣ дури до рамена,
Му извѣрте очи отъ гла'ата
И го кладе до вода студена,
Го дарува два дуката жолти;
Тогай Марко цару му ведеше:
„Честити царе, жежко сонце наше!
„Ако иѣкой тебе те испраша,
„Отъ ощо си така улишено
„И ти, чудо, нему да прикажишъ:
„Силумъ вѣра да не се мену'a.
А що бъше Марко отъ Вароша
И испуши до триста дѣвойки,
И дарува по едень жолти дукатъ
—Аль чуете, до триста дѣвойки!
Ай и вие Велигденъ чинете.
А що бъше Марко отъ Вароша,
Той ми влѣзе во града Стамбola,
Ми отиде в'парциятъ сараи,
Малку 'азно, брате. ми попѣни—
Седумдесе то'ари саде су'о злато.
Ми отиде Кочани—дервени;
Ми сѣднале во ладни ме'ани,
Да си пиять вино тригодишно.

Часо явна шарда пеливана,
Оди, оди по бъли друмо^и,
Ми го найде дѣте Еливерче,
Ми го найде во трѣва зелена
И го вати за рака дѣсница,
Си го върди задъ себе на койно
Го однесе в'Кочани—дервени.
А що бѣше дѣте Еливерче,
Си посигна во свилени пазу^и
И изваде бѣлата фермана,
Му ѝ даде на вуйка си Марка.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
В'лѣва рака дѣржи бѣли ферманъ.
А в'дѣсната мали чабуръ дѣржи,
Мали чабуръ седумъ ока;
Вино пиесть, Марко, ферманъ пе^и.
Како вино Марко що пиеше,
Ройно вино отъ иось му потече.
Фърли чабуръ на чесна търпеза,
Що ми бне рагѣ отъ колъна,
Дури пърсти нему попукале.
Солзи рони по бѣли образи,
Часо рипа на нозѣ юначки,
Бърго търча долзи конюшници
Той ранеше двана'ес' ато^и;
Наче гърло Марко да му вели:
„Ал'чуете, двана'ес' ато^и!
„Кой кье бидѣть отъ сигѣ по юнакъ,
„До полнокъ Стамбъль да м'однеси,—
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Ситѣ конъм глави изведо^а,
Нѣма конъя що да со павати,
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми пойде как стара кобилица.
Наче гърло Марко да є вели:
„Кобилице, мило добро мое,
„Али можишъ в'Стамбъль да ме носишъ,
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Пами вели стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко, стопанине!
„Ти си ранишъ двана'ес' ато^и,
„Ти се^и млади тие во врѣисто,—
„Тие можатъ Стамбъль да те носатъ:
„Еве има два'есе години,
„Како си ме мене подиърдило,—
„Ясь не можамъ Стамбъль да те иose^и
Ми се врати Марко плачеейки;
Се обзърна стара кобилица,
Наче гърло тая да му вели:
„Стопанине Марко отъ Вароша!
„Донеси ми мене едно ведро.
„Едно ведро—лутница ракии
„И донеси шиникъ бѣла иченница:
„Лури Марко ти да се паружашъ.

И ясь добро
Вейкъ Маркъ
ъ донесе лу
ѣ донесе бѣ
Дури Марко
Кобилица съ^с
А що бѣши
й изведе
Изговори
Чуй ме
Опаши и
Фърли
Добро М

СКАЗКИ.

предицата.

ко'а се празенуваша терзијата; той запиши: Мечче'о си рѣкло, оти иша пѣкъм разбога помегу нивъ; Написалъ да'а обѣси. Отъ тука сказа го коријата, що била надъ вукы; послѣ, ойтѣ отъ дърво на дърво, си бара граника по иака за да я обѣси. Го догледува неизѣстата и го праша: ишо така е'нинъ етъ дърво на дърво, како прозенцица отъ чотъкъ на чотъкъ? Въ рече: зеръ така об'и прозенци етъ чотъкъ на чотъкъ? — Така. — Ясъ сакашъ изъ то'а да те обѣсамъ; И така неизѣстата си куртулисала, защо, ако не му кажела, къде лежиела: той не знаелъ, оти прозенциата е'нинъ етъ чотъкъ на чотъкъ; прозенци се едень, прозенци се другъ!

3.

Имало една невеста и едень зеть, се вънчале и покълчанието это упрѣль. Ангело
му я зеде душата и гледа, невестата оти плачи во одаята, во къщо со вѣнецо на глава.
Онти ангело со душата при Госпо и му вѣлъ, „что сторицме, Господи! Како буду така да
земите душата на зето; а невестата му съди во къщъ со вѣнци на глава и плачи. Що
сторицме, жалои не се гледа?“ Тогай му рѣче Госпо, „е, толку му бѣше вѣко, шо да
прашамъ? Оди прашай го татка му, ако му дада отъ двинъ и него душата отнеси муя.“ Пойде
кай таткаму, му вѣлъ, „му дайши дни отъ твоите на сина ти да станатъ?“ — Татко му рѣче
— „нemoжамъ да му дамъ, како къе му дамъ отъ моите дни?“ — Пакъ отиде кай Бога ангелъ
— „нemoжамъ да дамъ, како къе си възмѧтъ дни, душата отнеси му я. Дойде кай майка му
и прашай я, ако му дада отъ вѣнчанъ дни, душата отнеси му я. Дойде кай майка му, я
прашать: „къе му дамъ, зеть, отъ твоите дни на сина ти да ги станатъ?“ — Вѣлъ майка
му: „како къе му дамъ, зеть зна не можамъ да му я дамъ“. Да съде ангелъ, не
дававъ и майка му, Господи! Не давай отъ моите дни, ю, можамъ, всичъ ли му дамъ?“
Е, оди уще невестата прашай я, ако му дада отъ вѣнчанъ дни, отнеси му я душата. Дойде
кай невестата ангело, я прашатъ: „къе му дайши вѣрсто, отъ твоите дни да покълчиши
ти станатъ?“ Невестата си стояла къмъ ю и вѣнчале во скита, во сънъ къщъ со вѣнци
на глава, си изкала прѣзъ иже сѫдъ. Я праша ангелъ, „му дайши отъ днѣтъ?“ — та е тѣ чѣ
— отъ наполу, всичъ ли давашъ вѣнци? отъ кай Бога и рѣчъ, вѣрстоша подобна
подъкъ ли давашъ днѣтъ, шо и иматъ ли вѣнци? — Пакъ рѣчъ ю ю, майка е татко ти да
да не се гледа, колку душата. И Съде отъ Госпо важдатъ въ жена, ю, ю съ вѣнци
да си се гледатъ; здѣ са тѣлъ ю, ю съ сърце, вѣръ се ю за жената, шо ю, ю
майката!

4

Болгарскія народныя сказки.

(Изъ Прилѣпа).

1

Нѣкоя кралица родила осумъ женцики дѣца; деветтото дѣвойче го останале безъ име, него го викале „безимко“; крало, мажотъ ѝ, билъ поганъ и є реколь, оти ако не родишъ и нажко дѣте (чункимъ кралицата останала трудна) къде те заколамъ; си станува кралицава (коа дойде врѣме за рагяне) си я зема керка си постарата и си о'и во планина, и си зема пелени. Таму ѝ се рагяла машко дѣте. Тая си вели: лели да сме си во кукята да се радуаме. Майка є рѣкла на дѣвойчето: оди онде при овчарите да земишъ оганъ, да си завалиме и да повнеме дѣтево. Дѣвойчево о'и при овчарите и отдалеку уще 'и слуша, оти си чинатъ лакърдий (зашто тие не биле овчари, ами „нарѣчиците“). едайо вели: петъ дни да бидитъ живо; другио роколь: не! да биди живо 10 години, послѣ да умрить; третио рѣколь: двайсетъ или пойке години да биди живо, дури да до'йтъ за женене и да му са дава мома отъ синъ градец и кралей, а отъ нигдѣ да не биди, да биди отъ преку Дунавъ; Да биди со триста души сватои коа кье се женити; Да о'атъ по невѣста и коа кье с'идитъ назатъ, преку море коа кье заминитъ, да го вати една дрѣмка, да слѣзи отъ конь и да го изе'ить змия. Чу сестрава, се ужали, се увили, оти така парекоа за брато; ама никому не кажа; синъ сестри 'и омажия, таа не се мажи; „Дури не си видамъ братами, да с'ожени, и'ма да се мажамъ“, си велела. Дойде врѣме за женене; не се свѣрши отъ никадѣ: дури отъ преку Дунавъ отъ нѣкой краль; отаадѣ се свѣрши дѣтево, отъ кай ѩо нарекоја нарѣчициве. Дойде врѣме, киниса'а поневѣста и сестра му по-старата ошла со него; отаадѣ си я зедоа невѣстата, премина'а преку море. Го нападна една дрѣмка зетовъ и привика'а синъ сватои: симнете го да пресице троа зетонъ! сестраму е со него; тая велить: „Кье пресицетъ, ама на мой скуть да пресицетъ и со еденъ скоренъ“; го зеде сестра му на скуть, отъ како го симна'a отъ конь; му собу едни скоренъ и му вели сестра му: „така е адето, брате, со еденъ скоренъ да пресицешъ, као зетъ!“ као ѩо легнала да пресице, излѣгла една змия отъ морето, пра'о на него се загнала; воскорено я начека сестра му, я вѣрзала арно во него и му вели: „со еденъ скоренъ кье си одишъ дома, оти си пресицаль, не чини со два скорна.“ Си дойдоа дома, я вѣнчаага невѣстата, и 'и затвория невѣстата и зетовъ в'една одая; му вели постарата сестра: „айде осумъ сестри и осумъ зетети! завалете стредворъ еденъ силенъ оганъ, кье гориме лута змия, отъ коя го дочувавъ братотъ, зашто нарѣчиците нарѣкоа, коа се роди во планина, оти змия кье го клукни“. Завалня силенъ оганъ осумъ сестри и осумъ зети и върлия змията натре в'оганъ да гори. Послѣ, се смѣять и пукотъ праатъ осумъ зетети и осумъ сестри. Ми дочу зето и є вели на невѣстата: „сѣди ты, невѣсто, д'излезамъ да видамъ зетети и сестрити, ѩо джумбуши тераатъ“. Издѣз, пойде каи огнотъ и змията, како ѩо гореше во него, рипна и го клукна во челото и тука умре. Отъ рѣченото, ете, чо'къ не можи да откни; го чува сестра му, ама арно го дочуваш!“

2.

Прозеицата.

Имало еденъ терзия и шиелъ во една селца кукъя алища за кукънитѣ лутъ; во тая кукъя имало една невѣста бърго земена. Таманъ терзиява къе се прозевни и невѣстата се прозевнувала. Момчево (мажотъ ё) глѣаше, оти невѣстата се прозевнувала башъ тогай.

ко'а се празевиувалъ терзијата; той зини, та'я зини: Момче'о си рѣкло, оти има иѣкаја работа помегу нивъ; Намислилъ да' а обѣси. Отъ тука с'излѣголь во корията, що била надъ куки; посљ, ойтъ отъ дърво на дърво, си бара гранка по яка за да я обѣси. Го дogle'ува невѣстата и го праша: шо така о'ишъ отъ дърво на дърво, како прозеница отъ чоѣкъ на чоѣкъ? В' рече: зеръ така о'й прозеница отъ чоѣкъ на чоѣкъ?—Така.—Ясь сакавъ за то'а да те обѣсамъ; И така невѣстата си куртулисала, зашто, ако не му кажела, кье летнела; той не знаелъ, оти прозеницата о'итъ отъ чоѣкъ на чоѣкъ; прозени се еденъ, прозени се другъ!

3.

Имalo една невѣста и еденъ зетъ, се вѣничale и повѣчнанијата зето умрѣль. Ангело му я зеде душата и гледа, невѣстата оти плачи во одалта, во кьошо со вѣнецо на гла'а. О'нгътъ ангело со душата при Госпо' и му вели: „шо сторивме, Господи! Како биду'а така да земиме душата на зето; а невѣстата му сѣди во кьошо со вѣнецъ на гла'з и плачи. Що сторивме, жало'и не се гледа'а“! Тогай му рѣче Госпо: „е, толку му бѣше вѣко, що да пра'амъ? Оди прашай го татка му, ако му да'а отъ днитѣ негон, душата отнеси му я“. Пойде кай таткаму, му вели: „му да'ашь дни отъ твоите на сина ти да станитъ?“—Таткото му рѣче: „неможамъ да му да'амъ, како кье му даамъ отъ моите дни?“—Пакъ отиде кай Бога ангело: „неможамъ да да'амъ, како кье си 'и даамъ днитѣ, вели таткому, Господи!“ Оди майка му прашай я, ако му даа отъ незините дни, душата отнеси му я. Дойде кай майка му, я прашатъ: „кье му дайшъ, вели, отъ твоите дни на сина ти, да ти станитъ?“—Велить майка му: „како кье му да'амъ, монте дни не можамъ да му 'и даамъ“. Па оди ангело: „не дававъ и майка му, Господи! Не даамъ отъ монте дни, ко'о можамъ, вели, да му даамъ!“ Е, оди уще невѣстата прашай я, ако му да'а отъ незините дни, отнеси му а душата. Дойде кай невѣстата ангело, я прашатъ: „кье му дайшъ, невѣсто, отъ твоите дни на момчето: кье ти станитъ“. Невѣстата си стояла како що я вѣничale во одалта, во еденъ кьошо со вѣнецо на гла'а, си плакала предъ зето спруженъ. Я праша ангело: „му даашь отъ днитѣ? та'я рѣче: „отъ наполу, пойкье му дававъ нему“; отиде ангело кай Бога му рѣче: „невѣстата полойна, пойкье му да'ать днитѣ, що 'и иматъ на момчето“.—Послѣ рече Госпо: „майка и татко толку да не се гледа'а, колку друшката“. И бла'осоп Госпо мажотъ и жената, ко'а кье се вѣнчаатъ да си се гледатъ; зато'а синъ, ко'а кье се ожени, пойкье си гледа жената, отъ колку майката!

4,

Имала една баба една квачка со пилинья; израсле пилината, за яденъе втасале. Имalo еденъ богатъ, оде'а таму кай него пилината деньѣ. Той си вакише по едно, си ядеше; бабата саде нивъ' и имаше; иѣмаше ни чедатъ, ни нищо, саде нивъ си 'и имаше, со нивъ се радуваше; Богатъо едно по едно во три дни 'и изеде; кой патъ си идеа квачката со пилината, по едно иѣмало. Бабата велела: „шо свиде у мене, що завиде, саде нивъ 'и имамъ!“ с'ѣки денъ по едно ѹ гинеше и таа се на Бога оста'аше. Велеше, оти Госпо да му плати на той, що 'и яди пилината. Богатъо тамамъ 'и дояде пилината, пердуитъ, що бѣ'а на нивъ, ситъ никна'а на него. И той веке не можеше да излѣзи, зашто го бѣше страмъ; и с'ѣдна во кьошо, во куката, и се стори, како лифъ и є вели на домакинката: „сега, домакинко, що кье прайме? оди, викай ду'овнико, лѣкъ да кажуза“. Пойде женава, го викна ду'овнико. Иди ду'овнико, ко'а погледува во кьошо, що да види—нѣшто како ливъ, дури се уплашу'а. Богатъо му вели на ду'овнико: „еве ясь ова го направивъ: имаше една баба дванайсе' пилини, колку и изедовъ, ситъ пердун ми никназа.“ Ду'овнико му вели: „иѣма лѣкъ, оти на Бога остаала, таа не те колнела, ами на Бога оста'ала и Той ти платилъ. Ако да има иѣшо другземи ѹ.“—Е, уще квачката е.—Земи є квачката, ако остани на Бога, така кье си бидишъ. Ако земи да колнитъ, кье ти паднатъ пердуитъ. Богатъо рѣче: „се'а кье до' и квачката, кье фатиме, да а уготвиме.“ Дойде квачката, я ватия, му уготви домакинката и ко'а с'ѣде да вечера'а, бабата си чекаше квачката да и дойдитъ; ко'а не

дойде, вати да колнитъ: "сърце да го яди, болесь да го яди, краста да гояди, али малцъ му бъга иилинята, ами и квачиата ми я изеде. Со нея къе с' изведевъ други пилини!" Къо що вечераше богатъо, пердуитъ му падна'a,—оти колиеше бабата, да остваше на Бога, не му па'я. За се чоекъ тръба да оста'a на Бога и той къе му плати, защо не ѝ камиль Богъ да колнитъ чоекъ. Е, що колни чоекъ, се да виду'a, въкъовъ би се затрель!

5.

"Имаше еденъ мажъ и една жена; жената си бъше работна, мажо мързливъ—си съдѣше дома и си квачеше яйца—гускини яйца. Ошла женава на жетва у нѣкой ага и си прикажу'a по свѣто: „оти с' имамъ еденъ домакинъ, ищо не работи, дома сѣди и яйца гускини квачи; Ако дойдить нѣкой ка'и него, той гърчи као гуска: гръръ! вездѣнъ сѣди натъ яйцата и не се мърда“. Знамъ той що сака, вели агата: Да му пойди чоекъ дома со еденъ ятаанъ, да видишъ, како оствасть яйцата. Му вели жена: „дай ми еденъ ятаанъ и рубата твоя, да явнамъ на еденъ конь, да пойдамъ дома да го заплапашъ тро'a“. Щ да'ять агава алишата негои, еденъ ятаанъ и конъо; му пойдува дома, той сѣди потъ еденъ тремъ си квачи яйца, влегла тая и му свикала: „стани, дженабеть, да ме сметнишъ отъ конъо!“ Той туку гърчи, ка онѣкоя гуска: га! га! и не станува. Та мавну'a со ятаано, той станаль и я сметналь; Прошеталь троа, що прошеталь, агата му рѣкъоль: „де, да ме кренишъ, на конъ да ме качишъ!“ станува, го качува на конъ. и си о'й дури на нива кай агата и му кажува: „Пойдовъ, ме смина, ме качи, му удривъ нѣколку ятаани; не стануаше, ама ка'о му удривъ ятаанитъ! ко'о дѣте зарипа; го стори въ малко тербѣтъ—ми помина тагата—баремъ го протепавъ малцъ! Вечеръта ко'а си дошла, го прашала: „ка'о помина, домакине, денеска со яйцата!“ Остай се, жено, денеска що налепивъ ясь: Како ми дойде еденъ турчинице со еденъ ятаанъ, со еденъ конъ, ко'а ми свика: стани, къерата, да ме смишишъ отъ конъо. Па го сметнавъ, ми удри нѣколко ятаани; и прошета тро'a щопрошета, па ме натера до го качувамъ. Де, пеземнагу, да ме качишъ; ама, си'о, со рани бъше. Къе се оитъ да се работи, да се оствасть яйцава, да не ми донти пакъ!

6.

Си билъ нѣкой овчаръ, живѣаль се в'планина во лугъе не се смешаль, ни цръква знаелъ, ни литергия знаелъ ищо не знаелъ, защо ищо не видѣль—башка отъ планината. Еднашъ му загинала една овца—му се погоду'a да помини край една църква, низъ дворо, надзрелъ во църквата да види, що има во нея. Що да види?—Ситъ лугъе со самари, попонйтъ по два; мудайде страшъ, оти меѓу толку лугъе той да е безъ самарь; ти о'итъ надворъ, наоягъ едно добиче, му го зема самаро, си го клава на гърбъ и си влегу'a така в'цирква. Тие, що се на пангоро, му вела'ять: „оти така сисосамарь?—е да ми прощаате: васъ ве видовъ со самари, ситъ носите, ми дойде страшъ, па и ясь зедовъ. Послѣ тие се свѣстия, и си веле'я, оти ние тръба да сме многу грѣши, щоне гледа така на насъ со по еденъ самарь, а попонйтъ по два, и му рѣко'a: „а остай го ти, акоси безъ самарь“. Само църква оденъ со грѣви, не е на принять отъ Бога то'a!

7.

Имало еденъ сиромашецъ, той с' ималъ една домакинка и едно дѣтице; еденъ богатъ компания клетъ билъ, отъ него той неможель да излѣзе на дворъ, и дѣтето не могло да излѣзи. Сиромашецо вели на домакинка та: къ'одамъ да го барамъ Госпо, да го прашамъ, али по-бърго къ'умри богатъо, да се куртулисамъ". О'итъ, си зема стапченето; къе си го бара Госпо'. Една невѣста си сѣди на еденъ бунаръ, му вели: „Кай ке одишъ, дѣдо? той ѝ велитъ: „Къ'одамъ да го барамъ Госпо, ищо къе го прашамъ“.—Е

прашай го и за мене, оти и мене, како на ситѣ, Госпо' не ми дадъ челатъ.—Ари!—
Нонатали еденъ богатъ чо'къ го стретиль и му вели: „кай къе одишъ, дѣдо“?—Къ'одамъ
да го барамъ Госпо, да го прашамъ нѣщо.—Е, ирашай го и за мене, кай ке ме клан
таму во рай Госпо. Уще понатаки го найдо'а един арамин; тие го ираша'а: „кай къе одишъ,
дѣдо?—Къодамъ кай Господа, да го прашамъ нѣщо?—Е, ирашай го за нась, кай къе не
клай таму, али има място за нась, оти сме отепале, сме украдле, многу лошо сме сто
риле. Къе прашамъ, рѣкъль дѣдото! Ко'а си о'ить, о'ить, си го найде во една гора
зелена старио Госло. Ей, старче! що си дошолъ (той си знайше що бѣше дошолъ).—Що
дойдовъ, Господи? Имамъ една мака дипъ голѣма оть комшията, той е богатъ, ясь
сумъ спромаъвъ, не можимъ да излезиме ни ясь, ни домакинката, ни дѣтето. Вика
ва нась, маатъ. Уще колку години къе биди живъ. Му рѣче Госпо: уще триста години
къе биди живъ.

— Е, милос, твоя! Колку сиромаътъ рѣче, милос твоя! Госпо' стото му 'и реси,
уще дѣвѣсть му остана'а на богатио за живѣнъе. Една невѣста нѣмать челатъ и плачи',
му рѣче да прашамъ, оти челатъ не си ѝ далъ, како на ситѣ другачки и незѣ.—Госпо,
рѣче, оти нѣма да ѝ бидатъ прокопчани челатъта, тая е праведна, ке и дамъ, ке я
клаамъ во грѣвъ.—Еденъ богатъ нарача да те прашамъ: него кай къе го клаишъ.
Госло му рѣче: онне кукъи се него'и, защо многу добриио чинеше и ирѣдъ смиръти
му се напраи, що му трѣба тука. Едни арамини порочаа али и за нимъ ке има място.—Има място,
казанитъ во райо' не ми се закърпени, къе си' и закърпамъ. Го стрето'а наипърво
араминъ и го прашая: „еий, старче, го праша Госпо, що ти рѣче: има място и за
нась?“—Има, рѣче, и за вѣсъ, къе си закърпи со вѣсъ казанитъ. Тие разгърна'а рацъ
и оть се сърце се разрадува'а и рѣкоа: „Е, сполай ми ти, Господи, оти има и за нась
място.“—Послѣ, го стрете богатио', го праша: „Е, старче! що ти рѣче Госпо? Натвоя
рака Къе биди отворуанье, затворанье сарантъ ти се готови.—Е, овдѣ мака и гаму
мака. Госло сарантъ, по то'а како чу' и даде на араминъ, а богатио го тури да му
кърпи казанитъ.—Невѣстичката го стрете и го праша: „що ти рѣче, дѣдо, Госпо?“ То
а, оти не ти да'а дѣца, защо къе ти бидатъ непрокопчани, а ти си праведна, да не
те клай во грѣвъ.—Тая рѣче: «сполай му, милосъ него'а!» Го чека дѣвойченцето оть
сиромашецо, го чека, го пречеку'а и му рѣче: «Е, тате! що ти рѣче Госпо?»—Уще триста
години къе биди живъ.—Е, милосъ него'а иека с! рѣче дѣваучево. Госло тогай, кога
вие, оти и дѣвойчето оста'а се на Богъ, му скуси на богаю уще сто години. Го стрете
домакинката и таа рѣче: е, милосъ него'а! Ко'а утрината слушаа плаченье, богатио си
умрѣлъ. Домакинката му вели: «море домакине, ти ми велеше, оти потриста години къо
умри, а той сега умрѣлъ. Е, незиаель и Госпо!» Сиромашецо си зель стапченцето и
шошолъ па го бара Госло и го нашолъ Госпо' и Госпо' му вели: «що баражъ, старче!—»
Ами, Господи, дельми велеше, оти по триста години къе умреше, а той умрѣлъ денеска.
Тогай Госло му рѣкъль, защо оставите на милостта моя и ясь за то'а така напраивъ:

(Сообщены И. Д. Младеновимъ, изъ Прилѣпа.)

ЛОПАРСКІЯ СКАЗКИ.

3) Оборотень медвѣдь.—(Ергаль Кувдчъ).

На одномъ озерѣ жили Лопарь да Лопка. У нихъ была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, Лопарь ушелъ въ тундру къ оленямъ, а старуха съ дочерью остались дома. Вечеромъ онѣ сидѣли въ вежѣ, починяли сѣтки и разговаривали. На срединѣ у нихъ горблъ огонь, надъ которымъ висѣлъ котель, съ варящейся рыбой. Онѣ бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдругъ повѣшенная вѣсто двери постель открылась, и въ вежу зашелъ медвѣдь, весь покрытый льдомъ. Мать съ дочерью испугались. Дочь, сидѣвшая одна по другую сторону огня, перескочила черезъ огонь къ матери. Медвѣдь занялъ ея мѣсто и растянулся противъ огня. Мать съ дочерью сидѣли и смотрѣли на него. Сколько не смотрѣли на него и сколько ни показывали на двери, чтобы онъ вышелъ, но медвѣдь не двигался никуда, а только смотрѣлъ на нихъ и на котель. Хозяинъ не приходилъ между тѣмъ, и имъ было страшно. Наконецъ Лопка заключила, что это не простой медвѣдь, а должно быть оборотень. Она поэтому сняла котель съ огня и стала тянуть рыбу на двѣ кары. Одну кару взяла она себѣ, а другую подала медвѣдю.

Медвѣдь сѣлъ всю рыбу и легъ спать.

Мать съ дочерью только смотрѣли на него, а спать боялись. Боялись подойти къ нему, ожидая, скоро ли будетъ утро, или не придется ли хозяинъ.

Медвѣдь всю ночь проспалъ крѣпко и спокойно. Шерсть на немъ уже высохла. Предъ наступлениемъ зари онъ проснулся и посмотрѣлъ на хозяевъ. Смотрѣлъ онъ на нихъ нѣсколько времени наконецъ поклонился и пошелъ изъ вежи. Мать съ дочерью тоже вышли въ слѣдъ за нимъ, чтобы посмотреть, куда онъ пойдетъ. Медвѣдь недалеко отъ нихъ сталъ на заднія лапы, а передними сталъ показывать на озеро, откуда прішелъ вечеромъ. Мать съ дочерью смотрѣли на него и ничего не понимали. Наконецъ медвѣдь всталъ на всѣ ноги и пошелъ въ лѣсъ. Мать съ дочерью радовались, что онъ ушелъ, не сдѣлавъ никакого вреда, и въ тоже время думали: что такое имъ опѣ показывалъ. По слѣдамъ его на озеро идти боялись.

Вскрѣ возвратился Лопарь. Ему все рассказали, и онъ задумался. Подумавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ: Вероятно у него былъ товарищъ и какъ ледъ еще не крѣпокъ, онъ утонулъ. Пойдемте по слѣдамъ его къ озеру и тогда узнаемъ, на что онъ вамъ указывалъ.

Пришли они на озеро и увидѣли большую прорубь.

Опустили туда карбасъ и увидѣли, что тутъ утонулъ медвѣдь. Стали его доставать и съ большими трудомъ вытащили на берегъ. Медвѣдь былъ большой и черный. Положили его на кережу и притянули къ вежѣ. Здѣсь положили его къ огню, чтобы оттаить. Чрезъ нѣсколько времени Лопинъ снялъ съ него шкуру и увидѣлъ, что это былъ не медвѣдь, а человѣкъ оборотень — олмашъ ергаль. Подъ шкурой кругомъ себя у него былъ поясъ — чересь, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Лопинъ взялъ его себѣ, купилъ оленей и зажилъ такъ богато, какъ никогда и не думалъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

4) Сказка о Нойдѣ, проводнице оленей.

Жилъ-былъ въ Пазрѣкѣ одинъ Нойда (колдунъ), и ему хотѣлось, чтобы дикие олени были и въ Пазрѣкѣ на Вилемскомъ наволокѣ, *) а ихъ тогда нигдѣ нельзя было найти, какъ только въ Норвегіи. Однажды онъ подобралъ себѣ товарищѣ и сказалъ имъ: поѣдемъ за добромъ въ Норвегу. Самъ сѣлъ въ карбасъ на корму, а товарищи сѣли на носъ и стали грести, работать веслами. Пріѣхавъ въ Норвегу, они пристали къ берегу. Ну, вы теперь сидите въ карбасѣ, никуда не ходите и дожи-дайтесь меня. Нойда самъ пошелъ на гору и тамъ взялъ оленій рогъ. Пришелъ съ нимъ въ карбасъ, сѣлъ опять на корму и сказалъ: „Если я этимъ рогомъ буду давиться, вы никто ничего не говорите и у меня не отнимайте, а если и задавлюсь, не жалѣйте. Ваше дѣло только грести обратно на Вилемскій наволокъ“. Сдѣлавъ на-ставленіе, онъ приказалъ тѣхъ: Самъ рогомъ провелъ изъ Норвегіи къ Вилемскому наволоку и сталъ его грызть—есть. Грызъ и глоталъ рогъ, и дошелъ до того мѣста, где у рога отдѣляется другой, какъ бы вѣты. Вотъ въ ротъ-то ему болѣе не входить, онъ и показываетъ одною рукою товарищамъ, чтобы кто нибудь пришелъ и отѣкъ сторонній отростокъ. Этого между тѣмъ никто не понялъ, да и не смѣли подойти. Онъ между тѣмъ на одномъ мѣстѣ у рога все позорился и вложилъ его въ ротъ ни какъ не могъ. Олени дикие въ это время, какъ птицы, плыли за карбасомъ и въ большомъ количествѣ. Добѣхали до Вилемскаго наволока и пристали къ берегу. Вышелъ Нойда на берегъ и сказалъ товарищамъ: „Никто изъ васъ не догадался отрубить вѣты отъ рога, и поэтому я всего не могъ сгрызть. Теперь дикие олени придутъ къ намъ только тѣ, которые успѣли до нашего пріѣзда зайти въ море, а осталь-ные останутся въ Норвегіи, да и тѣ, которые пришли, будутъ здѣсь не долго. Раз-сказчикъ прибавилъ: „вотъ ихъ теперь и иѣтъ“.

Записана со словъ Вас. Летова. Помѣщена была ранѣе въ «Голосѣ» (фельтоны за 1883 г.).

5) Л е г е н д а .

Въ давнія времена въ Нотозерскомъ погостѣ, недалеко отъ Финляндіи и 60 верстъ отъ г. Колы жила дѣвка-нойда. Разъ утромъ она встала рано и разбудила всѣхъ въ погостѣ. Ее спросили: за чѣмъ ты это дѣлаешь? Вотъ я вамъ, что скажу: Приготовьте себѣ хлѣба и воды на три дня и пѣтъ туль никуда никто не ходите. Скоро начнется для пользы вашей такая буря, что не будетъ видно ничего. Дѣлайте скорѣе такъ, какъ я сказала. Я лягу спать и меня не будите, пока я не встану. Всѣ Лопари такъ и сдѣлали, какъ она велѣла. Сама она легла спать. Едва-сдѣла она заснула, какъ поднялась такая буря и мятель, что иѣтъ возможности это и выразить. Всѣ Лопари даже испугались. Черезъ три дня буря кончилась, и дѣвка — нойда встала. Она опять собрала Лопарей и сказала: возьмите пицали и подите на мохъ (разбойничий). Лопари послушались ея, пошли. Когда пришли туда, то увидѣли много Шветовъ, шедшихъ раззорять погостъ. Большая часть ихъ за-мерзла, а которые были живы, тѣхъ убили. Такъ нойда и буря спасли отъ смерти и грабежа погостъ.

(Записана со словъ бывшаго Нотозерскаго Лопаря Сергѣя Герасимова).

*) Вилемскій наволокъ находится на устьѣ Пазрѣцкаго залива, на правой сторонѣ.

6) Два брата. (Куихть виаль).

Нѣкогда жили два родные брата—Лопари. Жили они мирно, какъ между собою, такъ и съ другими. Разъ одинъ изъ братьевъ поссорился съ Нойдой—колдуномъ, который и пригрозилъ ему: вспомнишь ты меня. Лопарю отъ этого сдѣлалось плохо. Онъ сталъ думать, что-то со мной сдѣлаетъ нойда. Сталъ бояться, и безъ брата своего никуда не ходилъ. Куда братъ, туда и онъ въ слѣдъ за нимъ. Другому брату это стало на-доѣдать и онъ сталъ думать: какъ бы сдѣлать, чтобы онъ за мной не ходилъ. Разъ утромъ всталъ онъ и сказалъ брату: я пойду сегодня по ангасамъ (подобіе силья для промысла дикихъ оленей) одинъ и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое мѣсто: они подъ ногами около себя яголь—блѣлый мохъ—уже съѣли. Услыша это, поссорившися съ нойдой братъ испугался. Однако онъ промолчалъ про ссору и подчинился волѣ брата. Тотъ ушоль, а другой остался печальнымъ. Немного спустя къ нему пришелъ нойда или, подъ видомъ нойды, другой кто и сказалъ: пойдемъ бороться со мной: кто кого побореть, тотъ и правъ. Нойда былъ, нужно замѣтить, въ шапкѣ-невидимкѣ. Отошли они недалеко отъ вежи и начали бороться. Незнакомецъ сейчасъ же убилъ его. Огрѣзалъ послѣ этого нойда отъ убитаго на лѣвой руцѣ ми-зинецъ. Къ отрѣзанному мѣсту руки поставилъ трубку, дунулъ, и кожа вся сошла съ тѣла. Тѣло безъ кожи недалеко отнесъ, положилъ на землю, а съ кожею пошелъ дальше, чтобы не догналъ его братъ убитаго и не отомстилъ бы за смерть. Братъ возвратился къ вежѣ и увидѣлъ, что изъ вежи дымъ неиздѣль, а олени стоять на ста-ромъ мѣстѣ. Подумалъ, что братъ не здоровъ. Зашелъ въ вежу, но брата нѣтъ, а дрова лежать все тѣ же, что и были. Ему стало не ловко. Вышелъ изъ вежи, вскричалъ, но отвѣта нѣтъ. Подошелъ далѣе и увидѣлъ двои слѣды. Сейчасъ и до-гадался, что былъ, значитъ, Чудоорчъ или нойда. Пошелъ послѣ этого, оленей от-пустилъ на волю всѣхъ, а себѣ оставилъ одного ирваса (нехолощенный олень—быкъ) хорошаго и собаку. Съ ними и пошелъ разыскивать брата. Время приходило къ зимѣ, и на землѣ было немного снѣгу. Слѣды поэтому онъ скоро нашелъ. Подъѣхавъ не-много на оленѣ, онъ увидѣлъ покрытое землею тѣло человѣка безъ кожи и по величинѣ его заключилъ, что это его братъ. Съ поспѣшностью онъ обвернулъ тѣло въ бересто, вырылъ неглубокую яму и похоронилъ его. Слезы не проронилъ ни одной, оставилъ ихъ до удобнаго времени. Самъ послѣ этого сѣлъ въ кережу (подобіе корыта—замѣняетъ сани) и погналъ скорѣе впередъ по слѣдамъ за злодѣемъ. Не мало онъ перѣѣхалъ рѣкъ и окружилъ озеръ, потому что ледъ былъ некрѣпокъ, но наконецъ таки передъ вечеромъ увидалъ огонь. Сейчасъ онъ соскочилъ съ кережи, привязалъ ирваса къ лѣсинѣ, чтобы онъ не хрюкалъ, и самъ пошелъ посмотретьъ, кто сидитъ у огня и что дѣлаетъ. Зная однако, что собака можетъ залаять и тогда убийца брата можетъ уѣхать, онъ надѣлъ ей на носъ шапку. Такъ принялъ онъ всѣ предосторож-ности, чтобы не выдать себя.

Подошелъ къ огню онъ съ собакой поближе и сталъ изъ-за лѣсинокъ смотрѣть. Огонекъ въ темнотѣ горѣлъ свѣтло. Подлѣ нойды въ сторонѣ лежала его одежда, а на немъ сверху надѣта была кожа брата. Въ ней онъ поворачивался къ огню и спиной, и брюхомъ, и боками, чтобы ее высушить. И вотъ когда она подсохла, онъ снялъ ее съ себя и сталъ складывать пластиами. Лопарь—брать нѣсколько разъ въ это время прицѣливался выстрѣлить, но слезы не давали ему прямо навести на него пищаль. Нако-нецъ онъ осилилъ себя, выстрѣлилъ и попалъ въ Нойду. Тотъ однако вскричалъ: стрѣляй другой разъ. Нѣтъ меня не обманешь, ты хочешь еще встать, отвѣтилъ ему Лопарь. Для тебя, знаю, довольно и разу. Теперь пропадешь ты какъ собака. Шапка невидимка теперь тебѣ болѣе не поможетъ,—поэтому не хочу портить и пули. Сказавъ это, подошелъ къ нему, вырвалъ кожу брата изъ рукъ и пошелъ обратно. Тѣло нойды осталось на съѣденіе птицамъ и хищными звѣрями.

Нужно еще заметить, что иной раз всегда ходилъ за убитымъ братомъ до смерти, и онъ его видѣлъ, но старшій не видѣлъ, потому что къ нему онъ не имѣлъ никакого отношенія. Невидимка же шапка иной разъ или Чудоорча скрывать можетъ, пока онъ не убьетъ человѣка. Послѣ онъ ее теряетъ, или она сама скроется отъ него.

(Записана со словъ Ефима и Василия Летовыхъ и Максима Федотова).

7) Собачья сказка.—(Пеный майнастъ).

Въ бытня времена жилъ старикъ со старухою. Старикъ былъ человѣкъ, какъ есть человѣкъ, а старуха была полчеловѣка, потому что одна половина была у нея человѣческая, а другая подобная звѣрю или, вѣрнѣе, собакѣ. Надъ старухой всѣ смеялись заочно, а когда были вмѣстѣ съ нею, то боялись и уважали. Старикъ умеръ раньше, и вскорѣ послѣ смерти его у нея родился сынъ на подобіе ея. Сынъ росъ не по годамъ, а по днамъ. И вотъ, когда онъ выросъ, изъ него сдѣлался хороший промышленникъ. Онъ ежедневно ходилъ на промыселъ звѣрей и никогда не возвращался безъ ничего. Мать любила его, но онъ захотѣлъ наконецъ жениться. Возвратясь разъ съ охоты, онъ сказалъ матери: «Ты стала стара, тебѣ тяжело; поэтому и хочу жениться. Ты найди мнѣ невѣсту».

Старуха по любви къ сыну согласилась на его просьбу и сказала: «Недалеко отъ насъ живетъ старикъ со старухою. У него есть три дочери, и завтра я иду сватать за тебя старшую. Они живутъ бѣдно и поэтому, полагаю, отдаутъ».

На другой день сынъ ушелъ въ лѣсъ, а мать пошла искать ему невѣсту.

Старикъ съ семействомъ, увидя старуху, удивился ея приходу, потому что она никогда у нихъ не бывала. Старуха съ ними поздоровалась и, ее, какъ гостью, простила сѣсть.

Старуха поблагодарила ихъ и прибавила: «Ничего, я постою. У меня, дѣдушка есть до тебя просьба: не хочешь ли съ нами породниться? Меня послалъ сынъ и просилъ, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женой. У насъ мяса довольно, ей будетъ хорошо».

Старикъ поговорилъ съ дочерью, и та согласилась идти сейчасъ же со старухою. Она прибавила еще: «Насъ три сестры, и ждать мнѣ долго не слѣдуетъ». Простились она послѣ этого съ родителями и сестрами и пошла, какъ съ настоящей свекровью, къ своему мужу.

Пришли онъ въ вежу,—старуха и говорить невѣсткѣ: «мужа твоего еще нетъ дома, онъ скоро придѣтъ. Ты пока ложись (указала ей въ одной сторонѣ мѣсто)—спи и не смотри, какъ я буду варить ужинъ. Не исполнишь этого, худо тебѣ будетъ».

Невѣстка, повидимому, послушалась. Сейчасъ легла она спать, а сама изрѣдка тихонько и смотритъ, что будетъ варить свекровь и какъ?

Она увидѣла, что свекровь стала варить мясо въ кожаномъ мѣшкѣ. Мѣшокъ, повѣшенный надъ огнемъ, вскорѣ, однако, потекъ. Старуха рассердилась и вскричала: «Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же ты теперь камнемъ». Не успѣла она этого сказать, какъ молодая окаменѣла, а въ вежу зашелъ сынъ и спрашивается: «гдѣ моя жена?»

— «Смотри вотъ тамъ». И указала на окаменѣвшую.

— Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мнѣ жену. Начали снова варить и, когда готовъ былъ ужинъ, поужинали молча.

На слѣдующій день сынъ пошелъ въ лѣсъ, сказавъ матери: «Не забудь привести жену».

Мать послѣ него опять пошла къ старику и сказала ему: «дочери твоей на первыхъ порахъ скучно, потому что мужъ ходить въ лѣсъ. Дозволь идти въ гости къ ней другой сестрѣ».

Старикъ согласился, и другая дочь пошла со старухою.

Пришли въ вежу. Старуха сказала ей, что она будетъ не гостья, а жена ея сыну. Указала ей и на окаменѣвшую сестру, прибавивъ: «Не послушаешься меня, тоже будетъ и съ тобой».

Невѣстка легла спать и уснула. Къ несчастію своему, она скоро проснулась и увидѣла, что свекровь варить въ мѣшкѣ.

Старуха опять разсердилась и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменѣла.

Пришелъ изъ лѣсу сынъ, спросилъ жену и мать указала на другую каменную человѣческую фигуру. Сынъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «Завтра должна быть у меня жена непремѣнно, а иѣтъ—прощайся и со мною».

Мать отвѣтила: «Эти были непослушны и потому въ жены тебѣ не годились. Завтра я приведу меньшую сестру: изъ нея быть можетъ и выйдетъ жена».

Молча они сварили, молча и поужинали. На третій день сынъ пошелъ въ лѣсъ сердитый.

Мать послѣ него сейчасъ пошла къ старику и стала просить его, чтобы онъ отпустилъ и меньшую сестру въ гости. Старикъ, не зная ничего, и послѣдней дочери дозволилъ идти. Пришла она со старухою въ вежу и увидѣла, что сестры ея окаменѣли. Она испугалась сперва, но старуха сказала: «Не бойся. Онъ не слушались меня и сами себя къ этому приговорили. Будь послушна мнѣ, исполни что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына».

Старуха стала приготовляться варить ужинъ, а невѣстка легла спать и уснула крѣпко. Она не видѣла ничего. Старуха, наконецъ, услышавъ лай какъ-бы собаки, разбудила невѣстку и послала ее встрѣчать своего мужа, а ея сына. Вскорѣ оба они вошли въ вежу, поужинали и стали жить, какъ мужъ съ женой, любя другъ друга.

Вскорѣ у нихъ родился сынъ, очень похожій на отца. Оба они были рады, и мужъ сказалъ женѣ: Смотри, чтобы отъ сына нашего оленя постель подъ нимъ никогда не была мокра отъ его мочи. Сынъ росъ, какъ и отецъ, скоро. Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Разъ, однако, сынъ помочился на постель, и ее положили сохнуть. Пришелъ мужъ и увидѣлъ это. Онъ спросилъ: кто это сдѣлалъ? Мать отвѣтила: сынъ. Услыша это, онъ сказалъ: Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь отъ васъ уйду. Вы живите, какъ хотите. Сынъ сталъ также проситься идти съ отцемъ. Онъ согласился взять, и ихъ никакъ не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома и отъ нихъ послѣ родились дикие олени. Мать при прощаніи съ сыномъ, который разлучилъ ее съ мужемъ, сказала ему: черныхъ звѣрей бойтесь, а бѣлыхъ вамъ нечего бояться. Не бойся также и гангасовъ (подобіе сила для дикихъ оленей), они дѣлаются для пользы людей и тебѣ не повредятъ. Отецъ съ сыномъ ушли, и болѣе обѣихъ не было никакого слуху.

(Записана со словъ Ефима Летова, Максима Федотова и Вас. Летова).

8) Пеыта олмашъ. Нагой человѣкъ — (Чакли варръ — лѣсная гора у Вакъ озера).

Жилъ былъ Лопарь Кондратій. Осенью онъ промышлялъ на Вакъ озерѣ рыбу. Разъ онъ ходилъ по Чакше варопѣ и нашелъ большую глубокую яму. Онъ подумалъ: вѣрно, нагой человѣкъ здѣсь живетъ. Развязалъ онъ у себя каныги и снялъ ихъ съ

яогъ. Оборы (на подобіе ленточекъ; онъ ткутся Лопарями изъ разныхъ цвѣтовъ шерсти дливою въ каждой ногѣ около 3 аршинъ: онъ къ одѣтымъ ужо каньгамъ прікрепляются за петельку и послѣ кругомъ ноги обвертываются нѣсколько разъ до конца, чтобы каньга не спадала съ ноги) онъ связалъ вмѣстѣ и опустилъ одинъ конецъ въ яму, а другой привязалъ къ каньгамъ, которые оставилъ у ямы. Къ каньгамъ привязалъ еще веревку и самъ ушолъ не очень далеко въ сторону. Сперва еще у ямы онъ нѣсколько разъ сказалъ: кизамъ, кизамъ чулмамъ — верчу, верчу и узелъ свяжу. Чрезъ нѣсколько времени по оборамъ вышелъ изъ ямы нагой человѣкъ и сталъ одѣвать каньги. Кондратій въ это время выскочилъ и схватилъ его. Онъ сталъ проситься, чтобы его отпустили. Кондратій сталъ просять выкупъ. Онъ посулилъ и далъ вѣрное слово, что снова выйдетъ изъ ямы и принесеть выкупъ. Кондратій отпустилъ его. Онъ вскорѣ вышелъ и принесъ ему полную тарелку серебряныхъ дениегъ. Лопинъ взялъ и сказалъ: мало. Нагой человѣкъ принесъ ему и другой разъ столько же. Кондратій опять взялъ и сказалъ: маловато. Нагой человѣкъ болѣе ничего не сказалъ, а только покачалъ головою и ушелъ третій разъ. Вскорѣ принесъ ему ножикъ и вилку и отдалъ ихъ. Когда Кондратій это взялъ, онъ сказалъ: Не на долго тебѣ этого богатства, за чѣмъ ты много взялъ? Скоро твой родъ обѣднѣтъ. Сказавъ это, ушель обратно. Кондратій самъ былъ богатъ, но родъ его постепенно дѣлался бѣднѣе и бѣднѣе.

(Записана со словъ Лопарей Василия Летова и Максима Федотова).

9) Коддь ачка (Дикая старуха).

Очень давно жила-была одна старуха — нойда, колдунья. Ей наскучило быть въ человѣческомъ видѣ. Она захотѣла быть важенкой, оленемъ — самкой. Это съ неї и случилось. Долго ли, коротко ли она была оленемъ, этого вѣрно сказать нельзя. Наконецъ она сѣдалась беременно и наступало время ей родить. Оборотись оленемъ она, однако, должно быть, думала иногда по человѣчески. Предъ самыми родами она испугалась, что отъ нея родится олень, и желая избѣжать этого, опять обратилась въ женщину. Это ей однако не помогло. У нея родился не человѣкъ, а олень-быкъ. Какъ ни непріятно ей было, но все таки теленка она кормила своею грудью. Онъ у нея выросъ и сталъ даже возить дрова къ вежѣ, где она жила. Они другъ друга понимали. И вотъ когда онъ сталъ большой, захотѣлось ему на волю. Мать этому не препятствовала, только просила привести болѣе дровъ. Мать нарубила дровъ, а онъ притянулъ къ вежѣ. Онъ былъ сильный и сталъ пособлять ей и дровъ колоть. Такъ они заготовили дровъ довольно. Мать хотѣла дать ему еще при разставаніи груди, но онъ отказался, и только произъ сказалъ, кто его отецъ: человѣкъ или олень? Мать на этотъ вопросъ отвѣтить не хотѣла. Видя это, онъ показалъ видѣ, что еще хочетъ поколоть дровъ. Стали колоть толстую чурку. Когда у нея одинъ конецъ раскололся, тогда поставили клинъ въ щель. Сынъ послѣ этого и показываетъ матери, чтобы она поставила ногу въ щель, а онъ другимъ клиномъ будеть колоть. Мать послушалась его, и положила ногу въ щель. Онъ вмѣсто того, чтобы поставить клинъ, взялъ изъ щели зубами и первый. Ногу у матери прижало и она отъ боли закричала. Скажи, кто отецъ у меня, и тогда пособлю тебѣ вытащить ногу. Ей не хотѣлось открыть тайны, но наконецъ сказала: У тебя отецъ олень — ирвасъ. Послѣ этого вложилъ онъ въ щель клинъ, придавилъ ногами и мать была свободна. Онъ простился съ нею и ушель въ тундру — свое отечество.

(Записана со словъ М. Федотова).

10) Чадць иллій живущій въ водѣ.

На островѣ Шалимѣ (въ истокѣ Пазрѣцкаго залива) жили два Лопаря и оба они были хорошие промысленники. Однажды они ходили около морскаго берега и увидѣли почти у самого берега: сидитъ женщина на камнѣ и чешетъ голову. Одинъ изъ Лопарей и сказалъ другому: я стрѣлю. Нѣть, не стрѣляй, это не человѣкъ, а чадцъ иллій — живущій въ водѣ. Онъ не послушался его и сталъ стрѣлять. Въ это время другой вскричалъ: «Берегись, женщина, въ тебя стрѣляютъ!» Она соскочила съ камня въ воду, недалеко она опять показалась на водѣ и вскричала: «Добрый человѣкъ, пожалѣвшій меня, приди завтра въ это время сюда; а ты, который хотѣлъ убить меня, гдѣ будешь пить воду, тутъ и утонешь».

«Не дикой же я, что пойду или побреду въ глубокое озеро или рѣку пить. Вольно тебѣ вратъ».

Послѣ этого, оба товарищи поспорили не много и разошлись для промысла звѣрей въ разныя стороны до вечера. Стрѣлявшій въ женщину пришелъ къ ручью, наклонился и сталъ пить ртомъ, свалился въ ручей и утонулъ. На другой день утромъ товарищъ пошелъ его искать, потому что онъ вечеромъ не явился на означенное мѣсто. Нашелъ его онъ въ ручѣ. Тѣло утонувшаго обернулось въ бѣресто и предалъ землѣ. Окончивъ это дѣло, онъ пошелъ на вчерашнее мѣсто, куда звала его женщина. На дорогѣ встрѣтилась черная лисица. Онъ убилъ ее, снялъ шкуру и съ нею пошелъ далѣе. Пришелъ къ морю и сталъ дожидаться женщины. Она вскорѣ вышла изъ воды и вскричала: Пришелъ ли ты, кого я звала?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ.

«Поди сюда къ берегу, сказала она».

Онъ подошелъ и получилъ отъ нея золота и серебра довольно и сталъ жить послѣ этого какъ кухманъ — купецъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

11) Айнай судо. Айновы острова — въ Ледовитомъ океанѣ противъ Земляного наволока и становища Мало-нѣмѣцкаго.

Мы Лопари не были еще христіанами, а въ нашихъ погостахъ, въ Лапландіи дикихъ оленей почти не было, или было да очень мало. Въ Финляндіи и Норвегіи было очень много. Вотъ и стали наши старики думать, какъ бы сдѣлать, чтобы дикие были и на нашей землѣ. Въ это время жили въ Печеньгѣ, около становища Вайуогубы, силачи — нойды три брата, и у нихъ была мать старуха — а гка. Братья, какъ нойды, знали все и умѣли пособить горю. Вотъ однажды они и сказали матери и своимъ帮忙льямъ: Мы пойдемъ въ Норвегу и отрѣжемъ кусокъ земли, на которой бѣгасть много дикихъ оленей, и приплывемъ сюда на этой землѣ со всѣмъ добромъ. Жизнь наша тогда пойдетъ богаче. Сказано, сдѣлано. Нойды отправились въ Норвегу. Мать старуха въ одну ночь спитъ и видѣтъ во снѣ, что ея дѣти возвращаются на норвежской землѣ съ оленями. Она вскочила какъ шальная, побѣжала изъ тупы — избы на пахту (высокая каменная гора противъ Айновыхъ острововъ) смотрѣть, какъ дѣтки ёдутъ съ добромъ. Старуха увидала: земли идетъ много и гуль отъ хрюканья и бѣгу оленей раздается далеко, далеко. Съ радости она залѣла: Вотъ мои дѣтки ёдутъ, вотъ они везутъ живота, везутъ оленей и воженокъ. И отъ радости еще вскричала: Не даромъ ихъ называютъ нойдами и силачами. Послѣ этого она сей-

часть же окаменѣла, окаменѣла и изба, и остатки отъ этого, говорять, можно видѣть на Земляномъ наволокѣ и пониже.

Земля, плывшая по океану, отъ словъ старухи разорвалась на два острова и остановилась. Въ промежуткахъ между ними дѣти и все добро потонуло. Айновы острова теперь славятся мурошкою. Говорятъ еще, что вѣс морскіе острова, на которыхъ растетъ мурошка, приведены нойдами изъ Норвегіи. Другое преданіе касательно Айновыхъ острововъ и Кильгина, сходное въ одномъ, противорѣчить цѣли.

Въ Печеньгѣ и въ Колѣ въ это время, говорятъ, Препод. Трифонъ уже просвѣтилъ крещеніемъ многихъ Лопарей. Нойды, или Кебуны за это сердились на него, а также и на Лопарей, которые крестились. И вотъ на зло лопарскому Апостолу и крещеннымъ, они вздумали запереть Печенгскій и Кольскій заливы, и для этой цѣли попытали на отдѣлившейся землѣ къ заливамъ. Когда нойды подѣзжали къ заливамъ, то ихъ замѣтили на берегу люди и закричали: земля идетъ, земля. Кричавшіе окаменѣли, а земля остановилась, и образовались острова: Айновы и Кильгинъ.

(Записана со словъ В. Летова, а преданіе слышало отъ умершей 100 лѣтней девицы Сусловой). Две послѣднія были похѣщены въ «Голосѣ» за 1883 г.

12) Шапка невидимка.—(Къ каперь).

Нѣкогда жилъ-былъ царь и у него была дочь красавица. Онъ послалъ объявление по всей землѣ, кто достанетъ звѣзду съ неба, тотъ и получитъ въ замужество его дочь. Люди знатные, узнавъ объ этомъ, сперва удивились столь странному объявлению, полагая, что со временемъ царь уничтожитъ его. Не вида однако отѣмъ приказа, не стали и думать о красавицѣ. Царское объявление дошло и до Лапландіи. Вотъ одинъ Лопарь и похвастался, что онъ можетъ достать звѣзду. Сказано—сдѣлано. Лопарь пошелъ по высокимъ тундрамъ и горамъ, чтобы оттуда достать звѣзду. Онъ перебывалъ на многихъ высокихъ тундрахъ и горахъ, но звѣзды достать не могъ. Когда приходилъ на высокую тундру, то ему представлялось, что съ другой болѣе высокой можно достать, но когда приходилъ туда, опять видѣть тоже. Такъ онъ ходилъ долго, и наконецъ потерялъ надежду, что можно достать звѣзду. Сталъ горевать, потому что въ объявлении сказано было еще, если кто скажетъ: достану, но не достанетъ, тотъ преданъ будетъ смерти. Горевалъ онъ немало времени, и хотѣлъ наконецъ лишить самъ себя жизни, какъ въ это время откуда не возымись явился предъ нимъ незнакомецъ и сказалъ: «Что ты такой печальный, развѣ что итераль?»

«Какъ мнѣ не печалиться, когда самъ себя я за хвастовство приговорилъ къ смерти. Желая сдѣлаться счастливымъ, я сказалъ что достану съ неба звѣзду, думая что можно это сдѣлать съ высокой горы, но между тѣмъ ошибся: сколько ни ходилъ, но успѣха никакого не было. Теперь не только мнѣ не жениться на царевнѣ, но еще иридется умереть».

Незнакомецъ сказалъ: «Не знаю, какъ пособить твоему горю. Впрочемъ попытаемъ счастья. Ты садись ко мнѣ на спину и держись крѣпче. Мы полетимъ вверхъ, и ты только внизъ не смотри. Вотъ они и полетѣли, какъ птицы, къ облакамъ. Летѣли они долго; наконецъ Лопарь усталъ даже и держаться. Незнакомецъ въ это время и сказалъ: смотри вверхъ лучше. Онъ смотрѣть и видѣть, что звѣзды у него подъ руками и вѣс большія.

Ну, что видишь, спросилъ опять его незнакомецъ. Звѣзды у меня почти въ рукахъ, ответилъ онъ. Возьми же одну скорѣе руками. Онъ сейчасъ взялъ звѣзду, сперва одною рукой, а посѣтъ и другою. Какъ-двумя то руками онъ взялъ звѣзду, незнакомца

вдругъ и не стало. Лопинъ остался у звѣзды висѣть и думаетъ: звѣзда у меня и въ рукахъ, но и съ ней опять горе. Вѣтеръ между тѣмъ его бросалъ со стороны въ сторону, а онъ все таки отъ звѣзды не отступается. Наконецъ его оторвало вѣстѣ со звѣздой, и онъ полетѣлъ внизъ. Упалъ онъ съ высоты на мохъ и просыпѣлъ до половины тулowiща. Звѣзу онъ положилъ въ карманъ, а самъ сталъ стараться выйти изо мха. Съ большими трудомъ онъ освободился и тогда пошелъ искать дороги. Шелъ онъ немало времени, и наконецъ услыхалъ, что недалеко кричатъ люди. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ, что между собою дерутся три человѣка. Подошелъ къ нимъ и сказалъ: «что вы за люди и о чёмъ спорите, чутъ даже не деретесь».

— «Мы всѣ родные братья. У насъ нынѣ умеръ отецъ, и у него осталась одна шапка — калпель. Вотъ ее то мы и не знаемъ, какъ раздѣлить. Каждому взять хочется, а другимъ-то ничего не останется. Очень сожалѣю, что вы изъ-за такой бездѣлицы спорите и даже чутъ не деретесь».

— Да, легко тебѣ это говорить, когда ты не знаешь нашей шапки. Шапка-то не простая, а невидимка: кто одѣнетъ ее, того никто не увидитъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Эта шапка лучше всяаго богатства».

— «Нельзя ли посмотрѣть мнѣ, покажите пожалуйста, я вамъ буду очень благодаренъ».

Они согласились и принесли.

Онъ взялъ въ руки и стала разматривать. Да, шапка дѣйствительно хороша, и стала поднимать себѣ на голову. Братья, видя это, сейчасъ сказали: нѣтъ не одѣтай себѣ, мы тебя не увидимъ.

«Ничего, не надо долго можно примѣрить. Правду ли вы еще говорите, стоять ли п спору-то. Я только удостовѣрюсь въ справедливости вашихъ словъ и возвращу вамъ».

Не успѣлъ онъ одѣться, какъ его пререстали видѣть, и онъ пошелъ далѣе путемъ-дорогой.

Братья послѣ этого еще болѣе заспорили, но наконецъ сказали: «Шапки теперь нѣтъ, перестанемъ же и спорить, потому что изъ троихъ изъ насъ теперь никому не завидно. Будемъ лучше жить по прежнему, согласно, и поблагодаримъ незнакомца, что онъ избавилъ насъ отъ непрѣятности. Быть можетъ, во время спору мы бы убили еще одинъ другого».

Лопинъ въ шапкѣ-невидимкѣ шелъ себѣ къ царю и никого не боялся. Зналь теперь, что у него никто не отниметъ и звѣзды. Вѣдругъ онъ опять услышалъ крикъ и пошелъ посмотрѣть. Когда стала приближаться къ людямъ, шапку снялъ. Теперь онъ увидѣлъ, что дерутся три человѣка. Онъ опять спросилъ ихъ: «что вы за люди и зачѣмъ обижаете одинъ другого»?

— «Мы братья. У насъ былъ отецъ и теперь умеръ. У него остались одни только каныги *), — камай, но каныги только непростые. если ихъ поворотишь на лѣвую сторону, то они сами идутъ, или вѣришь несугъ на себѣ человѣка».

— «Нельзя ли мнѣ ихъ посмотрѣть?» Братья принесли и стали показывать.

Лопинъ разматривалъ ихъ внимательно и хвалилъ. Они будучи польщены его словами, дали ему и помѣрить. Лишь только онъ одѣгъ ихъ, какъ въ то же время одѣгъ на себя шапку и пошелъ отъ нихъ далѣе съ благодарностью за простоту.

Братья еще поспорили между собою, но наконецъ и они помирились, подобно первымъ.

Лопинъ теперь продолжалъ свой путь очень скоро, и чрезъ нѣсколько времени опять услышалъ крикъ. Пошелъ на голосъ и увидѣлъ, что между собою ссорятся три человѣка. Онъ спросилъ ихъ: о чёмъ вы спорите и что дѣлите между собою?

Мы братья и сейчасъ похоронили отца своего. Денегъ и имущества у него не осталось никакого. Остался у него только одинъ посохъ, — съ обѣими; посохъ этотъ непростой: если рукоятью поставить въ землю во время войны, тогда на той сторонѣ, где находится посохъ, не убьютъ ни одного человѣка, а непрѣятели все умрутъ отъ моровой язвы. Онъ попросилъ посмотѣть и, какъ только взялъ въ руки, сейчасъ же рукоятью поставилъ въ землю, и братья умерли. Онъ положилъ ихъ въ землю и пошелъ въ веселомъ расположenіи духа къ царю. Шель,

шель и дошелъ до большого красиваго дома, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полями и садами. Онъ сталъ ходить около дома, въ надеждѣ не увидѣть ли кого. Къ сожалѣнію, любой вѣ видѣлъ, а видѣлъ только, что летаютъ разныя птицы, и гуляютъ по саду. Передъ вечеромъ дошелъ онъ въ домъ и, лишь только отворилъ двери, сей-часъ увидѣлъ толстую женщину. Она, увидавъ его, сказала: «вотъ мнѣ теперь будетъ праздникъ, хорошее мясо само пришло ко мнѣ».

— «Нѣтъ, любезная! на мое мясо лучше не надѣйся. Я уже хожу много, много времени, и у меня остались только кости да жилы. Будь лучше добра, и помоги моему горю: скажи, въ которой сторонѣ живетъ царь съ красавицей-дѣвицей».

— «Вотъ этого-то я уже не знаю. Сижу постоянно дома и мнѣ во всемъ помогаютъ птицы. Спроси у нихъ». — Вышла она въ садъ, и птицы по ея знаку всѣ прилетѣли къ ней. Она спросила ихъ: гдѣ живетъ царь и красавица дѣвица. Птицы отвѣчали что вѣ знаютъ, и прибавили, что нужно спросить у самой большой птицы — Куддалѣ, которая носить людей. Она, быть можетъ, и знаетъ. Явилась наконецъ и эта птица, спросили у вѣя, но она не отвѣтила ничего. Хозяйка, видя ее упрямство, стала бить и такъ какъ она молчала, взяла ее въ избу и бросила на печь. Птицу ожидала тутъ настоящая смерть, и она сказала: отпустите меня съ печи, я скажу. Ее взяли оттуда и хозяйка сейчасъ же велѣла ей отнести Лопина къ царскому дворцу. Лопинъ поблагодарилъ хозяйку и сѣлъ на птицу. Птица поднялась wysoko и понесла его чрезъ рѣки, озера и моря. Летѣла она долго, наконецъ захотѣла ѳѣть, сказала Лопину: брось на мое платокъ и кусокъ сѣры. Лопинъ бросилъ, и образовался островъ — Сулово. Здѣсь они отдохнули и закусили. На другой день опять утромъ рано полетѣли они и передъ вечеромъ увидѣли стадо коровъ. Птица опустила Лопина на землю, указала ему дорогу къ царю, а сама схватила быка и полетѣла съ нимъ обратно. Лопинъ вскорѣ пришелъ къ царскому дворцу, надѣль невидимку — шапку и пошелъ во дворецъ. Здѣсь онъ увидѣлъ много людей, ходилъ за ними и рассматривалъ вездѣ и все. Наконецъ прошелъ онъ въ комнату къ царской дочери. Она сидѣла и шила себѣ хорошее платье. Въ это время она попросила у служанки пить. Та принесла, а Лопинъ отрѣзалъ отъ звѣзды кусокъ и положилъ въ чашку, когда мимо него несли.

Царевна, взявъ въ руки чашку, увидѣла, что въ водѣ плаваетъ звѣзда. Она изумилась и поставила питье въ сторону. Попросила другую чашку, но и съ этой Лопинъ сдѣлалъ то же. Царевна опять пить не стала и задумалась. Думала, думала и наконецъ сказала: «кто здѣсь есть изъ постороннихъ, пусть покажется, наказанія не будетъ». Лопинъ снялъ шапку, и она его увидѣла. «Кто ты такой и за чѣмъ сюда пришелъ, расскажи подробнѣ».

Лопинъ рассказалъ о себѣ все сначала до конца и спросилъ, гдѣ царь? мнѣ нужно явиться и къ нему.

Царевна сказала: «Къ сожалѣнію, его нѣтъ. Онъ уѣхалъ на войну, откуда и получены сегодня извѣстія, что войска его всѣ разбиты. Едвали онъ живъ теперь памъ, прибавила она съ слезами на глазахъ».

Спросилъ онъ еще, въ которой сторонѣ война, и узнавъ, сказалъ, что пойдетъ на войну. Увижу я тамъ самъ, такъ ли дѣла плохи и не могу ли пособить.

Царевна стала его уговаривать и упрашивывать, говоря, что теперь у ней вся надежда на него. Наконецъ, убѣдившись, что онъ не останется, стала и сама проситься съ нимъ. «Онъ уговаривалъ ее остататься и сказалъ: если я пойду, то возвращусь скоро, да и царь возвратится, а если нѣтъ, то съ нимъ можетъ случиться дѣйствительно несчастіе. Царевна наконецъ осталась, а онъ въ своихъ каньгахъ сейчасъ же явился на войну. Лишь только онъ поровнялся съ царемъ, какъ сейчасъ же посохъ поставилъ рукоятью въ землю.

По непрѣятелю немедленно прошла моровая язва и войска всѣ умерли. Царь, стоявшій на колѣняхъ, прослезился и возблагодарилъ Бога за спасеніе, и сталъ собираться къ отѣзду во свояси.

Лопинъ, видя, что война кончилась счастливо, въ своихъ каньгахъ поспѣшилъ къ царевиѣ, чтобы передать о случившемся. Пришелъ онъ во дворецъ и рассказалъ, какъ и отчего погибъ непріятель. Она поблагодарила его, и стали дожидать возвращенія царя. И вотъ, когда пронеслась вѣсть, что царь возвращается съ побѣдою, царевна и Лопинъ вышли его встрѣтить. Царь не успѣлъ еще увидѣть у царевны звѣзды, какъ она и Лопинъ стали просить благословенія на бракъ. Царь на радостяхъ сейчасъ же благословилъ ихъ и далъ пиръ на славу всѣмъ. Новобрачные стали жить да Бога славить. Вотъ и сказка вся.

(Записана со словъ М. Федотова).

Семн. К. К. Щеколдинъ.

Прим. Въ почтенномъ труда г. Н. Харузина Русскіе Лопари очерки прошлаго и современнаго быта. М. 1890. Стр. 462—470—помѣщены пять сказокъ, изъ коихъ четыре были сообщены О. К. Щеколдинымъ: 1) О царскомъ сыне, 2) Игрунь-смѣльчакъ сынъ, 3) Московский воръ, 4) что бываетъ съ скучными на томъ свѣтѣ.—См. также Островскій Д. Н. Лопари и ихъ преданія. Изд. П. Р. Геогр. О. 1889. Вып. IV. Стр. 316—333.

Якутская народная повѣрья и сказки.

(Приложение къ Этногр. Оч. Три года въ Якутской области).

Громъ, по понятію Якутовъ, служить знакомъ проявленія гиѣва боговъ, живущихъ на небѣ. Каждый разъ, какъ загремитъ громъ, духъ, жившій на небѣ, низвергается на землю за свое неповиновеніе.

Маленькие пѣтушки (*Phalaropus rufescens Bris.*) много терпѣли отъ щуки-рыбы. Въ ясный день, бѣгая по отлогому берегу рѣки, они часто дѣлались добычей щукъ; не стало пѣтушкамъ житья оть щукъ, и въ горѣ своемъ рѣшили они просить Аи-Тоѣна (создателя) избавить ихъ отъ этой напасти. Спросили щуки: зачѣмъ губятъ онѣ пѣтушковъ? Онѣ отвѣтили, что дѣлаютъ это по невольѣ, чтобы удовлетворить годѣдь. Аи-Тоѣнъ приказалъ щукамъ оставить пѣтушковъ въ покое, указавъ имъ воду, где много мелкой рыбы, а чтобы щуки не забыли этого велѣнія, положено, чтобы, когда пѣтушки будутъ подходить къ водѣ, быть грому, отъ которого щуки и прячутся на дно рѣки.

Главныхъ вѣтровъ—четыре: сѣверный, южный, восточный и западный. Этими вѣтрами управляютъ четыре добрыхъ духа, приставленные охранять покой четырехъ сторонъ земли. Эти добрые духи ведутъ между собой сношенія чрезъ посредство подчиненныхъ имъ вѣтровъ. Цѣль сношеній—слѣдить за духами противными (недобрыми) и узнавать, что они дѣлаютъ на землѣ. Вѣтры промежуточные, т. е. СВ., ЮВ., ЮЗ и СЗ. исходятъ отъ демоновъ, живущихъ между собой не въ ладу; они всегдассорятся между собой, дерутся и къ тому же склоняютъ между собой людей. Главный надъ этими духами живеть въ сторонѣ, между сѣверомъ и западомъ, откуда лѣтомъ сыплеть на землю соль, т. е. градъ, и нагонять холодный вѣтеръ. Черезъ посредство промежуточныхъ вѣтровъ сносятся съ духами (злыми) шаманы и даже ведуть съ ними войну. Гдѣ вѣтромъ повалено или поломано много лѣсу, тамъ дрались шаманы. Вихрь—это злой духъ, который въ злобѣ своей выется и кружится. Однажды два шамана, поссорившись между собой, условились подрасться. Мѣстомъ драки назначенъ былъ Верхоянскій хребетъ; одинъ изъ нихъ жилъ недалеко отъ Якутска, а другой на р. Алданѣ, и разстоянія между ними было до 350 верстъ. Наканунѣ дня, назначенаго для поединка, оба шамана вышли изъ своихъ юртъ и оборотившись вихремъ полетѣли черезъ рѣки, лѣса и горы прямо къ Верхоянскому хребту; гдѣ они пролегали, тамъ оставался за ними слѣдъ, тамъ повсюду на горахъ и долахъ ваился лѣсъ. На разсвѣтѣ назначенаго дня прилетѣли они на Верхоянскій хребетъ и, отдохнувъ немного, начали драку. Дрались они долго, переломали весь лѣсъ на хребтѣ, изрыли тамъ земли и переворочали камни всѣ и только, когда выбились изъ силъ, перестали драсться. Съ того-то времени и до сихъ порь много поваленаго лѣсу лежить на Верхоянскомъ хребтѣ.

Прежде, давно, на землѣ была только одна плотоядная птица, по названію „Сарай“. Птица эта была огромной величины; она много пожирала на землѣ, и мелкихъ тварей вовсе не было житья отъ нея, все трепетало ея. Не силенъ ли медведь и не хитра ли лисица, однакожъ и они ея боялись и часто, когда она была близко, иль приходилось голодать. Нужда заставила ихъ искать средства: всѣ звѣри, большие и малые, собравшись на общій сугланъ (сходъ), или совѣтъ, единодушно положили просить Аи-Тоѣна ¹⁾ избавить ихъ отъ этого страшилища. Просьба ихъ была уважена: изъ—ог-

¹⁾ Господа Бога.

ромной птицы Сарай сдѣлано было пятнадцать разныхъ плотоядныхъ птицъ; крупные звѣри совсѣмъ избавились отъ ужасной птицы,—за то мелкимъ стало доставаться больше прежняго: ихъ стали истреблять и хищныя птицы, и крупные звѣри.

Аль-Ютъ итчity—духъ огня.

До прихода Тунгусовъ, потѣшившихъ Якутовъ ближе къ съверному морю (южное море—Байкалъ), Якуты не думали, чтобы кромѣ нихъ еще жили люди на землѣ. У верховьевъ Лены—начало земли, а у истоковъ ея—земля склоняется: тамъ конецъ. Сначала люди, т. е. Якуты, не знали огня, ъли все сырое и много терпѣли отъ стужи, пока добрые духи не умудрили одного изъ нихъ добыть огня изъ камня и совершенно неожиданно. Вотъ это какъ было: въ лѣтній жаркій день бродилъ старикъ по горамъ и, присѣвъ отдохнуть отъ нечего дѣлать сталъ, бить камень о камень; отъ удара посыпались искры, вожгли сухую траву, а за нею и сухія вѣтви. Огонь распространялся, и люди со всѣхъ сторонъ сбѣжались смотрѣть невиданное чудо; чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился огонь и привлѣкъ всѣхъ въ трепетъ и ужастъ, но къ счастью подилась сверху вода и загасила огонь. Съ этого времени Якуты научились добывать огонь и тушить его. Огню, какъ могущественной силѣ, поклоняются люди (Якуты); при принесеніи жертвы какому бы то ни было духу огню приносить прежде всего, и непремѣнно отъ всакой пищи Якуту плюснеть ложку въ огонь; ему бросаютъ отъ первого весеннаго кумыса, его вездѣ величаютъ Аль-Ютъ.

О чествованіи огня много разъ рассказовъ. Такъ разъ Маркатаанъ (Маркъ), ъдучи къ тестю своему, заѣхалъ по дорогѣ къ своему знакомому Бахылау (Василію). Гостя нужно всегда угостить, а если у хозяина нѣть ничего, то хотя покурить трубочку или понюхать табачку, а тутъ дали поужинать. Маркатаанъ удивился, что, готовя пищу, хозяйка, противъ общаго обыкновенія, не сплескивала въ огонь изъ котелка, а потому отъ себя почтила огонь, сплеснувъ ему ложку изъ поданной на столъ чашки. Поужинавъ легла спать. Ночью Маркатаанъ пробудился и сквозь тлѣющій слабый свѣтъ разглядѣлъ, что на шесткѣ камина сидить мальчикъ сухой и тощій, а когда Маркатаанъ сталъ пристально всматриваться, то услыхалъ тихую жалобу на хозяинна юрты: „Я исхудалъ здѣсь, никто мнѣ не даетъ есть, я всегда голодный, и ты первый даль мнѣ ложку каши. Я сдѣлаю тебѣ за это добро, слушай меня: уѣзжай отсюда скорѣе, ты увидишь, что здѣсь случится“. Маркатаанъ почувствовалъ отъ страха дрожь во всемъ тѣлѣ и, скоро собравшись, уѣхалъ не простясь съ хозяиномъ. Отѣхавъ отъ юрты, Маркатаанъ оглянулся: юрта Бахылаа пылала вся въ огнѣ. У Мопчея (Матвѣя) Коршукъ было всегдашнимъ обыкновеніемъ изъ варящейся пищи удѣлять чтонибудь огню; оттого онъ всегда жилъ хорошо: его коровы телились раньше другихъ, сметана была гуще и масло—вкуснѣе. Старый Пайбалъ (Павель) также жилъ богато, а все оттого, что не забывалъ Аль-Ютъа и приносилъ ему жертву. Аль-Ютъ итчita всегда подметалъ у него дворъ, убиралъ пометъ въ хотонахъ (хлѣвахъ), ходилъ за его телятами и жеребятами и заплеталъ лошадямъ гривы; часто видали маленькаго старичка съ метлой въ рукѣ: онъ ходилъ по двору и подчищалъ грязь лопатой, выбрасывалъ въ окно хотона скотскій пометъ, а когда, подоивши коровъ, разольютъ молоко по тусамъ (берестяныя ведра) и поставятъ въ ледникъ, а сами послѣ трудовъ уснутъ, старичекъ отирается въ погребъ и переливаетъ молоко изъ одной посуды въ другую, отчего, по уѣренію Пайбала, у него были сливки гуще, чѣмъ у другихъ и вкуснѣе. Уйбанъ (Иванъ) Чуча ъехалъ разъ изъ города (конечно Якутска) домой, застигла его бура (бурга) и онъ заѣхалъ переночевать въ ближайшую юрту. Снявъ сумы и сѣда, подложивъ себѣ подъ голову, скоро заснуль; видѣть во снѣ, что сѣдой старикъ прохаживается по юртѣ взадъ и впередъ и, подошедши къ Уйбану, сказалъ: Я переду жить къ тебѣ! При этихъ словахъ въ сумѣ подъ головой что-то зашевелилось. Уйбанъ проснулся и вскочилъ съ своей постели: изъ сумы выбѣжала мышь и, испугавшись въ

свою очередь Уйбана, снова бросилась въ суму. Уйбанъ понялъ, что въ образѣ мыши былъ духъ, который обѣщался перейти къ нему на жительство; всю ночь просидѣль Уйбанъ, скорчившись, посреди юрты, боясь пошевелиться, а когда проснулись хозяева, Уйбанъ сталъ смѣлѣ, началъ даже покашливать и совсѣмъ забыть, что ему хочется спать. Когда всѣ встали съ своихъ постелей, Уйбанъ вытащилъ суму на середину юрты, выложилъ изъ нея все, что въ ней было—онъ хотѣлъ выбросить и мышь, но въ сумѣ нашелъ только свои вещи; онъ сложилъ ихъ обратно, и, не дождавшись завтрака, уѣхалъ домой. Къ вечеру онъ прїѣхалъ домой, вошелъ въ юрту, положилъ суму на свой оронъ (постель), а самъ подсѣлъ къ камину. Вскорѣ suma запечелилась, и преогромная мышь выѣзла изъ вся и поспѣло ушла подъ каминъ. Спустя нѣкоторое время Уйбанъ услыхалъ, что юрта, въ которой онъ ночевалъ, стоять пустою: хозяинъ оставилъ ее, потому что какъ ви старался развести огонь въ каминѣ, онъ всегда угасалъ.

Сказка о могучемъ богатырѣ Кись-Саныахѣ и о сынѣ его Бардамъ-Санаахѣ.

Не на небѣ и не на нашей бѣдной землѣ, а въ среднемъ между небомъ и землей благодатномъ краю, гдѣ вѣчное лѣто и день, гдѣ солнце ни на минуту не прячется за причудливые хребты, гдѣ не бываетъ холода и вода не мерзнетъ и не убываетъ, гдѣ люди живутъ не старясь и не умираютъ, гдѣ о трудѣ и горѣ знаютъ только по наслышкѣ, жилъ давно человѣкъ, по имени Кись-Саныахъ; богатство у него было такое, что ни вамъ, ни мнѣ и во снѣ не видать, а жена его, дочь великаго господина, обладателя средней поднебесной страны, была такой неописанной красоты, какой на землѣ у насъ нѣть. Кись-Саныахъ въ приданое за женой получилъ дерево такое высокое и вѣтвистое, что вѣтви его бросали тѣнь на такое пространство, что весь скотъ его въ полдневный зной сходился подъ его тѣнь, а на вѣтви слетались всѣ поднебесные птицы. Домъ у него былъ такой большой и крѣпкій, что ни вихорь, ни шурга, ни время не могли повредить ему, а двери входные были столь тяжелы и велики, что восемьдесят человѣкъ едва могли отворять ее, да и самъ Кись-Саныахъ былъ молодецъ не въ нашу мѣру, и восемьдесят такихъ, какъ мы, врядъ-ли справились бы съ нимъ. Скота у Кись-Саныаха было столько, что онъ, побывавъ одинъ разъ на нашей землѣ въ осеннюю звѣздную ночь подумалъ: звѣзды ли надо мню больше, или у меня скота? Казалось бы, можно было жить безъ печали и горя и страха, но и Кись-Саныахъ былъ человѣкъ и имѣлъ свое горе и чувствовалъ страхъ. Онъ слыхалъ, что на нашей бѣдной землѣ бываютъ такие нахалы, что часто берутъ не свое и ходятъ въ гости незваными. Причиною страха была молодая его жена—чудо красоты. Боялся онъ, чтобы кто-нибудь не похитилъ ее, чтобы взоръ какого либо нахала не упалъ на его божество и не осквернилъ его. Онъ чувствовалъ, что если кто посторонній проникнетъ въ его жилище, то ждать ему горя и несчастій. Ревность и страхъ потерять свое сокровище не давали ему покоя ни днемъ ни ночью; онъ никогда не снималъ своей собольей шубы, не выпускалъ изъ рукъ своей тяжелой трости, всегда былъ вооруженъ съ ногъ до головы и приготовленъ ко всякой случайности. Чего онъ страшился, то вскорѣ и случилось. Одинъ богатырь-волшебникъ, родомъ съ нашей земли, по имени Хара-Чогой, не видавшій никогда себѣ равнаго въ бою, услыхалъ о богатствѣ, славѣ и о красавицѣ женѣ Кись-Саныаха и вздумалъ завѣдать его. Вздумано—сдѣлано. Обратившись въ ворона, съ страшнымъ шумомъ и свистомъ полетѣлъ онъ къ жилищу Кись-Саныаха. Прилетѣвъ, опустился на золотую иискотину, да такъ тяжело, что искотина, какъ и крѣпка была она, съ трескомъ обрушилась подъ тяжестю пежданнаго гостя. Воронъ посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: поднялась страшная шурга, нанесло отовсюду горы снѣга и града на владѣнія Кись-Саныаха; всю землю и деревья покрыло ледянымъ покровомъ; третья часть всего скота Кись-Саныаха была обѣдомъ страшному ворону. Кись-Саныахъ въ это время спалъ. Онъ имѣлъ привычку спать подъ рядъ трое сутокъ, а вы-

спавшись не спаль втрое больше. Отъ шума и стука на дворѣ содрогнулась жена Кись-Саныха и вышла изъ юрты узнать, что тамъ дѣлается, и видѣть небывалое чудо: земля и деревья погребены снѣгомъ; обломки золотой поскотины лежать по сторонамъ, а скотъ безъ всякой пощады пожираетъ страшный воронъ. Увидавъ ее, воронъ проговорилъ: „Пошли сюда своего мужа, у меня къ нему есть дѣло, да посыпай поскорѣе, я ждать долго не привыкъ“.—Господинъ мой, воронъ сизочерный, говорить жена Кись-Саныха, смилийся, не погуби: мужъ мой не зналъ, что ты будешь нашимъ дорогимъ гостемъ и ушелъ на промыселъ въ сѣверную сторону. Услышавъ это, воронъ, словно черная туча поднялся съ поскотины и полетѣлъ въ указанную сторону искать Кись-Саныха, но сколько ни леталъ, сколько ни искалъ, конечно его найти не могъ. Съ немалой досадой прилетѣлъ онъ назадъ и пожралъ вторую треть скота Кись-Саныха. Ахъ, ты негодная! вздумала обманывать меня и скрывать мужа! Погоди, я найду его, а ужъ тебѣ, милая, непремѣнно возьму къ себѣ, ты знай это!—выкрикиваетъ ей съ поля воронъ. Со страхомъ опять выбѣгааетъ къ нему жена Кись-Саныха и снова говорить ему: Не прогнѣвайся, господинъ сизо-черный воронъ, какъ ты отлетѣлъ, то мужъ возвратился съ охоты, но потомъ опять ушелъ и теперь въ южную сторону. Услыхавъ это, воронъ снова полетѣлъ искать Кись-Саныха; леталъ, леталъ и снова возвратился ни съ чѣмъ назадъ; и послѣдняя часть скота стала жертвой его прожорливости. Позавтракавъ, воронъ снова улетѣлъ на поиски. Къ тому времени пробудился Кись-Саныхъ я, когда рассказала ему жена о случившемся, онъ страшно испугался и сказалъ: „Зачѣмъ ты не разбудила меня ранѣе? видно, пришло время принимать къ себѣ гостя незваннаго!“ Жена наскоро подготовила ему пищу на дорогу, увязала ее, и Кись-Саныхъ, попрощавшись съ женой, сѣлъ на коня и побѣжалъ на встрѣчу страшному ворону, по дорогѣ къ четыремъ горамъ. Вскорѣ страшный воронъ опять возвратился, и пуще прежняго горяли злобой его глаза, пуще прежняго сжимаетъ онъ свои желѣзные когти. Не нашедши хозяина дома, въ третій разъ пустился искать его. Въ это время жена Кись-Саныха была беременна и ходила на послѣднемъ мѣсяцѣ. Отдавъ мужу все, что имѣла, она осталась ни съ чѣмъ: ей нечего было поѣсть, скотъ былъ стѣденъ ворономъ или погибъ отъ бури; между тѣмъ голодъ мучилъ ее. Въ раздумѣ вышла она на дворъ и жалобно взмолилась роднымъ своимъ, отцу и матери: „ахъ, родные мои, дорогие, смилийтесь надо мной, бѣдною сиротою! Быть у меня мужъ, теперь навѣрное его не стало; былъ у настѣ, скотъ, и было и богатство, но все истребиль страшный воронъ! Я не знаю, что сдѣлалось теперь съ бѣднымъ мужемъ моимъ: его вѣроятно тоже загубилъ этотъ ужасный воронъ; и поѣсть-то мнѣ нечего; сама хожу беременная! Вспомните меня милые, вспомните—я ваша родная!“! Послѣ того, долго-ли, коротко-ли, но все таки кажется въ тогдѣ же день много было хлопотъ и возни въ средней странѣ, на третьемъ ли небѣ, или между седьмыми небомъ и землей; надъ жилищемъ Кись-Саныха скопилось много облаковъ, и вдругъ на полѣ появилось множество конного и рогатаго скота; засвѣтило по-прежнему солнце; снова поля зазеленѣли и зацвѣли, птички по прежнему стали распѣвать свои беззаботныя пѣсни. Жена Кись-Саныха разбогатѣла пуще прежняго; послѣ этого она въ скорости родила сына и назвала его Бардамъ-Саналахъ. Мальчикъ росъ не по диямъ, а по часамъ, и къ году сталъ уже сильнымъ и цвѣтущимъ юношей. Сынъ сталъ спрашивать мать, где его отецъ и кто онъ такой, какъ его зовутъ? Мать сначала не хотѣла рассказывать сыну исторіи отца, но потомъ, уступая его просыбамъ, повѣдала ему свое горе, сказала и то, какъ раззорилъ ихъ страшный воронъ и какъ родные благословили ее снова богатствомъ. Тогда сынъ выпросилъ у матери лучшую лошадь, осѣдалъ, побѣжалъ на ней, а потомъ сообщилъ матери, что онъѣдетъ искать отца. Сколько ни упрашивала его мать неѣдти, сколько ни плакала, ни умоляла, юный богатырь не отступилъ отъ своего намѣренія и побѣжалъ искать отца прямо къ четыремъ горамъ.

Подъезжая, онъ увидѣлъ, какъ около одной изъ горъ леталъ страшный воронъ, гоняясь за какимъ-то старикомъ. Бардамъ-Саналахъ догадался, что старикъ никто другой, какъ его отецъ, а воронъ—богатырь волшебникъ Хара-Чогой. Онъ спустился съ коня и закричалъ ворону: „Эй, ты, братецъ, молодецъ удалый! Какая тебѣ будетъ слава,

если ты одолѣешь этого усталаго старика? То-ли дѣло тебѣ со мной силой помѣряться, я противъ этого старика и поможе и посильнѣ! Такая дерзость взбѣсила ворона, и онъ рѣшилъ наказать молокососа. Хорошо, сказаль воронъ, вотъ я не много отдохну, а потомъ попробуемъ, такъ-ли ты силенъ, какъ сказываешь. Воронъ далъ себѣ раздыхъ. Между тѣмъ старикъ благодарилъ своего избавителя, не зная того, что это былъ его сынъ, и обѣщалъ ему въ награду половину всего своего имѣнія. Воронъ, отдохнувъ, началъ бой: въ воздухѣ поднялась пыль такимъ густымъ облакомъ, что неба не было видно, а отъ шума и грома по всей землѣ (якутской) гуль стоялъ. Долго дрались противники безъ перевѣса на чью либо сторону, наконецъ изнемогли и оба повалились па землю. Тогда Бардамъ-Саналахъ, отчаявшись въ побѣдѣ, обратился къ небу, запѣвъ: „Мой славный дѣдъ, что живешь въ средней странѣ, помоги мнѣ побѣдить ужаснаго злодѣя, брось съ неба въ пасть этого обжора копье твое и тѣмъ, ты избавишь меня отъ страшного позора, а можетъ быть и отъ смерти!“ Едва допѣлъ онъ, какъ раздвинулось небо и копье, блестя молнией, упало прямо въ пасть задыхающагося отъ злобы ворона, который вскорѣ же и издохъ. Бардамъ-Саналахъ сжегъ трупъ его, причемъ отъ огня ускользнула блескъ вороновыхъ глазъ, сверкинувъ въ сторону, словно молния. Сложивъ свое копье въ сумку (оно было складное), юный побѣдитель отправился домой. Отѣхавъ немного, онъ увидѣлъ юрту, которой раньше не видалъ, и очень тому удивился. Онъ подошелъ къ юртѣ, заглянувъ въ щель—въ ней никого не было, пусто. Отпустивъ лошадь на траву, Бардамъ-Саналахъ спрятался въ кусты и караулилъ, кто придетъ въ юрту. Полежалъ онъ часть, другой, какъ вдругъ изъ разщелины горы выбѣжала очень быстро огромная крыса, которая, добѣжавъ до избушки, обратилась въ старуху и вошла въ юрту. Снова подкрался къ окну Бардамъ-Саналахъ и видѣть, что старуха кого-то нянчить, пригѣвая: „ба, ба, ба, ба, что мигъ, то годъ, что мигъ, то годъ! Пять годовъ—пять вѣковъ!“ Сразу понялъ юноша, кого нянчила старая вѣльма, и обратившись въ нишаго, вошелъ въ юрту; старуха нянчила ребенка, а блескъ глазъ его сразу напомнилъ богатырю страшнаго ворона. Старуха узнала вошедшаго и сказала ему: Судьба послала тебя побить нашъ родъ! я сестра главнаго богатыря Хара-Чогой, котораго умертило копье твоего дѣда, но я дамъ тебѣ выкупъ за себя и за этого малютку; согласенъ ли ты на это?—Пожалуй, отвѣтилъ Бардамъ-Саналахъ, я не прочь, но какой выкупъ предложишь ты мнѣ?—„Такой выкупъ, отвѣтила старуха, какой тебѣ и во снѣ не снился, и, говорю напередъ, будешь имъ доволенъ. Вотъ тебѣ шелковый шарикъ: брось его передъ собой, и куда онъ покатится, туда и побѣжай, а время и обстоятельства укажутъ тебѣ, что надо тебѣ дѣлать. Знай: камень желѣзо сотрешь, а меня съ бою не возьмешь; смотри, не думай предлагать мнѣ условій, я ихъ не люблю; я сама властная госпожа и надо мнѣ ять никакого владыки.“ Бардамъ-Саналахъ взглянулъ въ сверкающіе глаза старухи и, молча взявъ изъ ея руки клубокъ, поклонился и вышелъ. Сѣвъ на коня, онъ бросилъ впередъ свой клубокъ и побѣжалъ за покатившимся шарикомъ. Тѣхъ онъ долго и наконецъ видѣть передъ собой палаты изъ чистаго серебра; шарикъ, докатившись, исчезъ въ дверяхъ этого дворца. Богатырь подошелъ къ сѣнямъ, огромный засовъ дверей самъ отодвинулся передъ нимъ, и дверь раскрылась настежь. Вошелъ онъ въ палаты и видѣть: на мягкихъ собольихъ шкуркахъ сидѣть старикъ и старуха, сѣдые какъ сиѣгъ. Лишь только вошелъ богатырь, какъ хозяева встали съ мѣстъ, поклонились ему и просили садиться: „Счастливаго прїзыва, мой дорогой зятекъ, суженый нашей дочери! давно мы тебя поджидали!“ Спустя нѣкоторое время, провели его въ особое помѣщеніе, усадили на соболье спдѣнѣ, угощали жирымъ конскимъ мясомъ, поили лучшимъ кумысомъ; затѣмъ подвели къ нему свою дочь и сказали: „Судьба назначила васъ одинъ для другого, живите счастливо и любовно!“ Дѣвица была чудомъ ума и красоты, и богатырь, увидавъ ее, полюбилъ сразу и тутъ же согласился жениться на ней. Начался пиръ, по обыкновенію: въ то время Якуты не знали вина и пили кумысъ съ масломъ, который приготовляли лучше, чѣмъ мы теперь. Послѣ совершившагося такимъ образомъ бракосочетанія тѣсть сказаль зятю: „Дорогой зять, я знаю, у тебя живы отецъ и мать, они не знаютъ, что ты живъ и здоровъ и даже женатъ; несомнѣнно они очень обрадуются, увидавъ тебя съ молодой женой; я отдалъ вами половину всего моего имѣнія, возьмите его и побѣжай!“

жайте благополучно обрадовать родителей твоихъ, которые думаютъ, что тебя погубилъ страшный воронъ, а вышло на оборотъ, недаромъ говорить пословица: отъ бѣды пожива бываетъ (алджархайтанъ аль тахсарь); сестра ворона указала тебѣ насть и твою жену^у. Съ красавицей женой и полученнымъ богатствомъ побѣжалъ насть богатырь въ отчій домъ. Старикъ-отецъ, завидѣвъ приближающихся гостей, вышелъ къ нимъ на встречу и не узналъ своего сына. Богатырь сказалъ ему: Я тотъ, кому ты обѣщалъ половину твоего имѣнія, когда я избавилъ тебя отъ когтей ворона. Тогда старикъ едва привель себѣ на память и наконецъ вспомнилъ, что дѣйствительно какои-то молодецъ спасъ его отъ неизбѣжной гибели. Хотя старикъ и слышалъ отъ жены, что у нихъ былъ сынъ, но такъ какъ времени съ тѣхъ поръ прошло много и сынъ не возвращался, то съ течениемъ времени и самая память объ этомъ обстоятельствѣ изгладилась изъ памяти и теперь едва онъ могъ припомнить, что дѣйствительно кто-то, когда-то спасъ его, но о томъ, что у него былъ сынъ, вспомнить не могъ. Старикъ позвалъ въ домъ гостей, а старуха, выйдя посмотреть, кто гости, узнала сына и на радостяхъ устроила пищу на славу, Долго пили жирный кумысъ и были вкусное и сочное конское мясо. Съ тѣхъ поръ молодые и старики зажили спокойно и счастливо.

Эрйдахъ Бурыйдахъ Эрь Соготохъ.

Съ седьмого неба былъ сотворенъ Якуть, который жилъ на землѣ; у него была огромная юрта; за обѣдомъ и ужиномъ онъ ъѣлъ по три кобылы, которыхъ варили въ громадномъ котлѣ; онъ былъ необыкновенного роста и силы—его звали Эрйдахъ Бурыйдахъ Эрь Соготохъ. Оружіе его были: лукъ, сдѣланный кузнецами, живущими за девятью морями, (эти кузнецы звались чёмчёрюкынъ кырбытанъ и работали его девять сутокъ); стрѣла этого лука имѣла свойство убивать все, что было впереди на разстояніи семи очлеговъ; 90-пудовая булава или кистень и огромный мечъ (батасъ), самой красивой работы, съ искусно отполированнымъ клинкомъ, довершали вооруженіе. Эрь Соготохъ былъ увѣренъ, что если бы 38 родовъ чертей, живущихъ въ адѣ, вздумали бороться съ нимъ, то онъ всѣхъ ихъ раскрошилъ бы, какъ мухъ. Однаково мощнымъ считалъ онъ себя и противъ 28 родовъ небожителей. Жиль Эрь Соготохъ одинъ, никого изъ людей не видаль; богатство его было громадно и состояло изъ скота и пушныхъ звѣрей. Однажды, вставъ утромъ, онъ одѣлся, умылся, сѣлъ на своего вороного коня и побѣжалъ осматривать свой скотъ. Бхавши, увидаль онъ—впереди себя саврасаго коня огромнаго роста, дыханіе которого обхватывало пламенемъ все, что было передъ нимъ; на конѣ, сидѣль осьмигранній желѣзный чортъ; голова его была величиной равна десяти стогамъ сѣна сложеннымъ вмѣстѣ; носъ былъ желѣзный въ 3½ сажени длины; когти на рукахъ были тоже желѣзные и были по три четверти длины каждый. Одѣть былъ великакъ этотъ весь въ желѣзо, почему можно было принять его за желѣзного человѣка. Увидавъ такого странного великана, Эрь Соготохъ и радъ былъ встрѣтить себѣ соперника, и вмѣстѣ съ тѣмъ злое чувство поднялось въ его сердцѣ; онъ поскакалъ къ нему и, поровнявшись, запѣлъ: „Хотя ты восьмигранній чортъ, но слушай, что скажеть тебѣ мое серебряное горло: откуда ты, какъ зовутъ тебя, кто твои предки и зачѣмъ ты заѣхалъ сюда? Какъ только Якуть Эрь Соготохъ выговорилъ это, желѣзный великакъ сошелъ съ своего коня, имѣя въ рукахъ мечъ, и, довольно близко подойдя къ Соготоху, запѣлъ: До моей родины можно доѣхать въ три вѣка, а путь лежитъ на край свѣта, черезъ девять морей, за огненнымъ моремъ. Отецъ мой—духъ огненнаго моря—Уть-осафъ-тоѣнъ, а меня зовутъ Тимирь Уорант-Бухатыръ. Я пріѣхалъ къ тебѣ поиз пробовать твою силу, убить тебя и думаю, что я тебѣ равный другъ (т. е. такой же богатырь, съ которымъ тебѣ не стыдно сразиться). Эрь Соготохъ выхватилъ свой мечъ, ударить имъ дьявола по головѣ и сказалъ—„На, вѣть, другъ, посмотри мою силу и ловкость“. Началась драка, продолжавшаяся девять сутокъ, и никто изъ нихъ не могъ считать себя

побѣдителемъ. Тогда дьяволъ сѣлъ на своего коня и сказалъ Якуту: „Ну, попробуй догнать меня, неужели ты не рѣшился гнаться за мной? Якутъ погнался за нимъ, не зная, кудаѣдетъ; наконецъ разглядѣль, чтоѣдетъ уже за предѣлами своей родины, гдѣ девять небосклоновъ сходятся съ землей, а съ западной стороны протекало огненное море. Доѣхавъ до этого моря, дьяволъ остановилъ своего коня и сказалъ Якуту: „ты теперь очень далеко отъ своего дома; если воротишься домой, то я всѣмъ буду рассказывать про твою трусость, расскажу всему небесному улусу, передамъ на смѣхъ всему потомству. Ну, теперь смотри, какъ я пойду“. Сказавъ это, дьяволъ бросился въ огненное море, а Якутъ, не отставая, полетѣлъ за нимъ. Три дня плылъ онъ по огненному морю, не было ни конца, ни краю его; пламя обхватывало всю его одежду и коня, такъ что на немъ стогрѣла вся одежда, а на конѣ вся шерсть. Наконецъ волной выбросило его на берегъ едва живаго, такъ что онъ не могъ ни встать, ни сидѣть. Тогда онъ обратился къ небу и стала звать на помощь духа Сотворителя. На небѣ появилось бѣлое облако, гранину гроинъ, послѣ чего показалась сидящая на облакѣ шаманка, которая, спускаясь надъ нимъ, запѣла: „Сотворившій тебя отецъ услышаль просьбу твою; ты сотворенъ былъ въ давнопрошедшія времена на небѣ Аи-Тоѣн'омъ, сотворившимъ и всѣмъ насть. Я—шаманка, воскрешаю умершихъ, исцѣляю больныхъ; меня зовутъ Аиъ Тюсюлью Удаганъ. Отецъ твой послаетъ тебѣ свое благословеніе на побѣду враговъ и на смерть Тимиры Уорана. Вѣсть о твоемъ спасеніи сообщаю тебѣ!“ и съ этими словами полетѣла обратно на небо.

Соготохъ немедленно почувствовалъ себя здоровымъ, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ за Тимиры Уораномъ на западъ; доѣхавъ до конца земли, гдѣ начинается дорога въ адъ, онъ, по причинѣ всегдашихъ сумерекъ въ той сторонѣ, не могъ ничего разсмотреть. Люди тамъ были одногогие, съ одной рукой на груди и однимъ глазомъ во лбу. Доѣхавъ до этого мѣста, Тимиры Уоранъ скрылся изъ глазъ Соготоха, а люди его въ несмѣтномъ количествѣ напали на Соготоха и били его семь сутокъ, и Соготохъ защищался противъ нихъ своей саблей; освободившись отъ нихъ, онъ продолжалъ свой путь на западъ и доѣхавъ до каменного дома, оборотился громаднымъ быкомъ, длиной въ 70 сажень, съ рогами въ 30 сажень и легъ у порога этого дома. На девятомъ мѣсяцѣ этого лежанья вышла изъ дома старуха Тимиры Бягійданъ, съ семью горбами на спинѣ, съ однимъ глазомъ на лбу, съ саженнымъ желѣзнымъ носомъ, съ одной рукой на груди, снабженной аршинными желѣзными когтями. Старуха, увидавши быка, стала скакать вокругъ него и запѣла: „Ты скажи, бычекъ, откуда ты пришелъ; если бы съ неба спустился, быль бы на тебѣ сиѣгъ; если бы ты вышелъ изъ земли, быль бы ты въ пыли. Я спала 9 мѣсяцевъ, и на счастіе моего желудка боясь носилъ мнѣ тебя, и теперь мнѣ голодной будеть чѣмъ позавтракатъ“. Какъ только старуха кончила эти слова, быкъ подхватилъ ее на рога, и началась драка: старуха защищалась носомъ и когтями. Дрались они 9 мѣсяцевъ, у быка не стало ни роговъ, ни шкуръ и побѣда клонилась уже на сторону старухи, но быкъ сбросилъ съ себя остатки своей шкуры и стала опять тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, Соготохъ, и, остановившись передъ старухой, запѣлъ: „Дочь ада, слушай, что скажу тебѣ: меня зовутъ Эрайдахъ Буридахъ Эрь Соготохъ. Я ишу богатыря Тимиры Уорана, которого, я знаю, ты спрятала, и, если ты мнѣ не выдашь его, то я тебя убью“. На это Тимиры Бягійданъ вскричала такъ громко, что треснули горы: „Я теперь поняла, зачѣмъ ты лежаешь у моего порога девять мѣсяцевъ; я знаю, гдѣ Тимиры Уоранъ, но пока будуть цѣлы мои кости, я не выдать тебѣ его“. Снова началась жестокая борьба, и побѣда уже склонилась на сторону Якута, какъ старуха остановила его: „Дай мнѣ немного отдохнуть, и тебѣ скажу всю правду. Тимиры Уоранъ проѣхалъздѣсь три года тому назадъ; его домъ отсюда на югъ, за девятью морями, на конѣ земли тамъ, гдѣ живутъ Якуты, но не тѣ, которыхъ ты знаешь; тамъ живутъ Хонгорунъ Хотой Бюргю Тоенъ и его жена Кюнь Тюсюлью Хотунъ; у нихъ дочь—шаманка Сырдыкъ Сыралыма; она пожелала выйти за тебя за мужъ и потому послала за тобой Тимиры Уорана, чтобы или заманить тебя къ ней, или привезти насильно“. Когда она кончила эти слова, онъ бросилъ ей свою шкуру, и она обратилась въ 70-ти саженныхъ быка. Эрь Соготохъ сѣлъ

на него верхомъ и поѣхалъ на югъ, На девятый день доѣхали они до страны, гдѣ жилъ Хонгорунъ Хотой; Соготохъ спустился съ быка, который, проглотивъ сразу 270 коровъ, отправился назадъ. Затѣмъ Соготохъ направился къ дубу, стоявшему на громадионъ бугрѣ, отрубилъ 9 главныхъ суковъ, разложилъ 9 костровъ, поймалъ 9 кобылицъ, которыхъ изжарилъ на 9-ти рожнахъ и сѣвъ всѣхъ разомъ. Когда вѣсть обѣ этомъ дошла до Хонгоруна Хотоя, то послѣдній сказалъ: „Я думалъ, что Эрь Соготохъ— Якутъ, а онъ дьяволъ, и пріѣхалъ раззорить меня. Девять дѣвъ и девять юношъ, приготовляйтесь, садитесь всѣ на бѣлыхъ лошадей, отправляйтесь къ нему и просите его ко мнѣ“. Они пріѣхали къ Соготоху и такъ обратились къ нему: „Господинъ нашъ, мы пріѣхали просить тебя пріѣхать къ нашему отцу и матери, которые этого желаютъ“. Услыхавъ это, Эрь Соготохъ сильно закричалъ на нихъ и, схвативъ свою саблю, гнали ихъ 7 верстъ, а возвратившись на адъ, онъ опять изжарилъ 9 кобыль и, сѣвъ ихъ, легъ спать. Посланные, возвратясь къ Хонгоруну Хотою, рассказали про все, что они видѣли и испытали и высказали при этомъ свое мнѣніе, что Эрь Соготохъ не человѣкъ, а дьяволъ. Хонгорунъ Хотой имѣлъ двухъ сыновей-богатырей: первого звали Хороджай-Бяргянъ, а второго—Хомусъ Уланъ Аттахъ Хомустаи Бяргянъ. Они, услыхавъ про поступокъ Соготоха, стали снаряжаться къ бою изготовленвшимъ, побѣхали къ Соготоху. Старший запѣлъ: „Я ожидалъ видѣть въ тебѣ хорошаго человѣка, а ты пріѣхалъ на мѣсто раззорить; я тебѣ равный, и мы помѣряемся силой“. Началась драка и продолжалась девять сутокъ, безъ перевѣса на чьей либо сторонѣ. Тогда дочь Хонгорунъ Хотоя—шаманка Сырдыкъ Сыралыма сѣла на облако и стала умолять прекратить драку: „Эрь Соготохъ, послушай словъ любящей тебя: оставь драку! того же желаютъ и родители мои“. Услышавъ это, драшившіеся остановились и тутъ же помирились. Эрь Соготохъ женился на Сырдыкъ Сыралымѣ. Раньше на ней хотѣль жениться дьявольскій богатырь Ань-Аджырга, который, взявъ съ собой 800 отборныхъ богатырей и пріѣхавъ къ Хонгорунъ-Хотою, велѣлъ сказать ему: „Я думалъ жениться на твоей дочери, а ты отдалъ ее Эрь Соготоху. Соготохъ долженъ со мной драться, и побѣда рѣшишь, кому изъ на мѣсто должна принадлежать Сырдыкъ Сыралымѣ“. Эрь Соготохъ и два брата его жены, собравъ сколь возможно было больше воиновъ, направились на своего новаго врага, который истребилъ весь скотъ Хонгоруна Хотоя и сжегъ его лѣса. 9 сутокъ дрались Якуты и наконецъ перебили всю дьявольскую силу, а самого Ань Аджыргу, взявши въ плѣнъ, привязали къ 9-ти лѣснамъ, но ни какъ не могли убить его. Тогда жена Эрь Соготоха сказала: „Не можетъ быть, чтобы онъ былъ весь желѣзный, когда хотѣль жениться на Якутѣ: противъ сердца должно быть открытое мѣсто“. Дѣйствительно, противъ сердца обнаружено проницаемое мѣсто, и Ань Аджырга былъ убитъ. Спустя некоторое время Эрь Соготохъ съ женой поѣхалъ домой, (пути его было три года), и пріѣхавъ, зажилъ спокойно и зажиточно. Отъ него произошли тенерешніе Якуты.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и бібліографія.

ОБЗОРЪ ТРУДОВЪ ПО ЛИТОВСКОЙ ЭТНОГРАФІИ ЗА 1879—1889 г.

(Окончаніе).

Одинъ изъ основателей Тильзитскаго Общества, занявшій послѣ смерти Нессельмана кафедру сравнительнаго языкознанія въ Кёнигсбергскомъ университѣтѣ, г. А. Бецценбергеръ совершилъ въ 1879, 1880 и 1881 годахъ съ этнографически-лингвистической цѣлью поездки по Литвѣ. Результатомъ ихъ были его извѣстныя „Литовскія разысканія. Материалы по изученію языка и народности Литовцевъ“ ¹⁾). Въ этой книжѣ помѣщены: 1) дополненія къ литовскому словарю Ф. Нессельмана, собранныя не въ одной Прусской Литвѣ, а также и Поневѣжскомъ уѣздѣ у Литовцевъ кальвинистовъ въ Попельскомъ и Бирзенскомъ приходахъ, при этомъ авторъ не мало сдѣлалъ для словаря жемайтскаго говора Тельшевскаго уѣзда, Ковенской губ., и Мемельского округа въ Пруссіи. 2) Пѣсни (дайны) съ напѣвами (см. иное приложение); 3) сказки и были; 4) загадки; 5) поговорки, заливики и ругательства; 6) сувѣрныя и вообще народныя воззрѣнія и обряды. При изслѣдованіи литовскаго народнаго пѣснотворчества Бецценбергеромъ всегда указываются параллели изъ латышской поэзіи (срв. напр. X, XI и 16, 28) ²⁾.

Изученію народныхъ говоровъ Прусской Литвы посвящены его діалектологические этюды „Zur Dialektforschung“, обнародованные въ „Beitrage zur Kunde der indogermanischen Sprachen“, томъ VIII, стр. 98—142 и IX, стр. 253—293. Относительно географіи діалектологическихъ особенностей нынѣшней рѣчи Прусской Литвы Бецценбергеръ приходитъ къ тому результату, что говоры ея различать слѣдуетъ по четыремъ областямъ, приблизительно соответствующимъ историческимъ провинціямъ Судавіи, Надравіи, Шалавіи и Цеклісъ (вмѣстѣ съ Ламатой) въ началѣ 13 вѣка ³⁾.

Въ подробномъ критическомъ разборѣ извѣстнаго литовско-немецкаго словаря Куршата (+23 авг. 1884 г., родился 24 апреля 1806 г.) въ Göttinger Gelehrte Anzeigen за 1883 годъ, стр. 905—948, Бецценбергеръ касался и говоровъ Русской Литвы и пришелъ къ тому выводу, что историческое изслѣдование этого языка должно преимущественно заключаться въ наблюденіи современныхъ его говоровъ и выдѣленіи признаковъ сравнительно наиболѣе древнихъ ⁴⁾). Жемайтскому говору Тельшевскаго уѣзда,

¹⁾ T. e. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volksstumes der Litauer. Göttingen. 1882. Срв. мой отчетъ о Прусскихъ Литовцахъ I. с. стр. 2 и слѣд.

²⁾ Срв. мой отчетъ о поездкѣ къ Прусскимъ Литовцамъ стр. 1—2 и примѣчаніе 1-ое таmъ же.

³⁾ См. подробнѣе Литовскій катехизисъ Н. Даукши, Зап. Имп. Академіи Наукъ, Томъ 53, кн. 2. СПб. 1886, стр. LIX и слѣд.

⁴⁾ См. I. с. LVI и слѣд.

волостей Шунгянской и Кульской посвящена небольшая любопытная статья о жмудскихъ носовыхъ въ вин. падежѣ единственного и род. пад. множ. числа въ *Beiträge zur Kunde der indogerm. Spr.* за 1886, р. 307—314 подъ заглавиемъ „*Zur žemaitischen grammatic*“.

Въ томъ же 1886 году А. Бецценбергеръ издалъ свой опытъ изслѣдованія типовъ литовского крестьянского дома: „*Über das litauische haus*“ ¹⁾). Этюдъ этотъ вызванъ рядомъ изслѣдований о нѣмецкихъ крестьянскихъ постройкахъ О. Лазія ²⁾ и Р. Геннинга ³⁾, Мейзена ⁴⁾ о черемисскихъ, мордовскихъ, эстскихъ и финскихъ домахъ, Гейкеля ⁵⁾, и друг.

Въ 1887 году вышло отдельное изслѣдованіе о языкахъ прусскихъ Латышей на Курляндскомъ Нерунгѣ, напечатанное первоначально въ *Магазинѣ Латышского-Литературного Общества*, томъ 18, стр. 1—170 ³⁾). Историко-этнографическое и географическое описание жителей Курляндского Нерунга, составленное при участіи другихъ Кенигсбергскихъ ученыхъ тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ балтийскихъ языковъ и исторической судьбы народовъ балтийского прибрежья, издано было въ 1889 году въ 3-мъ томѣ „*Forschungen zur deutchen Landes- und Volkskunde*“ ³⁾ подъ заглавиемъ: „*Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner*“ ³⁾). Этотъ очеркъ Бецценбергера заключаетъ въ себѣ 7 отдельзовъ. Послѣ краткаго введенія о географическомъ положеніи изучаемаго Нерунга, въ первой главѣ, на стр. 7—20, описываются особенности почвы, климатъ и вообще геологический характеръ этого угла; во 2-ой приводятся историческая примѣчанія о корскомъ Нерунгѣ вообще и каждой мѣстности Саркова, Латевальде, Куунценъ, Роситенъ, Пріеденъ, Пилкопенъ, Ниденъ, Каравайтенъ, Негельть, (по латышски Агила, по литовски Агилсъ), Шварцортъ и Зандкругѣ въ отдельности. Въ третьей главѣ стр. 67—72 помѣщено описание дюнъ и попытка къ укрѣпленію песчаной почвы на нихъ и насажденію ихъ лѣсомъ. Глава 4-я (стр. 83—92) заключаетъ въ себѣ вѣсти объ археологическихъ находкахъ различныхъ периодовъ на этомъ пространствѣ, заимствованная изъ извѣстныхъ сочиненій Тишлера, Клебса и вообще записокъ физико-экономического общества въ Кенигсбергѣ. Въ пятой главѣ (стр. 93—119) изложена история языка жителей курляндского Нерунга въ 18, 17 и 16 столѣтияхъ. Въ 6-ой главѣ, на стр. 119—131, Бецценбергеръ сообщаетъ краткую характеристику этихъ Курловъ (курляндцевъ) въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, описываетъ ихъ одежду, обычай, повѣрья, домашній бытъ и занятія (рыболовство и янтарную промышленность) у Латышей Курляндского Нерунга. Особенно поражаетъ бѣдность народнаго творчества: Бецценбергеру пришлось у нихъ услышать только три народныхъ пѣсни; изъ нихъ одна заимствована отъ Литовцевъ; онѣ вообще мало поются. О сказкахъ не можетъ быть и рѣчи (срв. стр. 282). Литовцы восточной части Нерунга на противъ того богаты пѣснями и сказками, Латыши же въ западной части бѣдны ими, какъ бѣдна ихъ природа. Характеръ мѣстности, трудность работъ и простота жизни отражается и на ихъ языкахъ. Въ Прейлѣ слабо развиты понятія о золотѣ и серебрѣ, въ Сарковѣ картины называются мутными зеркалами (*stulbi speegel'blinde Spiegel*), сосна (по латышски *preede*) означаетъ часто дерево вообще (л. с. стр. 283). Въ прибавленіи къ этой книгѣ (стр. 132—140) помѣщены списокъ населенныхъ мѣстъ Курляндского Нерунга въ алфавитномъ порядкѣ и съ краткими этимологическими объясненіями. Вся книга представляеть такимъ образомъ крайне грустную исторію оскудѣнія и

¹⁾ Отдельный оттискъ изъ *Altpreuussische Monatschrift Bd. XXIII Heft 1/2*, 8, 79 стр. съ 21 рисунками. Дополненіе печатано тамъ же въ 1/2 выпускѣ стр. 629—633.

²⁾ Das frischesche Bauernhaus in seiner Entwicklung w hrend der letzten vier Jahrhunderte. LXI Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen V lker. №

³⁾ Die Deutschen Haustypen. Тамъ-же, № LVII и того-же Геннинга «Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung» № XLVIII.

⁴⁾ S. Meitzen. Das deutsche Haus in seinen volksth mlichen Formen. Berlin. 1882.

⁵⁾ Axel O. Heikel Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen (Отд. оттискъ изъ «Journal de la soci t  finno-ougrienne IV. Helsingiss ». 1888, 8°).

объединения курляндцевъ на прусскомъ Нерунгѣ, съ 16 вѣка до нашихъ дней, когда они или онѣмечиваются или литовятся.

Въ 1888 году Л. Бецценбергеръ въ докладѣ, читанномъ 11 октября въ засѣданіи Тильзитскаго Литературнаго Общества, распространился обь этнографическомъ составѣ народонаселенія восточной Пруссіи и соѣдѣній странъ (см. *Mitteilungen*, Heft 14 (III, 2) стр. 187—192).

Въ октябрѣ 1889 года А. Бецценбергеръ выѣхалъ съ В. Нерингомъ въ Вроцлавъ издали замѣтку „Древній памятникъ литовскаго языка“ (*Ein altes Denkmal der litauischen Sprache*), гдѣ описанъ щелковый поясъ съ литовскою надписью (будто-бы) 1512 года.

Въ томъ же году въ Пилкallenѣ вышла статья того же автора „Этнографическія замѣтки о Пилкallenскомъ уѣздѣ“ (*Ethnographisches aus dem Kreise Pilkallen*). Бецценбергеръ высказываетъ здесь новое мнѣніе о Ятвягахъ (Ядвигахъ), образовавшееся у него при изученіи прусско-литовскихъ говоровъ. Ятвяжскій языкъ, по его мнѣнію, не вымеръ, а продолжаетъ свое существованіе въ языкѣ прусско-литовской письменности. [Русская литература о Ятвягахъ обогатилась также новымъ трудомъ о нихъ и новой теоріею о несуществованіи вещественныхъ слѣдовъ ятвяжского народонаселенія (см. стр. 32—33) въ Гродненской губерніи, особенно въ той части, которая примыкаетъ къ Надбужскому Дрогичину и Дрогичинской землѣ, въ статьѣ Н. П. Авенариуса „Дрогичинъ Надбужский и его древности“. Материалы по археологии Россіи издав. Ипп. Археол. Комиссіею № 4, Древности Сѣверо-Западнаго края, Томъ I, вып. 1, С.-Пет. 1890, стр. 1—42].

Въ органѣ литовско-литературнаго Общества Бецценбергеръ, въ указанное десятилѣtie, помѣстилъ только нѣсколько маленькихъ статей:

- 1) Къ литовской библіографіи (Томъ 1, 1879, стр. 27—40).
- 2) Этимологическая мелочь (*Etymologische Miscellen*, 1879, 40—45).
- 3) Народная этимологія и приставка гласного въ Литовскомъ языкѣ „Volks-etymologie und Vokalvorschlag im Litauischen“ (1879, 46—48).
- 4) Приглашенія къ свадьбѣ „Hochzeitsbittersprüche“ (II, стр. 121—124), гдѣ Бецценбергеръ сообщаетъ материалы, доставленные ему гг. Мачуль-Мулиненомъ и учительемъ Марольдомъ.

5) Къ исторіи литовской литературы „Zur litauischen Literaturgeschichte“. (Томъ III, стр. 121—129). Статья эта посвящена прусско-литовскому писателю Бреткуну, известному переводчику библіи на литовскій языкъ.

Такимъ образомъ Тильзитское Литературное Общество пока не было въ состояніи помѣстить на страницахъ своего повременного изданія что инбудь выдающееся кроме короткихъ замѣтокъ выше приведенныхъ лицъ и не мало важныхъ статей А. Бецценбергера. Несомнѣнную заслугу приобрѣлъ себѣ членъ общества Х. Бартшъ (+ въ началѣ 1890 г.) изданіемъ сборника народныхъ напѣвовъ Литовцевъ, о которомъ мы выше говорили. Вып. I, Отд. 3, стр. 42.

Нѣмецкая литература по литовскому вообще не сосредоточилась въ Тильзите и въ названномъ обществѣ, а продолжаетъ развиваться по прежнему въ разныx другихъ специальныхъ органахъ или въ отдѣльныхъ книгахъ.

Число членовъ Общества слишкомъ медленно увеличивается и по отчету предсѣдательствующаго отъ 11 октября 1888 года оно имѣло только 213 человѣкъ. Средства общества и пособія прусского правительства не въ силахъ вывести Общество изъ провинциальнаго границъ и придать ему болѣе широкое значеніе среди образованныхъ русскихъ Литовцевъ въ Ковнѣ и Вильнѣ, и ополяченныхъ ихъ собратьевъ въ Варшавѣ и Краковѣ. Но нѣть сомнѣнія, что общество пользовалось нѣкоторыми выдающимися трудами природныхъ Литовцевъ какъ напр. Басановича и Ив. Шлюнаса въ своихъ сообщеніяхъ.

Большинство членовъ Тильзитскаго литературнаго общества высказалось свою любовь къ литовскимъ занятіямъ весьма платонически и участвовать въ дѣятельности его пассивно, единственно аккуратными внесеніемъ ежегодныхъ взносовъ. Природныхъ Ли-

товцевъ отталкивалъ оть общества господствующій въ иѣкоторыхъ его дѣятеляхъ взглядъ на литовское племя, какъ на вымирающее.

Занятія природныхъ Литовцевъ по изученію роднаго края, по этнографіи и археологіи Литвы ограничивались въ Пруссіи и Сѣверной Америкѣ очень немногими и небольшими статейками гг. Басановича ¹⁾, Рожа Шлюпаса ²⁾ и, наконецъ, Довоини-Спльвестровича ³⁾. Успѣшности этихъ занятій мѣшиали политическія увлечения и журнальная дѣятельность. Лучшими результатами увѣличились старанія Литовцевъ въ Россіи, особенно братьевъ Юшкевичей по изданію памятниковъ народной словесности и Литовского словаря.

Въ Германіи литовскій языкъ со временемъ Боща сдѣлался излюбленнымъ предметомъ для сравнительной лингвистики. Литовскому языку посвящали свои ученые труды А. Лескинъ ⁴⁾ въ Лейпцигѣ, К. Бругманъ ⁵⁾ въ Лейпцигѣ (а потомъ въ Фрайбургѣ) и И. Шнайдтъ ⁶⁾ въ Берлинѣ.

Въ 1882 году А. Лескинъ и К. Бругманъ вмѣстѣ издали сборникъ литовскихъ пѣсень и сказокъ подъ заглавиемъ: „Lithauische Volkslieder und Mrchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen“ Strassburg. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣлений: I) Литовскихъ пѣсень, изъ окрестностей Вилкишкѣ, въ Прусской Литвѣ, собранныхъ А. Лескиномъ; II) Литовскихъ пѣсень, сказокъ, оракѣй (рѣчей, пропизносимыхъ на свадьбахъ) изъ окрестности Годлевы (въ 10 верстахъ отъ г. Коны). собранныхъ и изданныхъ вмѣстѣ съ материалами по грамматикѣ и словарю Годлевскаго говора К. Бругманомъ; III) Литовскихъ сказокъ, переведенныхъ К. Бругманомъ съ литовскаго на иѣменскій языкъ, съ примѣчаніями (сравнительно-литературными) В. Вольнера.

Въ 1883 году, въ Гейдельбергѣ, книга Э. Фекенштедта „Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer) gesammelt und herausgegeben von Edm. Veckenstedt.“ Богатство сообщенныхъ имъ свѣдѣній по мифологии не основано, къ сожалѣнію, на надежныхъ и точныхъ данныхъ; этимъ сборникомъ можно пользоваться только съ крайней осторожностью (ср. мою статью объ изученіи Литовской мифологии, приложеніе къ XXIV тому. Изв. И. Р. Г. О. стр. 3).

Кромѣ того г. Фекенштедтъ помѣстилъ еще иѣсколько литовскихъ сказокъ во французскомъ сочиненіи „La Musique et la Danse dans les traditions“. Paris 1889, на стр. 12—34 и въ брошюре: „Pumphut, ein Kulturdmon der Deutschen, Wende Litauer und Zamaiten. Mit Originalsagen der Litauer und Zamaiten“. Leipzig. 1885. 8°.

Въ послѣднее десятилѣтіе Поляки, по почину и примеру г. Я. Карловича, стали также интересоваться живой литовской стариной. Въ 1879 году знаменитый польскій

¹⁾ Справ. напр. а) Žirgas ir vaikas Uistoriškai-arkelogiškas ištýrinejimai. Tilžeje. 1885.
в) Žiponas bei žipone. Tilžeje. 1885. с) Apie senoves Lietuvos pilis въ Ausztra за 1883 г., № 1, за 1884 стр. 37—52: здесь перечислены известные замковица и соки, называемыя по литовски pilkalinis (см. ниже статью М. Довгира объ этомъ-же предметѣ въ журнале «Висла» и друг. мелкихъ замѣткахъ въ газетѣ «Аушра» и другихъ литовскихъ газетахъ).

²⁾ Письма Ивана Шлюпаса о жизни переселенцевъ въ Америкѣ въ Аушрѣ и друг. газетахъ, особенно Lietuviszkasis Balsas, газетѣ издаваемой имъ-же въ Нью-йоркѣ и Шенандоа.

³⁾ Рожомъ Шлюпасомъ собраны сбѣдѣнія о пилкальняхъ (срв. Lietuviszkasis Balsas 1887 года, № 26, 1888 г., № 8—10), о народной музыке (см. Изѣстія И. Р. Г. О. 1888 года Томъ XXIV стр. 494) и объ антропологии литовскаго племени. (Изв. XXIII стр. 767).

⁴⁾ Patarl s ir dainos surasze n g  moniu Meczius Davainis Silvestraitis. Tilžeje. 1889. 12°. 30 стр.

⁵⁾ Ср. особенно его изысканіе «Der Ablaut der Wurzelsilben» въ IX томѣ, № 4. Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Knigl. Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig. 1884. 8°. (См. о прокажихъ сго трудахъ Кат. Даукши, стр. VI и VII, примѣч. 3).

⁶⁾ См. его Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. 1887—1890.

⁷⁾ Напр. въ его сочиненіи: Die Pluralbildung der indogermanischen Neutra. Weimar 1889. 8°.

этнографъ О. Кольбергъ¹⁾ († 23 мая 1890 г.) издалъ въ III томѣ изданія Krakowskoi akademii naukъ „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany starganiem komisji antropologicznej Akademii umiejetnosci w Krakowie“. 1879, отдѣль 3 на стр. 167—230 небольшой сборникъ литовскихъ пѣсень (всего 76) съ напѣвами, записанными въ Сувалкской губерніи. Въ введеніи на стр. 167—187 помѣщены библиографический обзоръ прежнихъ трудовъ о литовской пѣснѣ на польскомъ и немецкомъ языкахъ и представлена характеристика мотивовъ и символовъ литовской народной поэзіи въ сравненіи съ польскими и друг.

Въ 1887 году въ XI томѣ того же изданія обнародованы были Яномъ Карловичемъ: *Podania i bajki ludowe zebraane na Litwie*, всего 124 стр. Въ этомъ сборнике помѣщены, въ польскомъ переводе, белорусская и литовская сказания и легенды; литовскихъ и жмудскихъ не мало, напр. № 46 „Dwaj bracia i siekiera, № 47 „O gryzie zaklątym“ и № 48 „Dla czego liście osiny drzą zawsze“ (сказка эта известна мнѣ изъ рукописного сборника литовскихъ легендъ, Россенского уѣзда, г. Довиньи Сальвестровича), № 49 „o trzech febrach“ и вообще № 50—64 на стр. 66—88. Въ Россенскомъ уѣздѣ записаны № 64—71 на стр. 88—100, № 71—73 въ Шавельскомъ уѣздѣ Ков. губ. Остальные сказки и преданія записаны въ Свенцянскомъ, Лидскомъ, Виленскомъ уѣздахъ Вил. губ. и въ Новогрудскомъ у. Минской губерніи. Пользоваться этимъ сборникомъ довольно неудобно, такъ какъ неѣть подробного указателя наименъ, рѣдкихъ словъ и характеристичныхъ оборотовъ, помѣщенныхъ въ примѣчаніяхъ въ литовскомъ или белорусскомъ оригиналѣ. Вообще говоря сборникъ Карловича составляетъ не маловажный материалъ для изученія литовско-белорусскихъ сказочныхъ мотивовъ и даетъ возможность проверять г. Фекенштедта. Въ польскомъ этнографическомъ журнале „Висла“ вышли слѣдующія статьи по литовской этнографіи:

О. Кибортъ. *Probki piosenek litewskich*. Томъ I, стр. 78, 112, 157, 190, 233, 271, 312 и 345—366.

Z. Gloger. *Podróz Niemnem*, Томъ II, стр. отд. оттискъ in 8°, 112 стр.

Biruta. *Dołyki na Litwie*. Томъ III, стр. 92—94. *Dwa podania (sosny w Lidzie; o kościele sw. Anny w Wilnie)* Томъ III стр. 645—646.

T. Dowgird. *Piękalnie (O dwóch mogiłach książęcych z czasów przedhistorycznych na Żmudzi)* ibid. стр. 380—389.

W. W(ejtko). *O piękaliach*, ibid. стр. 894—899, свѣдѣнія эти собраны по Трокскому у. Вил. губ. и по Кальварійскому у. Сувалкск. губ.

Biruta. *Podania o górze piłokalskiej*: ib. стр. 899 и 900.

M. Dowoyna-Sylwestrowicz, *Teksty szlachty żmudzkiej*, Томъ II, стр. 154—165 и 312—324.

Dwie pieśni litewskie o Chodkewiczu, Томъ II, стр. 780—783.

Дѣло изученія Литвы въ Россіи было малоуспѣшно до значительной степени оттого, что на мяѣтѣ литовщина осталась недоступною и раскрывается Русскимъ такъ-же медленно, какъ и польскому пану, который (говоря словами Котляревскаго I. с., стр. 367) желая изучить родную Литву не счелъ нужнымъ запастись знаніемъ народнаго языка и проникнуть въ тайники народнаго быта, а продолжалъ лишь переборку стараго материала.

Еще въ 1884 году одинъ изъ мяѣтныхъ дѣятелей (Шолковичъ) по спорному вопросу объ этнографической границѣ между белорусскимъ и литовскимъ племенами, упрекнулъ Географическое Общество за то, что оно будто-бы (!) мало обращаетъ вниманія на близкій западъ (см. библиографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи „Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора“ Бѣлорусса. Вильна. 8°, стр. 68).

Литовщина напротивъ того успѣшно раскрылась въ нашихъ университетахъ, благодаря изслѣдованіямъ профессоровъ покойнаго Микуцкаго въ Варшавѣ, Бодуэнъ-де-Куртенэ въ

¹⁾ Ср. его биографію, составленную Н. А. Янчукомъ по поводу 50-лѣтія его дѣятельности. Москва, 1889. Отд. оттискъ изъ II книжки Этнографического Обозрѣнія 8° 11 и страницъ краткую мяѣсть о его смерти тамъ же въ 5 кн., стр. 174.

Казани, А. А. Потебни въ Харьковѣ, Фортунатова въ Москвѣ и другихъ въ Дерптѣ и С.-Петербургѣ.

Проф. А. А. Потебня въ извѣстныхъ трудахъ по сравнительному синтаксису и по фонетикѣ славянскихъ и русскихъ нарѣчій разрабатывалъ и литовскую грамматику, и въ своихъ объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень обратилъ одинаково вниманіе на символику латышской и литовской народной поэзіи.

Рано умершимъ ученикомъ А. А. Потебни, А. В. Поповымъ на литовскій языкъ обращено должное вниманіе въ сочиненіи: Синтаксическая изслѣдованія им. звательн. и винит. въ связи съ исторію заложныхъ значеній etc. Воронежъ. 1881.

Въ Казани, благодаря дѣятельному участію къ литовскимъ занятіямъ проф. Бодуэна де Куртенэ, издавались фундаментальные труды И. и А. Юшкевича по Литовской народной поэзіи и бытоописанію: 1) Литовская народная пѣсня изъ окрестностей Веленъ и Пушолать, три тома съ 1880—1882 г. 2) Свадебные обряды Веленскихъ Литовцевъ, записанные Антономъ Юшкевичемъ въ 1870 году. Казань 8°¹⁾.

Ученикъ проф. Фортунатова въ Москвѣ Г. Ульяновъ обнародовалъ изслѣдованіе: Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ. Варшава. 1888, (Отд. Оттискъ изъ Фил. Вѣстника. 1888. 8°)

Въ настоящее время многоуважаемый профессоръ Фортунатовъ работает надъ изданіемъ Литовско-польско-русского словаря Юшкевича, редакція которого ему поручена отдѣленіемъ русского языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1883 году тѣмъ-же отдѣленіемъ былъ изданъ объемистый сборникъ литовскихъ свадебныхъ пѣсень, составленный Иваномъ Юшкевичемъ, по записямъ брата его Антона, всего 898+XXIV стр. in 8°.

Народныя пѣсни раздѣлены Юшкевичемъ на пѣсни свадебныя, любовныя, гуловныя, воинныя, миѳологическія, погребальные плачи и пѣсни смѣшанаго содержанія. Къ свадебнымъ онъ относитъ всѣ, 1. с. стр. VII, тѣ пѣсни, которая обыкновенно поются: 1) еще до свадьбы при ознакомлѣніи жениха съ невѣстою, сватовствѣ, рукобитіемъ и обрученіемъ, 2) во время свадьбы при совершеніи почти всячаго обрада, и 3) при посѣщеніи родителей молодой новобрачными и, на оборотъ, при посѣщеніи новобрачныхъ родителями молодаго.

Заслуженный знатокъ Литвы И. Юшкевичъ скончался 29 апрѣля въ 1886 г. (см. мою статью Johann Juschkevitsch. Nekrolog въ Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft. Heft. 12, стр. 409—413).

Миѳологіи литовской касался почтенный знатокъ Прибалтійскаго края Георгій Труスマнъ въ извѣстной своей диссертациі „Введеніе Христіанства въ Лифляндію“, гл. II, I-ой части, на стр. 22—68 (срв. мой разборъ этой части книги Труスマна въ Magazin herausgegeben von der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft. Bd. 18, Mitau. 1887, стр. 171—185).

Изученіе Литвы и Сѣверо-западнаго края съ 1884 года стало значительно оживляться на мѣстѣ, въ центрѣхъ литворусской жизни въ Ковнѣ и Вильнѣ. Архивный материалъ для изученія литовскаго племени раскрыть былъ почтеннымъ ветераномъ що службѣ на литовской окраинѣ Латышемъ Иваномъ Спрогисомъ въ его многолѣтнемъ трудѣ „Географический словарь древней Жемайтской земли XVI столѣтія, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда“. Вильна, in 8°. 1888.

Какъ выясено мною въ статьѣ „Новые материалы для изученія литовскаго именословія“²⁾, этимологическое значение названій мѣсть жмудско-литовской земли оста-

¹⁾ Изъ Казанскихъ учениковъ профессора Бодуэна де Куртенэ, нынѣ находящагося въ Дерпѣ — особенно г. Александрѣ въ посвятѣ себѣ изученію Литовскаго языка въ трудахъ:

а) Sprachliches aus dem Nationaldichter Donalitius. Zur Setasiologie. Dorpat. 1886.

б) Litauische Studien I. Nominal-Zusammensetzungen. Dorpat. 1888. 8°.

в) Литовскіе этюды. Вып. 1. Народная этимология. Варшава. 1888.

Другимъ слушателемъ г. Бодуэна де Куртенэ г. О. Видеманомъ составлена диссертация «Das litauische Präteritum. Strassburg. 1889. 8°.

²⁾ Журн. Мин. Народн. Просвѣц. Частъ CCLXIX, отд. 2, стр. 376—383 и Deutscho Literaturzeitung 1889, № 5, стр. 159—161.

лось неразгаданнымъ оттого, что авторъ этого труда не обладаетъ достаточными знаніями литовскаго языка.

Незнаніе литовскаго замѣчается также въ весьма полезныхъ трудахъ другихъ дѣятелей Сѣверо-западнаго края, какъ, напр., въ изданіяхъ секретарей Виленскаго и Ко-венскаго статистическихъ комитетовъ.

Въ Ковиѣ со вступлениемъ въ должность секретаря К. С. Гуковскаго, ученика Киевскаго профессора Антоновича, ежегодно стали появляться описанія уѣздовъ Ко-венской губерніи (Шавельскаго, Поневѣжскаго и Тельшевскаго), въ которыхъ не послѣднее мѣсто отведено описанію народнаго быта (преимущественно на основаніи изученія книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ ¹⁾). Имъ-же составленъ былъ краткій историческій очеркъ Ко-венской губерніи. Ковна. 1889. №. 35 стр. Срв. мою статью „Статистика племен-наго состава народонаселенія Сѣверо-Западнаго Края“ въ Календарь Сѣв. Зап. Края за 1890 годъ, изд. М. Запольскимъ. Кіевъ 1889.

Въ другомъ мѣстѣ мы привели списокъ мѣстныхъ знатоковъ края и литовскаго языка и корреспондентовъ нашихъ, разсѣянныхъ по Литовской землѣ, доставившихъ И. Р. Г. Обществу новые значительные материалы для изученія Литвы и ея живой старины. См. нашъ предварительный отчетъ въ Извѣстіяхъ. Томъ XXIV.

Въ литовскомъ катехизисѣ Н. Даукши, по изданію 1595 года, (вновь перепечата-тии и снабженъ объясненіями (приложеніе къ 53 тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, кн. 2), въ введеніи на стр. 1—XXII сдѣланъ мню обзоръ трудамъ по литовской грамматикѣ и по разработкѣ литовскаго языка сравнительно съ другими арійскими и преимущественно славянскими. Въ этнографическомъ изученіи Литвы участіе природныхъ Литовцевъ не маловажное и даже выдающееся обнаруживается въ трудахъ Юшкевича. Литовскій языкъ первоначально по преимуществу изучаемый и разработанный учеными Нѣмцами (отъ Нессельмана до Бецценбергера) обращалъ на себя вниманіе первыхъ славистовъ, особенно Прейса въ 1840-хъ годахъ. Что, по словамъ Котлярев-скаго, изученіе языка и быта Литвы главнымъ образомъ лежить на обязанности рус-скихъ ученыхъ—такое сознаніе, раздѣляемое хотя многими, на дѣлѣ осуществлялось до периода обозрѣваемаго весьма немногими, почти единствено проф. Фортунатовымъ въ Москвѣ. Въ послѣднее же десятилѣтіе стали, какъ мы выше видѣли уже — появляться особыя университетскія диссертации изъ области литовской грамматики. Народнопоэтическія возврѣнія нашихъ Литовцевъ изучаемы были въпервые Поляками или же ополя-ченными Литовцами большою частью съ романтическо-политической точки зрѣнія (Кра-шевскими и друг.), серіозно изслѣдованы были въ послѣднее десятилѣтіе также и рус-скими учеными А. А. Потебнею. Обыкновенная русская публицистика и литература знаетъ поэтическую Литву только изъ польскихъ источниковъ Юцевича, Нарбута и Кра-шевскаго. Успѣхи русской этнографической науки въ дѣлѣ изученія Литвы находятся въ тѣсной зависимости отъ покровительства Литовцамъ и отъ разрѣшенія вопроса о литовскомъ шрифтѣ, но во всякомъ случаѣ единственны въ своемъ родѣ „литов-скія“ изданія Литовскихъ пѣсень (свадебныхъ и вообще дайны) вышли не въ Германіи или Польшѣ, а Россіи: въ Казани и въ С.-Петербургѣ.

Литовщина до сихъ поръ малодоступная русскимъ дѣятелямъ нашихъ окраинъ раскроется съ успѣхомъ только тогда, когда дадуть жить и развиваться (см. вып. I, стр. XXII) мѣстными языкамъ литовскому и латышскому (такъ называемой инфляндскихъ уѣздовъ) въ школѣ и народной литературѣ. Литовцы же, пишущіе нынѣ даже грамма-тики и учебники англійскаго языка (въ Плимутѣ изданъ былъ въ 1887 году „Prawadnikas angliskos kaibos“ на изживеніи разбогатѣвшаго Литовца—торговца И. Паукштиса) безъ сомнѣнія скоро откажутся отъ дорогихъ заморскихъ и загранич-ныхъ изданій газетъ и трактатовъ, издаваемыхъ въ Плимутѣ, Ньюоркѣ, Шенондоа въ сѣверной Америкѣ и въ Рагнитѣ, Тильзитѣ и Мемелѣ въ восточной Пруссіи, когда у нихъ дома станутъ выходить болѣе дешевые книжки.

Э. Вольтеръ.

¹⁾ См. Отчеты о дѣятельности комитета за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 и памятныя книжки за тѣ-же годы.

Этнографическое Обозрѣніе. Издание Этнографического Отдѣленія Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии при Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей секретаря Этнографического Отдѣла Н. А. Янчука. 1890 № 3, книга VI.

Изъ сравнительно небольшого числа статей, помещенныхъ въ VI-ой книгѣ „Этнограф. Обозрѣнія“, на долю изслѣдований приходится — слѣдующія двѣ: — 1-ая „Оttoloski христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“, Н. Ф. Сумцова, попытавшагося въ своемъ краткомъ этюдѣ намѣтить въ монгольскихъ сказанияхъ нѣсколько мотивовъ, какъ ветхозавѣтныхъ: о потопѣ и о Соломонѣ, такъ и новозавѣтныхъ: о св. Троицѣ, о чудесномъ насыщении хлѣбомъ и рыбой 5 тысячъ человѣкъ, о странствованіи Спасителя, а также изъ легендъ о крестномъ древѣ, объ архангелѣ Михаилѣ и великомученикѣ Георгіи; 2-ая — „О свадебныхъ платежахъ и о преданомъ у Кавказскихъ горцевъ“, Л. В. Малинина, сгруппировавшаго въ довольно значительномъ количествѣ свѣдѣнія объ извѣстныхъ первоначальныхъ формахъ брака — похищеніи и купѣ-продажѣ, о размѣрахъ калмыка, который первое время, вѣроятно, уплачивался за невѣсту не отдѣльнымъ лицемъ и не отдѣльному лицу, а цѣлью родомъ другому роду, о наследственномъ правѣ женщинъ и о „кебинѣ“ — денежномъ обязательствѣ жениха въ видахъ обеспечения невѣсты. Къ этимъ изслѣдованіямъ можно отнести статью Ю. Н. Мельгунова — „Къ вопросу о русской народной музыке“. Это рядъ бѣглыхъ критическихъ замѣчаній — на книгу П. Сокальского „Русская народная музыка“, на руководство по музыке „Учебникъ формъ инструментальной музыки“, Л. Бусслера, на музыкальные приложения въ сборникахъ народныхъ пѣсенъ г-жи Радченко и др., сдѣланыхъ на основаніи теоріи Р. Вестфала („Allgemeine Theorie der musikalischen Rhytmik...“, а также см. Русск. Вѣстникъ, 1879 г. № 9). Не смотря на свою краткость замѣтка такого мастера дѣла, какъ г. Мельгуновъ, обратить на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ и любителей русской музыки. Далѣе слѣдуютъ два сообщенія чисто этнографического характера: „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣзде Ярославской губ.“, А. Балова и „Очерки Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ.“, В. Бондаренка (часть 1-ая). И въ томъ и въ другомъ нельзя не пѣнить цѣльности описанія, но по своимъ даннымъ они не отличаются ни полнотою, ни новизною: извѣстныя черты почти теряются среди весьма распространенныхъ, даже общерусскихъ особенностей. Изъ материаловъ здесь напечатаны Э. Вольтеромъ „Литовскія легенды“ съ очень любопытными содѣржаніемъ — о дьяволѣ-творцѣ, о сохраненіи обрѣзанныхъ ногтей, о происхожденіи медведя и аиста, о птицѣ Кукусѣ и о кукушкѣ, о странствующихъ озерахъ. Первый отдѣлъ VI-ой книги „Этнограф. Обозрѣнія“ оканчивается уже извѣстными нашимъ читателямъ изъ 1-го выпуска „Жив. Старинъ“ — некрологомъ финнologа М. Веске, написаннымъ проф. И. Н. Смирновымъ.

Библиографическія извѣстія продолжаютъ блистать своимъ обилиемъ и богатствомъ. Кроме указанныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ и продолженія „Сибирскаго Указателя“ г. Ивановскаго, отмѣчаетъ перечни статей въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ и неученыхъ Обществъ; изъ рецензій на книги можно назвать: „Д. Анучинъ, Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака“, В. Михайловскаго, „В. Демичъ, Очерки русской народной медицины“, Д. Никольскаго, и Д. Самохвалова, „Хронологическая классификація могилъ южной Россіи“, Н. Харузина.

H. B.

А. Павловъ. Неизданный памятникъ русского церковнаго права XII вѣка.
(Отдѣльный оттискъ „Жури. Мин. Нар. Просв.“, октябрь 1890 г.).

По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ изученіе рукописей XV—XVII вв., русская наука или обогащается вовсе неизвѣстными дотолѣ произведеніями, или же приобрѣтаетъ новые, болѣе исправные списки памятниковъ уже извѣстныхъ. Находка г. Павлова имѣть значеніе среднее: это новый списокъ прежде извѣстнаго памятника, но такой, который стоять цѣлого открытия.

Напечатанный г. Павловымъ памятникъ есть архиерейское поученіе священникамъ, приписываемое имя Новгородскому архиепископу Ильѣ (1165—1186). На основаніи сопоставленія нѣкоторыхъ внутреннихъ чертъ въ этомъ памятнике, проф. Павловъ полагаетъ, что оно было произнесено архиеп. Ильею въ 1166 г. въ соборное воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста.

Не касаясь превосходно сдѣланной издателемъ оцѣнки этого памятника, какъ одного изъ древѣйшихъ и по церковному праву, и по литературѣ, приведемъ изъ него пѣсколько мѣсть, весьма любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи.

1) Статья 23-я ¹⁾ (стр. 25—26) говорить:

„А и се же вѣдѣ, оже дроузіи попове въ олтарѣ за святою тряпезою ставляете каноунъ и хрѣстите ту, и пиете въ олтарѣ, ли заупокойное борошино вношиваете, а и еще скоромно. А и въ съ олтарѣ, идѣже просфоръмисанье есть, никакого кануна вносити, аже нѣ въ великий: третій бо олтарь на то очиненъ есть. Ни подъ святою тряпезою ставляйте чего: велми бо то грубо есть, да отъ того болѣ възоронится“.

Сверхъ указанихъ г. Павловымъ подобныхъ же запрещеній въ Постановленіяхъ Владимирскаго собора 1274 г., въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленому священнику и въ выпискѣ изъ молитвеника митрополита Кипріана, не лишне упомянуть объ извѣстномъ вопросѣ, предложенномъ Стоглавому собору: „О иже не вносити въ олтарь цѣнственнаго пития“ (вопр. 36-й), и объ отвѣтѣ на этотъ вопросъ ²⁾.

Кромѣ разъясненія статьи поученія, въ нихъ заключается также точное обозначеніе частей алтаря, пополняющее примѣчаніе г. Павлова.

Принесеніе въ церковь хлѣба, коровая (свадебнаго) ³⁾, кануна, блиновъ, каши, пироговъ ⁴⁾, а иногда и яичницы, молока ⁵⁾ и баранины ⁶⁾, (поминальныхъ), совершающее иногда въ видѣ искупительной жертвы, происходитъ и по настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, въ особенности, кажется, въ Бѣлоруссіи.

2) Въ статьѣ 10-й (стр. 19), о крещеніи дѣтей, между прочимъ, сказано:

„Въ первый день, егда зовоутъ вы къ перты, творите молитву, юже творите надъ соудомъ осквернившися“.

Проф. Павловъ допускаетъ возможность двоякаго истолкованія слова перть, заимствованнаго Новгородцами или у Литовцевъ, или у Финновъ,—въ значеніи бани и въ значеніи корыто или вообще сосуда для омовенія новорожденнаго.

Въ первомъ случаѣ, слова поученія: „егда зовоутъ вы къ перты“, говорить г. Павловъ, повидимому, указывающъ на существование въ Новгородѣ уже въ XII вѣкѣ обычая отводить беременную женщину для разрѣшенія отъ бремени въ баню; при этомъ онъ ссылается на современный же обычай въ Олонецкой губерніи у Корель и у Русскихъ, по мнѣнію г. Павлова, подъ влияніемъ первыхъ. Но если и возможно сдѣлать такой выводъ изъ словъ поученія, то едва ли слѣдуетъ говорить о заимствованіи, въ виду того, что обычай этотъ распространенъ далеко не у однихъ сѣверно-Бѣлоруссовъ, а напр. у Бѣлоруссовъ Витебской губерніи ⁷⁾ и вызывается соображеніемъ

¹⁾ Раздѣленіе поученія на статьи принадлежитъ проф. Павлову.

²⁾ Стоглавъ, над. Правосл. Собесѣдника, 1862 г., стр. 74—75, 100—101.

³⁾ П. Шейнъ, Материалы для изученія быта и языка русского населения сѣверо-западнаго края, т. I, ч. II, 1890 г., стр. 201, 383, 473.

⁴⁾ Ib., 585, 592, 627.

⁵⁾ Ib., 585.

⁶⁾ Ib., 615.

⁷⁾ П. Шейнъ, Материалы, т. I, ч. I, 1887, стр. 3.

ніями практическаго свойства—удобствомъ, подкрепляемымъ отчасти предразсудкомъ, что присутствие лица посторонняго увеличиваетъ продолжительность родовъ. Съ своей стороны мы полагаемъ, что принять въ словахъ поученія первъ съ значеніемъ корыто будетъ гораздо болѣе умѣсто.

3) статья 26-я (стр. 26) замѣчаетъ:

„И о турѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ, и про безаконный бой вы, попове, оумайтѣ дѣтей своихъ; или кого оубьють, а вы надѣ ними въ ризахъ не пойте, ни просфоры пріимайте“.

Эти слова—одно изъ драгоценныхъ свидѣтельствъ древности о русскихъ языческихъ обычаяхъ и обрядахъ. Подъ „турами“, говорить проф. Павловъ, надо понимать „празднованіе все-славянскому божеству Туру, совпадавшее то съ колядами, то съ семикомъ, которое состояло въ томъ, что молодые люди обоего пола наряжали одного парня изъ своей среды чучеломъ въ видѣ быка (тура) и водили его по улицамъ на веневѣ съ пѣснями, въ которыхъ упоминалось имя Тура“ (стр. 8). Проф. Павловъ со-поставляетъ этого быка съ извѣстною „бѣсовскою кобылкою“, ¹⁾ изъ свѣдѣній о которой и взято г. Павловымъ вышеупомянутое его замѣчаніе о Турѣ. Но о божествѣ Турѣ такъ мало имѣется свѣдѣній, что позволительно усомниться въ примѣнимости такого толкованія къ выражению „О турѣхъ“ въ поученіи. Можетъ быть, здѣсь указывается какая-нибудь игра, дошедшая до насъ, напр., въ видѣ игры въ городки и т. п. ²⁾.

Что касается лодыгъ, то, кажется, несомнѣнно въ нихъ можно видѣть прототипъ современной игры въ бабки, съ нѣкоторыми отличіями, теперь уже исчезнувшими, но никакъ не съ такими, которыя могли бы оправдать г. Павлова, связывающаго лодыги, а вмѣстѣ и туровъ и колядниковъ, съ упоминаемымъ въ указанной статьѣ поученіемъ „безаконнымъ боемъ“. Если въ XVII вѣкѣ и запрещалась игра въ лодыги, то въ той же грамотѣ царя Алексея Михайловича 1648 года въ равной мѣрѣ осуждаются карты, шахматы, качели, пляска, пѣсни и др., и между прочимъ и кулачный бой, и грамота все это одинаково называется „бѣсовскими играми“ ³⁾. То же преслѣдуется и патріархомъ Филаретомъ въ 1628 году ⁴⁾ и его преемникомъ патріархомъ Иоасафомъ, а задолго до нихъ—въ 92 главѣ Стоглава: „О игрицахъ еллинскаго бѣсованія“. Изъ словъ поученія „о колядницахъ“ становится очевиднымъ, что столь распространенный теперь обычай спрашивать коляду существовалъ на Руси уже въ XII вѣкѣ.

„Безаконный бой“ вполнѣ можно признать не поединкомъ—полемъ, а кулачнымъ боемъ, о которомъ есть и древнія и болѣе поздніяя постановленія; такъ, въ дополнительной къ Судебнику статьѣ 1640 г. читаемъ: „Государь Царь и Великій Князь Михаило Федоровичъ всеа Руси указалъ: которые всякие люди учнуть битъся кулачки въ Китаѣ, и въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, и въ Земляномъ городѣ, и тѣхъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ и чинить наказаніе“ ⁵⁾.

Къ отмѣченнымъ бытовымъ чертамъ изъ этого интереснаго памятника можно было бы присоединить ихъ еще двѣ-три, но желающихъ съ ними познакомиться отсылаемъ къ самому памятнику и къ предварительнымъ замѣчаніямъ проф. Павлова.

H. Волковъ.

¹⁾ О «бѣсовской кобылкѣ» часто говорить А. Фаминицынъ въ недавнемъ своемъ изслѣдованіи: «Скоморохи на Руси», Спб. 1889, стр. 86, 87, 90, 164, 182, 183, 185.

²⁾ Въ архангельскомъ говорѣ существуетъ слово туръ въ значеніи столбъ печной. Сравни туры, употреблявшіяся для военныхъ цѣлей: туры прикатиша и приметь приматаша около всего города (подъ 1375 годомъ, лѣтопись Авраамка, изд. Арх. Ком. Спб. 1889, стр. 100).

³⁾ Ивановъ, опис. гос. арх. стар. дѣль, 296 и сл. См. вышеук. соч. Фаминицына, стр. 185 и сл.

⁴⁾ Акты историч. изд. Археограф. ком. III, № 92 X, стр. 96; Фаминицынъ, 182.

⁵⁾ Акты историч. изд. Археогр. ком., III, № 92 XXXII, стр. 108. См. Фаминицынъ, стр. 192.

Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста и не спृста слово молвится и до вѣку не сломится. С.-Пб. 1890. Издание А. С. Суворина.

Русский языкъ, какъ едва ли не всѣ другіе языки, имѣть значительное количество насловицъ, поговорокъ и такихъ фразъ и словъ, собственное значеніе которыхъ для насъ уже не понятно и которыхъ нами употребляются или только въ переносномъ значеніи, или даже безъ всякаго значения. Г. Максимовъ поставилъ задачею объяснить первоначальный смыслъ небольшаго ряда подобныхъ — какъ онъ выражается — „крылатыхъ словъ“, воспользовавшись для этого данными археологии и филологии. Но ему едва ли удалось выполненіе этой задачи.

Вообще книга поражаетъ иѣкоторою легкостью отношеній автора къ дѣлу. Онъ увлекся фельетонною формою изложения и наполнилъ книгу разнаго рода анекдотами, историческими рассказами, описаніями, иногда интересными, но рѣдко имѣющими прямое отношеніе къ „крылатымъ словамъ“ и еще рѣже уясняющими ихъ первоначальное значеніе.

Затѣмъ нельзя не пожалѣть о недостаткѣ въ книгѣ археологическихъ и филологическихъ свѣдѣній. Г. Максимовъ при составленіи своего труда повидимому не потрудился заглянуть въ какія-либо книги (кромѣ словаря Даля), и разсказать объ историческихъ событияхъ по памяти, довольно слабой. Отсюда у него такие разсказы, которыхъ иѣть ни въ одной лѣтописи, такія подробности, которая не были записаны до сихъ порь никѣмъ. Между прочимъ мы у него читаемъ слѣдующую фразу, позволяющую намъ не выписывать другихъ подобныхъ: „Мамаево побоище... ввергло всю Русь въ продолжительное рабство и оскорбительную зависимость отъ дикихъ ордъ“ (стр. 323). Но повидимому и прежде автору не приходилось читать очень многаго и изъ старыхъ памятниковъ, и изъ новѣйшихъ изслѣдований. Такъ, ему остались неизвѣстны важный для него литературный произведения древней Руси въ родѣ сказанія о 12 пятницахъ, повѣсти о Шемякинѣ судѣ, житія Иларіона Сузdalскаго (послѣднее едва ли не объясняетъ происхожденіе поговорки: у черта на куличкахъ); онъ остался не знакомъ съ полезною для него статьею акад. Веселовскаго о пятницѣ (хотя на нее ссылается, очень неудачно, стр. 94). Даже русская народная поэзія оказалась ему такъ мало знакома, что онъ не обнаружилъ свѣдѣній о пѣснѣ: „Бей въ доску, поминай въ Москву“ (которая поется, между прочимъ, въ „Бѣдность не порокъ“, Островскаго), а о Чурилѣ Пленковичѣ нашесть возможнѣй сказать, что онъ не помнилъ ни отца, ни матери (стр. 270). Свѣдѣнія автора по старому языку такъ слабы, что ему неизвѣстно даже употребленіе слова *мѣста* въ значеніи: время (сравни современное съ часъ *иѣsta*, еще въ словарѣ Даля).

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не назвать мысль г. Максимова — дать историческое объясненіе „крылатымъ словамъ“ — прекрасною и позволяетъ себѣ пожелать, чтобы вслѣдъ за этимъ авторомъ явился болѣе филологически подготовленный изслѣдователь, который бы занялся этимъ дѣломъ и представилъ серьезное изслѣдованіе, подобное иѣменецкимъ изслѣдованіямъ Борхардта и Фишера.

A. С—скій.

Miklosich, Franz. Die Darstellung im slavischen Volksepos. Wien 1890 («Denkschriften der kais. Akademie d. Wissenschaften in Wien». Band XXXVIII).

Брошюра вѣнскаго слависта посвящена вопросу: въ чёмъ заключается различие между эпосомъ естественнымъ, народнымъ и эпосомъ искусственнымъ, личнымъ? Авторъ отвѣтствуетъ: различіе двухъ эпосовъ имѣть свою причину различіе въ представлении у народа съ одной стороны и у отдельныхъ поэтовъ съ другой, выражающемся въ стилѣ. Затѣмъ у автора указывается, что народный эпосъ любить подолгу оставляться на болѣе или менѣе неважныхъ подробностяхъ событий, охотно повторять

одни и тѣ же слова или ставить рядом слова-синонимы, часто употребляет постоянные эпитеты и сравнения. Наконецъ Миклошич приводить длинный рядъ примѣровъ изъ эпическихъ пѣсень сербскихъ, болгарскихъ, русскихъ и чешскихъ, занимающей большую часть брошюры.

Такимъ образомъ, по Миклошичу, различіе эпосовъ сводится къ различію въ представлениі. Причины различія въ представлениі не выясняются вѣнскимъ славистомъ; онъ ихъ даже совсѣмъ не касается. Между тѣмъ именно объ нихъ и стоило бы поговорить.

A. С—скж.

„Мелюзина“ (*Mélusine*), періодический сборникъ миѳологии, народной литературы, преданій и обычаевъ, основанный въ 1877 г. г-анн Гэдозомъ (H. Gaidoz) и Ролланомъ (E. Rolland), съ 1887 г. редактируемый г. Гэдозомъ (Paris, libr. E. Rolland, 2 rue des Chantiers). Шесть ежегодныхъ выпусковъ въ 4-ку, 12 стр.; цѣна 12 фр. 50 сант.—Томъ V, выпуски 1—4.

Отчетъ о первыхъ выпускахъ названного сборника (1877—1878 г.) былъ чвоевременно сдѣланъ А. Н. Веселовскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., с. CLXXXIX, январь, 151—156; ч. CXCV, январь, 155—166. Послѣ шестилѣтняго промежутка (1878—1884) стала выходить отдѣльными выпусками второй томъ „Мелюзины“ (1884—1885); непосредственно за симъ вышли третій (1886—1887) и четвертый томы, (1888—1889). Въ текущемъ году печатается пятый томъ, который закончится въ 1891 году. Точка зреія редактора журнала, г-на Гэдоза, была изложена на страницахъ нашего издания (см. Живая Страна, вып. I, „От редактора“, стр. XLII—XLV¹), программа же осталась прежняя, разсмотрѣнная А. Н. Веселовскимъ въ выше указанныхъ статьяхъ. „Мелюзина“ является по преимуществу сборникомъ материаловъ и изслѣдований, исключающій статьи журнального характера (ср. замѣчаніе Гэдоза: „la „Mélusine“ n'est pas une revue de littérature, mais de recherche, V, с. 81). Предполагая отмѣтить, по мѣрѣ выхода, наиболѣе важныя статьи „Мелюзины“, мы укажемъ здѣсь общее содержаніе первыхъ четырехъ выпусксовъ нынѣ печатаемаго пятаго тома²), группируя статьи по сюжетамъ тѣхъ преданій и обычаевъ, которыхъ разсмотрѣны отдѣльно, за симъ—по общему содержанію статей, когда предложены сводныя обзоры.
Нѣкоторыя рецензіи, заслуживающія особаго вниманія или по важности труда, о которомъ предлагается отчетъ, или по оригинальности соображеній, высказываемыхъ рецензентомъ по поводу какой-нибудь книги, будуть тоже нами отмѣчены.

A. Обозрѣнія и изслѣдованія.

Индійскія народныя сказки и преданія V, 1—12, (A. Barth); ср. т. IV, 553—561 (того же автора).

Колдованіе (la fascination) V, 16—23, 41—45, 54—64, 87—93 (J. Tuchmann); г. Тушманъ предпринялъ обширное изслѣдованіе о колдованіи, или чаraphъ, и о чародѣяхъ у разныхъ народовъ въ разныя историческія эпохи. Изслѣдованіе это печатается въ „Мелюзинѣ“ съ 1884 года (т. II, 169 слл.) почти непрерывно

¹) Ср. М., т. V, 32—36. Отчетъ Гэдоза о статьѣ Вейнгольда въ Zts. fürg Vergleich. Völkerpsychologie, XX, № 1, оговоренной въ томъ же выпускѣ Ж. Ст., стр. XLII—XLV.

²) Приложенное къ концу каждого изъ напечатанныхъ томовъ оглавление, распределенное по отдѣламъ (миѳология; сувѣрія; народное врачеваніе; народная астрономія; народныя представленія о правѣ и т. п.), даетъ возможность безъ труда найти справки о томъ или другомъ вопросѣ, въ прежнихъ изданіяхъ «Мелюзины». Поэтому излишне начинать обзоръ съ 1884 года. Мы приводимъ ссылки на прежніе выпуски лишь въ томъ случаѣ, когда данная статья, помѣщенная въ 1890 году, является дополнениемъ къ прежнімъ работамъ.

по настоящее время. Обилие материала, собранных г. Тушманомъ, придает особую цѣнность его труду, какъ справочной книгѣ; только по окончаніи его, будетъ уместно дать общий отчетъ о всѣхъ изслѣдованіяхъ.

Народная этимологія и фольклоръ. (Подъ этимъ заглавиемъ предприняты рядъ изслѣдований и замѣтокъ о вліяніи такъ называемой „народной этимологіи“ (т. е. истолкованія значенія слова по случайному созвучію съ какимъ-нибудь конкретнымъ значеніемъ, напр. С.-Петербургъ—Питеръ—питера (кутила), на ходячія повѣрія. Серія начата Кр. Нуropомъ (Кр. Нугор, М., IV, 505—507) и продолжена г. Гэдозомъ (*ibid.*, 507—524, V, 12—15, 69, 84—85), который приводить цѣлый рядъ любопытныхъ свѣдѣній о разныхъ вымышленныхъ святыхъ, возникшихъ какъ-бы по недоразумѣнію. Быть можетъ, не слѣдовало бы смѣшивать съ „народными производствами“ шуточная обозначевія, какъ „день святой Полочки“ (*la sainte Touche*), празднуемый будто-бы того числа, когда выдается жалованье, и т. п., где имя святого или святой явно измыщено въ шутку. Впрочемъ, г. Гэдозъ даетъ имъ общее обозначеніе—*«les saints pour rire»*. Отмѣтимъ любопытный случай народной этимологіи выраженія, весьма популярнаго и у насъ: „отдаться въ объятія Морфея“ (т. е. лечь спать), выраженія, которое у Французовъ перешло въ: *dans les bras de l'orfèvre* (золотыхъ чѣль мастеровъ), у Ирландцевъ: *in Murphy's arms* (Murphy—собственное имя, весьма распространенное у Ирландцевъ).

Народныя сказки въ классическомъ мірѣ (V, 81—82). Г. Гэдозъ въ этой статьѣ начинаетъ серію параллелей сказочныхъ сюжетовъ, известныхъ въ разныхъ европейскихъ литературахъ, въ произведеніяхъ классической древности. Авторъ задается этими указаниями содѣйствовать будущему „Словарю сказокъ“, составленіе которого было бы чрезвычайно желательнымъ предпріятіемъ.

Бретонскія народныя пѣсни (*Egnault, Ch. pop. de la Basse-Bretagne*, V, 83—84; ср. т. III, 77, 82 (E. Rolland); 161 (H. Gaidoz); 162 (E. Rolland); 184, 208, 260, 327, 350 (Ernault); 393 (Luzel); 421, 477, 570 (Ernault); т. IV, 299 (H. Gaidoz); 329, 357, 379, 404, 425, 452 (Ernault); 461 (Luzel), 472, 501 (Ernault). Въ настоящемъ выпускѣ приводятся пѣсня „о трехъ кумушкахъ, которые напились“ (ср. Жалгоу въ *Revue des patois romans*, II, № 1) текстъ изданъ съ музыкой и съ французскимъ переводомъ).

Б. Легендарные мотивы:

Два дерева, которые сплелись, V, 2, с. 39—41 (Jean Karlowicz); ср. т. IV, 60 (J. Psychari), с. 61, 85, 142 (H. Gaidoz).

Ребенокъ, говорящій до рожденія, V, 2, с. 36 (O. Colson); ср. т. IV, 228 (H. Gaidoz), 272 (Israël Lévi), 274 (A. Barth), 277 (Karlowicz), 297 (H. Gaidoz), 323 (Isr. Lévi), 405, 447 (H. Gaidoz).

Нужно наносить лишь одинъ ударъ, V, 2, с. 37—38 (R. Koehler) дополненія къ параллелямъ Либрехта (*Zur Volkskunde*, 333) сербской сказки (ср. Архивъ Славянской Филологии Ягича, Arch. f. Slav. Phil., I, 1876, 281).

В. Обычаи:

Побратимство, V, 2, с. 36 (H. Gaidoz); ср. т. III, 402—404 (H. Gaidoz), 573—574 (R. Basset), 574 (H. Gaidoz); т. IV, 118 (R. Basset), 260 (H. Gaidoz), 306 (Кр. Нугор), 330 (H. Gaidoz).

Г. Замѣтки и рецензіи на слѣдующія книги:

Джалобсь. Исторія басенъ Эзопа¹⁾ (M. I. Jacobs, *The Fables of Aesop, as first printed by William Caxton in 1884, with those of Avian,*

¹⁾ Авторъ, предпринимъ настояще изслѣдованіе, выражаетъ удивленіе по поводу равнодушия специалистовъ по классической филологии къ историко-литературными задачамъ.

Alfonso and Poggio. Vol I, History of the Aesopic Fable, London, 1889). Г. Бартъ (V, 11—12), отмѣтая достоинства книги, ставить автору въ упрекъ чрез-мѣрное увлечение Буддизмомъ и особенно древностью буддийскихъ книгъ; гипотезу Джакобса, отожествляющаго Лидійца Kubises съ будою Кацуара, считаетъ бездоказательной. Г. Гэдозъ (V, 69—70), также отзываюсь съ похвалой о книгѣ, указываетъ въ ней пробѣль по вопросу о вліяніи египетскихъ басенъ.

Рошерь, Словарь греческой и римской мифологіи (W. H. Roscher, Ausf黨rliches Lexicon der Griechischen und Roemischen Mythologie, mit zahlreichen Abbildungen, 1885—1889; издание, которого вышло уже 15 выпусковъ, еще не закончено). Г. Гэдозъ (M., III, 25—26) указываетъ неполноту Словаря, въ которомъ отведено мѣсто лишь личнымъ богамъ и богинямъ; предметы вѣрованій, обряды и повѣрія исключены. Къ статьѣ г. Демежена о культѣ героеvъ въ древности г. Гэдозъ (M., V, 24) приводить дополнительную замѣтку на основаніи одного мѣста у Цицерона (De nat. deorum, III, 19), изъ которого явствуетъ, что Греки не признавали героеvъ богами.

Гастонъ Парисъ.—Народныя пѣсни въ Піемонтѣ (G. Paris, Les Chants populaires du Piémont: отдельный оттискъ изъ Journ. des Savants, 1889, sept.—nov.). Г. Локэнъ (Loquin V, 73—81) отмѣтается съ полной справедливостью особое значение брошюры Г. Париса, написанной по поводу труда г. Нигры²⁾). Г. Парисъ считаетъ современныя народныя лирическія пѣсни въ Піемонтѣ и ихъ параллели во Франціи и Каталоніи не старше XVI-го вѣка; далѣе онъ выдвигаетъ гипотезу, что родина „лирико-этическихъ“ пѣсенъ вообще романскихъ народностей, находится въ сѣверной Франціи, откуда ониѣ распространились по разнымъ направленіямъ, послуживъ импульсомъ къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ обработкамъ въ сосѣднихъ романскихъ странахъ. Устанавливая значение слова „народный“ по отношенію къ литературѣ, Г. Парисъ замѣчаетъ, что не слѣдовало бы толковать народныя пѣсни въ смыслѣ безличныхъ произведеній, созданныхъ простымъ народомъ: „крестьянская среда лишь сохранила ихъ, но не создала“. Во многомъ этотъ тезисъ справедливъ, но едва-ли не слишкомъ категорично формулированъ, если подъ творчествомъ разумѣть не только изображеніе сюжетовъ, но и претвореніе ихъ сообразно условіямъ быта, міросозерцанію и складу жизни. Собирательное творчество не исключаетъ личного почина въ дѣлѣ, но указываетъ дальнѣйшиe процессы въ обработкѣ литературного произведенія, возможные только при участіи многихъ.

О. Б.

Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 g. przedstawił Maurygus Stankiewicz. Kraków. 1889. Литовская библиографія съ 1547 по 1701 годъ представилъ Маурікій Станкевічъ. Краковъ. 1889. 8° XVI и 74 стр.

Для исторіи литовской литературы эта маленькая книжка представляетъ весьма интересный материалъ. Она содержитъ краткое предисловіе, далѣе идетъ обзорѣніе источниковъ, которыми пользовался авторъ, списокъ литовскихъ книгъ въ хронологическомъ порядкѣ и алфавитный указатель имёнъ и предметовъ. Въ предисловіи жалуется авторъ на скучность материаловъ для исторіи литовской письменности. „До сихъ поръ, говорить авторъ, не имѣть сочиненія, которое хотя бы въ грубыхъ чертахъ представляло литовскую литературу. Ниже приводимый рядъ источниковъ, непосредственно или отчасти касающихся этого предмета, очень скучные заключаютъ въ себѣ мате-

²⁾ Canti popolari del Piemonte, pubblicati da Costantino Nigra, Torino. 1888. Отмѣтилъ кстати интересную рецензию на эту книгу г. Jeanrou въ Историческомъ Журналѣ по Итал. литер. (Giornale storico della litteratura Italiana, 1889, VII, XIII, 33—39, стр. 384—391). Оспаривая некоторые изъ положеній Нигра, г. Жанруа высказываетъ соображенія методологического характера по изученію народныхъ пѣсенъ, которымъ заслуживаютъ вниманія.

ріалы, за псключеніемъ цѣнныхъ сочиненій: Остермейера, Резы, Карловича и Э. А. Вольтера, не находимъ ни одного труда, посвященнаго исключительно литовской письменности. Разбросанныя тамъ и сямъ указания либо о литовской книжѣ, либо о ея авторѣ сообщаютъ только вскользь. Если цитируется гдѣ либо заглавіе литовской книги или хотя одно литовское слово, то всегда такъ ужасно исковеркано, что съ трудомъ догадаешься смысла. Пользоваться такими источниками почти невозможно, а при пропрѣркѣ ошибокъ много затруднений, такъ какъ приобрѣсти какое либо литовское изданіе нынче очень трудно:—всякая литовская книга, новая или старая, приобрѣтается, какъ рѣдкость. Наши библиотеки мало или ничего литовского не имѣютъ и мало обѣ этомъ заботятся. Между тѣмъ литовская литература имѣть свою исторію. Съ 1547 года, съ появленія первой литовской книги, число изданій, сколько намъ известно, больше тысячи. Это число, сравнительно съ другими литературами, конечно незначительно, но принимая во вниманіе различныя обстоятельства, всегда неблагопріятныя развитію литовского изданія, все же что либо да значитъ, и должно заслуживать вниманія*. Въ обзорѣ источниковъ для литовской письменности не числится довольно значительные изъ таковыхъ; такъ видно автору были не известны, напр.: „Krause A. Lithauen und dessen Bewohner. Königsberg. 1834“. Eichhof G. F. Histoire de la langue et de litter. de Slaves, Russes et Lettons. Paris. 1839. „Glogau, Litaun und Litauner. Tilsit 1869, Нѣсколько словъ о жмудскихъ книгахъ. Вильна. 1865 и т. д. Списокъ литовскихъ книгъ составленъ авторомъ съ особымъ прилежаніемъ, такъ что въ списокъ внесены книги не литовскія, но содержащія лишь нѣсколько строкъ на литовскомъ языкѣ, какъ напр. на стр. 41. Латинское соч. „Carmen litvanicum sive alanicum Benedicti Pietrowitz. Roma, 1638“ заключаетъ въ себѣ 6 стиховъ на литовскомъ языкѣ. На стр. 43 такое же соч. „Ver Lukisckanum ad Serenissimam magistrum Maiestatum praesentiam efflorescens, publicae felicitatis... Soc. Jesu etc etc. 1648 г.“ заключаетъ лишь два стиха на литовскомъ языкѣ. Но пропущены въ этомъ спискѣ литовскія изданія, кроме трехъ изданій прусского катехизиса, три манифеста Георга Фридриха Марграфа Бранденбургскаго на литовскомъ языкѣ, два 1578 и одинъ 1589 г., которые были перепечатаны Беценбергеромъ и Веберомъ въ „Altpreuss. Monatschr. 1871 и 1872 г. и проповѣди Ширвида: „Kazanie na wszystkie niedziele calego roku przez K. Szyrwida po polsku i litewsku. Wilno. 1639“. Указана. Йохеръ „Obraz bibliograficzny. № 4457“ и Карловичъ въ соч. о Оjazyku litewskim. 1874.* Списокъ литовскихъ книгъ отличается тѣмъ, что кроме полного заглавія литовскихъ книгъ, указываетъ, какимъ шрифтомъ печатана книга, кто былъ составитель или переводчикъ книги и приводить тексты изъ литовскихъ книгъ, которыхъ могъ имѣть авторъ подъ рукою.

Б—сз.

Darmestetter, James. Chants populaires des Afghans recueillis par—Paris 1888—1890. pp. CCXVIII + 296 + 228 in 8° (Société Asiatique. Collection d'ouvrages orientaux. Seconde sÃ©rie).

Книга г. Дармстеттера представляетъ намъ совершенно новый и чрезвычайно богатый матеріалъ; мы не будемъ касаться грамматической части, а обратимся исключительно къ литературной—образцамъ афганской народной поэзіи. Авторъ провелъ весну и лѣто 1886 г. на англо-афганской границѣ, и къ этой именно местности и относится большинство собранныхъ имъ образцовъ, иѣкоторые изъ нихъ впрочемъ, повидимому, пользуются популярностью и въ другихъ местахъ Афганистана (см. стр. CCIV). Сильное индійское влияние сказывается во всѣхъ почти приводимыхъ въ книжѣ пѣсняхъ и легендахъ, чтѣ вполнѣ объясняется съ одной стороны местностью, а съ другой тѣмъ, что авторы этихъ легендъ и пѣсень по большей части обафганившіеся Индузы (стр. CXLI); въ

этомъ отношении весьма важны были бы для полнаго пониманія афганской народной поэзіи образцы изъ другихъ частей Афганистана. Любопытный образчикъ довольно старинного индійскаго вліянія представленъ на стр. CLXXXIV—CLXXXV: Когда Бабуръ въ началѣ XVI столѣтія въ своихъ походахъ столкнулся съ Афганцами, то, послѣ выигранной битвы, къ нему привели пленныхъ съ травою въ зубахъ—они этимъ какъ бы хотѣли сказать, что они его коровы; тоже повторялось послѣ и въ войнѣ съ Сикками. Г. Дармestettter прибавляетъ: *la formule (je suis ton boeuf) semble d'origine indienne* и ссылается на книгу Тэмпла.—*The legends of the Punjab*. Формула эта дѣйствительно индійская и къ тому же очень старая, такъ какъ еще въ старинномъ санскритскомъ сборникѣ законовъ Гаутамы мы находимъ гдѣ постановленіе, въ числѣ лицъ, которыхъ не разрешено трогать въ битвѣ, поименованы называвшія себя коровами или брахманами¹⁾.

Особое вниманіе обращено собирателемъ на пѣсни историческія; онъ касаются периода отъ 1828—1881 годъ, а одна относится даже ко временамъ знаменитаго побѣдителя при Панипатѣ Ахмед-шаха. Всѣ онъ въ высшей степени характерны: война, рѣзня, убийство, измѣна, казнь—кровь и кровь на каждомъ шагу и глубокая ненависть къ невѣрнымъ. Большинство этихъ пѣсень замѣчательно по силѣ и красотѣ выраженія. Какъ любопытное дополненіе къ этимъ пѣснямъ, г. Дармestettter сообщаетъ одну персидскую пѣсню, написанную во время послѣдней, такъ называемой кабульской кампани 1879—1880 года и помѣщенной съ англійскимъ переводомъ въ одной англо-индійской газетѣ подъ нѣсколько странными заглавіемъ *Afghan purzegu song* (Афанская колыбельная пѣснь): въ ней говорится про положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ и есть припѣвъ въ каждомъ стихѣ: „Приди дитя, поѣшь винограду“; послѣднее англійскій издатель и переводчикъ принялъ въ буквальномъ смыслѣ и не понялъ, по справедливому замѣчанію г. Дармestettтера, что дитя пѣсни англійскій главно-командующій, котораго корами лица собирается угостить свинцовыми ягодами.

Изъ пѣсень духовнаго содержанія особенно красивы три размышленія о смерти (№ 33, 34, 35), проникнутыя глубокимъ презрѣніемъ къ суетамъ міра и полнымъ спокойствіемъ передъ лицемъ смерти. Къ тому же разряду пѣсень духовныхъ отнесена и версія извѣстной мусульманской легенды о раѣ Шеддада. Услышавъ о Божьемъ раѣ Шеддадъ поклялся, что устроить на землѣ еще лучшій, приказалъ выбрать подходящее мѣсто и устроить тамъ рай. Когда рай былъ готовъ, онъ съ войсками своими пошелъ туда, но Богъ наказалъ его: буря уничтожила Шеддада и его войско, и никто не видалъ этого рая, кроме одного человѣка, который во времена халифа Моавія попалъ туда случайно; но этотъ человѣкъ, отправившись въ рай Шеддада съ войскомъ, по порученію Моавія, уже не воротился. Афганская версія очень краткая, повидимому не даетъ никакихъ новыхъ подробностей. Изъ легендъ первая (№ 44) относится къ Александру Великому, при чѣмъ его ближайшимъ соvѣтникомъ является знаменитый мудрецъ Локманъ. Авторъ даетъ три версіи, которая доставятъ вѣроятно интересный матеріялъ занимающимся легендою Александра на Востокѣ²⁾). Въ третьей версіи отыѣтимъ два мотива: Царь, у котораго застряла кость въ горлѣ, излѣчивается черезъ мнимое убіеніе его сына — царь огорченный предполагаемою смертью сына глубоко вздыхаетъ и кость выпадаетъ (довольно обыкновенный сказочный мотивъ). 2. При свиданіи долго разлученныхъ матери и сына, молоко приливаетъ къ грудямъ матери (въ данномъ случаѣ это предотвращаетъ кровосмѣщеніе); не знаю общъ ли этотъ мотивъ многими народами, но изъ Индійской литературы я могу привести нѣсколько параллелей: въ буддійскомъ сборникѣ легендъ *Avadânaçataka* VIII, 8. (Ms.); въ сборникѣ разска-

1) *Crtgautamadharmaçâstra* the institutes of Gantama ed. A. F. Stenzler. London 1876. X. 18.

2) Укажемъ здѣсь на послѣднюю работу о романѣ Александра на Востокѣ: Nöldeke. Th. Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans. Wien 1890 (Denkschr. W. Ak. Ph. H. Cl. XXXVIII. V.). Для легенды Локмана. Toy C. H. The Lokman legend. Journ. Amer. Orient. Soc. XIII. pp. CLXXXII—CLXXXVII и Basset. R. Loqmân Berbère, avec quatre glossaires et une étude sur la légende de Loqmân. Paris. 1890 (Этой книги я още не имѣлъ въ рукахъ).

зовъ о царѣ *Çalivâhana* — *Çalivâhanakathâ* (Ms. India office Library. XVI. fol. 52 r); *Kathâ sarit-sâgara* 110. 109; *Vikramodaya* (сборникъ рассказовъ о царѣ *Vikramâditya* Ms). г. I. IX Тутъ тоже предотвращается кровосмѣщеніе. Jülg. Mongolische Märchen. Innsbruck 1868. стр. 89. (Арджи Бурджи—основанъ на индійскомъ сборнике *Simhâsanadvâtriçikâ* — 32 рассказа фігуръ на тронѣ царя *Vikramâditya*).

Въ № 45, излагающемъ несчастную исторію двухъ любовниковъ, встрѣчаемъ довольно обычный мотивъ: два дерева съ сплетшими вѣтвями выростаютъ изъ могилѣ влюбленныхъ, тѣла которыхъ, погребенные въ разныхъ мѣстахъ, чудесно соединились. № 46 факиръ и царевна. Какъ указываетъ самъ г. Дармestettter, это версія знаменитой персидской повѣсти о любви Ферхада зодчаго и жены Хозроа Парвиза Ширина. Въ прозаической версіи, приводимой въ нашей книжѣ вслѣдъ за стихотворной, встрѣчаемъ извѣстный мотивъ попытки вычерпать море чашею. № 47. О Фатхъ-ханѣ, въ прозаической версіи, извѣстный въ индійскихъ сказкахъ мотивъ прострѣливанія своевольнымъ царевичемъ кружекъ у дѣвушекъ, идущихъ за водою. Г. Дармestettter приводить параллель только изъ пенджабской легенды о Расалу.

Въ сборникѣ находится еще рядъ любовныхъ и бытовыхъ пѣсень, пословицъ, загадокъ.

Кое-что помѣщеннное въ разобранной книжѣ было уже изложено авторомъ въ интересной и живой статьѣ *Afghan Life in Afghan Songs. (Contemp. Rev. 1887. October. стр. 453—76.)*, а хорошие комментарии общаго характера можно найти въ его же книжѣ *Lettres sur l'Inde Paris. 1887.* Книжѣ г. Дармestettтера, окончательно и прочно введенной афганскій языкъ въ иранскую группу, принадлежитъ безспорно одно изъ выдающихся мѣсть среди оживившагося за послѣднее время изученія иранскихъ языковъ.

C. O.

Geiger W. Das Yâtkâr-i Zarîrân und sein Verhältnis zum Šâh—nâme. Отд. оттискъ изъ Sitz. Philos.-philol. und hist. Classe Bayer. Ak. Wiss. 1890. Bd. II. Heft. I. pp. 43—84.

Персидскій эпосъ, несмотря на значительный интересъ, который онъ представляетъ для изученія, до сихъ порь почти не нашелъ себѣ изслѣдователей—все наше знакомство съ нимъ основывается на скучныхъ данныхъ каталоговъ рукописей, немногихъ журнальныхъ статьяхъ и на предисловіи Моля къ его изданію „Книги Царей“ Фирдуси. Тѣмъ пріятнѣе появление работы д-ра Гейгера, которая для одного эпизода, по крайней мѣрѣ, даетъ намъ возможность хоть отчасти вникнуть въ запутанную исторію персидскаго эпоса.—д-ръ Гейгеръ даетъ намъ переводъ (съ выдержками изъ пехлевійского текста) рассказа о битвѣ между царемъ Ирана Виштаспомъ и царемъ Хъяономъ Арджаспомъ, во время которой былъ убитъ иранскій богатырь Зариръ; переводъ снабженъ многочисленными примѣчаніями; въ концѣ брошюры разобранъ вопросъ объ отношеніи пехлевійского текста къ Книгѣ Царей: авторъ приходитъ къ тому убѣждению, что переведенный имъ текстъ не составляетъ прямого источника Шах-намѣ и можетъ быть даже не очень древенъ, но восходить онъ къ древнему тексту, многія черты которого и сохранились. Этотъ-то древній текстъ принадлежитъ, вмѣстѣ со многими другими, къ числу источниковъ нынѣ, по видимому, утерянной, пехлевійской книги царей (Ходай-намакъ).

Эта книга въ свою очередь, какъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ источниковъ Книги Царей Фирдуси.

Д-ръ Гейгеръ работаетъ теперь надъ Шах-намѣ, а г. Зотенбергъ приготовляетъ къ печати текстъ и переводъ старого эпического произведения Гершаспъ-намѣ и, по видимому, дастъ намъ подробныя указанія относительно другихъ персидскихъ эпическихъ

текстовъ. Тогда получится твердая основа для изученія персидскаго эпоса и съ привлечениемъ пехлевийскихъ, арабскихъ, армянскихъ и др. источниковъ, мы можемъ ожидать уже исторію персидскаго эпоса. Пока надо только пожелать, чтобы д-ръ Гейгеръ поскорѣе опять порадовалъ насть такою-же интересною и прекрасною работою изъ той-же повидимому весьма интересной рукописи пехлевийского Шах-намака.

C. O.

Das Ausland. Wochenschrift für Erd-und Völkerkunde, 1890 г.

Въ этомъ году, начиная съ № 14, журналъ сталъ издаваться Карломъ фон-денъ-Штейненъ и, какъ намъ кажется, измѣнился къ лучшему. Статьи стали замѣтно серьезнѣе и перестали такъ пестрѣть общими, ничего не выражавшими, но красивыми фразами. Уже одно то указываетъ на большую серьезность постановки дѣла, что съ этого времени въ статьяхъ начали появляться примѣчанія, съ указаніемъ на материалы, что прежде случалось очень рѣдко.

Долго было-бы излагать содержаніе всѣхъ статей, большихъ и малыхъ, а потому ограничимся указаніемъ только на наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересныя.

Не станемъ упоминать рецензій и библиографическихъ замѣтокъ. Между ними довольно часто попадаются статьи о Россіи, написанныя по russкимъ источникамъ, статьи, которыхъ настъ могутъ интересовать только точкою зренія автора. Но и между ними попадаются статьи, интересныя своимъ сравнительнымъ материаломъ. Такова, напр., статья Германа Обста: „Къ демографії Европейской Россіи“ (стр. 848 слл.), где излагаются результаты статистическихъ изслѣдований прироста народонаселенія Россіи сравнительно съ Западно-европейскими государствами. Далѣе интересна статья Ауриха: „Этнографическая классификація племенъ Кавказа. По russкимъ источникамъ“ (стр. 704 слл.). Она даетъ перечисленіе всѣхъ народовъ Кавказа съ указаніемъ ихъ мѣста жительства, числа, а иногда и краткой исторіи. Къ сожалѣнію, авторъ указываетъ одинъ только источникъ (Материалы къ изученію экономического положенія государственныхъ крестьянъ), а потому невозможно сказать съ увѣренностью, насколько надежны его цифры. Оказывается, что Russkie (1.925.000) на Кавказѣ составляютъ почти $\frac{1}{3}$ общаго его населенія, между тѣмъ какъ самыя многочисленныя изъ другихъ народностей едва достигаютъ численности половины russкаго населенія.

Такъ Адербайджанскіе Татары насчитываютъ 877 т., Грузины—755, Армяне 750. Отъ 300—100 тыс. насчитываютъ Чеченцы, Мингрельцы, Аварцы, Осетины, Черкесы, Курицы, Татары; отъ 90—70 т.—Даргинцы Таты, Ногайцы, Кумыки, Турки, Курды; отъ 50—10 т.—Греки, Талышинцы, Абхазцы, Евреи, Лаки, Карапапахи, Нѣмцы, Карабаевцы, Трухмены, Табасаранцы, Эсты, Кабардинцы, Сванеты, Персы, Удѣны и Калмыки; менѣе 10 т.—Туркмены (9), Лазы (2), Молдаване, Цыгане, Литовцы, Чехи и др. славянскія народности.

Далѣе упомянемъ рядъ статей Guido Cora о Цыганахъ (№ 31—34 и 36). Статьи эти написаны по поводу книги Adriano Colocci (*Gli Zingari, storia d'un popolo errante*), въ которой заключается много новыхъ свѣдѣній о Цыганахъ; но авторъ имѣеть въ виду также и остальную литературу этого вопроса. Онъ излагаетъ происхожденіе Цыганъ, ихъ появление и распространеніе въ Европѣ, ихъ моральный характеръ, музыку, пѣніе, поэзію, танцы, языки, нравы и обычай. Въ концѣ прибавленіе: географическое распределеніе и статистическое обозрѣніе Цыганъ.—Статья Генриха Шурца „Фергунка“ (301 слл.) имѣеть въ виду доказать справедливость Гриммовскаго сопоставленія этого древняго имени Рудныхъ горъ съ славянскимъ именемъ Перунъ (Перкунъ). Авторъ приводить нѣсколько географическихъ именъ, въ которыхъ онъ видитъ свидѣтельства большого распространенія здѣсь культа Перуна.—Две статьи Фридриха Краусса (329 слл. и 410 слл.) „Духи—мучители у южныхъ Славянъ“ излагаются вѣрованія въ мору и вуокдлака и приводятъ нѣсколько сказаній объ этихъ суще-

ствахъ, способы заговоровъ противъ нихъ и одинъ образчикъ заговора противъ моры.—Статья Поста „Японское семейное право“ (стр. 448 слл.) интересна въ томъ отношеніи, что указываетъ на существование у Японцевъ того, что у насъ сохранилось только въ остаткахъ, изъ которыхъ ученые возстановляютъ картину первобытной жизни семьи.—Интересны также статьи Адріана Якобсена, излагающія сказанія жителей Сѣверо-Западной Америки (стр. 352 слл. 421 слл.). Тутъ между прочимъ мы встрѣчаемъ представление бога грома въ видѣ существа съ крыльями: отъ движенія его бровей происходитъ молнія, а отъ движенія крыльевъ громъ. Родъ человѣческій произошелъ отъ ворона, взявшаго себѣ въ жены женщину, найденную имъ въ раковинѣ на морскомъ берегу. Огонь добыть благочестивой и скромной старухой изъ хвоста ворона, являющагося благодѣтелемъ человѣческаго рода и напоминающимъ нѣсколько сказочную Жаръ-птицу, изъ хвоста которой Иванушка-дурачекъ выдергиваетъ свѣтящееся перо.—Интересна также статья того же Якобсена „Камни, какъ амулеты у дикихъ и цивилизованныхъ народовъ“ (стр. 534 слл.). Къ статьѣ приложены рисунки такихъ камней, собранныхъ авторомъ у различныхъ народовъ. Онъ находитъ много общаго въ вѣрованіяхъ дикарѣй и живущей еще и теперь у насъ среди простого народа вѣры въ цѣлебную силу „громовыхъ стрѣлъ“ (Donnerkeil) у насъ въ Россіи и въ Германіи.—Изъ прочихъ статей упомянемъ, какъ имѣющія общий интересъ, статьи Пауля Рейхарда „Жесты и мины Негровъ“ (№ 20, 21, 22), написанные очень живо, и статьи Густава Банкалари „Розысканія о нѣмецкомъ домѣ“ съ иллюстраціями (№ 24, 25, 27)

Д. К—її.

Fr. Krauss, Dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven.
(Münster, 1890).

Фридрихъ Крауссъ уже много лѣтъ работаетъ въ области народовѣдѣнія. Особенно близко ему знакомы Южные Славяне. Цѣлый рядъ сочиненій его о ихъ повѣряхъ и обычаяхъ ясно свидѣтельствуетъ, что онъ знакомъ съ ними не по книгамъ только, но и изъ непосредственныхъ наблюдений. Особенно богатъ лично собраннымъ материаломъ новѣйший трудъ Краусса „О народныхъ вѣрованіяхъ и религіозныхъ обычаяхъ Южныхъ Славянъ“, входящій въ серію издаваемыхъ въ Мюнстерѣ „Очерковъ по исторіи нехристіанскихъ религій“. Не задаваясь цѣлью найти первоисточникъ религіозныхъ вѣрованій Южныхъ Славянъ, прослѣдить ихъ аналогію у другихъ народовъ, наконецъ подвергнуть анализу самые факты, авторъ скромно довольствуется обстоятельными, описательными изложеніемъ остатковъ нехристіанскихъ и немусульманскихъ вѣрованій Южныхъ Славянъ. Онъ говорить о значеніи въ народной поэзіи солнца, луны и звѣздъ, о сказаніяхъ обѣ обитателяхъ луны, вѣрованіяхъ, соединенныхъ съ фазисами луны (I гл.), о вѣрѣ народа въ судьбу (II гл.), о душѣ деревьевъ и болѣзняхъ, приписываемыхъ дѣйствію особенныхъ духовъ (Krankheitsgeister, III гл.), о чумѣ и морѣ (IV гл.), о вилахъ (V гл.), вѣдьмахъ (VI гл.), карликахъ и великанахъ (VII гл.), о могильныхъ фетишахъ (VIII гл.), наконецъ о жертвоприношеніяхъ и предсказаніяхъ по нимъ (IX гл.). Къ сочинению приложенъ весьма удобный для справокъ указатель. Богатство содержанія очевидно уже изъ самого краткаго перечия главъ. Основная точка зрѣнія, предполагающая изложеніе фактовъ туманнымъ миѳологическимъ разсужденіямъ обѣ особенно глубокой мысли, лежащей въ этихъ фактахъ, строго выдержана. Можетъ быть, не всѣ согласятся съ фольклористическимъ направлениемъ Краусса, который, въ ущербъ народной особенности, возводитъ все къ общечеловѣческому, всенародному воззрѣнію. Сочиненіе, во всякомъ случаѣ, отъ этого направленія не страдаетъ, ибо при основательныхъ зианіяхъ и безпристрастіи авторъ отличается также своимъ здравомысліемъ. Поэтому присоединившись къ пожеланію самого автора, чтобы его книга нашла дружелюбный приемъ въ обществѣ и послужила къ увеличенію пока малочисленныхъ, особенно у насъ, Славянъ, изслѣдователей народной жизни и мысли.

А. Л.

Легенда о св. Алексѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія.

(La Légende Syriaque de Saint Alexis l'Homme de Dieu, par Arthur Amiaux. Paris. 1889).

Изученіе знаменитой въ средневѣковыхъ церковно-народныхъ литературахъ легенды о св. Алексѣ, Человѣкѣ Божіемъ, обогатилось въ послѣдніе два-три года нѣсколькими цѣнными работами, представившими въ общемъ богатый материалъ для всесторонняго возстановленія ея сложной и въ высшей степени интересной литературной исторіи. Такъ въ 1887 году вышло второе изданіе извѣстной книги G. Paris, содержащей французскіе стихотворные тексты этой легенды, изданіе, впрочемъ, безъ всякихъ перемѣнъ¹⁾), — въ слѣдующемъ затѣмъ году появилась работа P. Müller'a, посвященная разсмотрѣнію ея драматическихъ версій²⁾, и на русскомъ — сообщеніе г. Владимирова о белорусскихъ и польскихъ текстахъ легенды (въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, въ 1887 г. и потому отдельно), а на дняхъ появилась книжка Kötting'a о старофранцузскихъ въ связи съ англійскими и нѣмецкими, — послѣднія уже были разсмотрѣны, кромѣ Массмана, — Жоре³⁾), — стихотворныхъ версіяхъ и обработкахъ этой легенды⁴⁾). Но самымъ важнымъ приобрѣтеніемъ для изученія легенды о св. Алексѣ является изданіе сирійскаго текста его житія, съ французскимъ переводомъ, Артура Аміо, вышедшее въ концѣ прошлаго года, — книга, заглавіе которой мы привели въ началѣ нашей статьи. Изданію текстовъ въ этой книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ Аміо пробуетъ доискаться начала легенды, отправляясь отъ ея сирійскихъ текстовъ, а затѣмъ въ связи съ ними изложить и ея исторію, въ послѣдовательномъ развитіи и переходѣ легенды съ Востока на Западъ. Аміо знаетъ и о существованіи нашихъ славяно-русскихъ текстовъ, по работѣ Дацкова (въ „Бесѣд. въ Общ. любит. рос. словесн.“ 1868 г., вып. 2 отд. I, стр. 20—52); но самыи этихъ текстовъ онъ не видаль, а потому не могъ и воспользоваться ими, между тѣмъ они представляютъ въ данномъ случаѣ большое значеніе, особенно потому, что первичная и древнѣйшая, греческая редакція легенды считается пока утраченной, тогда какъ есть основаніе полагать, что она сохранилась и имѣется на лицо въ славяно-русскихъ переводахъ. Кромѣ того, сличеніе сирійской редакціи житія св. Алексія съ славяно-русскими, въ сохранившихся спискахъ послѣднихъ отъ XII до XVII в., открываетъ возможность съ точностью опредѣлить древнѣйшую изъ нихъ и ближайшую къ предполагаемому греческому оригиналу, съ котораго были сдѣланы какъ славянскій, такъ и сирійскій переводы легенды. Это обстоятельство сообращаетъ изданію Аміо нѣкоторый особый интересъ.

О существованіи сирійскаго житія св. Алексія извѣстно было еще болландистамъ, въ XVIII в., при изданії юльскихъ томовъ „Acta Sanctorum“. Іезунтъ Пиній (Iohannus Piniius), помѣстившій въ одномъ изъ этихъ томовъ (том. IV) первое по времени изслѣдованіе этого житія, имѣлъ точный свѣдѣнія отъ знаменитаго ориенталиста Ассемані о подлинномъ сирійскомъ житіи, но оставилъ ихъ безъ вниманія, издавъ лишь, въ латинскомъ переводѣ, позднѣйшую сирійско-арабскую версію, которой онъ также не придавалъ особенного значенія. Въ вопросѣ о происхожденіи легенды Пиній былъ того

¹⁾ Gaston Paris et L. Pannier. La vie de S. Alexis. Poème de XI siècle et renouvellements des XII, XIII et XIV siècles. Paris. 1887.

²⁾ P. Müller, Studien über drei dramatische Bearbeitung der Alexiuslegende. Berlin. 1888.

³⁾ C. Joret, La légende de S. Alexis en Allemagne. Paris. 1874.

⁴⁾ Studien über altfranz. Bearbeitung der Alexiuslegende mit Berücksichtigung deutsch. und englisch. Alexiuslieder, von G. Kötting. Trier. 1890.

иѣнія, что ближайшимъ источникомъ для нея, въ ея различныхъ редакціяхъ, греческихъ и латинскихъ, послужилъ известный церковный канонъ св. Алексію, составленный въ IX в. Іосифомъ Пѣснописцемъ, хотя, казалось-бы, самое уже существование канона, представляющаго рядъ лиро-эпическихъ гимновъ, естественно, должно было на-водить на мысль о существованіи и особаго житія, изъ которого пѣснописецъ вѣроятнѣе всего и бралъ житійный матеріалъ для своихъ пѣснопѣй. Позднѣйшіе исследователи, въ томъ числѣ Массманъ (S. Alexius Leben, Quedl. u. Lpz. 1834), Дашковъ (въ указан. сочин.) и арх. Сергій, не прибавили отъ себя ровно ничего къ инѣнію Пинія, такъ какъ вопросомъ о началѣ легенды они и не занимались,—арх. Сергій въ своей „Агиології“ лишь замѣчаетъ, что, вообще жизнь этого святаго требуетъ и достоинства изслѣдованія безиррастнаго“ (.Мѣсяц. Востока“, т. II, часть 2, стр. 82). Только недавно Gaston Paris въ статьѣ, помѣщенной въ журнале „Romania“ (том. VIII, 1879 г.), пользуясь арабско-сирийскимъ житіемъ св. Алексія, въ латинскомъ переводе болландистовъ, усмотрѣлъ въ этомъ именно житіе первоисточникъ легенды, а затѣмъ указалъ пути и средства, при которыхъ должно было проходить ея развитіе на почве византійской и западно-европейской. Но тѣмъ не менѣе нуженъ былъ подлинный, оригинальный текстъ сирийской легенды, значительно пострадавшей, какъ можно было предполагать, въ арабскомъ переводе, подлинный текстъ для того, чтобы дѣйствительно за него признать силу и значеніе первоисточника, равно какъ съ большей опредѣленностью отвѣтить и на вопросы, связанные съ его судбою. Амѣр въ названномъ изданіи выполнилъ эту работу. Въ его распоряженіи находилось восемь списковъ сирийской легенды, изъ которыхъ три восходять къ V—VI вѣку, другіе къ IX и позднѣе,—по этимъ спискамъ онъ и сдѣлалъ свое изданіе.

И вотъ оказывается, что сирийская легенда, въ свою очередь видѣ, состоитъ изъ двухъ, виѣніи образомъ только связанныхъ между собою легенды или, точнѣе, изъ двухъ частей одной и той-же легенды, изъ которыхъ первая несомнѣнно—древнѣйшая, сохранившаяся въ спискахъ V—VI в., содержить и настоящее и подлинное житіе святаго, вторая же позднѣйшее легендарное добавление къ нему, известное по греческимъ и латинскимъ редакціямъ. При этомъ, древнѣйшее или, такъ сказать, мѣстное Едесское житіе св. Алексія совсѣмъ не походить на то, что сообщается объ этомъ святомъ въ греко-латинскихъ легендахъ, а на основаніи ихъ и въ духовныхъ стихахъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ (наши русскіе духовные стихи объ этомъ святомъ см. въ сборникахъ Безсонова и Варенцова). Въ Едесскомъ житіи св. Алексій не называется даже по имени: онъ просто „Человѣкъ Божій“, по роду-племени „изъ города Рима“, единственный и давно желанный сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей-Римлянъ, которые также не называются по имени. О всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, на которыхъ въ подробностяхъ останавливаются позднѣйшія легенды и духовные стихи—о воспитаніи и книжномъ ученіи, о сватовствѣ и женитьбѣ, о бѣгствѣ изъ Рима, о прибытіи въ Едессу, о его набожной, святой жизни при храмѣ, и пр.,—здесь разсказывается кратко, съ полной естественностию и незасыловатостію обыкновенной подлинной исторіи, безъ всякихъ прикрасъ и безъ внесенія чудеснаго или какого-либо легендарного элемента. Единственное обстоятельство, приводимое житіемъ и напоминающее собою обычные житійные разсказы, это—чудесное извѣщеніе о часѣ его смерти церковнаго прислужника или паромонаря, бывшаго его другомъ и, но смерти, будто бы описавшаго его житіе (по греко-латинскимъ легендамъ его житіе было описано имъ самимъ на хартіи, которую нашли въ его рукѣ, когда онъ былъ уже мертвъ). О самомъ существенномъ событии его жизни, передаваемомъ греко-римскими легендами—о возвращеніи святаго въ Римъ и о пребываніи его въ домѣ отца, невѣдомо для послѣдняго, о его смерти здѣсь и о послѣдовавшихъ чудесныхъ явленіяхъ,—въ древнѣйшемъ сирийскомъ текстѣ (V—VI в.) ничего не говорится: святой, по этому житію, умираетъ въ Едессѣ и похороненъ въ усыпальницѣ или на кладбищѣ для чужестранцевъ. Лица, выведенныя въ этомъ житіи, мѣстныя бытовые черты, словомъ, вся виѣнія обстановка, также не заключаютъ ничего легендарного; напротивъ, указываютъ на то, что житіе написано современникомъ-очевидцемъ или же со словъ

лица, близко знавшаго святаго, и написано вскорѣ послѣ его кончины.—Принимая все это во вниманіе, Амѣд пробуетъ даже установить опредѣленную дату, когда было составлено первоначальное Едесское житіе: онъ полагаетъ, что оно составлено между 450—475 г., въ одномъ изъ сирійскихъ монастырей близъ Едессы (кончину святаго агіологи относятъ къ 411—417 г.,—см. Сергія, указ. сочин., стр. 82,—Филарета, Житія святыхъ, мартъ, стр. 108 изд. 1875 г.). Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнную историческую достовѣрность сообщаемаго въ первой (древнѣйшей) части Едесской легенды, въ ней есть подробность, послужившая, въ дальнѣйшемъ, зерномъ, изъ котораго, вѣроятно, развилась уже настоящая легенда, образовавшая, между прочимъ, его вторую часть въ сирійскихъ редакціяхъ, а въ греческихъ и латинскихъ—особый общеизвѣстный видъ житія этого святаго. А именно, въ концѣ первой части сирійской легенды сообщается, что епископъ города Едессы, Равула,—личность вполнѣ историческая,—узнавъ о подвижнической жизни святаго, послѣ его кончины и когда онъ былъ уже похороненъ, нашелъ достойнымъ воздать ему подобающія посмертныя почести, а потому въ торжественной процессіи отправился къ мѣсту его погребенія, но открыли гробницу, въ которой онъ былъ положенъ, и въ ней ничего не оказалось—найдены были однѣ тряпки, въ которыхъ было завернуто тѣло его „Всѣ были изумлены и поражены этимъ явлениемъ“,—читаемъ въ текстѣ легенды,—„епископъ же, прия въ себя, сказалъ: „помолимся!“ помолился, заплакалъ и сказалъ: „да поможетъ мнѣ Господь ни о чёмъ съ этого времени не прилежать столько въ моихъ заботахъ, какъ о призрѣніи и помощи чужестранцамъ, ибо кто знаетъ, сколько между ними такихъ, какъ этотъ святой, смиреніемъ стяжавшій высокая, великихъ въ очахъ Божіихъ, но скрытыхъ отъ людей, и невѣдомыхъ ими, по причинѣ ихъ смиренія...“ Затѣмъ, разсказавши о необыкновенно широкой благотворительной дѣятельности епископа Равулы въ отношеніяхъ ко всѣмъ нуждающимся, особенно же къ „страннымъ“, авторъ заключаетъ свой разсказъ словами: „Такъ-то именно блаженный Равула подвигнулся быть и довелъ до высокой степени свою любовь—попечительную заботливость о чужестранцахъ...“ Такимъ образомъ, Едесская легенда древнѣйшей редакціи констатируетъ фактъ, что тѣло святаго исчезло изъ его гробницы, и вмѣсть съ тѣмъ даетъ понять, что это было чудо, произшедшее по устроенію Божію и послужившее ко благу Едессы и „другихъ сосѣднихъ городовъ, даже отдаленныхъ странъ“, говорится въ легендахъ, которыхъ коснулась благотворительная дѣятельность епископа Равулы. Разъясненію этого чуда, „ненахожденія тѣла святаго въ гробнице“ и посвящена вторая—по времени—поздняя часть Едесской легенды, авторъ которой, точно, вѣроятно—переводчикъ и компиляторъ—самъ указываетъ свой источникъ—„римское житіе святаго“. Онъ говорить: „мы разсказали исторію Чевѣка Божія, со словъ церковнаго служителя—паромонаря, бывшаго другомъ святаго, но долгое время спустя послѣ этого, до нась дошла исторія этого блаженнаго человѣка, написанная въ его отечественномъ городе Римѣ...“ Написавши эту исторію, люди достойные вѣры, продолжаетъ онъ, ничего не знали о его смерти въ Едессѣ, можетъ быть, потому, что „и самъ святой ничего не зналъ объ обстоятельствахъ своей смерти въ Едессѣ“ (ибо съ нимъ совершилось чудо), а едесский разсказъ (древнѣйшее едесское житіе, указанное выше) имъ былъ неизвѣстенъ,—все, что сообщаютъ они въ своей исторіи, стало извѣстно имъ изъ свитка, найденного въ рукѣ святаго послѣ его смерти въ Римѣ... Авторъ поясняетъ далѣе, что „можетъ быть“, какъ говорить онъ, Господь удостоилъ святаго, по его желанію и по молитвамъ родителей, великой милости—быть чудесно перенесеннымъ (послѣ смерти, очевидно) въ ихъ родительскій домъ, воскресить его, дозволить жить и умереть подѣль нихъ. Всѣдѣ за этимъ онъ приводить и самъ разсказъ „римской исторіи“ о жизни св. Алексія, сходный съ латинской редакціей его житія, по изданію болландистовъ и Массмана (въ указ. соч., стр. 167 и сл.), т. е. съ той именно редакціей, которая послужила прототипомъ для всѣхъ западныхъ книжныхъ и народно-поэтическихъ версій легенды о св. Алексіѣ. Вопросъ, слѣдовательно, ставится объ этой редакціи, которую авторъ-компилиаторъ второй части едесской легенды самъ называетъ прямо „римской“ по своему происхожденію: дѣйствительно ли она первоначально появилась въ Римѣ и на латинскомъ языке, а

потомъ уже переведена на греческій и сирийскій, или, можетъ быть, подъ Римомъ, въ данномъ случаѣ, нужно разумѣть „новый Римъ“—Византію, Константинополь?.. Но, прежде всего, возможность латинскаго именно первоисточника легенды устраивается тѣмъ важимъ обстоятельствомъ, что „до конца X вѣка память и почитаніе св. Алексія на Западѣ было совсѣмъ неизвѣстно“, что „свѣдѣнія объ немъ были привнесены сюда съ Востока въ X вѣкѣ, между тѣмъ одна изъ сирийскихъ рукописей, сохранившихъ сю проинскую легенду, и есомъ ино относится къ IX вѣку“. Кроме того, имѣя близкое сходство съ однѣмъ изъ трехъ извѣстныхъ латинскихъ списковъ римской легенды, сирийскій текстъ однако же содержитъ и нѣкоторыя значительныя отступленія отъ него, допускающія возможность предполагать для обоихъ особый первичный текстъ—оригиналъ. Такимъ оригиналомъ могъ быть только греко-византійскій, въ чемъ и дѣйствительно невозможно сомнѣваться даже при одномъ лишь разсмотрѣніи языка различныхъ текстовъ. На греческомъ житіе св. Алексія извѣстно въ четырехъ различныхъ вариантахъ—по канону Йосифа Пѣснопѣща IX в., по Метафрасту, по Мюнхенской рук. у Массмана и по списку въ сборникѣ житій святыхъ монаха Агапія, составленномъ также на основаніи Метафраста. Но при сличеніи сирийскаго текста римской легенды, оказывается, что ни съ однѣмъ изъ этихъ списковъ она не имѣть буквального сходства, напротивъ, во многомъ совершенно отличается отъ нихъ. Считая несомнѣнно доказаннымъ, что оригиналъ легенды все-таки былъ греко-византійскій, стаєтся допустить, что этотъ оригиналъ потерянъ или, покрайней мѣрѣ, пока не найденъ, что и допускаетъ Аміо... Не могутъ ли однако же пособить въ этомъ случаѣ наши именно старо-славянскіе списки, прямое отношеніе которыхъ къ греческимъ уже вѣдѣ всячаго сомнѣнія? Я попробовалъ сличить спирійскій текстъ римской легенды, въ переводѣ Аміо, съ славянскимъ по разнымъ спискамъ отъ XII по XV в. и къ удивленію нашелъ, что спирійскій текстъ и нашъ славянскій, напр., въ изданіи Срезневскаго и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ, буквально, слово въ слово одно и то же, за самыми незначительными разностями, характерными исключительно для славянскаго перевода. Такъ, напр., начало римской легенды въ Сирийскомъ читается: „Когда Человѣкъ Божій увидѣлъ, что стала онъ извѣстенъ всѣмъ въ Едессѣ, то бѣжалъ изъ этого города и пришелъ въ Лаодикію, и тамъ, найдя корабль, который отправлялся въ Тарсъ, взошелъ на него, говоря: отправимся въ Тарсъ, въ храмъ св. Павла, тамъ меня никто не будетъ знать“. И поѣхалъ онъ на корабль, но корабль, гонимый бурнымъ вѣтромъ, занесенъ бытъ въ отчество блаженнаго, въ Римъ“ и пр. Въ славянскомъ текстѣ это передается такими словами: „Видѣвъ же человѣкъ, яко и ту (въ Едессѣ) познаша его вѣси, отбѣже отъ града того и пришедъ въ Лодикю влѣзе въ корабль и вѣскотъ ити въ Тарсъ, да не познаютъ его тамо. Волею же Божіей прогнанъ бысть корабль вѣтромъ бурнымъ и приде въ Римъ“... Сходство текстовъ очевидное, такъ что нельзя сомнѣваться, что переводъ сдѣланъ съ одного и того-же оригинала, причемъ спирійскій содержитъ только часть римской легенды (о пребываніи св. Алексія въ домѣ отца по возвращеніи его изъ Едессы въ Римъ), нашъ же славяно-русский всю цѣликомъ. Что касается затѣмъ незначительныхъ разностей между славянскимъ и спирійскимъ текстами, въ родѣ той, которая есть и въ приведенномъ отрывкѣ (упоминаніе о церкви св. Павла въ Тарсѣ, ощущенное въ славянскомъ переводе), то, во первыхъ, ихъ вообще весьма не много, а во вторыхъ, разности эти должны быть отнесены частію на счетъ различныхъ греческихъ списковъ этой легенды, частію конечно и на счетъ славянскихъ, которые съ этой стороны остаются еще необслѣдованными. Во всякомъ случаѣ, при существованіи спирійского перевода IX вѣка, нашъ славянский переводъ, буквально сходный съ нимъ, подтверждаетъ предположеніе о греко-византійскомъ происхожденіи римской легенды св. Алексія (переведенной на латинскій уже послѣ IX в.) и, за неизѣніемъ пока греческаго подливника, долженъ считаться самой древнѣйшей редакціей, замѣняющей тѣмъ именно греческій текстъ, который послужилъ оригиналомъ для всѣхъ другихъ греческихъ и латинскихъ версій легенды, причемъ, въ свою очередь, латинская редакція болгариствовъ (I. с., Jul. IV, 251—253; Massmann, rag. 167—171) гораздо ближе къ славянскому тексту, чѣмъ даже текстъ Метафраста, и вѣроятно по-

тому, что послѣдній представляетъ компиляцію съ того же самаго греческаго подлинника, но съ добавленіями и измѣненіями, какъ и вообще составлялъ свой житія Метафрастъ. Покойный И. И. Срезневскій, въ замѣткахъ о славянскомъ житіи св. Алексія, говоритъ, что существуетъ и греческий текстъ этого, житія и даже приводить изъ него начальные слова: „Еγένετο ἀνὴρ ἐν τῷ πόλει“, но больше никакихъ свѣдѣній не сообщается, и какой собственно подлинный текстъ онъ имѣлъ въ виду — неизвѣстно (см. его „Изв. и Замѣтки о малоизв. и неизв. памятн.“, XXXI).

Признавая греко-византійское происхожденіе римской легенды св. Алексія, составляющей вторую часть въ его сирійскомъ житіи, Аміо полагаетъ, что она возникла на основаніи устныхъ разсказовъ о святомъ, доходившихъ изъ Сиріи въ Византію, и, кроме того, находитъ, что въ нее вошли подробности изъ сходного житія другаго святаго — Иоанна Кущника. Но это уже гипотезы, которымъ требуютъ особаго специальнаго разбора, тѣмъ болѣе, что мнѣніе о смѣшаніи житій св. Алексія и Иоанна Кущника не ново и разъ уже было подвергнуто серьезнымъ опроверженіямъ со стороны названнаго выше іезуита Пинія. Для изученія литературной исторіи данной легенды въ средніе вѣка и въ памятникахъ народнаго творчества такое или иное решеніе этого вопроса не можетъ имѣть особеннаго значенія...

Ал. Пономаревъ.

Narodne pesni Koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal.
J. Scheinigg c. k. Gymn. prof. v Celovci. Ljubljana 1889.—стр. VII + 468

Не позже другихъ Славянъ обратили и Словѣнцы вниманіе на памятники народной словесности. Уже въ к. XVIII в. собирали народныя пѣсни Дизма Закотникъ (ср. Mihael Žolgar: Slovensko narodno pesništvo въ программѣ гимназіи въ Целы въ Штирии, на г. 1873) и лучшіе словѣнскіе писатели нашего столѣтія занимались записываніемъ народныхъ пѣсень: Валентинъ Водникъ и даровитый поэтъ — Францъ Прешернъ, усердный иллірскій дѣятель и поэтъ Станко Вразъ и мн. др. Впрочемъ Станко Вразъ едва-ли не одинъ хорошо собирали и издавали пѣсни, да и онъ успѣлъ издать одну лишь книжку въ 1839 г. Остальной имъ собранный матеріаль попалъ въ архивъ Словѣнской матицы въ Люблинѣ, где ждетъ до сихъ поръ свѣдущаго и искуснаго издателя. Другіе собиратели отдали свой матеріаль для изданіяпольскому выходцу Эмилю Корыткѣ — онъ издалъ только 1 выпускъ, по смерти его изданы еще 4 выпуска, 1839—44,—и отчасти печатали его въ разныхъ временныхъ изданіяхъ и журналахъ. Не хочу вдаваться въ подробное библіографическое обозрѣніе всего, что и где до сихъ поръ собрано и издано — отчасти это сдѣлалъ г. Ивацевичъ въ своей книжѣ „Собраніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ“. Въ новѣйшее время появлялись пѣсни въ журналѣ „Ljubljanski zvon“, въ прекратившемся уже журналѣ „Kres“ въ лѣтописяхъ Словѣнской матицы.

Если очень мало изслѣдовано народное творчество Словѣнцевъ вообще, то все таки больше всего мы знаемъ о штирийскихъ и краинскихъ Словѣнцахъ, о хорутанскихъ почти ничего. И у Ст. Враза было напечатано лишь нѣсколько хорутанскихъ пѣсень. Нѣмецкіе изслѣдователи Хорутанія касались почти исключительно иѣменскаго населенія — ср. Franz Francisci: Culturtudien Volksleben, Sitten und Bräuche in Kärnten. Wien. 1879, Rudolf Weizer: Cultur-und Lebensbilder aus Kärnten-Klagenfurt. 1882, Michel Knittl: Cultur und Landschaftsbilder aus Steiermark und Kärnten—Klagenfurt. 1889, ср. статью E. Herrmann'a Ueber Lieder und Bräuche bei Hochzeiten in Kärnten въ Archivѣ fü Anthropolgie 1890, стр. 157 сл.—О словѣнскомъ населеніи они говорятъ мимоходомъ. Въ послѣднее время въ журн. „Kres“ выходившемъ въ Цѣловцѣ (Клагенфуртѣ) явились обширныя изслѣдованія г. Шейнига о хорутанскихъ Словѣнцахъ.

Янезъ Шейнгъ яапечаталъ въ „Kres'k (въ I и II т.) прекрасное изслѣдованіе о такъ называемомъ рожанскѣ говорѣ, говорѣ — рожанской долинѣ (Rosenthal). Очень интересенъ этотъ говоръ своею фонетикою и съ точки зрѣнія общей лингвистики; съ главною особенностью этого говора авторъ познакомилъ публику не читающую по словѣнски, въ статьѣ „Die Assimilation im Rosenthaler Dialekt“ (въ программѣ гимназіи въ Цѣловцѣ—Klagenfurt. 1882.) Оба другіе хорутанскіе говоры, южный и зильскій, почти еще не изслѣдованы. Рожанскій говоръ отличается отъ другихъ хорутанскихъ говоровъ ассимиляціею гласныхъ, которую находимъ еще въ другихъ западныхъ говорахъ словѣнскихъ, въ средней Горицѣ, и особенно въ говорахъ резьянскихъ. Словѣнскіе говоры подъ громадными вліяніемъ сосѣднихъ языковъ, нѣмецкаго и итальянскаго, приняли большое число чужихъ словъ: нѣмецкихъ и изъ югѣ итальянскихъ. Уже у первыхъ словѣнскихъ писателей во времена реформаціи, у Трубера, Далматина и др. встрѣчаемъ множество германизмовъ. Это вліяніе, особенно нѣмецкаго языка, со временемъ еще усилилось. Въ литературномъ языке словѣнскомъ и нѣмецкихъ словъ не встрѣчаемъ; многія слова искусственнымъ образомъ введены изъ другихъ славянскихъ языковъ, другія — сочинены. Но въ настоящемъ говорѣ народа живутъ слова чужія, заимствованные изъ нѣмецкаго языка, изъ сосѣднихъ нѣмецкихъialectовъ¹). Особенно сильное вліяніе нѣмецкаго языка сказывается на хорутанскихъ говорахъ, не только въ отношеніи лексикальномъ, но и въ морфологическомъ. Благодаря этому нѣмецкому вліянію именно рожанскій говоръ представляетъ почти ту же картину, которую мы видимъ въ извѣстныхъ памятникахъ остатковъ люнебургскихъ Славянъ прошлаго столѣтія. Такъ, напримѣръ, превосходная степень прилагательныхъ образуется помошью нѣмецкой приставки zu: c'dóbr, cliép, sueč, zu viel, c'zlah t zu schlecht; глаголы соединяются съ нѣмецкими предлогами: zu вм. do: cuestopatъ, cuelatbatъ, cuerpustitъ, cuenositъ, weg-wö: wö'stoprьtъ, wö'vrgöсъ, wö'vlitъ, или нѣмецкие предлоги буквально переводятся: a us предлогомъ vъп: vñzrögъ ausreden, vñzrognatse sich auskennen, vñzmpijatъ se auslachen, auf предлогомъ h огъ: horjötъ aufgehen, horvstätъ aufstehen, horvstájnje aufertelung воскресеніе, horbórtatъ aufwarten, vor предлогомъ pried: priedšribat verschreiben, priedvröc vorwerfen, priedpriť vorkommen.

Сколько славянского осталось еще въ этомъ говорѣ? Сколько нужно еще до полной германизаціи? Пѣсни хорутанскихъ Словѣнцевъ переполнены нѣмецкими словами: (стр. 142) Kedar bi moglo meglih biti, (150) bodi pekel zaprt, bodite nebesa ořen, (152) dohtar in padar (bader) oba sta hodiva, nobene rčnije (arzneien) nča nucajo se (nützen nichts), (167) braz priefa, braz pörja, braz tinte črné sem zašribov to döčv v moje srce, (200) luštni le bodimo, če pride Francoz, vse deklete pobere, vseh lubic smo los, (252) ves frajd sem zgubiva do šočja mojgá, (259) sem že döle po svietu z žanstvam bekont, (259) Ko bi ti twoje flaozne pustiti mohvá, (266) u fajnčost i kna smie živötí, (356) jaz že s purgarjam ne ta v šam i mi. др. Есть и пѣсни на половину нѣмецкія, на половину словѣнскія: (№ 17 стр. 18) Das Dienal is aufstönden Je zgbda v cérker Šva, Hót schön Ringel gfunden Na zelenam trávnici и т. д., маленькая пісенька въ четыре строки № 437, 573, и дѣтская (№ 669) Miza Tisch, Riba Fisch, Kaša Brein Pustime z miram, lass mi sein!

Нельзя однако умолчать, что германизмы, нѣмецкія слова встрѣчаются главнымъ образомъ въ лирическихъ четырехстрочныхъ пѣсняхъ, гораздо рѣже въ пѣсняхъ эпическихъ. Короткія четырехстрочные пѣсни, нынѣ исключительно распѣваемыя, заимствованы отъ сосѣдняго южно-нѣмецкаго населенія.

Издатель настоящаго сборника въ своей статьѣ „O národnih pesnih Koroških Slovencev“ (Kres, V т., стр. 309 сл.) привелъ тому нѣсколько примѣровъ, хотя съ

¹) О взаимныхъ отношеніяхъ нѣмецкаго и словѣнскаго населенія см. ст. Файта-Z rozm̄ slowinsko-německého. Zeměpisný Sborník III, 1888. Здесь представленъ очень цѣнныи статистический материалъ.

другой стороны онъ готовъ допустить переходъ изъкоторыхъ пѣсень опять къ немецкимъ соѣдямъ.

Г. Шейнигъ раздѣляетъ пѣсни хорутанскихъ Словѣнцевъ на два отдѣла: первый отдѣлъ старыхъ пѣсень эпическихъ, легендарныхъ, второй—короткихъ четырехстрочныхъ пѣсень. Настоящій сборникъ раздѣленъ на три отдѣла: 1) пѣсни старыхъ: а) баллады и романсы, б) историческіе пѣсни, в) обрядовая пѣсни, г) легенды; 2) пѣсни любовныя, 3) пѣсни разнаго содержанія: дѣтскія, семейныя (которыя лучше бы было соединить со 2 отд.), солдатскія, о ремесленникахъ, шуточныя, круговыя и конецъ—о смерти—дѣлкіе не совсѣмъ удовлетворительное.

Въ свой сборникъ издатель принялъ и изъкоторыхъ искусственные пѣсни, несомнѣнно недавно сочиненные, причемъ сообщилъ и имя автора, но есть и другія несомнѣнно не народныя, такъ напр. № 913: Slovenskismo fantje (молодцы) Pri Dravidi, Slovenskega duha, Slovenskih ягса и т. д. и подобная ей (№ 914) кончаящіяся строками: „Le bratje, na noge, Svoboda dani, Brez крепкихъ Slovanov, Nikodcr je pi“.

Главный герой эпической поэзіи словѣнской—венгерскій король Матяжъ (Матеевъ). Онъ, по народнымъ преданіямъ, спѣлъ въ пещерѣ, и когда Словѣнцы будуть близки къ гибели, явится къ нимъ на помощь (Slovenske паг. pravljice in priovedke. Sbral Bogomil Krek № 20). Въ сборникахъ „Slovenske pѣsmi Krajskiga naroda“, „Narodne pѣsni ilirske“ Ст. Враза есть вѣсколько пѣсень объ этомъ национальномъ герое словенскомъ—уже въ утраченномъ, вѣроятно, сборникѣ о. Дизмаса Закотника была пѣсня о королѣ Матяжѣ (сборникъ Ст. Враза, отд. X). И г. Шейнигъ издалъ эпическую пѣсню „Kralj Matjaž“, но она почти совсѣмъ сходна съ пѣснью, напечатанную во 2 вып. Slw. pes. Krajn. паг (стр. 42). — переведена на немецкій языкъ Ан. Грюономъ въ Volkslieder aus Krain, 1850, (стр. 110), — менѣе со штирской у Враза (16); интереснѣе кажется была другая пѣсня того же содержанія, но отъ нея сохранились только два отрывка. И пѣсни о королевичѣ Маркѣ занесены къ Словѣнцамъ, и вѣроятно также къ хорутанскимъ—въ настоящемъ сборникѣ напечатали двухстрочный отрывокъ. Изъ новой исторіи австрійской имперіи героемъ пѣсни сдѣлался генералъ Лаудонъ, вѣроятно, какъ побѣдитель Турокъ (1789)—пѣсня, сообщенная въ настоящемъ сборникѣ, совсѣмъ сходна со штирской пѣснью въ сборникѣ Ст. Враза (стр. 30). Солдатскія, а не эпическая пѣсни, о популярномъ въ Австрійской арміи фельдмаршалѣ Радецкомъ—нельзя, строго говоря, считать историческими.

Въ отдѣлѣ „балладъ и романсы“ всего интереснѣе три пѣсни, принадлежащімъ къ группѣ пѣсень, названной Чайльдомъ The Elfin Knight (см. Wisła III, 259 сл.). Въ первой пѣснѣ (стр. 4) дѣвушка обѣщаєть дать любезному золотой перстень, если онъ съ нею пойдетъ къ священнику. А затѣмъ они другъ другу представляютъ задачи; изъ соломы соткать полотно, изъ крапивы изготовить шелкъ, по шелковинѣ взлѣтѣть на небо, на небѣ сосчитать звѣзды, написать все на обратѣ, постлать на морѣ постель и т. д. Во второй пѣснѣ (стр. 76): Нежа (Агнезія) просила королевича, чтобы онъ ее защитилъ отъ чертей; королевичъ сѣлъ съ нею въ корабль на Дунай, но пришелъ чертъ и потребовалъ Нежу. Королевичъ согласенъ ее отдать, если чертъ сосчитаетъ сколько капель въ морѣ, сколько песку въ морѣ, сколько деревъ въ мірѣ, сколько листьевъ въ мірѣ, сколько травы въ мірѣ и сколько звѣздъ на небѣ. Все чертъ сдѣлалъ, только звѣздъ сосчитать не смогъ; тогда растрескалась земля и чертъ пропалъ. Третью пѣснь съ заглавиемъ: „Modra deklica“ находимъ въ третьемъ отдѣлѣ, между пѣснями о „закопи“, т. е. о бракѣ (стр. 306): почему не въ балладахъ? Содержаніе пѣсни такое: женихъ говоритъ невѣстѣ, что она будетъ его женою, когда липа зазеленѣеть на Рождество; она обвила липу зеленымъ шелкомъ; далѣе говоритьъ, когда вороны бѣлы будутъ, когда потечетъ вода вверхъ, когда въ пятокъ воскресеніе будетъ: во всемъ этомъ она жениха обманула, наконецъ подарила священнику tolar, и онъ объявилъ въ пятокъ воскресеніе. Стала-ли же наконецъ его женою, изъ пѣсни не видать.

„Баллады и романсы“ все почти любовныя, всѣ сплошь мало интересны: вѣрность или невѣрность жениха, любовника, или невѣсты—ихъ содержаніе. Интересенъ

развѣ еще одинъ фактъ, который болѣе еще отражается въ лирическихъ пѣсенкахъ, фактъ вѣтренности въ любовныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ безъ различія. Въ слѣдствіе этой вѣтренности является прискорбное соціальное зло: въ Хорутаніи на 10,000 душъ только 54 брака! на 1,000 дѣтей 454 незаконорожденныхъ! столько же быть никогда въ Европѣ, да иѣстами въ Хорутаніи даже 75%, незаконорожденныхъ. Изъ „балладъ и романсовъ“ напомнить еще № 59 (стр. 70) похожій на пѣсню Kosagčik въ 3 вып. Slov. pes. Krajn. naroda стр. 35, (убитое дѣяя свидѣтельствуетъ противъ матери на свадьбѣ), № 62 (стр. 75) Vodni този: отличный отъ пѣсни въ 1 вып. Slov. pes. Krajn. nar. стр. 79.

Въ отдѣлѣ III. „Obredne pesni“ напечатанные колядки очень мало заключаютъ интереснаго, развѣ только въ одной „Kolednica o Jv. treh kraljih“ (стр. 104) строфа: „Na zvezdi kleci dete mlado, zlati krije v rokah držalo o Na križ je b'lo apisano Le sedem zlatih puhštabov“. Что значать эти семь буквъ, разъясняется въ слѣдующей строфѣ, но неудовлетворительно: „Da seje en (одинъ) kralj parvet rodil. da je en kralj črez vse kralje, Preljuli, usmiljeni Jezns“. —Пѣсня „Dežela (земля) Indija“ (стр. 144) это пѣсня о Schlaraffenland, про которую издатель настоящаго сборника въ своей статьѣ въ Kres'ѣ (V т.) написалъ, что она очень древняя, чуть-ли не мифологического значенія — тоже попала въ „обрядовая пѣсни“.

Интереснѣе IV отдѣлъ „Legende“. Въ нѣкоторыхъ разсказывается, какъ Марія встрѣтила людей шедшихъ въ Иерусалимъ снести для Иисуса „štriče“, „gajje“, „krono“, сдѣлать „Križ“ и ѡграбље: Марія просить ихъ, чтобы этихъ орудій не дѣлать слишкомъ мучительными, но они отказываются, потому что Иисусъ имъ не родной и вообще у Маріи и Иисуса нѣть родныхъ. Въ другой легендѣ „Mognag“ (стр. 122) разсказывается, какъ св. семья во время бѣгства въ Египетъ пришла къ морю и просила перевошика, что бы онъ ихъ перевезъ даромъ: онъ отказалъ: тогда море разошлось и домъ перевошика сгорѣлъ.—Прекрасная легенда „Maria in rilica“: прилетѣла птица на башню церковную, запѣла про Марію и Иисуса. Марія вышла изъ алтаря и спросила птицу, сама-ли она пѣсню сочинила. Птица сказала, что эту пѣсню пѣла нѣкая рыба на морѣ. Пришла Марія къ морю, спросила рыбу. Рыба отвѣтила, что эту пѣсню пѣла ея мать, когда была въ колыбели, но она сильно кричала, и потому ее бросили въ море. Другой вариантъ разсказываетъ, что это сдѣлала злая мачиха, и Марія увела рыбу — падчерицу въ рай. Очень интересна пѣсня Tri kaplje Krvi Jezusove (стр. 133): На дорогѣ поле, на полѣ хижина, въ хижинѣ столъ — это все Иисусово, на столѣ «En kelih stoji, En kelih lep, zlat, Kije Jezusov bra t». Въ этой чашѣ три капли крови Иисусовой, первая пала на хлѣбное поле, вторая на виноградъ, третья на вѣрныя души. Въ другой пѣснѣ „Vinska trta“ (стр. 143) говорится про садъ огороженный золотыми кольями, заплещенный серебряными вѣтвями, полный розъ; въ этомъ саду растутъ три розы красныя какъ кровь; первая роза — алая пшеница для просвиры, вторая роза виноградъ, третья роза Марія-Богородица. Въ пѣснѣ № 114 (стр. 146): Марія утромъ встала, пошла въ Иерусалимъ, гдѣ растутъ три розы; сорвала эти розы и, сохранила ихъ въ свою сердце: первая роза — Богъ-Отецъ, вторая — Богъ-Сынъ, третья — Святой Духъ.

Пѣсни въ большинствѣ записаны народнымъ говоромъ, только пѣсни первого отдѣла — эпическихъ записаны литературнымъ словѣнскимъ языкомъ. При каждой отмѣчено гдѣ, въ какой мѣстности записана. Изслѣдователю діалектовъ нельзя не пожалѣть, что при мѣстныхъ именахъ не показано точнѣе, гдѣ данные мѣстности находятся, такъ какъ на картахъ мы имѣемъ обыкновенно нѣмецкія названія.

В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скіескомъ сѣверѣ (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. CXVI. Band. Jahrgang 1888. S. 715—780: Wilhelm Tomashek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Ueber das Arimasische Gedicht des Aristaeus).

I. Объ Ариаспійской поэмѣ Аристея.

Не тропическая Индія, не Иранское плоскогорье, не страна, лежащая между рѣками Сырь и Аму-Дарьей считается теперь мѣстомъ, гдѣ разъединились Indo-Европейцы: въ наше время, на основаніи данныхъ языка, его предлагаютъ искать въ сердцѣ Европы, всего вѣроятнѣе, думаетъ В. Томашекъ, въ обширной области рѣки, получившей у Фракійцевъ название Истра. Часть человѣчества развилась здѣсь до неолитического периода, отсюда же въ разныя времена вышли отдѣльные представители, различные по типу и по языку, и на своеѣ пути подвергались новымъ перемѣнамъ. Такъ постепенно исчезъ палеолитический человѣкъ въ Европѣ; въ его уничтоженіи принимали участіе и жители юга, Ибры, Лигуры (которымъ, пожалуй, можно приспать швейцарскія свайныя постройки) и Этруски. Въ своемъ изслѣдованіи Томашекъ занимается только тѣми членами индо-европейской семьи, которые направились на сѣверъ и на востокъ.

Палеолитический человѣкъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Альпы и сѣверъ Европы были покрыты льдомъ, и какъ затѣмъ постепенно устанавливается умѣренный климатъ. Быть можетъ, краинологія удастся современемъ решить вопросъ, принадлежать ли этотъ палеолитический человѣкъ къ одному изъ сѣвероафриканскихъ племенъ или къ предкамъ сибирскихъ инородцевъ, Коряковъ и Чукчей. На востокѣ Европы поселились Финны; на сѣверо-западѣ—Кельты, на сѣверѣ—Германцы. Литво-Летты и Славяне заняли срединное положеніе между ними.

«Языкъ арійскихъ племенъ Азіи указываетъ на ихъ стародавнее географическое сосѣдство съ Литво-Леттами, Славянами, Фракійцами и Греками. Съ низовьевъ Дуная арійские пастухи и землепашцы пробрались, очевидно, въ черноморскія степи и черноземную полосу. Они нашли лѣсное пространство занятымъ финскими охотничими племенами, а склоны Кавказа до долины Маныча—многочисленными, густо сплоченными и воинственными первобытными жителями, дикость и отвага которыхъ мѣшали переходу черезъ Кавказскій горный хребетъ. Поэтому въ своеѣ дальнѣйшемъ движеніи впередъ они должны были направиться къ арабо-каспійской степной области и странѣ двурѣчья; слава страны чудесъ Индіи влекла первыхъ переселенцевъ черезъ Гиндукушъ во всеобъемлющее лоно дравидскихъ народовъ, между тѣмъ какъ ихъ иладиѣ братья, какъ разъ на границѣ исторической жизни, овладѣли возвышенностью, которая простирается на западъ до Тигра и Аракса; здѣсь къ нимъ вскорѣ присоединились Армяне, самые передніе изъ Мизо-Фригійцевъ, двинувшихся отъ Гемуса къ Галису, чрезвычайно сильно смѣшанный съ малоазійскими первобытными жителями конгломератъ, которому съ этой поры суждено было подпасть иранскому вліянію».

Въ черноморскихъ степяхъ и въ области двурѣчья оставались, однако, всегда арійскія кочевыя племена, Саки, Массагеты, Сарматы и Сколоты. Родство сколотовъ (скиесовъ) съ иранскими племенами не подлежитъ теперь сомнѣнію. Историческія воспоминанія ихъ восходили за тридцать поколѣній до похода Дарія въ Скиесію, т. е. за 1500 приблизительно лѣтъ до Р. Хр. Они считали себя автохтонами.

Судоходство играло въ жизни древнихъ Арийцевъ второстепенную роль. Послѣ Фригийскихъ племенъ, которыхъ рано достигли Пропонтиды и Эгейского побережья, первые ознакомились съ мореходствомъ Іонійцы и скоро вытеснили своихъ соперниковъ, Карайцевъ, изъ всѣхъ бухтъ и гаваней. Первые попытки Іонійцевъ завязать иѣновыя сношения со Скиеями надо отнести къ восьмому столѣтію. Уже въ Иліадѣ (XIII, 5—6) мы встречаемъ „дивныхъ мужей Гиппомолотовъ, бѣдныхъ, питавшихся только мелкотой, справедливѣйшихъ смертныхъ“,—слова, указывающія на ихъ кроткіе нравы и склонность къ иѣвой торговлѣ. Торговый путь внутрь страны проложили Скионы, народъ воинственный, но доступный также мирнымъ занятіямъ торговлей. У Геродота мы находимъ и иѣкоторыя подробности о сношенияхъ Грековъ со Скиеями.

Предметы, найденные до сихъ поръ въ скіескихъ могилахъ, очень многочисленные, по формѣ и отдѣлкѣ носятъ смѣшанный характеръ; рядомъ съ произведениями греческаго искусства четвертаго и третьаго вѣка находятся другія, прямо указывающія на ассирийскій и персидскій востокъ; совершенно варварской вкуսу сказывается въ подвѣскахъ и юблякушахъ. Встрѣчается много предметовъ, сдѣланныхъ, очевидно, мало-азійскими мастерами, Карійцами, Мидійцами, Іонійцами.

Южныя страны доставляли, кромѣ предметовъ искусства, масло и вино; предметами вывоза служили особенно пшеница и рожь, лошади и быки, мяча, кожи и шерсть, медъ, воскъ и рыба.—Степи не были богаты металлами. Въ курганахъ находятъ посуду разнаго рода, изъ меди и бронзы, очевидно произведенія иностранныхъ мастеровъ. Впрочемъ, не надо забывать, что бронзовую утварь встрѣчали также въ могилахъ на Алтѣзѣ и Уралѣ, и что Скионы поддерживали постоянныя сношения съ этими областями. Вероятно, не мало золота приходило въ Скиею съ Урала, Алтая и изъ Тибета.

Знаніе вышеприведенныхъ фактовъ поможетъ намъ при описаніи, едва не относеннаго къ области вымысла, путешествія одного юнійскаго Грека.

Аристей Проконнесский.

Главныи источникъ свѣдѣній объ Аристѣѣ служить Геродотъ; изъ новѣйшихъ исследованій о немъ лучшее Е. Тонгпіє: «de Aristea Proconnesio et Агіасрео роемате.» Paris. 1863.

Въ Проконнесѣ и Кизикѣ Геродотъ слышалъ объ Аристѣѣ слѣдующее (IV, 14): Аристей, находясь въ своемъ родномъ городѣ, вошелъ однажды въ валыльную мельницу и тамъ умеръ; валыльщикъ заперъ мастерскую и пошелъ уведомить родственниковъ; когда открыли валыльню, то не нашли въ ней Аристея; тогда какой то Кизикенецъ сталъ уѣбрять, что онъ самъ повстрѣчалъ и бесѣдовалъ съ Аристеемъ на пути его въ Кизикъ. Съ тѣхъ поръ объ Аристѣѣ не было слышно; но на седьмомъ году послѣ этого онъ снова явился въ Проконнесѣ, составилъ здѣсь ту поэму, которая у Эллиновъ называется Ариасповой, и по составленіи ея исчезъ вторично.—Находясь въ нижней Италии (съ 443 по 450), Геродотъ услышалъ новый разсказъ объ Аристѣї отъ жителей Мегапонта: двѣстѣ сорокъ лѣтъ спустя послѣ вторичного исчезновенія, Аристей явился въ ихъ область и повелѣлъ соорудить жертвеникъ въ честь Аполлона и подѣлъ него поставить его собственное изображеніе, такъ какъ онъ былъ прежде у нихъ виѣтъ съ Аполлономъ, но не Аристеемъ, какъ теперь, а ворономъ. Отдавши такое приказаніе, Аристей исчезъ.

Въ послѣднемъ сказаніи для насъ важно лѣтосчисление Мегапонта: 240 лѣть—это 8 поколѣній, по Геродоту. Если же они считали поколѣніе равнымъ 28 годамъ, то зна, что Геродотъ посѣтилъ Мегапонтъ незадолго до 430 года, мы получимъ время сочиненія Ариасповой поэмы ($431 + 8.28 =$) 655 годъ, какъ разъ годъ основанія Ольвіи. Къ тому же выводу приводятъ и другія сопоставленія.

Семилѣтнее отсутствіе пѣвца (ок. 662—655) послѣ исчезновенія изъ родного города и указаніе, что Аристей слѣдовалъ за Аполлономъ въ страну Гиперборейцевъ и въ образѣ ворона—все это несомнѣвныя ставки самой поэмы. Полетъ души поэта въ образѣ ворона—это своеобразный и по истинѣ поэтический пріемъ для выраженія ви-

запио проявившагося божественнаго вдохновенія, ироникованія Аполлономъ, и блужданія по гиперборейской странѣ. Какъ извѣстно, Эллины представляли себѣ въ бѣлонъ лебедѣ и черномъ воронѣ, спутникахъ бога свѣтла Аполлона, символы дня и ночи. Поэтому В. Томашекъ предполагаетъ такое вступленіе къ поэмѣ:

О устремися, поэта душа, въ земную область!
И родную страну, и градъ Прокона несцевъ покинувъ,
Въ Гиперборейцевъ скрѣе несись ты счастливыхъ странъ,
Какъ всевидящий вранъ и виѣсть Феба вожатый.
Мощно постигъ меня богъ, овладѣло желаніе мною
Бога блаженное зреТЬ обиталище, свѣтлое царство,
И за Понтомъ тогда увидѣть народы и страны,
Горы и рѣки затѣмъ, и небесныя звѣздныя тропы.

Кромѣ миѳическихъ сказаний, поэма содержала также чисто географическій итопографический свѣдѣнія. Слѣдуетъ думать, что сверхъ народовъ, упоминаемыхъ у Геродота, какъ-то Исседоновъ, Аримасповъ, Гиперборейцевъ, Скиѳовъ и Киммерийцевъ, въ поэмѣ шла рѣчъ и о другихъ племенахъ и мѣстностяхъ, менѣе значительныхъ. Поэма состояла изъ трехъ пѣсенъ: первая заключала описание путешествія до Исседоновъ; вторая—битвы Аримасповъ съ грифами и сказаніе о Гиперборецахъ; третья—возвращеніе въ кишѣвшую Киммерийцами родину.

Рынокъ Исседоновъ.

„Аристей говорилъ въ своей поэмѣ, что по вдохновенію Аполлона онъ прибыль къ Исседонамъ“ (Герод. IV, 13); „онъ выражался въ своей поэмѣ, что не проникаль дальше Исседоновъ; о земляхъ, выше лежащихъ, онъ говорилъ по слухамъ, утверждая, что такъ передавали ему исседоны“ (IV, 16). Гдѣ жилъ этотъ народъ? что извѣстно о его происхожденіи, языѣ и обычаяхъ?

Изъ Аримасповой поэмы, отъ которой до насъ дошли лишь скучные отрывки, ближашіе поэты и писатели черпали свои свѣдѣнія объ этомъ народѣ: такъ, Алкіанъ.. Гекатей и Дамастъ изъ Сигса.—Данныя, сообщаемыя Геродотомъ, очень содержательны. По его словамъ, Массагеты, большое кочевое племя, жили «по ту сторону (=сѣвернѣе) рѣки Аракса (=Яксарта или Сыръ-Дарьи), противъ Исседоновъ», т. е. между тѣмъ какъ массагеты кочевали въ степяхъ и горахъ сѣвернѣе Яксарта, Исседоны жили по другую сторону, именно къ югу отъ Тянъшана, по бассейну р. Тарима. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ: «въ точности извѣстно, что земля къ востоку отъ плѣшивыхъ населена Исседонами» (IV. 25). Дальше будетъ показано, что «плѣшивые» жили къ югу отъ Алтая или Ак-дага; направление «къ востоку» въ дѣйствительности было юго-восточнымъ; такимъ образомъ мы оказываемся у восточнаго отрога Тянъшана, у оазисовъ Камула, Ша-чеу и Су-чеу, т. е. въ нынѣшней китайской провинціи Кан-су или прежнемъ Тангутѣ.

Чтобы точнѣе узнать положеніе Исседоновъ, Томашекъ обращается къ опредѣленію мѣстностей, которая изслѣдовалъ чрезъ своихъ агентовъ македонскій купецъ Маэсъ (Тицианъ) и которая были изображены на картахъ Марина Тирскаго и Птолемея. Цвѣтущую пору жизни Марина Томашекъ относить къ 80—100 гг. по Р. Х., а время, когда Маэсъ послалъ въ Сѣрику (Китай) своихъ персидскихъ агентовъ, къ 50—70 гг., т. е. когда басейнъ Тарима былъ потерянъ для Китая и Гунны владѣли всѣми торговыми путями; только полководецъ Пан-чао (70—95) вернулъ Китаю не надолго пути къ двурѣчью.

Изъ Самарканда караваны шли чрезъ Ошрусану въ Фергану, гдѣ одно за другимъ слѣдовали мѣста остановокъ, нынѣшніе Ходжендъ, Коканъ, Маргеланъ и Андуганъ. Слѣдя течению р. Кизыл-су, достигали восточнаго ската горъ Хиншата или Цун-лина къ юртѣстрою тѣмъ вѣтѣ тѣмъ Еїрачъ єрткорюорибону, чтѣ находилось уже въ

области Кафіа. Это брмуттюроу стояло на мѣстѣ нынѣшней метрополіи Кашгара. Отсюда съверо-восточное направлѣніе дороги переходитъ въ восточное; ближайшей станціей слѣдуетъ считать нынѣшній городъ Куча, затѣмъ Даңча, положеніе которой спорно. У Курле дорога раздваивалась: одна вѣтвь шла внизъ по р. Тариму къ Лоб-нору, здѣсь жили Оїхардса, а другая вдоль Тяньшаня, гдѣ ложбина озера Каражахра была мѣстомъ, гдѣ жили Піалак. Народъ Оїхардса получилъ свое название отъ рѣки Оїхардс, т. е. Таринъ-Дарын. Къ востоку отъ Лоб-нора лежитъ озеро Харыагоръ, въ которое впадаетъ рѣка Булунгир-холь, по-китайски Су-ле или Ху-лу-ху; последняя получаетъ съ горъ Наньшаня множество рѣчекъ, напримѣръ золотоносную Танг-ху, на восточной сторонѣ которой лежалъ городъ Ша-чеу. Область Исседоновъ простиравалась отъ Танг-ху за Ша-чеу, Куа-чеу, таможню Янг-куанъ и берегъ Ху-лу-ху до первыхъ воротъ стѣны Су-чеу; а въ ширину отъ съверной подошвы Наньшаня до Ки-ліэн-шана или до восточного отрога Тяньшаня. Съверная вѣтвь дороги также вела въ область Исседоновъ. Отъ Курле шли чрезъ рѣчной проходъ, «желѣзныя ворота», ко впаденію рѣки Ханду-хола или Юлдуз-су въ Бостенг-наоръ или Баг-хадж-холь.

Затѣмъ Томашекъ описываетъ дорогу отъ восточной границы исседоновъ до Китая: Въ дневной переходъ доходили до укрѣпленія Кіаюкуана и первого большого китайскаго города Су-чеу, мѣста торговли ревенемъ и китайско-тибетскими товарами. Потомъ достигали Кан-чеу и Ліанг-чеу и переплывали рѣку Ваўтас, Хо, берущую начало въ странѣ народа Ваўтас. На правомъ берегу этой рѣки стоитъ Даҳата, т. е. Лан-чеу. Столица Щура и тутротолс, названная у Птолемея также Сарача (въ изданіяхъ Сарата) — это Конг-тіенъ или Кинг-чанъ, Кин-джан-фу, нынѣшній Си-ан-фу. Название Сарача, Щура, Щурос были распространены Персами. Другое название Китая, Чина, откуда Фіна и Сіна, — индійского происхожденія.

Какъ замѣчается Киперть, въ сочиненіяхъ Индіи, Тибета и Китая не сохранилось сѣдовъ именіи Исседоновъ. Томулько такъ объясняетъ этимологію слова 'Іссудѡнъ, 'Іссудоі. Конечное — дѡнъ онъ: сравниваетъ съ зендскимъ дана, новоперсидскимъ дан, осетинскимъ дона, дон = „кладовая, склад“. Первую часть слова онъ поясняетъ зенд. ашша, санскр. эша „желаніе, требованіе“ или лучше от gl. прилаг. ишха „достойное желанія, сокровище“. 'Іссудѡнъ могло бы поэтому значить „складъ сокровищъ, рынокъ“. Было два рынка: одинъ для Скиевъ (Турокъ Тяньшаня) — Куча; другой, главный, для тибетскихъ и китайскихъ товаровъ, находившійся въ рукахъ жителей оазисовъ р. Суле-ху, Іссудѡнъ и Щуриху.

Обычаи и торговля Исседоновъ.

Неизвѣстно, какъ называли себя жители этого рынка сами. Въ китайскихъ лѣтописяхъ кочевые племена съвернаго Тибета въ области Наньшаня, отъ китайской стѣны до Хуттана и Ладака, именуются общимъ именемъ Кіангъ. Совершенно совпадали съ мѣстомъ жительства Исседоновъ, между Тюн-хоянгомъ и Чан-с-кюномъ, отъ Наньшаня до Кіліэн-шана или восточного отрога Небеснаго хребта, многочисленные Юэ-чи, наиболѣе близкіе къ народу Кіангъ по обычаямъ и языку. Другое племя Кіанга, жившее около озера Лоб-нора, было извѣстно подъ китайскимъ названіемъ Леу-ланъ или Шен-шень. Даље на западъ, къ нимъ примикали Ту-х-ло, греч. Т'охаро, санскр. Тухара, тиб. Тхо-гаръ, доставлявшіе въ Индію шелковыя матеріи, мѣха и желѣзо. Происхожденіе и настоящія формы этихъ именъ неизвѣстны; трудно опредѣлить мѣстное произношеніе китайского сочетанія звуковъ Юэ-чи. Достовѣрно извѣстно только, что въ образѣ древнихъ Исседоновъ является съверная вѣтвь тибетской народности, принадлежащей къ великому „односложному“ миру народовъ, ядро которыхъ по верховьямъ Кіанга, Яр-лунга и Тсанг-шху носитъ названіе Бод-ба, Ваўтас у Птолемея, Бхота въ санскритскихъ сочиненіяхъ, Фу въ лѣтописяхъ Сун, Ту-фанъ во времія династіи Тхангъ. Съ этимъ выводомъ согласно и изображеніе обычаевъ Исседоновъ у Геродота.

Воть что сообщает Геродотъ (IV, 26): „Если у кого умреть отецъ, всѣ родственники пригоняютъ къ нему скотъ, за симъ убиваютъ животныхъ, разрѣзываютъ мясо на куски вмѣстѣ съ покойнымъ родителемъ хозяина, все мясо мышаютъ вмѣстѣ и устраиваютъ пиршество. Голову покойника обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ ее изнутри и покрываютъ золотомъ, потомъ пользуются ею, какъ священнымъ сосудомъ при совершении торжественныхъ годичныхъ жертвоприношеній. Празднество устраиваетъ у нихъ сыны въ честь отца, какъ у эллиновъ праздникъ поминовенія покойниковъ“. То-же подтверждаетъ позднѣйший греческий писатель Зиновій. Культь предковъ играетъ видную роль въ жизни „односложныхъ“ народовъ; въ срединномъ царствѣ онъ принялъ издавна болѣе прятныхъ формы, въ Тибетѣ же онъ является въ неприглядномъ видѣ пожирания мертвыхъ: тибетцы представляли себѣ, что съ кусками мяса переходить въ потомка драгоценными качествами покойного, и такимъ образомъ отецъ продолжалъ жить въ сыне.

Затѣмъ Томашекъ приводить сходныя извѣстія Мегасеона у Страбона (стр. 710), Амомета у Плинія (V, 55) и древнихъ китайскихъ памятниковъ, а также средневѣковыхъ путешественниковъ.

Геродотъ говоритъ далѣе (IV, 26): „женщины пользуются одинаковымъ положениемъ съ мужчинами“. У сарматовъ образъ жизни женщинъ носилъ романтическій характеръ, подобно жизни амазонокъ: ихъ власть опиралась на участіе женского пола въ военныхъ упражненіяхъ. Въ Тибете власть женщинъ основывалась на поліандрии: бережливость и трудности домоводства вели къ родственному союзу братьевъ, при чемъ само собой общей хозяйкѣ выпадала на долю роль повелительницы. То-же устройство встрѣчается и у тибетскихъ нереселенцевъ въ Бактріанѣ. Вен-шу и Сун-шу говорять о племени Ту-хо-ло, Тохаро, слѣдующее: „У братьевъ одна общая жена; послѣдняя носить на своемъ чешцѣ столько рожковъ или одинъ рогъ со столькими вѣтвями, сколько братьевъ; когда одинъ изъ братьевъ входить въ ся покой, то въ знакъ того онъ ставить свои башмаки передъ дверью. Дѣти принадлежать старшему изъ братьевъ“. То-же извѣстно о народѣ Іо-тха (Ифаль, 'Аѣдало' или 'Еѳдалатай'); подобный головной уборъ носить и теперь у Башгали-Кафировъ въ западномъ Чирталѣ и въ Яркандѣ. Въ китайскихъ лѣтоисчислѣ встрѣчается въ западномъ Тибете „Царство женщинъ“, Ню-Куэ, где, какъ въ древней Лики, „мужчины носятъ родовое имя матери“. — Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что добываніе золота въ „Царствѣ женщинъ“ не басня; добытый песокъ доставляется въ Лх-су и продаётся въ Китай; много золота идетъ черезъ Гар-тхогъ въ Индию.

Тибетскій сурокъ, роющій себѣ норы (кхунгъ) и устраивающій кладовыя (тишангъ), называется по тибетски пхій-ба (произносится чи-ва). Въ индійскомъ сказаніи его замѣняетъ муравей пшилика; въ Махабхаратѣ (II, 2860) говорится, Кхаса, Кулида, Таигана и другія горныя племена юга доставляли муравьевое золото. Уже Геродотъ знаетъ, что сама Индія бѣдна золотомъ (III, 105); по его словамъ, почти все золото приходитъ туда съ юга, отъ великой песчаной пустыни, которая простирается отъ Бактры и страны Саковъ далеко на востокъ (III, 98, 102 и слѣд.). тамъ существуютъ муравьи, которые зарываются въ землю и выбрасываютъ на поверхность золотой песокъ. Ктесій у Эліана (de апіш. IV, 27) говоритъ, слѣдя бактрійскому преданію, не о муравьяхъ, но о грифахъ, роющихихъ и стерегущихъ золото; караваны, доставлявшіе золото, находились въ пути по крайней мѣрѣ три года; пріски лежали въ пустынѣ. Мегасеонъ, повидимому, тоже упоминаль обѣ индійскомъ муравьевомъ золотѣ; онъ помѣщалъ его, какъ видно изъ Эліана (III, 4), по близости рѣки Кампилина, где начинались границы Исседоновъ. Въ данномъ случаѣ Исседоны означаютъ западную вѣтвь тибетцевъ, именно жителей „Женского царства“; послѣдніе, безъ сомнѣнія, рано стали доставлять золото своей страны на всемирный рынокъ.

Наконецъ, Геродотъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: „вообще же и эти Исседоны считаются справедливыми народомъ“. Въ словѣ „справедливый“ кроется указаніе на преимущественно мирныхъ занятія и торговую дѣятельность. Какие же товары доставлялись на рынокъ Исседоновъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, основываясь только на неизѣнляемости природныхъ условій, такъ какъ Геродотъ не даетъ намъ ни

то никакихъ указаний, какъ и вообще древніе вѣсъма скучны на сообщенія о предметахъ торговли. Слѣдовательно, это были естественные произведенія страны и товары, которыми къ вѣкѣ наше время торгуютъ басейнъ Тарима, Кан-су и Бод-юль. О золотѣ было сказано. Верхній Тибетъ богатъ и другими металлами, какъ то: серебромъ, мѣдью, оловомъ и проч. Трудно сказать, шель ли ранѣе четвертаго вѣка черезъ Исседонъ китайскій шелкъ.

Ариаспы.

Исседоны, т. е. вѣкъ этомъ случаѣ не туземные Тангуты, а скорѣе поселившіеся въ рынкѣ Иранцы, которые были посвящены въ условія страны и съ которыми Грекамъ было легче объясняться, рассказали Аристею про народы, жившіе за его предѣлами, частью басни и очевидный вымыселъ, изъ чего поэтъ выткаль фантастическій узоръ, по гомеровскимъ образцамъ. Но сосѣди Исседоновъ, Ариаспы, давшіе имъ его поэмѣ, принадлежали не къ области вымысла; народу этому было суждено оставить замѣтные слѣды въ исторіи. Но сперва послушаемъ самого поэта и посмотримъ, нельзя ли извлечь что нибудь изъ слѣдующихъ пяти строкъ, сохранившихъ у лексикографа XII вѣка Тщетца (Исседоны говорятъ):

Намъ угрожаютъ, собравшись толпой враждебной, сосѣди,
Сверху, отъ сѣвера, много ихъ, воины храбрые очень,
Прензобильны стадами коней и овецъ и быками—
Съ гривой косматой, они сильнѣйшие всякихъ народовъ;
Глазъ же единий у каждого есть на челѣ прелюбезномъ.

Ариаспы были, слѣдовательно, многочисленными, воинственнымъ и грознымъ народомъ; одинъ видъ этихъ варваровъ долженъ быть внушать страхъ; это были степные кочевники, владѣльцы табуновъ лошадей, быковъ и овецъ; они жили на сѣверѣ, вдоль по границѣ страны Исседоновъ. Не ломая себѣ головы, можно сказать, что одинъ глазъ Ариасповъ сочинѣнъ по примѣру гомеровскихъ циклоповъ¹⁾). Если же дѣйствительно полагать вѣкъ основы мѣстное преданіе, то этимъ на символическомъ языкѣ восточной Азіи выражена низкая степень развитія сыновъ степей.

Если заглянуть въ исторію минувшихъ тысячелѣтій, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что подъ Ариаспами разумѣются Гунны, которые въ китайскихъ языческихъ явленияхъ подъ именемъ Хунг-ну и уже во времена династіи Чу (1134—256) дѣйствовали на сѣверѣ, подъ именемъ Хюн-юнь и Хюн-ю, какъ сильно разбойничье племя. Издревле раздѣленные на множество ордъ, они неоднократно соединялись въ одно могущественное государственное цѣлое, которое принимало устройство срединного царства; они главнымъ образомъ владѣли торговыми путями, ведущими изъ западныхъ странъ, и на важнѣйшихъ пунктахъ гунскіе чиновники брали съ проходящихъ каравановъ пошлину. Народъ Хунг-ну можно считать тюркскимъ или же народомъ, вышедшими изъ амурской области; или же подъ этимъ именемъ политически соединились кочевья племена различного происхожденія; въ послѣствіи, на почвѣ Европы, господствующій родъ Гунновъ былъ во всякомъ случаѣ тюркский, какъ показываютъ собственные имена. Эти кочевники не остались неизвѣстными жителямъ запада и юга: ихъ имя встрѣчается и въ индійскомъ эпосѣ (Хуна), и въ Авестѣ (Хуваво), и у писателей классической древности (Фоюю, Хойюю, Оююю, Чинпи). Если допускать тюркское происхожденіе, то название Гунновъ могло произойти отъ онъ, бнѣ — „увеличиться“, „пускать ростки“, „рости“.

¹⁾ Сомнительно,— не туземное ли это преданіе, слышанное торговцами Греками? У Якутовъ и Тунгусовъ есть народное представлѣніе о народѣ одноглазомъ (См. у настѣ стр. 175), однорукомъ и одноногомъ. См. также о дикихъ людяхъ Челюгдахъ (отл. Енис. воеv. князя Щербатаго 1686 г. Чт. М. Общ. Ист. 1888 г. сообщ. г. Годово-Голомбіевскимъ) въ прекрасное изслѣдованіе проф. Д. Н. Анутина «Къ истории ознакомленій съ Сибирью». М. 1890. Стр. 86 и сл. Ред.

Какъ же могли Гуны получить название 'Аригасты'? Очевидно оно явилось у греческихъ гостей Исседона и поэтому встречается не только у Аристея: оно вошло также въ языкъ Скиевъ, которые узнали про Аримасповъ во время своихъ побывокъ въ Исседонѣ (Герод. IV, 27). Скиеское словоизвѣдство (см. тамъ-же) отъ ἄρις—άρις (одинъ) и ἀπός—ἀφθαλμός (глазъ), какъ народное, неудачно. Томашекъ предполагаетъ толковать его какъ „владѣлець дикой степной лошади“. По примѣру Аристея, Эсхилъ говорить (Пром. 829) о „конномъ войскѣ Аримасповъ“; Авеста представляетъ хищныхъ Гунновъ всадническимъ народомъ; у Хунг-ну были ручные, дикие и полудикие кони; въ китайскихъ лѣтоисчисляхъ они тоже являются наездническимъ племенемъ. Кроме коней, быковъ и овецъ, Гуны владѣли также ослами, мулами, а также верблюдами, ручными и дикими.

Аристей описалъ далѣе битвы Аримасповъ съ стерегущими золото грифами (Герод. IV, 13), «остроносыми, молчаливыми собаками Зевса» (Эсх., Пром. 805), жившими дальше на сѣверѣ; земля производила то золото, которое грифы защищали какъ свою собственность (Павсан. I, 24,6); приходили одноглазые Аримаспы и похищали его у гриfovъ (ὑπὲ τὸν γρυπὸν Герод. III, 116). Быть можетъ, Аристей говорилъ также о «золотоносной рѣкѣ» (Эсх., Пром. 820), образующей границу Аримасповъ и грифовъ. Изъ этихъ сказаний Геродотъ выводить (III, 116), что сѣверъ земли изобилуетъ золотомъ, какъ вообще «окраины земли получили на свою долю наиболѣе цѣнныя предметы» (III, 106).

Первый ввѣль грифовъ въ греческую поэзію Гесіодъ; въ гомеровскихъ иѣсняхъ они не встречаются. Но смѣшанныя существа, какъ то грифы и сфинксы, химера и гарпія, принадлежатъ до-греческой порѣ и обязаны своимъ происхожденіемъ востоку. Корень слова «гриф» (*γρύψ*)—семитскій (крубъ, евр. херубъ); чрезъ Финикицевъ оно достигло до Карійцевъ и Іонійцевъ, и Аристей могъ пользоваться имъ ок. 660 г., какъ общеизвѣстнымъ. Когда въ 630 году Самосцы воротились изъ Тартеса, то заказали мѣдную чашу, кругомъ украшенную выдающимися падью краями головами грифовъ (Герод. IV, 152). Іонійские мастера познакомили Скиевъ съ этими восточными чудовищами. Служила ли птица грифъ, соединяющая въ себѣ лапы льва съ клювомъ и крыльями коршуна, символомъ палищаго солнца и потому охранителемъ металла, блестящаго какъ солнце? Или же символомъ мрачнаго лона земли и силы природы, противившейся тому, чтобы ея сокровища извлекались на дневной свѣтъ, какъ напр. крылатыя змѣи или драконы Аравіи охраняютъ ладонныя деревья (Герод. III, 107)? Нежели сказаніе о грифахъ проникло уже въ седьмомъ вѣкѣ чрезъ Персовъ и Скиевъ въ китайскій оазисъ, какъ напр. 250 лѣтъ спустя Ктесій тамъ, гдѣ Геродотъ толкуетъ о муравьевомъ золотѣ, говорить о золотѣ грифовъ? Томашку кажется вѣроятнѣе предположеніе, что куницы въ Исседонѣ рассказывали о битвахъ Аримасповъ съ дикими звѣрями, драконами, собаками или сурками, а что Грекъ Аристей взамѣнъ ихъ выбралъ самъ отъ себя восточного грифа.

Путешественники сообщаютъ, что сурки (или байбаки) вырываютъ себѣ глубокія норы и вмѣстѣ съ простымъ пескомъ выбрасываютъ на поверхность кусочки руды, чѣмъ и пользуются рудоискатели. Такъ какъ Алтай является здѣсь «золотой горой», то легче всего предположить, что Аримаспы добывали свое золото именно въ области Алтая. Жители Исседона знали, конечно, о богатыхъ залежахъ золота на Алтаѣ и въ своихъ баснословныхъ разсказахъ они съ особеннымъ удовольствиемъ указывали на эту далекую область, но только чтобы ввести въ заблужденіе иностранцевъ и выставить какъ можно понятнѣе трудности добыванія золота. На самомъ же дѣлѣ они не доставали золото ни на далекомъ сѣверѣ, ни у враждебныхъ Аримасповъ, но добывали его въ своей собственной странѣ. Нѣкоторыя рѣки Наньшана, какъ и вообще почти все рѣки восточнаго Тибета, золотоносны; кроме того, на западной границѣ ихъ страны лежала обильная золотомъ область истоковъ Инда Тсань-шу. Томашекъ полагаетъ, что въ Исседонѣ, древнемъ рынке для торговли золотомъ, чужестранцы не могли знать настоящаго происхожденія металла; золото приходило не съ Алтая, а съ границъ Индіи, изъ «Женского царства».

Рипеи и Гиперборейцы.

Со словъ Исседоновъ Аристей говорилъ далѣе (Герод. IV, 13), что надъ грифами, стерегущими золото, живутъ Гиперборейцы, простирающіеся до моря. Сообщая о народныхъ смыслахъ, Аристей замѣчаетъ кромѣ того, что между тѣмъ какъ другіе народы, начиная съ Аримасповъ и до живущихъ у южнаго моря (хотѣлъ щада, т. е. у Понта) Киммерийцевъ, постоянно воюютъ съ сосѣдями, одни Гиперборейцы пребываютъ въ спокойствіи и мирѣ. Аристей различалъ такимъ образомъ два моря: «южное или Средиземное вмѣстѣ съ Понтомъ и противоположное ему «другое море», тѣ же щада щада, вплоть до котораго жили Гиперборейцы. Геродотъ самъ употребляетъ послѣднее выражение, говоря (I, 202), что Каспійское море — отдельное море, не сливающееся съ «другимъ моремъ». Вѣсть объ Арктическомъ и Восточномъ океанѣ не вытекала исключительно изъ гомеровскаго представленія о всеобъемлющемъ океанѣ; къ этому представлению прибавились ко времени Аристея свѣдѣнія среднеазіатскихъ народовъ, основанныя на наблюденіяхъ торговыхъ народовъ сѣвера и востока. Напримѣръ, Исседонамъ не могло остататься неизвѣстнымъ, что рѣки китайского востока текутъ въ Восточный океанъ; они могли это узнать отъ китайскихъ торговцевъ, посѣдавшихъ ихъ рынокъ. Народъ «срединнаго царства», жившій на берегу этого Восточного океана, рано узналъ и о Сѣверномъ океанѣ пе-хай. Вездѣ у древнихъ писателей сказывается представление о крайнихъ пріокеанскихъ пространствахъ; ничто не мѣшаетъ отнести это представление и въ вѣкъ Аристея. Вѣдь многие географические факты были извѣстны народамъ гораздо раньше, чѣмъ стали говорить о нихъ въ сочиненіяхъ. Рѣшеніе того, было ли «другое море» Ледовитымъ океаномъ или Восточнымъ, стоитъ въ связи съ вопросомъ о положеніи Гиперборейцевъ. Въ своихъ определеніяхъ странъ свѣта древніе сплошь и рядомъ ошибались. У Аристея, Геродота и Дамаста Исседоны являются живущими далеко на сѣверѣ щада щада; въ действительности они были восточными народомъ. Если мы пойдемъ въ этомъ, яко-бы сѣверномъ, на самомъ же дѣлѣ восточномъ, направлениіи, то достигнемъ крайней точки древнѣй юнійскаго землевѣдѣнія, именно Восточнаго (Великаго) океана, на Ледовитаго.

Рипеи, вѣчно покрытые снѣгомъ высокія горы, любимое мѣстопребываніе сѣверо-восточнаго вѣтра, получили свое греческое название отъ постоянно дующаго сѣвернаго вѣтра (рѣтѣ, борнѣ, волнѣ, ротнѣ). Подъ Рѣтаки Рѣтаки борнѣ греки подразумѣвали первоначально только лежащія къ сѣверу отъ Греціи и Сицилии высокія горы, Гемусъ, Иллірійскія горы юга, Апенины, а затѣмъ и Альпы. Если Аристей примѣнилъ это название къ горамъ, лежавшимъ надъ Аримаспами и грифами, то причиной тому были разсказы Исседоновъ о непроходимыхъ, покрытыхъ снѣгомъ горныхъ кряжахъ, лежавшихъ за Гуннами; конечно, нельзя рѣшить, были ли то горы Тяньшаня, Алтай, Хинган-оло или, скорѣе всего, горы юга на восточной границѣ Китая.

Вопросъ о Гиперборейцахъ продолжаетъ еще быть вполнѣ загадочнымъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сказочномъ узорѣ слѣдуетъ различать двѣ нити, — древнѣйшую, мифологическую, и другую, болѣе ясную, почти историческую. Чисто эллінскія пары боговъ Геліосъ-Селена рано была замѣнена парными божествами Лелеговъ Аполлономъ — Артемидой; древнѣйшая мѣста аполлонова культа, Дельфи, Делосъ и Патара, лежали въ земляхъ Лелеговъ и Ликійцевъ. Значеніе Аполлона, какъ бога дневнаго свѣта и яснаго лѣтнаго времени года, доказано: въ зимнюю пору года представляли себѣ бога свѣта пребывающимъ вдали, у «сѣверныхъ» народовъ, у которыхъ именно тогда наступали ясные лѣтніе дни, въ странѣ ночи, рождающей свѣтъ. Когда сѣверные колоніи присыпали въ Дельфи и Делосъ вклады Аполлону, своему богу — покровителю, то говорили, что прибыли дары «Гиперборейцевъ». Съ береговъ Понта они шли чрезъ Синопъ и Пропонтиду въ Делосъ. Содержаніе Аримаспова эноса должно было дать поводъ къ тому, что рядъ народовъ, чрезъ земли которыхъ подарки достигали Делоса, простираясь до Гиперборейцевъ Аристея; делоскіе жрецы распространяли представление, что посвятителями вкладовъ были отдѣленные Гиперборейцы, которые и передали

эти начатки плодовъ Аринасамъ, тѣ—Скинаамъ и такъ дальше. Все это могло произойти только въ томъ случаѣ, если Аристей приписалъ Гипербореицамъ высокую степень развитія, воздѣлываніе пшеницы и проч.

Что же собственно сообщалъ Аристей о Гипербореицахъ? Геродотъ не даетъ намъ на то никакихъ указаний. Юнійскій пѣвецъ, отступившій настолько отъ традиціи, что помѣстилъ любимый народъ Аполлона на крайнемъ сѣверномъ или, лучше, восточномъ пунктѣ земли, на основаніи сообщеній Исседоновъ, долженъ былъ, конечно, получить извѣстія о какомъ-то народѣ, живущемъ за Гуннами, высоко развитомъ, который пользовался за свою зажиточность, благосостояніе, земледѣльческую дѣятельность и садоводство и за свое миролюбіе широкой и далекой славой. Всѣмъ извѣстно, что подобный народъ дѣйствительно существуетъ на восточномъ краю свѣта; поэтому совершенно правъ Гладишъ (Gladisch), защищая въ своемъ изслѣдованіи «Гипербореицы и древніе Китайцы» (Лейпцигъ, 1866) мысль, что жители Китая, съ ихъ издавна высоко развитой материальной и нравственной культурой, съ ихъ образомъ жизни, основаннымъ на земледѣліи и предпочитающимъ всѣ мирные занятія, съ любовью къ музыкальнымъ искусствамъ, скорѣе всего имѣли бы право считаться именно аполлоновыми Гипербореицами. Только способъ доказательства Гладиша ошибоченъ; онъ примѣнимъ не къ Гипербореицамъ вообще, но лишь къ Гипербореицамъ Аристея; иѣтъ причины всѣ черты жизни, какія поэты приводятъ о европейскихъ Гипербореицахъ, относить непремѣнно къ народу азіатскаго востока; стараніе привести сравненіе до мелочей привело къ произвольнымъ предположеніямъ; важнѣйшее указаніе во всемъ вопросѣ, которое однозначно подтверждаетъ тождество Гипербореицевъ съ народомъ Желтой рѣки, именно положеніе оазиса Исседоновъ въ центрѣ среднеазіатскихъ торговыхъ путей, осталось для исслѣдователя неизвѣстнымъ. Отсылая за подробностями сравненія къ сочиненіямъ мюнхенскаго синолога Плата (G. Plath), Томашекъ ограничивается замѣчаніемъ, что между Исседонами и Китайцами должны были состоять мѣновыя сношенія, но что имъ мѣшали „сѣверные варвары“ или Гунны-Аринасы, дѣлавшіе въ 7 и 8 столѣтіи, какъ кажется, сильныя нападенія на китайскую и исседонову область. Неучастіе „гиперборейскаго“ племени въ народныхъ буряхъ, исходившихъ отъ Аринасовъ и простиравшихся, по мнѣнію Аристея, до киммерийскихъ береговъ, виолѣтъ соответствуетъ тихому теченію китайской исторіи того времени.

При полномъ молчаніи источниковъ о томъ, что же собственно сообщалъ Аристей о Гипербореицахъ, можно считать счастливой замѣтной утраченной слѣдующія пять стиховъ Ференика изъ Гераклеи, сохранившихъ у холіаста Пиндара:

Далѣ Гипербореицы живутъ, у края вселенной,
При аполлоновомъ храмѣ, совсѣмъ несвѣдуши въ войнахъ.
Ходить молва, что они, отъ крови древнихъ Титановъ
Происходя, при ясно-спокойномъ движеньи Борея,
Тамъ обитаютъ, считая своимъ Аринасомъ владыкой.

Какъ здѣсь Гипербореицы, такъ послѣ Китайцы являются у древнихъ писателей крайнимъ народомъ земли, народомъ кроткимъ, любящимъ справедливость и проч. Потомками Титановъ Гипербореицы называются потому, что имъ приписывали изобрѣтеніе всѣхъ полезныхъ людямъ предметовъ, огня, илавки металловъ, гончарного искусства, медицины, азбуки, мѣръ и вѣсовъ; и эти особенности приложимы къ народу Китая. Не невѣроятно также предположеніе, что одна изъ древнѣйшихъ китайскихъ династій была гунского происхожденія.

Далѣ В. Томашекъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто сказаніе о Гипербореицахъ—продуктъ индійской фантазіи. „Ни Ликіецъ Оленъ, ни Йоніецъ Аристей не посѣщали Индію, да и сами Индузы въ столь раннюю пору не думали о пребываніи своихъ предковъ въ китайской возвышенности“. Доказавъ затѣмъ невѣроятность предположенія о тождествѣ Ришеевъ съ Алтаемъ, а Гипербореицевъ съ первичными «Енисейцами» (терминъ Клапрота), Томашекъ настаиваетъ въ концѣ концевъ на необходимости помѣстить Гипербореицевъ Аристея въ странѣ Желтой рѣки.

Переселение народов.

Въ послѣдней части своей поэмы Аристей (Герод. IV, 13) говорилъ о передвижении среднеазиатскихъ народовъ, происшедшемъ до его времени, около конца восьмого вѣка. Толчекъ дали неспокойные Аринасы, тогда какъ Гипербореи оставались спокойными; Аринасы, по его словамъ, вытѣснили Исседоновъ, эти въ свою очередь Скиѳовъ, «а Киммерійцы, жившіе у южнаго моря, покинули свою страну подъ натискомъ Скиѳовъ».

Гиндукушъ, Памиръ и западная часть бассейна р. Тарима были первоначально населены аборигенами, которые какъ по географическому положенію, такъ по типу и языку занимали средину между кавказскими и мазандеранскими горными народами, съ одной стороны, и тибетскими племенами Гималаевъ, съ другой; эти аборигены были поглощены или стѣснены въ меньшія пространства послѣдовавшимъ затѣмъ изъ Европы арійскимъ переселенiemъ; къ нимъ принадлежали прежде всего Каствои или Каство, и нынѣшніе Буришъ къ сѣверу отъ изгиба р. Инда представляютъ единственные слабые остатки этого до-арійского населения. Далѣе на югъ долины Кабула уже начиналась область дравидскихъ племенъ. Восточный бассейнъ Тарима между Тянъшанемъ и Гималаями былъ издавна во владѣніи тибетскихъ племенъ, восточная вѣтвь которыхъ подъ именемъ Жунгъ простиралась даже за Желтую рѣку, где къ нимъ примыкалъ народъ срединнаго царства. На сѣверѣ Гоби и высоты при источникахъ р. Селенги представляли прадорину Гунновъ и Турокъ; все, что лежитъ сѣвериѣ и западиѣ Алтая, находилось еще во власти енисейскихъ, самоѣдскихъ и угрскихъ племенъ, къ которымъ начиная съ Урала примыкали финскія родственныя племена. Первое большое передвиженіе народовъ послѣдовало въ тысячелѣтіе арійского переселенія: угрскія племена сѣвера должны были занять меньше пространства, Каспійцы средины и Дравидцы юга были оттѣснены въ горныя области; въ аральскихъ степяхъ, въ области Яксарта и Памира, а также въ западномъ бассейнѣ Тарима, помѣстились Массагеты и Саки; Иртышъ заняли переселенцы Сколоты, какъ разъ рядомъ съ Турками Алтая. Тогда-то произошло движеніе народовъ, о которомъ говорить Аристей.

Неспокойные Гуны начали жестокіе набѣги на южныя области, вытѣснили Жунговъ глубже въ горы, и оттѣсненные съ ними на сѣверной сторонѣ Наньшана Исседоны старались распространиться по бассейну Тарима, вслѣдствіе чего должны были занять меньше пространства сако-массагетскія племена. Часть Саковъ могла затѣмъ искать убѣжища въ мидійскихъ странахъ, арапо-каспійскія кочевыя племена могли предпринять обратное движеніе къ Танайсу; быть можетъ, именно тогда такъ называемые Савроматы были оттѣснены къ изгибу Дона и вторглись въ область между Кавказцами и понтийскими Сколотами; Сколоты должны были въ слѣдствіе этого искать убѣжища не только въ странѣ Тавровъ, но еще западиѣ Бориссона на карпатской сторонѣ и заняли устье Дуная; достовѣрныя свидѣтельства говорятъ о войнахъ Сколотовъ и еракійскихъ кочевниковъ въ древнєе время. Еракійскія племена въ свою очередь устремились за Гемусъ и Босфоръ: это и были такъ называемыя «киммерійскія» орды, которыхъ вторглись во Фригію и Лидію.

Статью объ Аристеѣ и его поэмѣ В. Томашекъ заключаетъ такъ:

«Мы старались уяснить на основанії скучныхъ налажныхъ данныхъ содержаніе Аринасловой поэмы и безпристрастно оцѣнить все, что казалось годнымъ для объясненія. Мы нашли, что горизонтъ баснословныхъ извѣстій достигаетъ китайскаго океана и что нельзѧ допускать возможности, что греческій путешественникъ, приложивъ къ скиѳскому каравану, съ помощью скиѳскихъ переводчиковъ могъ въ седьмомъ вѣкѣ собрать свѣдѣнія о далекихъ событияхъ и даже проникнуть въ самую глубь, въ сердце средней Азіи. Для содержанія этихъ извѣстій безразлично, если Аристей и не былъ самъ въ Исседонѣ, но получилъ свѣдѣнія отъ другихъ, сообразно съ замысломъ его поэмы, въ видѣ предпринятаго въ умѣ путешествія или птичьего взгляда изъ свѣтлого зеира. Сами по себѣ взятыя, свѣдѣнія эти отличаются высокимъ достоин-

ствомъ, хотя всегда были принимаемы съ недовѣріемъ и не взирая на то, что Страбонъ (XIII, р. 589) называетъ поэта обманщикомъ. Потомки не были въ состояніи постичь смыслъ и значеніе его сказаний о самыхъ крайнихъ странахъ земли. Одно мы должны всегда помнить: знакомство съ отдаленнѣшими краями земли было въ цвѣтущую пору юнійской торговли гораздо шире, чѣмъ въ позднѣйшее время; позже стало невозможнымъ достичь того, чего достигали предпріимчивые юнійцы. Это справедливо не только объ атлантическому западѣ, но еще въ болѣе высокой степени о пути на сѣверовостокъ. Соединеніе добытыхъ фактovъ съ поэтическими прикрасами послужило Аріасповой поэмѣ на большій вредъ, чѣмъ, напримѣръ, описанію путешествія Писея (IV в. до Р. Х.), котораго также за иѣкоторая извѣстія считали лживымъ: въ то время какъ здравая позднѣйшая критика сочла поэтическія прибавки невѣроятными и осмѣяла ихъ, пропало и самое ядро болѣе достовѣрнаго преданія.

Желанное дополненіе къ извѣстіямъ объ Аристеѣ даетъ его соотечественникъ Геродотъ; изъ него мы узнаемъ подробнѣе направлениѳ того караваннаго пути, по которому долженъ былъ слѣдоватъ Аристеѣ, если онъ дѣйствительно достигъ Исседона, и кроме того, замѣтительныя свѣдѣнія о народахъ сѣвера, свѣдѣнія, разборъ которыхъ, не смотря на неоднократныя попытки извѣстныхъ изслѣдователей, далеко нельзя считать окончателльнымъ и удачнымъ, почему мы въ слѣдующемъ изслѣдованіи хотимъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ. Правда, и здѣсь достаточно басенъ, но въ общемъ мы стоимъ на болѣе прочной, почти исторической почвѣ. Мы знаемъ, что путь, котораго держались обыкновенно скінѣскіе караваны, шелъ не у сѣвернаго края арако-каспійскаго басейна (48° сѣв. шир.) и чрезъ низменность при р. Чуй къ басейну Тарима, но поворачивая далеко на сѣверъ отъ устья Дона къ изгибу Волги у Казани, затѣмъ чрезъ пермскій и среднеуральскій проходы къ области рѣки Иртыша и къ джунгарской долинѣ и наконецъ достигаяль, чрезъ тюркскую область, у юго-востока, границы Тибета и исседонскаго рынка. Это направлениѳ указано самой природой; оно стоитъ въ прямой зависимости отъ физическихъ условий (рельефа почвы, климата, произведеній природы и проч.), и намъ не приходится изумляться, что въ настоящее время проектъ русской желѣзной дороги къ Тихому океану, въ числѣ возможныхъ направлений указываетъ какъ разъ на Пермь, Омскъ и Семипалатинскъ, и что считается серьезной мыслью проложить рельсовый путь на древней китайской торговой дорогѣ, отъ Шачеу до Си-ан-фу и достичь у Шанхая Тихаго океана. Густонаселенное срединное царство, изъ котораго еще во времена Аристея (650 г. до Р. Х.) проникъ на западъ слабый лучъ свѣта, и въ наше время представляетъ страну, съ которой стремится заявлять сношенія весь міръ».

A. K. Васильевъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціею правителя дѣлъ. Томъ XXI, № 2 и 3.

Восточно-Сибирскій Отдѣлъ нашего общества неутомимо работаетъ на пользу изученія „дальн资料 востока“ во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ, а пожалуй, и главнымъ образомъ въ этнографическомъ, и продолжаетъ знакомить ученый міръ съ результатами своихъ работъ въ „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“ своихъ, выходящихъ въ настоящее время подъ редакціею опытнаго и знающаго края правителя дѣлъ, извѣстнаго путешественника и изслѣдователя Восточной Сибири и Монголіи. Г. Н. Потанина.

Второй выпускъ „Извѣстій“ отдѣла за настоящій годъ открывается статьей г. Н. Григоровскаго „Поѣздка на Верхнюю Ангару“. Этнографического материала эта статья даетъ очень немного: на стр. 6—16 есть кое-какія свѣдѣнія „о Верхне-Ангарскѣ, его жителяхъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Верхне-Ангарска, бродячихъ Тунгусахъ Чальчагирскаго рода, а также и о Нижне-ангарскомъ Кинидигирскомъ родѣ“.

„Можно тут отыскать между прочимъ тунгусское преданіе о первоначальномъ прибытии русскихъ казаковъ къ устью Катери (стр. 10): „Казаковъ было немнога. Они укрылись на томъ месте, где теперь Ченча, но были поголовно выбиты Тунгусами. Тунгусы тогда еще не знали огнестрѣльного оружія и хлѣба. У казаковъ они нашли хлѣбъ въ коврикахъ и удивлялись, что это за глина и какъ ее ёдятъ. Они пускали эти коврики съ горы и стрѣляли въ нихъ стрѣлами, стараясь попасть въ самую середину. Около Ченчи показываютъ остатки днища того судна, на которомъ пришли казаки. Затѣмъ второе появленіе Русскихъ въ этотъ край, уже въ большомъ количествѣ, заставило Тунгусовъ покориться, но изъ нихъ все-таки многие не пожелали покориться и добровольно умертвили себя. Они сдѣлали родъ на вса, на который насыпали земли и каменьевъ, затѣмъ собрались подъ на вса, подрубили стоды и заживо погребли себя“.

Слѣдующая статья: „А б а-х ай да къ, облава у хоринскихъ Бурятъ“ принадлежить г. Ирдынн Ваимбоцыренову и представляетъ интересное описание существовавшаго въ старину у Бурятъ обычая устраивать разъ въ годъ облаву на звѣрей—всѣмъ родомъ. Эти облавы имѣли большое значеніе въ однообразной жизни прежняго Бурятъ: „Облава, какъ говорить авторъ статьи, служа для родоначальниковъ и почетныхъ богачей забавой, въ то же время для простонародной массы составляла важное средство къ жизни; мясо добытыхъ на облавѣ звѣрей употреблялось въ пищу, дорогие мяса шли на уплату ясака, а остатки употреблялись Бурятами на зимній шапки, опеѣники, курму и хормокши; мяса оленей, лосей и козъ шли на зимнія одежды, а оголенные ихъ шкуры шли на лѣтнія одежды—сармай“.

Третья статья: „Молочное хозяйство у Бурятъ Верхнеудинского округа“, г-жи А. Потаниной, даетъ свѣдѣнія о кушаныхъ и напиткахъ, приготовляемыхъ Бурятами изъ коровьяго и овечьяго молока, и объ употребляемой при этомъ посудѣ.

Слѣдующая затѣмъ статья г. Н. Веселовскаго содержитъ „Матеріалы для изученія якутской народной словесности“. Отсюда мы узнаемъ, что у Якутовъ почти нѣть народныхъ пѣсень, т. е. такихъ, которыхъ были-бы распространены среди Якутскаго племени, такъ какъ „каждый поющій Якутъ является въ моментъ пѣнія творцемъ своей пѣсни, которую тотчасъ-же забываетъ и которую никто никогда не повторить“, и что, съ другой стороны, „нѣть такого явленія и факта, который не могъ бы послужить Якуту матеріаломъ для его поэтическаго творчества“. Г. Н. Веселовскій приводитъ 11 южнозаписанныхъ имъ Якутскихъ пѣсень съ подстрочнымъ переводомъ.

Въ отдѣлѣ „Библіографія“ представленъ отчетъ о слѣдующихъ книгахъ: *Inscriptions de l'Enissei, recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889-*, „*Studien über die Suljekfelsen. Inschriften. Eine polemische Schrift, von Aug. Tötterman. Helsingfors*“. Матеріалы по Археологии Россіи, издаваемые Императорскою Археологической Комміссіей № 3. Сибирскія древности В. Радлова. Т. 1, вып. 1-й С.-Петербургъ. 1888“. Но этотъ отчетъ стоять самостоятельной статьи, такъ какъ авторъ, его г. Д. Клеменцъ, не довольствуясь разборомъ сказанныхъ трудовъ, сообщаетъ при этомъ результаты многихъ раскопокъ, произведенныхъ въ Сибири, частью даже при его участіи.

Въ „Сѣси“ представлено описание „путешествія Joseph Martin'a по Сѣвер. Вост. Сибири“, извлеченное горн. инж. В. Л. Обручевымъ изъ *Revue Géographique internationale*, а затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о числѣ инородцевъ въ учебн. заведеніяхъ Иркутской губ. и Забайкальской и Якутской областей. При выпускѣ—карта теченія р. Верхней Ангары, приложенная къ статьѣ г. Григоровскаго.

Въ третьемъ выпускѣ „Извѣстій“ этнографического матеріала совсѣмъ нѣть, если не считать коротенькое описание охоты на нерпу въ статьѣ г. Н. Витковскаго: „Замѣтки къ вопросу о байкальской нерпѣ“. Нельзя не пожалѣть, что въ статьѣ г. Потанина: „Бурятскія названія растеній“ приведены только названія, а нѣть въ большинствѣ случаевъ ни перевода на русскій языкъ, ни русскаго названія для сравненія, ни, наконецъ, не указаны повѣрья и вѣрованья Бурятъ относительно некоторыхъ, а такія повѣрья на вско есть: почему напр. *Delphinium* назыв. „невѣсткинъ цвѣтокъ“, или *Polygonum Convolvulus*—пути трава?—...

Къ обоимъ выпускамъ приложены Отчеты о дѣятельности Отдѣла. Изъ этихъ отчетовъ видно, что отдѣлъ привлекаетъ къ себѣ симпатіи не только Русскихъ, но и инородцевъ: и тѣ и другіе вступаютъ въ общество членами и дѣлаютъ въ пользу общества различныя пожертвованія, какъ деньгами, такъ вещами и книгами.

Ир. П.

Записки Восточно-Сибирского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ I, выпуски 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ).

Второй выпускъ „Записокъ“ Отдѣла содержитъ въ себѣ „Сказания Бурятъ, записанныя разными собирателями“ и изданъ на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева. Этотъ выпускъ содержитъ 56 ё „сказаний“ (частью сказокъ, частью повѣрій, а отчасти и преданій) и отдѣльно „примѣчанія“, составленные г. Потанинымъ; кроме того приложены два алфавитныхъ указателя: собственныхъ именъ и предметный.

Сказания этого сборника представляютъ большой интересъ, между прочимъ путь, что нерѣдко мотивы ихъ, а порой даже и способъ выраженія, чуть не тождественны со сказками, записанными въ противоположномъ концѣ Россіи — въ Смоленской губ. Я говорю о „Смоленскомъ сборнике“ г. Добровольского (печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ). Такъ напр. сказанія о сотвореніи міра, о сотвореніи человѣка и о потопѣ (о Ноѣ и ковчегѣ) очень сходны съ сказаніями на 229—239 стр. „Смоленскаго Сб.“, Собачій пай въ хлѣбѣ“ Записокъ одного содержания съ разск. „Отчего теперь у ржи маленький колось“ въ Сборнике, только причины Божьяго гнѣва различны. Есть и другія сходства.

Третій выпускъ „Записокъ“ Отдѣла представляетъ особый „Верхоянскій Сборникъ“ и содержитъ „Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ И. А. Худяковымъ“.

Изъ предисловія къ выпуску узпаемъ, что рукопись этого сборника пожертвована Отдѣлу графомъ А. П. Игнатьевымъ, къ которому она попала черезъ балаганскаго исправника отъ верхоянской мѣщанки Гороховой, и приписана Худякову (хотя имени его на ней нѣтъ) по различнымъ соображеніямъ, которыхъ въ предисловіи не приводятся. Якутскіе образцы въ рукописи приведены, по большей части, по-якутски и по-русски, но изданы повамѣсть только по-русски.

Сборникъ распадается на 7 отдѣловъ, изъ коихъ пять посвящены произведеніямъ якутской словесности и содержать:

- I. Пословицы и поговорки,
- II. Пѣсни (импровизація дѣвушки-Якутки),
- III. Якутскія загадки,
- IV. Саги,
- V. Сказки.

Изъ остальныхъ же трехъ одинъ (VI), содержитъ „Русскія сказки у Якутовъ Верхоянскаго округа“ (въ переводѣ на русскій языкъ), а два другіе посвящены Русскимъ и содержать: VII русскія сказки, у Русскихъ, и VIII пѣсни русскія.

Минуя первые 5 чисто якутск. отдѣловъ, которые содержать впрочемъ очень много интереснаго ¹⁾, остановлюсь немного на трехъ послѣднихъ.

¹⁾ Интересно бы прослѣдить отношеніе пословицъ и поговорокъ якутскихъ къ пословицамъ другихъ инородцевъ и Русскихъ: нѣкоторыя изъ нихъ уже очень близки къ русскимъ, напр.: Якутск. «Если собакѣ нечего дѣлать, то она лежитъ себѣ адцану»=русс. «Нечего песу дѣлать — давай ж—у лизать», или якутск.: «У женщины хотъ волосы и долги, да мысль коротка» = русск.: «У бабы волосы долгонь, а умъ коротокъ», или якутск.: Между обоями вода не проливается» = русск. «Водой не разольешь» (о друзьяхъ); также якутск. «Но будешь лизать, наливши на лицо сору»=русс. «Съ лица но воду пить» (о невѣстѣ) и др.

Въ отдѣлѣ VI изъ двухъ „русскихъ сказокъ у Якутовъ“ первая—Илья Муромецъ (на стр. 254—268, т. е. 15 стр!) представляетъ скорѣе побывальшину (т. е. былину, утратившую размѣръ) объ Ильѣ Муромцѣ, составившуюся изъ соединенія нѣсколькихъ былинъ, причемъ этому богатырю приписывается кое-что относящееся къ другимъ. Сказка сначала знакомить съ богатыремъ крестьяниномъ города Мурома Климономъ и его женою: „у него 20 табуновъ коннаго скота, нѣсколько сотъ коровъ и быковъ, безсчетное число барановъ, а въ сундукахъ и амбарахъ было собрано много разнаго богатства“. Не было только дѣтей; но, хотя старiku было 82 года, а ста-рухѣ 70, они все таки надѣались имѣть дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, по ихъ усердной молитвѣ Богъ далъ имъ сына, который при рождѣніи „не издалъ ни одного звука, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія“. Силу ему по истеченію многихъ лѣтъ дали 3 свѣтлыхъ красивыхъ юноши, вѣлѣвше ему встать. Дальше разсказъ идетъ въ такомъ по-рядкѣ: покупается больной жеребенокъ, за ночь превращающійся въ богатырскаго коня, благословеніе на дорогу, Соловей разбойникъ, Илья у Владимира, приходить „Попов-скій смыкъ“ богатырь со своимъ слугою, Смерть Татаровичъ, которому приписываются черты Идолища Поганаго, насмѣшки Поповича (словами Ильи къ Идолищу, какъ обыкновенно) надъ Татаровичемъ, бой (хитрость Поповича и смерть Татаровича), Илья и Поповичъ братаются, воюютъ съ желѣзными и огненными людьми; Илья и Поповичъ въ гостяхъ луны-царицы (царь-дѣвицы), Поповичъ на ней женится, а Илья отказался: сила-де пропадетъ и калѣкой онъ сдѣлается; Илья встрѣчается съ огромнымъ богатыремъ (Святогоромъ?) и, оборотившись пчелой, жалитъ коня, за что и попадаетъ въ карманъ богатыря; онъ оказывается внукомъ жены богатыря; бѣдеть съ богатыремъ, встрѣчаютъ гробъ, смерть богатыря; Илья встрѣчается Николая Чудотворца съ иконою, въ которой $\frac{3}{4}$ вѣса всей земли.

Вторая сказка «Старецъ-Пилигримъ» (стр. 268—288, т. е. 20), представляетъ какъ бы вариантъ къ сказкамъ о „Палугримѣ“ и „Дивномъ Старикѣ“ уже упомянутаго иконо Сборника.

VII и VIII отдѣлы интересны главнымъ образомъ по своему языку; но VIII кромѣ того интересенъ и по содержанію: въ него входятъ пѣсня, вѣриѣ—былина Алеша (Алеша Поповичъ и Тугаринъ), иѣчто въ родѣ былины: Царь Елизарь и, наконецъ, два отрывка изъ исторической пѣсни „Милославскій“. Въ языкѣ этихъ двухъ отдѣловъ прежде всего бросается обиліе постпозитивныхъ приставокъ, напр. при глаголахъ да—дралъ-да, трясла-да, знать-да (знаеть); при существ. иѣстоимен. тъ, та, то (какъ болгарск. тъ, та, то): парень-отъ два-ть глаза, самого-то, руки-тѣ, ноги-тѣ. въ кадъ-ту, въ воду-то, сабѣ-ка, и др.

Есть и фонетическія особенности, напр. сарь=царь, сѣпочка—цѣпочка. лоточка =лодочка, мѣро=море, личн=лечь, эга-баба=яга-баба (род. эгой-бабы) и т. д.

Изъ синтаксическихъ особенностей можно отметить употребленіе иѣсти. пад. мн. ч. вм. родительн. наряду съ правильной формой, напр. коней-те, россомаховъ-те, лисицѣхъ, медвѣдѣхъ, цескохъ, сиводушекъ и т. д.; употребленія дательн. пад. для обозначенія направлѣнія на вопросъ къ кому, напр.: Мы поѣдемъ мы, слуга, да мы Тугарину; похожи да они Солнышку Владимиру—и т. д. (ср. лѣтонис. поиде Вышегороду); употребленіе винит. пад. на вопросъ куда? во что? напр. „Онъ бросаетъ эту голову стекольчато в окно“.

Ир. П.

Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской Этнографіи Т. II. Общий обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Спб. 1891. IV + 428 стр.

И за этотъ томъ нельзя не поблагодарить автора, хотя конечно онъ многихъ не удовлетворить: оно и естественно,—автору предстояла очень трудная задача—представить сжатый исторический очеркъ движенія Русской мысли и науки за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, за такое богатое великими событиями и разными печальными происшествіями время, предложить возможно-вѣрную и короткую критическую оценку многихъ первостепенныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ явленій въ области русского искусства и науки, по русскимъ древностямъ и русской истории,—по истории государства и права, по истории церкви, по русской филологии—по грамматикѣ, словарямъ, по народной словесности, по истории литературы...

Благодарные автору за то, что имъ сдѣлано хорошаго и полезнаго, отмѣтимъ некоторые показавшіеся намъ недочеты и пробѣлы, какъ въ фактическомъ изложеніи, такъ и въ освѣщеніи предмета.

Какъ ни простины, даже съ излишкомъ, иные главы этой книги, напримѣръ, главы VI (Новая историческая литература по огношенію къ изученіямъ народности (С. 159—189), XI (Изображенія народа въ литературѣ (С. 350—374), въ XII (Народничество (С. 374—419)—онѣ очень мало разъясняютъ дѣло и уже слишкомъ отзываются журнализмомъ тона и сужденій... Напримѣръ: «Идеалы г-жи Кохановской могутъ даже рости подъ сѣнью присутственныхъ мѣстъ...» Правда, это выраженіе принадлежитъ не нашему автору, а Анненкову (Восп. и крит. очерки II, 303 и сл.), но авторъ приводить поль страницы изъ подобнаго отзыва Анненкова о Кохановской. Отзывъ о г. Лѣсковѣ непріятно поражаетъ разными придирками. Мнѣнія и сужденія о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Кавелинѣ съ одной и о мистицизмѣ славянофиловъ или о послѣднихъ произведеніяхъ Льва Толстаго, о Достоевскомъ, о Данилевскомъ Н. Я., свою односторонностью и преувеличеніями, въ возвышеніи однихъ и униженіи другихъ не поразятъ развѣ лишь публики, умственно питающейся и живущей одними нашими мѣсячными журналами. Въ VI главѣ, при опроверженіи такъ называемыхъ славянофильскихъ воззрѣній на Петра Великаго и Петербургскій періодъ онѣ невѣрно и неточно передаются, отчего и опроверженія мало или вовсе къ дѣлу не относятся.

Въ главѣ X (Общий обзоръ изученій народной жизни за послѣднія десятилѣтія, т. е. съ 1840 до 1890 г. 297—349) представленъ сжатый статистико-библиографіческий очеркъ литературы—по русской географіи, статистикѣ и этнографії съ 1859 по 1866 г. (по Межову) и приведены авторомъ полезныя библиографическія указанія о дѣятельности Академіи Наукъ, Генерального Штаба, Географическаго Общества, Статистического центральнаго, губернскихъ и земскихъ комитетовъ, о подъемѣ губернскихъ вѣдомостей и развитіи мѣстныхъ изслѣдованій, о трудахъ Общества Любителей древней письменности въ Петербургѣ и Московскаго Общества Любителей естествознанія и пр.

Эта глава очень интересна и полезна. Мы не нашли въ ней, къ сожалѣнію, такихъ же указаний на дѣятельность двухъ новыхъ обществъ, успѣвшихъ обогатить русскую литературу рядомъ важныхъ изданій—Общество Палестинскаго и Историческаго. Можно бы было тутъ же отмѣтить о новомъ преобразованіи Записокъ Петербургскаго Арх. Общества. Важны и новѣйшія Записки Славяно-русского Отдѣленія, но особенно заслуживаютъ упоминанія Записки Восточного Отд., которая подъ редакціей В. Р. Розена стали если не самыми лучшими, то одними изъ первыхъ нашихъ научныхъ журналовъ. Справедливость требовала бы указать и на замѣтный сравнительно упадокъ и ослабленіе дѣятельности Археографической Комиссіи. Вообще въ 30—40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ государство, говоря относительно, оказывало этому дѣлу больше вниманія и пособія, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ назадъ, особенно если принять во вниманіе значительное увеличеніе съ того времени денежныхъ государственныхъ средствъ вообще и самого Министерства Нар. Просв. и необычайно развившуюся за это время дѣятельность по изданію историче-

скихъ источниковъ въ Германіи, Италіи, Англіи... Сличеніе того, что сдѣлано и дѣляется у насъ за послѣднія десятилѣтія съ чѣмъ, что единовременно совершено хотя бы въ одной лишь Баваріи, Флоренціи или Венеціи, даже въ Венгріи или въ Польской Галиціи или въ Хорватіи, можетъ насъ только приводить въ стыдъ и смущеніе. Будеъ справедливы, и признаемъ, что въ 30—40-хъ гг. по этой части, относительно говоря, мы стояли выше, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія до настоящаго времени. Мы не поклонники и не любители того прошлаго, но правды тантъ нечего.

Если эту главу X, хотя она и цѣнная, отнести къ вышеуказаннымъ тремъ главамъ, такъ какъ въ ней скорѣе однѣ указанія, чѣмъ критическая оцѣнка разныхъ научныхъ явлений и дѣятелей, то для исторического очерка движенія Русской науки и критической оцѣнки главнѣйшихъ ея дѣятелей остается собственно до 280 страницъ съ небольшимъ за все послѣднѣе пятидесятилѣтіе. При извѣстной сжатости и равномѣрности, автору можно-было было справиться съ его задачею. Но къ сожалѣнію ни должной краткости, ни равномѣрности въ этой части книги Пышнина не замѣтили. Такъ почти вся IX глава, безъ малаго 40 страницъ, посвящена описанію и оцѣнкѣ трудовъ акад. и проф. А. Н. Веселовскаго и изложенію содержанія одной статьи проф. Ягича „Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik“ (Arch. 1875. 82 133). Согласны — велики и разнообразны труды Веселовскаго, но нѣкоторые изъ нихъ больше относятся къ Франціи, Италіи, Германіи, даже къ Египту, чѣмъ къ Руси или къ Славянщинѣ. Признаемъ большія заслуги Ягича по изданію и редакціи его Archiv'a f. d. slaw. Phil., его прекрасныхъ трудовъ и изданій Зографскаго и Маринскаго Евангелій, Русскихъ Миней, переписки Добровскаго, различныхъ его славянскихъ изслѣдований, между прочимъ и о славянской народной поэзіи, но не видимъ въ статьѣ такого важнаго значенія чтобы посвящать ей, какъ г. Пышнинъ, при недостаткѣ мѣста, десять страницъ слишкомъ. — О. И. Буслаеву посвящено, и справедливо, много мѣста, но все же — два печатныхъ листа. Мы конечно высоко цѣнимъ заслуги Буслаева, однако не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ г. Пышнина, будто этотъ ученый является у насъ первымъ представителемъ историко-сравнительного языковѣдѣнія (стр. 77). Первымъ настоящимъ филологомъ нового направлениія былъ у насъ ровесникъ Боппа и Гримма А. Х. Востоковъ, вторымъ же безспорно — его ученикъ П. И. Прейсъ. Его отчеты о Литовскомъ языкѣ и о Русскихъ въ немъ словахъ, о Кашубскомъ нарѣчи, о Хорѣ и другихъ чужихъ божествахъ у Славянъ Русскихъ, его критическая замѣчанія на грамматику Боппа, самолично имъ врученными автору въ нач. 1840-го г., его трехлѣтнее преподаваніе въ нашемъ Университетѣ не должны быть забываемы при оцѣнкѣ почтеннаго, но въ значительной степени компилиативнаго труда Буслаева: О преподаваніи отечественнаго языка 1844. — Несмотря на извѣстныя ошибки въ приемахъ и методѣ, трудъ Павскаго Филологическая Наблюденія надъ составомъ Русского языка 1841—43 заслуживалъ-бы большаго признанія а „Кориесловъ Русского языка сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками“. О. Шимкевича. Спб. 1842 и мастерское разсужденіе Каткова „Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русского языка“. М. 1845, всячески-бы заслуживали благодарнаго упоминанія хотя-бы при рѣчи о первомъ труде Буслаева. — Почтенному, трудолюбивому и даровитому, хотя не имѣвшему хорошей филологической подготовки, А. Н. Асанасьеву посвящена особая глава (IV, стр. 110—132), Кавелину десять слишкомъ страницъ, что кажется намъ столь-же неумѣреннымъ, какъ и изображеніе его заслугъ въ русской исторіи, въ исторіи русскаго права и въ этнографіи. Правда Бѣлинскій восторгался статьею Кавелина „Юридический бытъ древней Россіи“, но ни этотъ восторгъ, ни самая статья наукѣ ничего особеннаго не дали. Правдивая ей оцѣнка была въ свое время сдѣлана Самариниы, и научная критика не можетъ ея не знать. Правдивъ и отзывъ Никитенки (въ Зап.) о Кавелинѣ.

Разсмотрѣнію тридцатилѣтней дѣятельности проф. А. А. Потебни посвящено всего сего страницъ. Г. Пышнинъ замѣчаетъ, что Потебня „занимаетъ теперь одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто въ ряду русскихъ филологовъ“ (стр.). Было бы справедливѣе сказать, что по обширности и основательности знаній, по глубинѣ и тонкости проницанія во вѣнѣній составъ и внутренній строй языковъ, знанія и пониманія на-

родной поэзии какъ всего Славянского, такъ и Литовско-Лѣтскаго племени профессору Потебнѣ принадлежить теперь одно изъ первыхъ мѣсто въ ряду Европейскихъ филологовъ вообще, а въ мірѣ Славянскомъ положительно первое мѣсто.

Вполнѣ признавая важное значеніе трудовъ Буслаева, Тихонравова, Щипнина, Сухомлинова, Майкова, Веселовскаго по истории древней и старой нашей словесности, мы къ удивленію не нашли упоминанія о дѣятельности проф. Шевырева. Каковы бы не были его недостатки, какъ профессора и писателя, но его немаловажныя заслуги русской наукѣ несомнѣнны.

Его труды тридцатыхъ годовъ: Данть и его вѣкъ. Москва. 1833., Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи. Москва. 1836, сороковыхъ и пятидесятыхъ—по истории Русской словесности; сверхъ весьма важныхъ для своего времени лекцій его о древней нашей словесности заслуживаетъ признательности и его известная Потѣзда въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850. Выхваченная изъ этой книги журнальною критикою, одна-другая забавная фраза не можетъ же выключить изъ истории Русской науки имя и заслуги Шевырева, какъ бы мы лично къ нему ни относились. Намъ въ высшей степени пріятно было прочесть недавно на страницахъ Вѣстника Европы въ Воспоминаніяхъ Ф. И. Буслаева нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти Шевырева. Изъ нихъ, по собственному же признанію Ф. И. Буслаева, оказывается, что Шевыревъ имѣлъ на него благотворное вліяніе, и оно сказалось даже въ его первомъ важномъ труде О преподаваніи отечественного языка. М. 1844. Надо думать, что любовь къ Данту зародилась въ молодомъ Буслаевѣ тоже не безъ вліянія Шевырева. Кирѣевскій И. В. писаль про публичныя лекціи Шевырева о древней нашей словесности: „Замѣтно, что общее участіе къ лекціямъ безпрестанно возрастаетъ, также какъ и число слушателей. Сначала ихъ было около полутораста; теперь ихъ уже болѣе трехъ сотъ. Послѣдняя лекція его перерывалась пять разъ рукоплесканіями, которыми его встрѣчаютъ и провожаютъ почти каждый разъ“¹⁾.—Приводимъ это показаніе для тѣхъ, кто склоненъ измѣрять научныя заслуги людей ихъ большею или меньшою популярностью. Мы лично судимъ о значеніи трудовъ Шевырева по другимъ основаніямъ, и полагаемъ, что критическимъ отзывамъ Бѣлинскаго законно противостоять отзывы о Шевыревѣ И. В. Кирѣевскаго, богато одареннаго отъ природы и сильнымъ умомъ и критическимъ талантомъ, и несомнѣнно изъ всѣхъ нашихъ критиковъ послѣднихъ десятилѣтій наиболѣе просвѣщенаго и научно-образованнаго человѣка.

Въ книгѣ г. Щипнина не нашли мы страницъ посвященныхъ особому упоминанію и оцѣнкѣ важныхъ для истории нашей древней словесности и старой письменности трудовъ ни Андр. Попова, человѣка съ крупными заслугами (не за одно описание рукописей Хлудова), ни проф. А. С. Павлова (еще недавно обнародовавшаго съ прекрасными замѣчаніями весьма важный древній русскій памятникъ), ни также преосвященныхъ Филарета и Макарія, ни весьма крупнаго нашего ученаго проф. Е. Е. Голубинскаго, ни профессоровъ П. А. Николаевскаго и А. И. Пономарева; мы не нашли даже имени по слѣдняго тамъ, гдѣ бы ему стоять слѣдовало (къ главѣ IX на стр. 292—295), какъ не нашли тамъ же упоминанія и цѣнной работы проф. М. И. Соколова: „Материалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“. Вып. I. М. 1888.

Еще удивительнѣе для нась молчаніе о двухъ истинно-великихъ подвижникахъ Русской исторической науки за рассматриваемое г. Щипнинымъ время. Разумѣемъ проф. А. В. Горскаго и К. А. Неволина. Эти ученые, истинные великаны, занимали въ свою пору такъ сказать доминирующее, господствующее положеніе въ русской учено-мірѣ, въ областяхъ своей специальности, остаются теперь и навсегда конечно останутся такою же неувядаемою славою русской науки, какъ въ наукахъ историко-нравственныхъ Карамзинъ, Востоковъ, Срезневскій, а въ наукахъ физико-математическихъ и въ естествознаніи Лобачевскій, Пироговъ, Пржевальскій, Сѣверцовъ, Чичачевъ...

¹⁾ Полн. Собр. сочин. И. В. Кирѣевскаго. М. 1861. II. 213 (о статьѣ Шевырева о Гетеовомъ Фаустѣ (М. Вѣст.) и 190—195 (Публ. лекціи Шевырева).

Сверхъ простаго упоминанія имени А. В. Горскаго (на стр. 324) въ числѣ разныхъ изслѣдователей исторіи литературы, мы встрѣтили о немъ лишь слѣдующее: «въ послѣднія десятилѣтія явились въ этой области (описаніе рукописныхъ собраній) замѣчательные труды опытныхъ библіографовъ: Горскаго и Невоструева (опис. рисей М. Син. библіотеки), Викторова (опис. рисей Григоровича, Ундоровскаго), Бычкова (риси Шуба. Библіотеки), А. Попова (рукописи Хлудова), Добрянского (рук. Виденск.), Петрова (рук. Киевск. дух. ак.), описание рукописей Соловецкой библіотеки». Намъ кажется нѣсколько недовѣримъ монументальное изслѣдованіе Горскаго (Невоструевъ занимаетъ второстепенное мѣсто) ставить на одну доску съ упомянутыми описаніями рукописей, какъ они ни полезны и какъ ни почтены ихъ составители. Въ такомъ труде, какъ П. т. сочин. Пыпина, было бы кажется очень уместно сообщить нѣсколько свѣдѣній о Горскомъ и указать его труды, хотя бы касающіеся только Россіи. Сверхъ его «лекцій по исторіи евангельской и церкви апостольской (Москва. 1883. 688 стр.)», изданія посмертнаго, былъ изданъ при жизни его цѣлый рядъ отличныхъ изслѣдованій по общей церковной исторіи (Прибавленіе къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ I, X, XII, XIV, XX, XXI, XXX, XXIV) или весьма важная для исторіи Византіи монографія, какъ напр. „Николай Мистикъ, патріархъ Константинопольский (806—925)“ въ Приб. XIX, 2 стр. 163—275; „Вышнее состояніе церкви Восточной въ IX—XIII стол. (Христ. Чт. 1848 г. 1), или по новой исторіи восточного христіянства, какъ—„Подвижники вѣры на востокѣ послѣ паденія имперіи Греческой (Приб. XI), «О Соборѣ Ерусалимскомъ 1672 г.» (Приб. XXIV). Наконецъ, цѣлый рядъ превосходныхъ работъ по исторіи славянской и русской церкви: прекрасный критический разборъ Цианонскихъ житій Св. Кирилла и Меѳодія,—эта статья (Москвит. 1843. III) составляетъ эпоху въ исторіи важнаго вопроса о слав. первоучителяхъ,—о походахъ Руссовъ на Сурожъ (Зап. Од. Общ. Ист. 1844. I), о митрополіи Русской въ к. IX в. (Приб. IX), о митрополитахъ кievскихъ и московскихъ—Кириллъ II, Св. Петръ, Св. Алексѣѣ, Св. Фотіѣ, Св. Іоаннъ, Феодосіѣ и Филиппъ I (Приб. I, II, IV, VI, XI, XVI), о митрополіи Киевской въ началѣ ея отдѣленія отъ Москійской (приб. XIII), о Максимѣ Грекѣ (Приб. XVIII), о сношеніяхъ Русской церкви со святогорскими обителями до XVIII ст. (Приб. VI), извѣстіе объ Авраамѣ Палицынѣ (Москв. 1841), возраженіе противъ замѣч. объ осадѣ Троицкой Лавры (Москв. 1842, VI), о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в. (Приб. III), о Петрѣ Могилѣ, митрополитѣ Киевскомъ (Приб. IV), нѣсколько свѣдѣній о Наисѣ Лигаридѣ до прибытия его въ Россію (Приб. XI), наконецъ историческое описание Св. Троицкой лавры (I изд. 1842) и знаменитое, великолѣпное описание рукописей Синод. библіотеки. Послѣ Горскаго остались еще разныя записки и бумаги¹), и нельзя не поставить въ укорь нашимъ передовымъ духовнымъ лицамъ, преимущественно слушателямъ Горскаго, что до сихъ поръ (Горскій+1875) они не собрались издать полное собраніе его статей и изслѣдованій съ портретомъ и возможно полную біографіею. Въ такомъ собраніи есть крайняя надобность. Его требуетъ и чувство признательности къ великому ученому, и крайняя необходимость его трудовъ для всѣхъ занимающихся исторіею церкви, восточной, славянской и русской, и вообще исторіею внутренней жизни Россіи и ея образованности. Отличаясь строгою и проницательною критикою, глубокою ученостью и замѣчательныемъ даромъ строгого-научнаго изложенія, изслѣдованія А. В. Горскаго принадлежать безспорно къ лучшимъ созданіямъ русского ума и русской науки. Мы цѣнимъ уже нашихъ поэтовъ и художниковъ, пора начать цѣнить и нашихъ высшихъ подвижниковъ науки. Мѣсто Горскаго въ ряду первыхъ изъ нихъ.

Такое же крупное явленіе въ исторіи русской исторической науки представляютъ и труды К. А. Неволина: монументальная Исторія Российскихъ гражданскихъ законовъ. Спб. 1851, важныя изслѣдованія: Образование управления въ Россіи отъ Иоанна III до Петра В. Спб. 1844., Объ успѣхахъ государственного межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II. Спб. 1847, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра

¹) Иданъ любопытный Дневникъ М. 1885, но неизвестно, съ пропусками или нѣть?

В. Спб. 1847, О преемственности великокняжеского Киевского престола. Спб. 1851, наконецъ О пятнахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XV в. (Зап. И. Р. Г. Общ. 1853), отличаются высокими учеными достоинствами. Они значительно выясняютъ самыя важныя стороны внутренней жизни Русского государства и общества какъ до Петра В., такъ и въ новое время. Не понимаемъ, почему въ книгѣ г. Пышина дано мѣсто (до 10 страницъ въ началѣ книги) трудамъ Соловьевса, а не удѣлено и полстраницы трудамъ Неволина, Горскаго... „Въ области историографія на первомъ планѣ стоять многочисленные труды неутомимаго Соловьевса (1820—1879). Его диссертациі 1845 и 1847 гг. и первый томъ Исторіи Россіи (1851) «были, по словамъ г. Пышина, фактомъ, составляющимъ эпоху. Труды Соловьевса были приняты съ величіемъ сочувствіемъ и уваженіемъ...» Эти сверстники съ первого раза вѣрно оцѣнили всю важность нового приема и его отношеніе къ караиминскому преданію. Съ другой стороны труды эти были встрѣчены весьма недружелюбно Погодинымъ. „Критический приемъ Соловьевса былъ именно приемъ „исторической школы“. «Первые образцы новой критики указали наглядно всю недостаточность прежнихъ изслѣдований...» Подъ сверстниками г. Пышина разумѣлись Кавелина и частью Калачова... но кроме ихъ и Погодина, кроме публики, повторявшей восторги Современника и неудовольствие и жалобы „Москвитянина“, были у насъ ученые лѣтъ на десять, на семь и т. д. старше Соловьевса и Кавелина, были и сверстники Соловьевса отлично знакомы съ критическими приемами, понимавшіе недостатки Карапзина, Погодина тѣмъ паче. Между первыми укажемъ Надеждина, Неволина, Горскаго, Калмыкова, М. Куторгу, между вторыми—П. С. Савельева (автора Мух. нумизматики) В. В. Григорьева,—и не только сверстниковъ, но и пріятелей и товарищей Соловьевса—давровитаго, слишкомъ рано умершаго, Д. Валуева, Ю. Ф. Самарина, А. Н. Попова, А. Ф. Тюрина, автора прекрасной статьи «Земскія отношенія въ древней Руси»—гораздо важнѣе статьи Кавелина «Юрид. бытъ древней Россіи». И первые, и вторые, не повторяя Погодина, умѣли относиться вполнѣ критически къ трудамъ Соловьевса. И тѣ, и другіе съ уваженіемъ и радостью отнеслись къ первымъ изслѣдованіямъ Соловьевса, хотя признали въ нихъ извѣстныя натяжки (относительно родового быта) и вѣкоторую односторонность (напр., въ оцѣнкѣ переписки царя Ивана Грознаго и князя Курбскаго), но для нихъ эти работы Соловьевса еще эпохи не составляли, по крайности такой, какъ казалось Бѣлинскому и нашей публикѣ, думавшій по журналамъ. Что же касается мысли и предпріятія Соловьевса съ 1851 г. начать издавать исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, то объ этомъ замыслѣ они все, можно сказать, единодушно жалѣли, особенно когда увидали, что Соловьевъ рѣшилъ торопиться и издавать ежегодно по тому.

Въ этомъ отношеніи Хомяковъ въ 1851 г., черезъ 6 лѣтъ по выходѣ первого тома Исторіи Соловьевса, высказалъ строгое, но правдивое мнѣніе, котораго держались и раньше все наши ученые. „Г. Соловьевъ, сказалъ онъ, началъ свое литературное поприще отдѣльными изслѣдованіями, не лишенными истиннаго достоинства. Въ одномъ указано было на значеніе новыхъ городовъ (которые скрѣпѣ слѣдовало бы назвать княжескими городами, — Вятка вѣдь тоже была городомъ новымъ). Оно было несправедливо своюю формальною частью; ибо новопостроенные города имѣли видимыя учрежденія, подобныя старымъ (другихъ жизненныхъ формъ никто и не старался придумать); но оно было вполнѣ право въ смыслѣ внутреннемъ. Въ новыхъ городахъ не было преданія съ его крѣпостю областнаго эгоизма, съ его упорствомъ, и слѣдовательно они были органами болѣе способными для развитія новыхъ общественныхъ требовавшій. Это изслѣдованіе Соловьевса есть истинная заслуга. Другое его изслѣдованіе обѣя отношеніяхъ Новгорода къ князямъ было до вѣкоторой степени справедливо въ смыслѣ формальномъ, и въ тоже время совершенно должно въ смыслѣ внутреннемъ. Оно упускало изъ виду особенности Новгородской жизни, ясныя съ самого начала истории, и не принимало въ соображеніе того, что эти особенности должны были по необходимости рѣзче выступать наружу не столько по закону внутренняго развитія, сколько по противодѣйствію увеличивавшимъся княжескимъ требованиямъ. Нельзя также не признать достоинства взглядовъ г. Соловьевса на эпоху удѣловъ при раздѣльности земли и на эпоху удѣловъ обособляющиhsя (хотя онъ сдавалъ не напрасно первой эпохѣ отказываль въ названіи удѣльной).

Всѣ эти труды были не безполезны; но г. Соловьевъ не довольствовался ими и скромными путемъ изслѣдований. Онъ приступилъ къ исторіи Россіи. Всякому дѣйствительному ученому, — и безъ сомнѣнія г. Соловьеву, — было ясно, что исторія въ смыслѣ художественной лѣтописи послѣ Карамзина уже писать нельзя: для критической же исторіи не заготовлено достаточно предварительныхъ изслѣдований. Нужно было или запастись: но когда-же кончится эта предварительная работа? Историкъ рѣшился обойтись безъ нея; чтѣ изъ этого решения вышло, мы ищемъ предъ собой... (Н. С. Соч. Хомякова I, 584—603).

Дѣйствительно, Соловьевъ оставилъ-бы по себѣ, при своемъ трудолюбіи и талантѣ, гораздо болѣе глубокіе слѣды въ русской исторической наукѣ, если бы продолжалъ работать какъ критикъ и изслѣдователь, и только между большими своими трудами, писаль-бы исподоволь и перендавалъ съ исправленіями и дополненіями свой общій курсъ Русской исторіи въ тома четыре—шесть. Намъ кажется, что эта спѣшная, ставшая для Соловьева виѣшне-обязательною, работа, подгонявшая каждый томъ къ каждому году, только ускорила преждевременное разстройство его силъ. Соловьевъ самъ не могъ подъ конецъ не сознавать или не чувствовать всѣхъ недостатковъ и пробѣловъ своей Исторіи,—рѣдкій томъ, при многихъ прекрасныхъ страницахъ, не носить слѣдовъ скоропѣтной, спешной бѣлыми нитками, работы: она его самого удовлетворять не могла.

Г. Пыпинъ замѣчаетъ (стр. 177): „сочиненіе Соловьева, какъ извѣстно, въ послѣдніхъ томахъ (а въ большей части первыхъ будто иначе?) было больше хронологическимъ сопоставленіемъ мало обработанного материала, чѣмъ исторіей“.

Если г. Пыпинъ считалъ нужнымъ поговорить объ успѣхахъ и движениіи Русской исторіографіи, въ 40-хъ, 50-хъ и и послѣдующихъ гг., то одинимъ Соловьевымъ, Кавелиннымъ, Калачовымъ, Забѣлиннымъ нельзя было ограничиваться. Труды Неволина въ 40-хъ и нач. 50-хъ гг. по исторіи Русскаго права нельзя было проходить молчаніемъ, какъ и труды Горскаго по исторіи Русской церкви. Въ дѣлѣ изученія народности исторіи церкви и исторіи права (гражданскаго прежде всего, а у Неволина изслѣдованы и важные вопросы по праву государственному древней и старой Руси) имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ общая политическая исторія страны. Вообще у г. Пыпина слишкомъ мало обращено вниманія на труды по исторіи Русской церкви (всего больше говорится о Шаповѣ) и вообще на разныя работы и изданія нашихъ духовныхъ академій. На вѣкорые журналы, которые въ 50-хъ, 60-хъ гг. не мало помогли утвержденію въ нашемъ обществѣ самыхъ подъ чѣмъ невѣжественныхъ представлений о многихъ ученыхъ и о самой наукѣ, г. Пыпинъ удѣляетъ слишкомъ много незаслуженного, въ данномъ случаѣ, вниманія, а о другихъ журналахъ, большой публикѣ мало извѣстныхъ и болѣе содержательныхъ и важныхъ въ смыслѣ научномъ, почти совсѣмъ умалчивается. Да и относительно популярнѣйшихъ журналовъ и критиковъ мы не нашли, признаемся, желанной справедливости. Г. Пыпинъ не разъ приводитъ мнѣнія Добролюбова (Взгляды Добролюбова стр. 363 исл.), однажды даже замѣчаетъ: „И такъ, въра въ народѣ, но и свободное критическое изученіе (курс. принадлежитъ Пыпину) его—быть выводъ Добролюбова. Онъ замѣчательный исторический (курс. принадл. намъ) гений, что отмѣчаетъ дѣйствительный переломъ, который долженъ быть начаться и въ самомъ дѣлѣ начался, какъ въ художественномъ изображеніи народа, такъ и вообще въ отношеніи къ нему литературы“ (с. 369).

Таково велическое значеніе Добролюбова въ исторіи Русской литературы и науки. Оспаривать это положеніе не станемъ и будемъ надѣяться, что найдутся иные, что упрекнуть г. Пыпина за односторонность и за напрасное умолчаніе о взглядахъ и заслугахъ Писарева. Мы къ нимъ заранѣе готовы присоединиться, ибо Писаревъ былъ не менѣе Добролюбова даровитъ и прогрессивенъ, касался почти тѣхъ же вопросовъ, не менѣе его имѣлъ въ свое время поклонниковъ, имѣть ихъ, вѣроятно, и теперь, писалъ также легко и много стихами и прозой, и умеръ также рано. Вообще для постороннихъ наблюдателей между „Современникомъ“ не конца 40-хъ и начала 50-хъ гг., а конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ и между „Русскимъ Словомъ“, где писалъ Пи-

саюсь, существенной разницы не было. Они сами это сознавали и высказывали, какъ выражалось однажды «Русское Слово» (послѣ полемики изъ за «Отцовъ и Дѣтей»): «Р. Сл.» можетъ расходиться съ «Современникомъ» на частныхъ и отдельныхъ вопросахъ, но оно всегда на столько уважало общую идею, что не рѣшится пожертвовать этой идеей въ пользу какого-бы то ни было личного самолюбія¹⁾.

По поводу статей Кошелева и Самарина съ одной и «Современника» съ другой стороны, г. Пыпинъ замѣчаетъ: «Р. Б.» и «Совр.» были одинаково партизанами общинного начала, съ тою разницей, что первая продолжала приводить къ вопросу мотивы национально-мистические, второй—вопросъ съ болѣе простой, реально-экономической и общественно-иравственной точки зренія» (с. 322) ²⁾.

Недостаточно справедливый даже къ «Русскому Слову» одного направления съ «Современникомъ», г. Пыпинъ еще менѣе могъ быть справедливъ и внимательенъ къ «Русской Бесѣдѣ» или близкимъ къ ней нашимъ богословскимъ ученымъ журналамъ. Поэтому неудивительно, хотя и очень жаль, что, указывая на статьи и книги Кулишера, Воеводского, Сумцова по общей этнографии, онъ не указалъ на несолько важныхъ критическихъ изслѣдований этого рода нашихъ двухъ весьма замѣчательныхъ ученыхъ Ф. А. Голубинского и В. Д. Кудрявцева, а также на неоконченный еще трудъ г. А. Введенского (въ Прав. Обозр.)—разборъ различныхъ новѣйшихъ учений о первоначальныхъ религіяхъ. При обзорѣ трудовъ по истории письменности и народной словесности слѣдовало бы упомянуть съ признательностью о заслугѣ «Православнаго Обозрѣнія» по ознакомленію русской литературы съ различными апокрифами.

Говоря о Соловьевѣ, г. Пыпинъ счѣль нужнымъ привести о немъ мнѣнія и сужденія проф. Герье. Онъ, между прочимъ, всецѣло причисляетъ Соловьевца къ русскимъ гуманистамъ, къ западникамъ (с. 16). «Его привлекалъ къ нимъ прежде всего научный интересъ, а затѣмъ сознаніе, что научное ихъ направление есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе национальное. Научно-европейское образование поставило его высоко надъ тѣми рабочими умами, которые изъ страха перестать быть русскими боялись сдѣлаться Европейцами».

Все это крайне односторонне и относительно Соловьева значительно невѣрио. При определеніи новѣйшаго гуманизма, г. Герье несомнѣнно предъносилъ идеи Лессинга о человѣчествѣ и его Nathan der Weise по преимуществу, но онъ забылъ, что русская молодежь 40-хъ годовъ была преимущественно воспитана и проникнута философіею Гегеля и его учениковъ и послѣдователей, что въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Германіи сильно развивалась и идея национального единства Германіи... Наконецъ, между нашими западниками 40-хъ годовъ были пантенисты (Грановский), Фейербаховцы (Герценъ и пр.) и вѣрющіе, своего рода уніаты, въ родѣ тогдашняго Чаадаева или новѣйшаго его преемника Вл. Соловьева. С. М. Соловьева пишущій эти строки зналъ довольно близко, любилъ, глубоко уважалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ

1) Привожу это мѣсто по замѣчательной книжѣ Страхова «Изъ исторіи литературнаго нигилизма». 1861—1865. Слѣд. 1890. С. 543.

2) Самаринъ писалъ: «Послушайте г. Чернышевскаго. Онъ начинаетъ такъ: «Умоляю настъ, но прямите меня за Славянофила; право я вовсе не стою за общинное владѣніе землей, существующее въ нашихъ селахъ; но не могу же я признать эту форму владѣнія иредною, когда передовыя мыслители Западной Европы видимо склоняются въ си пользу». На это отвѣчаетъ г. Вернадскій: «Наиротия, ученые Западной Европы (короче: на ука) давно отвергли общинное владѣніе землею, изъ чего слѣдуетъ, что оно никуда не годится». И это называется споромъ двухъ Русскихъ ученыхъ о Русской сельской общинѣ! Право, мы скоро доживемъ до того, что Русскій пейзажистъ, задумавъ изобразить на полотнѣ сѣйшансю метель, запретитъ въ своей мастерской, чтобы изучить описанія зимней природы, встрѣчавшейся у Тасса, Данта и Камоенса». «Соврем. и Указат. (Вернадскій) съ первого же шага сбились съ исторической почвы и потеряли изъ виду предметъ спора. Русская община осталась въ сторонѣ; а на си мѣсто подвернулись незамѣтно, съ одной стороны — теоріи искусственной организаціи труда (у Черн.)... (Сочин. Самарина III, 4—5). И такъ у Самарина возврѣніе конечно мистическое.

бжедневно видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ бывало о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ. Соловьевъ былъ конечно высоко-гуманный человѣкъ, но по своимъ философско-религиознымъ воззрѣніямъ никогда не принадлежалъ къ западникамъ—а также и по своимъ взглядамъ на отношенія ваши къ старой Польшѣ и къ Польской народности, къ славянскому вопросу въ Австро-Венгріи, на отношенія наши къ Германіи и на Нѣмцевъ въ Россіи, даже на Петербургскую Академію Наукъ.—Въ этихъ вопросахъ онъ принадлежалъ, вопреки г. Герье, всецѣло къ тѣмъ умамъ, которые не боялись не прослыть гдѣ нибудь на Мясницкой или на Англійской набережной Европейцами, хотя многими умными природными Европейцами причислены къ замѣчательнѣшимъ людямъ новой Россіи, т. е. къ такъ называемымъ Славянофиламъ. Оттого Соловьевъ до послѣдней своейссоры съ Р. Бес. (Шлецеръ и анти-историческая школа) постоянно принималъ участіе въ славянофильскихъ изданіяхъ: Сборникъ Валуева, Московские сборники (3 т.), Русская Бесѣда. Что Соловьевъ смотрѣлъ на русское просвѣтительное начало, на романизмъ и протестантство совершенно согласно съ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Самариномъ, оно видно и изъ его сочиненій, извѣстно изъ его образа жизни и привычекъ...

Дѣйствительно С. М. Соловьевъ въ своихъ убѣжденіяхъ и образѣ жизни былъ строгій православный христіанинъ, чтобъ николько не мѣшало ему быть, такъ сказать. Европейцемъ по научному образованію. Проф. Герье виолиѣ правъ, говоря про Соловьева, что онъ не страшился перестать быть Русскимъ изъ боязни сдѣлаться Европейцемъ... по образованію.

Если подъ Европою хат'ѣхѹ разумѣть страны и національности, образовавшіяся изъ монархіи Карла В., то Россія, мы, Русскіе къ Европѣ никогда не принадлежали и Богъ дастъ принадлежать не будемъ: надѣемся, что адиксомъ возрожденной Германской Имперіи не сдѣлаемся. Даже давно утратившіе свою независимость, слабые западные Славяне—Чехи, Словѣнцы, Хорваты объ этой имперіи не хотятъ и слышать, мечтаютъ и боятся изъ всѣхъ силъ, какъ бы въ Габсбургской монархіи, если не устранитъ, то побольше ослабить стихію нѣмецкую.

Если подъ Европою разумѣть духовную культуру, вѣру, христіанство, то Европа—есть міръ католическо-протестантскій, если расу или національности, то она—міръ Романо-Германскій. Поэтому въ этихъ отношеніяхъ огромнѣшее большинство Русскихъ тоже не Европейцы, хотя христіане, но не католики и не протестанты, Арійцы, но не Романцы и не Германцы, а Славяне.

Если напр. проф. Герье—положимъ протестантъ и нѣмецъ или французъ, по своему рождению и воспитанію, то онъ, конечно, гораздо болѣе Европеецъ, чѣмъ былъ Соловьевъ, котораго, какъ любого изъ Русскихъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей, можно назвать Европейцемъ только по образованію. Во всякомъ случаѣ это большее Европейство проф. Герье передъ Соловьевымъ—одна случайность, положимъ, счастливая, если это ему угодно,—но никакъ не заслуга, не свидѣтельство болѣшей смиѣлости его ума и болѣшей робости ума Соловьева.

Робость ума—понятіе крайне растяжимое и гдѣ истинный, такъ сказать, по послѣдней модѣ,—какъ для насъ требуется,—Европеецъ?—вопросъ въ Европѣ далеко не решенный. За робость ума католицизмъ устраивается протестантами, протестантизмъ—пантеистическимъ идеализмомъ, а тогдѣ, въ свою очередь, атеистическимъ материализмомъ. Въ робости ума и сердца упрекаютъ соціалистовъ Бебеля соціалисты-анархисты. Католики, наконецъ, упрекаютъ протестантовъ и всѣхъ остальныхъ противниковъ своихъ въ непослѣдовательности и робости ума за боязнь признать непогрѣшимость Папы и мораль Іезуитовъ. Всѣ эти ученія и вѣрованія одинаково европейскія, возникли и имѣютъ въ Европѣ свою исторію и литературу, учрежденія, корпораціи, обладаютъ сильной организациею, часто громадными капиталами, включаютъ въ себѣ все европейское человѣчество. Каждое изъ этихъ ученій и вѣрованій утверждаетъ о себѣ, что оно единое, истинное и спасительное, составляетъ высшее выраженіе и послѣднєе слово европейской мысли, науки, образованности,

Наши Русскіе Европейцы всѣхъ направлений и оттѣновъ, не столько по научному образованію, сколько по вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, отъ католиковъ (о. Мартыновъ,

Астромовъ и пр.) до анархистовъ включительно, единодушно союзтвія Россіи сдѣлаться поскорѣ Европейскою, зазываютъ и тащать ее каждый въ свой лагерь, въ свою вѣру и церковь.

Къ концу 30-хъ и началу 40-хъ годовъ Россія безвоворотно вступаетъ въ области искусства на путь самобытный и национальный. Пушкинъ послѣдняго периода (съ 1824 и особенно съ 1830—31 г.), Гоголь, юный Лермонтовъ въ двухъ—трехъ прекраснѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, Глинка—создаютъ впервые (съ баснями Крылова и комедіею Грибоѣдова) высокіе, могучіе образы, чисто русскаго национального художества слова и звука. Великій трудъ Карамзина, благородная и просвѣщенная дѣятельность гр. Н. П. Румянцева, труды Востокова, Калайдовича, Тимковскаго, Строева, Кеппена, Надеждина, первые ученые труды Погодина, Горскаго, Неволина, первыхъ нашихъ Славистовъ, основаніе и дѣятельность Археографической комиссіи вмѣстѣ съ пробужденіемъ западно-славянскихъ народностей, особенно изысканія Добровскаго, Конитара, Шафарика, Шалацкаго, труды В. Караджича, новыя научныя направленія въ языкознаніи, въ изученіи древностей новой Европы, ея средневѣковой исторіи литературы и церкви—произвели и подготовили въ Русскомъ общественномъ сознаніи и въ лучшихъ представителяхъ молодыхъ поколѣй новые, строгіе запросы на всестороннее и глубокое изученіе Россіи, ея исторіи, церкви, народного быта, сродныхъ ей народовъ Славянскихъ, исторіи восточной церкви и имперіи, ихъ отношеній къ западной церкви и имперіи. Явился неумолимый вопросъ — для чего же жила почти тысячу лѣтъ Россія? призвана ли она въ исторіи къ чему нибудь великому и самобытному? есть ли въ ней задатки самобытнаго просвѣщенія? Или Русскій по прежнему нужно оставаться дилетантомъ западной науки и образованности?

„Давать себѣ отвѣтъ и удовлетвореніе на всѣ потребности души и мысли въ готовыхъ результатахъ чужой жизни, ничего не требуя отъ себя и обходясь безъ своего труда и внутренней работы надъ собою, такъ соблазнително для нашей Русской лѣнивой природы, — что тяжело и трудно ей проснуться для иныхъ требованій и даже мудрено требовать отъ нея такого усиленія надъ собой...“ „для тѣхъ изъ насъ, которые обрекли себя на жалкую роль дилетантства, ни потребности западной жизни не могутъ быть такъ искренни и глубоки, ни вопросы ея такъ неумолимо строги, какъ для тѣхъ, для коихъ эти требования — вся ихъ обнимающая жизнь и живой плодъ всего ихъ народнаго и общественнаго прошедшаго. Ибо напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ человѣка. Переносятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ задатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, по видимому, уже окончилъ свою растительность падаетъ, съменять на родную почву и выростаетъ въ новое дерево и тотъ-же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служить только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ“.

„Такъ прекрасны всѣ наши первыя молодыя мечты о немъ (о Западѣ), такъ онъ гордо увѣянъ передъ нами всѣми красотами поэзіи, природы и искусства — и такъ бѣдна и скучна передъ ними наша жизнь и даже наше прошедшее, слишкомъ строгое и однообразное, чтобы быть увлекательнымъ, и слишкомъ простое, чтобы быть доступнымъ для многихъ, что наше увлеченье понятно и извинительно, даже тамъ, где оно переходить новидимому, за должна границы.

„Ибо чего просить прежде всего большинство людей, называющихъ себя просвѣщенными, и приобрѣвшихъ право презирать и учить своихъ непросвѣщенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и именъ, блеска и пишуры жизни, наполняющихъ ту пустоту существованія, которая составляеть неотъемлемую принадлежность просвѣщенія большинства, и чего требуетъ оно отъ самой жизни, какъ не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и вещественнымъ комфортомъ, который изготавливается для него услугливымъ просвѣщеніемъ? Но, къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе умы,—чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? — Часто, если и безсознательно, они ищутъ того-же комфорта, усыпленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутинѣ, — удовлетворенія вѣтъ новымъ изысканнымъ требованіемъ просвѣщенія существовавшаго и его нравственнаго

спбаригства... И наконецъ не было-ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по крайней мѣрѣ, его собственныя, если и не совсѣмъ сознанные, выводы и новыя стремленія жизни, которыхъ уже не видать иной задачи для человѣчества, кроме обобщенія того же комфорта.

„Таковъ этотъ западный міръ, перенесенный во всемъ его нравственномъ могуществѣ въ беззащитную передъ нимъ и въ простую природу Русскаго человѣка и теперь уже присущій всей нашей внутренней жизни и нераздѣльный со всѣмъ нашимъ виѣшнимъ существованіемъ, съ дѣтства уже говорящій намъ въ образахъ, понятіяхъ и звукахъ, въ которыхъ мы отъ колыбели воспитаны и въ которые уже невольно облекается каждая наша мысль и чувство.

„И потому нечего намъ бояться за наше Западное просвѣщеніе, и нечего пугать себя возвратомъ такъ называемаго до-Петровскаго варварства. Отречься вполнѣ отъ Запада значило бы намъ отречься отъ самихъ себя. Отрекаться отъ него, какъ отъ виѣшнихъ формъ и оболочекъ жизни, не стоить того, если само время не заставитъ отречься; отрекаться какъ отъ науки и опыта жизни, мы не должны, если бы и могли, и не можемъ, если бы и захотѣли, ибо вдесятеро легче выучиться вновь самой трудной наукѣ, чѣмъ забыть или намѣренно разучиться тому, что разъ выучено. Къ тому же толчекъ, данный Россіи, слишкомъ силенъ и даиъ слишкомъ сильной, могучей рукою, чтобы она (если и не въ той исключительности) не продолжала еще долго идти по той же дорогѣ и чтобы Европейскій слой ея скоро забылъ свою благодѣтельницу Европу.

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первымъ двадцатилѣтіемъ XIX в., для государства Русскаго настала, какъ мы сказали, новая эпоха. Довершивъ свой подвигъ на Западѣ, усвоивъ и умиривъ взволнованную Европу, оно обратило свои силы на самого себя и на своихъ забытыхъ единовѣрцевъ“.

Указавъ на важныя событія царствованія императора Николая—распространеніе границъ Закавказья, возвращеніе въ церковь уніатовъ, изданіе Свода и Полного собранія законовъ, дѣятельность Археографической комиссіи, учрежденіе Славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ и отправленіе молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли, монументальное изданіе Вооруженія Русскихъ войскъ¹⁾), статья продолжаетъ:

„Направленіе, принятое государствомъ, новыя народныя силы, имъ пробужденіями, не могли не найти отовсюду сочувствія и отголоска. Вліяніе это отразилось не только на просвѣщеніи общества Россіи, которое начало уже сбрасывать съ себя западную исключительность и оковы Французскихъ и Нѣмецкихъ идей, и приходить къ болѣе зрѣлому и самостоятельному мышленію; но оно уже проявляется въ литературѣ, искусствѣ и т. д. Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни уже забываетъ свои Байроновскія мечты и образы, и поетъ Русскую жизнь на Русскій ладъ; и въ каждой новомъ стихѣ его и новой строчкѣ его прозы уже высказывался новый великий поэтъ, котораго недоставало Россіи, и котораго судьба не захотѣла дать ей, отнявъ у иея Пушкина въ самомъ началѣ его нового поэтическаго возраста.—Наконецъ явился Гоголь, первый Русскій художникъ, принадлежащий всѣмъ творчествомъ своего таланта Русской жизни и народной мысли и ничего не переводившій изъ пришлыхъ чувствъ и пришлыхъ идей на Русскій ладъ и русскіе нравы;—и самое искусство въ русскомъ художникѣ начинаетъ показывать требования самостоятельности и своего живаго развитія, о которомъ прежде и не думано.

„Наука, можетъ быть, всѣхъ менѣе послѣдовала этому движению; (мы разумѣемъ не школьную науку, а ту науку, которая двигаетъ мысль и знанье человѣческое) и даже самая близкая къ жизни наука историческая. До сихъ поръ едва ли она знаетъ всю важность своей задачи, едва ли подумала о томъ, чтобы пишущую, читающую романы

¹⁾ «Издание, котораго досегъ не оцѣнена вся важность. Эта книга впервые облекла для насъ въ образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мѣрѣ, въ чёмъ ходили наши предки, какой видъ имѣли наши древніе города и села, и то уже много для первого начала.»—

и играющую въ карты Россію познакомить съ Россіею, которая на нее трудится и работает, и доселъ остается почти тою же, какою засталъ ее Петръ Великій, во всѣхъ преданіяхъ и условіяхъ прошедшаго, уже давно забытаго и давно утраченаго ея другою половиною. Едва ли что сдѣлано доселъ этой наукой, чтобы воскресить это прошедшее въ его живыхъ образахъ и требованіяхъ,¹⁾ и еще менѣе сдѣлано ею, чтобы познакомить Россію со всѣмъ, чтѣ есть ей роднаго по вѣрѣ и крови въ другихъ государствахъ и краяхъ земного шара, а безъ такого знанья ей никогда не узнать и себя во всей полнотѣ и должностной отчетливости.

„Для міра Романо-католического и Германо-протестантического наука живая и полная возможна уже потому, что она равно обнимаетъ и знаетъ весь міръ и что отъ нея не утаился ни одинъ единовѣрный или единоплеменій уголокъ земного шара, въ который-бы она не внесла своего свѣтильника. А мы что знаемъ, не говоря уже о единовѣрцахъ, но даже о единоплеменникахъ? и то нахъ рассказали изъ милости Нѣццы, Французы и Англичане. Наконецъ, въ самой исторіи Запада есть сотни явлений, для которыхъ наука Русская и Православная (т. е. русскіе и православные ученые) должны найти совершенно иное разрѣшеніе, чѣмъ какое доселъ находили для нихъ люди Западные, необходимо заключенные въ свою тѣсную сферу, изъ которой выйти они не могутъ, не отказавшись отъ самихъ себя.

„Такова задача, которая, по нашему мнѣнію, предстоитъ въ наше время для Русской исторической науки.

... „безспорно, что многое уже сдѣлано для Русской исторіи, хотя больше еще остается сдѣлать;—но за то на другомъ болѣе широкомъ, ей родномъ почищѣ, доселъ не сдѣлано почти ничего. До тѣхъ же порь, пока Русская наука не усвоитъ себѣ всего роднаго Русскому міру, не возможно для нея живое и полное знаніе самой Россіи, какъ знать себя міръ Романо-Германскій... „Знакомство (съ землями и народами единовѣрными и единоплеменными) познакомить нѣрѣдко и Россію съ нею самою, и мы поймѣмъ въ смихъ себѣ многое, что доселъ было для нась загадкою, или обѣ чѣмъ доселъ и не думали“.

Мы привели это длинное извлеченіе не для разубѣжденія проф. Герье и г. Пынинна, но для ознакомленія нашей молодежи, еще не прохваченной журнализмомъ до потери способности къ самостоятельному мышленію, съ манифестомъ или программою новой выступившей въ началѣ 40-хъ годовъ школы, оставившей по себѣ рядъ достопамятныхъ въ нашей литературѣ изданий: пяти томовъ сборниковъ: Симбирского, Валуевскаго, трехъ Московскихъ, нѣсколькихъ десятковъ томовъ Русской Бесѣды. Дни. Иллюстративная дѣятельность этой школы можетъ теперь лучше быть опознана, благодаря выходу полнаго собранія сочиненій И. В. Кирѣевскаго, Хомякова, Аксаковыхъ (трехъ, впрочемъ, сочиненія Константина еще не все изданы), Гильфердинга, Самарина (не конченное, но наилучшее изъ нихъ изданіе). Приведенныя нами стравицы принадлежать очень рано умершему, кажется (23-хъ лѣтъ) и столь же рано развившемуся высокодаровитому, молодому ученому Валуеву, человѣку смѣлого почина и изумительной энергіи, занимавшемуся Русскою исторіею и исторіею Восточной церкви. Онъ оставилъ по себѣ, задуманные и редактированные имъ, Симбирский сборникъ. Москва. 1844 и Исторический и Статистический Сборникъ о Россіи и народахъ ей единовѣриыхъ и единоплеменныхъ. М. 1845. Въ Симб. Сб. напечатаны были прекрасное его предисловіе къ собраннымъ и изданымъ имъ Разряднымъ книгамъ съ опытомъ изслѣдованіе иѣстничества. Въ И. Ст. Сборникъ замѣчательное изслѣдованіе „Христіанство въ Абиссинії“ съ краткими, но содержа-

¹⁾ «Если Карамзинъ и воскресилъ намъ наше прошедшее во вѣнчанихъ образахъ государственной жизни,—то безспорно однажды, что онъ не воскресилъ и не могъ воскресить его въ живыхъ требованіяхъ современной науки, и во многомъ даже отодвинулъ силою своего художественнаго таланта, не говорить знаніе, но пониманіе нашего прошедшаго, даже передъ Щербатовымъ, но говоря уже о Болтинѣ или Татищевѣ.» Это прекрасное замѣчаніе было въ послѣдствіи развито въ статьяхъ Соловьевъ о Карамзинѣ, во все-же сдавли такъ, какъ-бы оно сдѣлано было Валуевымъ, особенно при сопѣткахъ и указаніяхъ П. В. Кирѣевскаго.

тъльпимъ введеніемъ о Христіанствѣ въ Ирландіи и вообще у Кельтовъ. Предисловіе И. С. Сборника написано Валуевымъ, но, конечно, является плодомъ долгихъ размышлений и излѣдований, бесѣдъ и совѣщаній Кирѣевскихъ и Хомякова съ Валуевымъ, который росъ и воспитывался въ домѣ своихъ онекуновъ—Кирѣевскихъ. Эти страницы написаны въ лучшіе годы царствованія императора Николая, когда литература не испытывала позднѣйшихъ гоненій и преслѣдованій (съ 1848 г.), когда Государь серьезно помышлялъ объ освобожденіи крестьянъ. Это предисловіе есть какъ бы программа не только всей послѣдующей дѣятельности нашей такъ называемой Славянофильской школы, но и почти всего истинно-крупного и замѣчательнаго, явившагося въ Русской литературѣ и науцѣ за послѣднія десятилѣтія по историческому изученію Россіи, остального Славянства, восточной церкви, Византіи и даже Романо-Германскаго запада. На всѣхъ почтѣ видныхъ трудахъ по этой части замѣтны слѣды прямаго или косвенаго вліянія плодотворныхъ мыслей, высказанныхъ въ этомъ предисловіи. Не все эти мысли впервые тутъ были высказаны, но онѣ здѣсь впервые такъ стройно собраны и такъ прекрасно выражены, что въ нихъ полно и цѣльно представлены результаты всего предыдущаго хода Русской мысли и вѣрно намѣчены пути дальнѣйшаго ея развитія.

Разныя ошибки и натяжки, преувеличенія и увлечения въ трудахъ и дѣятельности такъ называемыхъ Славянофиловъ не должны быть скрываемы, но нельзѧ же и недостойно хвататься за эти ошибки и натяжки, какъ за единственную ихъ принадлежности. Такъ, не прошедший въ юности хорошей школы, при превосходномъ самопріобрѣтеніи въ послѣдствіи образованія философскомъ, богословскомъ и историческомъ, при своемъ сильномъ умѣ и таланѣ, Хомяковъ, этотъ высоко-даровитый до гениальности самородокъ—любилъ до страсти разныя этимологическія и историко-этнологическія догадки и наговорилъ по этой части множество нелѣпостей. Тѣмъ не менѣе въ его странной инда до безобразія и вмѣстѣ удивительной Семирамидѣ — такъ называлъ однажды Гоголь въ шутку его историческія записки — рядомъ съ невозможнымъ филологическимъ вздоромъ находятся цѣлые страницы превосходныхъ характеристикъ разныхъ историческихъ явлений или дѣятелей въ жизни религіозной и государственной восточныхъ и европейскихъ народовъ, страницы исполненные изумительной глубины, необычайной силы и живости выраженія. Эти страницы Семирамиды, равно какъ и нѣкоторыя части его статей, а иногда и цѣлые статьи (въ 1 т. его сочиненій) принадлежать и по содержанію и по формѣ къ лучшимъ и высшимъ произведеніямъ Русской прозы, равно какъ и многія его мысли, цѣлые иногда страницы его брошюръ богословскихъ изъ французскаго языкѣ займутъ высоко-важное мѣсто въ исторіи богословской мысли. Несмотря на множество ошибокъ, всякихъ натяжекъ и крупныхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ у всѣхъ самородковъ и самоучекъ сильныхъ въ вышшей и слабыхъ въ низшей критикѣ, Хомяковъ является въ исторіи Русской мысли, литературы и образованности великимъ дѣятелемъ и писателемъ, но не въ чёмъ нибудь цѣломъ, а въ избранныхъ отрывкахъ. Такіе гениальные самородки были у всѣхъ европейскихъ народовъ. Ихъ значеніе въ исторіи какъ бы прообразовательное, ихъ значеніе — предтеча. Они собою намѣчаютъ и предсказываютъ будущихъ геніевъ.

Константинъ Аксаковъ — удивительный, высоконравственный образъ. Его разумъ былъ гораздо сильнѣе его разсудка; скептика, житейского смысла ему вообще не доставало. Богатырски сложенный, полный сплѣ и аскетъ, среди свѣтской жизни, всегда восторженный, съ сердцемъ чистымъ и яснымъ, какъ у младенца, всегда и всюду готовый къ проповѣди и къ самому тяжкому подвигу, К. Аксаковъ окончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ, съ наследственной любовью къ изящной словесности, соединилъ любовь къ филологическимъ и историческимъ занятіямъ. Онъ написалъ много стихотвореній, двѣ драматическая пьесы (князь Луповицкій — комедія и Освобожденіе Москвы въ 1612 г. — драматическую хронику), много разныхъ мелкихъ статей — публицистическихъ и критическихъ,магистерское разсужденіе о Ломоносовѣ, нѣсколько разсужденій о Русскомъ языке, оставилъ посмертный грамматический трудъ и нѣсколько болѣе или менѣе большихъ разсужденій историческихъ (о древнемъ бытѣ Русскихъ Славянъ, по поводу исторіи Соловьева)... К. Аксаковъ умеръ 43-хъ лѣтъ въ 1860 г. Если

вспоминать, какъ проходила жизнь Аксакова въ зимніе годы въ Москвѣ, особенно съ 1846 г., то надо еще удивляться, какъ онъ успѣлъ написать такъ много. Въ теченіе первыхъ пятнадцати, шестиадцати лѣтъ по выходѣ изъ Университета до 1856 или 1857 г., когда его отецъ С. Т. еще сохранилъ свое крѣпкое здоровье, Аксаковы жили открыто, и у нихъ рѣдкій день не бывало нѣсколько друзей и пріятелей, родныхъ или старыхъ знакомыхъ. Участвуя въ бесѣдахъ съ ними, К. С. еще много Ѳзжалъ по Москвѣ съ визитами до обѣда и на вечернія собрания къ тѣмъ или другимъ знакомымъ. На эти разѣѣзы и продолжительныя бесѣды и споры уходило тогда въ Москвѣ страшно много времени. Правда эти вечера и дни (у Чавадаева, кажется, собирались до обѣда) имѣли историческое значеніе, двигали и вырабатывали пробудившуюся тогда русскую мысль, но все же оно многихъ пріучало къ праздности и безделью и отваживало отъ труда. Художественному и научному труду равно нужны тишина и одиночество. Такъ и Аксакову, съ выхода изъ Университета, до 39—40 года его жизни эти разѣѣзы, пріемы и бесѣды не давали времени для настоящихъ ученыхъ работъ, а затѣмъ съ 1856—57 г., когда отецъ его сталъ все болѣе прихварывать, К. С., любивший его, какъ любить нѣжная мать свое единственное чадо, весь отдался уходу за отцемъ и положительно уже не имѣлъ свободныхъ минутъ. По смерти же отца онъ самъ сталъ болѣть и черезъ годъ съ небольшимъ умеръ. Но въ первыя 15—16 лѣтъ—до 39 лѣтъ—нее же находилъ себѣ время для литературныхъ и научныхъ занятій, но никогда не умѣлъ, ио усмѣвалъ должнымъ образомъ сосредоточиться. Отъ своихъ работъ надъ русской грамматикой и исторію онъ безпрестанно отвлекался стихами, литературными и публицистическими статьями и не имѣлъ досуга изучить, какъ слѣдовало, ни нужныхъ источниковъ, ни необходимыхъ пособій. Зная отлично, что зналъ, Аксаковъ не зналъ много такого, что ему знать было необходимо. Такъ онъ не зналъ ни древняго церковно-славянскаго языка, ни славянскихъ нарѣчій, не зналъ такъ, какъ слѣдовало уже знать въ его время русскому филологу; не умѣлъ онъ работать и надъ историческими источниками такъ, какъ умѣли и работали его-же друзья и товарищи Д. Валуевъ, Ю. Самаринъ, А. Поповъ... Не связанный службою, обеспеченный въ средствахъ, Аксаковъ не работалъ ни по грамматикѣ, ни по истории надъ рукописями въ библіотекахъ и архивахъ, едва успѣвъ овладѣть печатнымъ материаломъ (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ). К. Аксаковъ настоящимъ ученымъ никогда стать не могъ. Прежде всего, въ стихахъ-ли, статьяхъ-ли публицистическихъ, въ комедіи или драмѣ, въ разсужденіяхъ о русскомъ глаголѣ или о вѣчахъ и земскихъ соборахъ, о Ломоносовѣ или о Гоголѣ К. Аксаковъ вездѣ и всегда былъ энтузіастъ и проповѣдникъ, не наблюдатель и изслѣдователь. Страстно любя свой предметъ—Русскій народъ, свою высокій разумомъ и чистымъ сердцемъ К. Аксаковъ многое иной разъ вѣрно угадывалъ, многое живо понималъ, но многаго при этомъ вовсе и не замѣчалъ. Чистые сердцемъ конечно узрять Истину, но въ дѣлѣ научного знанія для ученаго чистота сердечная есть добросовѣтность, а она требуетъ скепсиса, постоянной пропѣрки, внимательности ко всемъ мелочамъ и подробностямъ, крайней осторожности въ выводахъ и заключеніяхъ. Такимъ образомъ К. Аксаковъ замѣчатель и принадлежить исторіи, какъ рѣдкой, высокой души человѣкъ, обладавшій даромъ постиженія разныхъ свѣтлыхъ сторонъ русской народности, нѣкоторыхъ особенностей русской рѣчи и русской исторіи, но онъ не даль и не умѣлъ дать чисто-научнаго имѣ разъясненія. Всегда съ высоты взирая на жизнь, онъ умѣлъ иногда ярко представлять пошлость и низменность людскую тамъ, где она для обыкновенныхъ людей мало замѣтна, но въ его изображеніяхъ и сужденіяхъ, какъ и у Шиллера, мало вицѣи наблюдательности, знанія людей и повседневной жизни. Мѣсто его, какъ писателя, при отсутствіи полнаго собранія его сочиненій, опредѣлить теперь еще трудно. Но кажется критика со временемъ отмѣтить, что и не имѣя особыхъ драматического таланта, онъ подготовилъ или прообразовалъ въ своемъ „Основаніи Москвы“ и выступающимъ въ ней повсюду народомъ и Псковитянку Мей и Гамсаванца Чавадаева и хоровыя явленія въ операхъ Римского-Корсакова, Мусоргскаго и Бородина, а въ своемъ князѣ Луповицкому—„Плоды просвѣщенія“ Льва Толстаго. На Толстого вирочемъ несомнѣнно имѣли вліяніе, хотя быть можетъ и невѣдомо для

нега, разныя статьи К. Аксакова въ родѣ „Публика и народъ“, „О современномъ человѣкѣ“, точно также какъ и нѣкоторыя мысли и замѣтки Хомякова, напр. о женской эманципації (I, с. 566 и сл.), несомнѣнно отразились въ „Крейцеровой Сонатѣ“, особенно отнявши присущія Толстому сектантскій задоръ и неумѣніе соблюсти извѣстную мѣру въ требованіяхъ и осужденіяхъ. Сочиненія К. Аксакова, не давая ему первокласснаго мѣста въ литературѣ, надолго, если не навсегда будуть дороги, какъ отраженіе возвышенной души; во въ наукѣ историко-филологической его разсужденія не могутъ притязать на большое значеніе: останется лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній и соображеній. Думается, хорошая биографія К. Аксакова съ умѣльмъ выборомъ изъ его писемъ и сочиненій была бы драгоценнаю книгою. Какъ у нѣкоторыхъ святыхъ и въ то-же время писателей, житіе К. Аксакова поучительнѣе его произведеній. И благо странѣ, обществу и семье, гдѣ являются такие люди.

Иное совсѣмъ значеніе И. В. Кирѣевскаго и Самарина въ исторіи Русской мысли и литературы. Оба они безспорно принадлежать къ великимъ первокласснымъ нашимъ писателямъ-прозаикамъ. Не имѣя разносторонности дарованій и богатства силь Хомякова, болѣе односторонніе Кирѣевскій и Самаринъ получили строго-научное образованіе и оставили во себѣ труды, лишенные тѣхъ погрѣшностей и недостатковъ, которые такъ часто безобразятъ и портятъ сочиненія Хомякова.

Кирѣевскій написалъ немногого, но все написанное имъ, кроме развѣ двухъ, трехъ повѣстей и отрывковъ романа, (хотя и они замѣчательны многими мыслями и ихъ изящными выраженіемъ) — О характерѣ поэзіи Пушкина, Обозрѣніе Русской словесности за 1829 г., Девятнадцатый вѣкъ, Обозрѣніе Русской словесности за 1831 г., Русскіе альманахи на 1832 г., Горе отъ ума на Моск. театрѣ, о Вильменѣ, о Русскихъ писательницахъ, въ отвѣтъ Хомякову (1838) и особенно всѣ статьи 2 тома его Поли. Собрания сочиненій (Москва 1861) всегда конечно будутъ относимы къ лучшимъ произведеніямъ русской критической и философской литературы. Глубокій оригиналъ мыслитель, Кирѣевскій обладалъ необыкновеннымъ, почти Платоновскимъ изяществомъ изложенія. По языку онъ писатель классический.

Отъ природы одаренный сильнымъ критическимъ умомъ и даромъ прониц., Ю. О. Самаринъ получилъ превосходное домашнее образованіе и съ дѣтства былъ пріученъ къ строгому, систематическому труду, не будучи ученымъ по профессіи, былъ имъ по призванию и трудамъ. Его большие труды — о Стефанѣ Яворскомъ и Феофанѣ Прокоповичѣ, Исторія города Риги, Письма объ Іезуитахъ, о крестьянствѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и меныше, какъ его журнальныя, критическая или полемическая, статьи, такъ и статьи о Штейнѣ и крестьянахъ въ Пруссіи, о русской поземельной общинѣ, его предисловіе къ сочиненіямъ Хомякова, его письма, всѣ работы и дѣловыя записки для крестьянскихъ комиссій, по земству и по городскому хозяйству Москвы, отліпаются замѣчательнымъ трудолюбіемъ, строгою точностью и добросовѣтностью настоящаго ученаго, всѣ посвѣтъ печать сильного ума и крупнаго литературнаго таланта, великаго мастера языка. Рѣдкаго дара слова, отличный вполнѣ парламентскій ораторъ Самаринъ превосходно владѣлъ и французскимъ и нѣмецкимъ языками. На небольшомъ совѣщаніи въ Москвѣ у И. С. Аксакова, въ 1867 г., гдѣ присутствовало нѣсколько Славянскихъ гостей (Ригеръ, Браунеръ, Я. О. Головацкій, Субботичъ, Мудронъ и Ясенскій, Ливчакъ и изъ нашихъ, сверхъ хозяина и Самарина, князь Черкасскій и ппипущій эти строки) Самаринъ были сказаны двѣ довольно большія рѣчи-импровизаціи на нѣмецкомъ языке. Во время одной изъ нихъ, сидѣвшій подлѣ меня, старикъ Браунеръ сказалъ мнѣ на ухо: да онъ лучше насъ (его съ Ригеромъ) говорить по нѣмецки, откуда у него берется, его прямо можно послать въ нашъ рейхстагъ: и Ригеръ и Браунеръ были въ свое время и числахъ лучшихъ ораторовъ Вѣнскаго парламента.

По рѣбости ума не сдѣлавшійся Европейцемъ, Самаринъ занимаетъ весьма высокое мѣсто въ исторіи Русской мысли, науки и образованности. Въ трудолюбіи и строгой научности работъ Самаринъ не уступить ни Горскому, ни Неволину, но силою ума и литературнаго таланта значительно ихъ обоихъ превосходить: по богатству и отдѣлкѣ, по точности и выразительности, языкъ Самарина — классический. Самаринъ

конечно одинъ изъ великановъ Русской литературы, и лучшее свидѣтельство недальновидности русской критики: она этого не примѣчаетъ и твердитъ по старому о какомъ то мистицизмѣ, подразумѣвая конечно подъ нимъ все ей непонятное и только тѣмъ безконечно увеличивая его область.

О. В. Чижовъ нѣкогда адъюнктъ математики въ Петерб. унив., человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, развернуль въ послѣдствіи свою рѣдкую энергию па практическомъ поприщѣ, какъ банковскій и желѣзно-дорожный дѣятель,—живя скромно, составилъ себѣ крупное состояніе и завѣщалъ нѣсколько миллионовъ на просвѣтительныя цѣли родной Костромѣ, обязанной ему публичнымъ памятникомъ.

Прекрасно владѣвшій живою рѣчью, блестящимъ даромъ изложения въ живой бесѣдѣ, высоко образованный, трудолюбивый и основательный, добросовѣстный и очень умный ученый, А. Н. Поповъ писалъ крайне сухо. Не замѣчательный писатель, но почтенный и полезный исследователь, А. Н. Поповъ оставилъ по себѣ много ученыхъ трудовъ по истории искусства, о Черногоріи и, главное, по русской истории XVII, XVIII и XIX вѣковъ. Своимъ строго-научнымъ образованіемъ онъ не уступалъ, конечно, ни одному изъ знаменитыхъ въ свое время Московскихъ профессоровъ-Европейцевъ.

Къ тѣмъ-же рабкамъ умамъ, „которые изъ страха перестать быть русскими, боялись сдѣлаться Европейцами“, принадлежали ихъ близкіе друзья и почитатели: А.Ф.Гильфердингъ, И. Я. Данилевскій, которого высоко цѣнилъ и любилъ одинъ изъ гоніальныхъ ученыхъ нашего столѣтія, К. М. Беръ, отличали Академія Наукъ и Географическое Общество, рано умершій Веневитиновъ, оба брата Языкова—поэтъ и геологъ, Ф. И. Тютчевъ, П. В. Кирѣевскій, наконецъ, самъ Гоголь, его видные земляки—Ригельманъ, Галаганъ, Тарновскій, князь Черкасскій, Н. А. Милютинъ (съ нач. 60-хъ гг.).

Книга г. Пыпина (П гл.) значительно бы выиграла въ достоинствѣ, если-бы онъ не держался взгляда ироф. Герье на такъ называемое славянофильство и не повторялъ старыхъ, забытыхъ о немъ фразъ. Вмѣсто особой главы о К. Аксаковѣ следовало-бы посвятить нѣсколько страницъ въ началѣ тома вѣрному сжатому изложению основныхъ положеній этой школы, высказанныхъ въ предисловіи Валуевскаго сборника.

Не нужно быть кажется мистикомъ, даже славянофиломъ и можно относиться справедливо къ виднымъ дѣятелямъ нашего просвѣщенія. Позитивистъ, проф. Пражскаго университета Массарикъ еще недавно сумѣлъ представить цѣлое критическое изслѣдованіе объ И. В. Кирѣевскомъ и признать высокія достоинства этого мыслителя. Странное отношение г. Пыпина къ цѣлой школѣ, поднявшей и разрабатывавшей вопросъ о народности не могло ис повредить его книгѣ, посвященной обзору и критикѣ ея изученій въ Россіи за послѣднія десятилѣтія.

Въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя біографическія подробности о Ф. И. Буславѣ и Тихонравовѣ и нарочно написанная для книги г. Пыпина автобіографія А. Н. Веселовскаго (с. 423—427), не лишенная нѣкоторыхъ любопытныхъ интимныхъ подробностей. Опускала иная, за недостаткомъ мѣста, отмѣтили лишь слѣд. дѣя: Воспитанникъ ист. фил. фак. М. У. 50-хъ годовъ, Веселовскій говорить о Грановскомъ: „Я никакъ не могъ пристать къ его поклонникамъ, и отъ его лекцій (онъ читалъ у насъ недолго) и въ отдавало фразой“.

Проф. Веселовскій безспорно Европеецъ, даже въ лучшемъ московскомъ смыслѣ, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ питомцевъ Моск. У. находить и находилъ еще въ 50-хъ гг. фразе рѣсто въ Грановскомъ. За что же подумаешь, такъ нападали на Русскую Бесѣду и на проф. Григорьева всѣ наши истинные Европейцы, гуманисты, западники, когда онъ признавая въ Грановскомъ даровитаго лектора, не видѣлъ въ немъ ни настоящаго ученаго, ни строгаго мыслителя? Какою неприличною, бранью разразился тогда Кавелинъ на Григорьева? А между тѣмъ еще лѣтъ за 7, за 8 до статьи Григорьева уже лучшимъ студентомъ ист. фил. факультета (пусть даже одному только Веселовскому) отъ лекцій Грановскаго уже отдавало фразой.

Въ этомъ признаніи, напечатанномъ въ книгѣ г. Пыпина, нельзя не видѣть большаго успѣха въ движеніи нашего Европеизма.

Говоря о влияниях на главное направление своей плодотворной ученой деятельности, Веселовский замечаетъ: „Направление этой книги (о Соломонѣ и Китоврасѣ. 1872), опредѣлившее и иѣкоторыя другія иль послѣдовавшия моихъ работъ, нерѣдко называли Бенфеевскими, и я не отказываюсь отъ этого вліянія, ибо въ долѣ умѣренной другою, болѣе древней зависимости—отъ книги Денлопа-Либрехта и вашей (Пышинской) диссертациіи о русскихъ новѣстяхъ. Когда явилась буддійская гипотеза, пути изученія, и не въ одной только области странствующихъ повѣстей, были для меня наимѣчены точкой зрѣнія на историческую народность и ея творчество, какъ на комплексъ вліяній, въяній и скрещиваний, съ которыми исследователь обязанъ сосчитаться, если хочетъ поискать за ними, гдѣ-то въ глуби, народности непочатой и самобытной и не смущаться, открывъ ее не въ точкѣ отрѣвленія, а въ результатѣ исторического процесса“.

Это замѣчаніе очень важно. Въ немъ высказывается собственное признаніе Веселовского въ сильномъ на него вліяніи или зависимости его отъ книги Денлопа-Либрехта (*Geschichte der Prosadichtungen od. Geschichte der Romane, Novellen, Mährchen. Berlin. 1851*) и сочиненія Пышина о Русскихъ повѣстяхъ. Эта зависимость, болѣе ранняя, умѣрила за тѣмъ другую зависимость или вліяніе на Веселовского сочиненія Бенфея о вліяніи Индѣйскихъ сказокъ на Европейскія. Далѣе столь же откровенно, хотя къ сожалѣнью съ меньшою ясностью, замѣчаетъ Веселовскій, какъ и гдѣ онъ открываетъ народность непочатую и самобытную. Оказывается, что она ея ищетъ гдѣ то въ глуби—за вліяніями, въяніями и скрещиваниями, а открываетъ ее, и не смущаясь—не въ точкѣ отрѣвленія, а въ результате исторического процесса“.

Таково послѣднее слово Европейско-Русскихъ изученій народности.

Наши бѣглые замѣтки вызваны важностью предмета и достоинствами книги г. Пышина; продолженія ея ожидаемъ съ нетерпѣніемъ и желаемъ ей новыхъ изданій съ исправленіями и дополненіями.

B. Ламанскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и ответы.

1. Какія есть народныя названія для «сѣвернаго сіянія?»
2. Какіе виды сѣвернаго сіянія различаются особыми названіями?
3. Какія даетъ народъ объясненія этому явленію?
4. Какія преданія и сказанія существуютъ о сѣверномъ сіяніи?
5. Въ какомъ смыслѣ народъ въ своихъ возврѣніяхъ связываетъ сѣверное сіяніе съ мертвыми воинами (срв. латышское выраженіе «kāwi kaņjas» воины сражаются, какъ говорять при появленіи сѣвернаго сіянія)?

Г. Вольтеръ.

Какія особенности народнаго русскаго говора въ Псковской губ. (въ особенности въ Псковскомъ уѣздѣ)? Есть-ли гдѣ-нибудь въ мѣстныхъ изданіяхъ (губернскихъ вѣдомостяхъ и т. п.) какія-либо описанія этого говора или материалы для его знакомства? Точно-ли переданы звуки народнаго говора въ мѣстныхъ названіяхъ въ «Опытѣ статистическо-географического словаря Псковской губ.» Василева (*Абухово, Авочкино, Агоблино, Апалихино и т. п.*)?

Соболевскій.

Устроителей или людей близко знакомыхъ съ основаніемъ и устройствомъ музеевъ въ Ростовѣ и Минусинскѣ редакція покорнѣйше просить сообщить свѣдѣнія о томъ, какія были трудности при первоначальномъ заведеніи дѣла,

великія ли денежныя средства потребовались на это, и какъ нынѣ относятся къ этимъ мѣстнымъ хранилищамъ обыватели города и уѣзда, охотно ли посѣщаются музеи и стараются ли о пополненіи ихъ собраній?

Желательно получить откровенныя сообщенія изъ уѣздныхъ городовъ, не имѣющихъ подобныхъ музеевъ, какія препятствія существуютъ ихъ устройству, заключаются ли въ недостаткѣ денежныхъ средствъ или людей готовыхъ за это дѣло взяться?

Желательно знать, не могутъ ли общественные земскія библіотеки въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ принимать у себя подписку на нашъ журналъ Старина? Быть можетъ понадобятся известныя льготныя условія и какія именно?

Просимъ редакціи губернскихъ и епархиальныхъ вѣдомостей перепечатать эти вопросы и вообще оказать свое просвѣщенное содѣйствіе ознакомленію мѣстныхъ читателей съ Живою Стариною, съ ея характеромъ и ея цѣлями.

Адресъ Редактора Живой Старины С.-Петербургъ. Коломенская 33 или Имп. Р. Геогр. Общ. (у Черныш. моста).

Отдѣленіе Этнографія просить увѣдомить, у кого или гдѣ имѣются въ общественныхъ библіотекахъ или у частныхъ лицъ слѣд. не находимыя въ Петербургѣ книги:

- 1) Собрание российскихъ пѣсенъ, издалъ Михайло Чулковъ, 4 ч. Спб. 1770—1774. 12⁰ (Смирд. № 8047, Сопиковъ № 10942); 2-е изд., 4 ч. Спб. 1776. 12⁰. (Соп. № 10943). («Чулковский пѣсенникъ»).
- 2) Музикальные увеселенія, содержащія въ себѣ пѣсни российскія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія арии, дуэты, польскіе и пр. Москва 1774 г.
- 3) Солдатский пѣсенникъ. Москва 1791.
- 4) Собрание новѣйшихъ пѣсенъ и разныхъ любовныхъ стихотвореній. Ч. I. Москва 1791, 8⁰. Университ. типографія.
- 5) Избранный пѣсенникъ, или собраніе наиболѣшіхъ старыхъ и самыхъ новѣйшихъ, иѣжихъ, пастушьихъ, святочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, театральныхъ, веселыхъ, простонародныхъ, столовыхъ, военныхъ, малороссийскихъ, сатирическихъ, нравственныхъ и другихъ Россійскихъ пѣсень; 2 ч. Спб. 1792.

- 6) Собрание русскихъ пѣсень. Спб. 1792. 8⁰.
 - 7) Новый русский пѣсенникъ. Спб. 1792. х.
 - 8) Новый Россійскій пѣсенникъ, или собраніе разныхъ пѣсень съ приложенными нотами, которыя можно пѣть на голосахъ, играть на гуслиахъ, клавикордахъ, скрипкахъ и духовыхъ инструментахъ. С.-Петербургъ. 1792 г.
-

ОТДЕЛЪ V.

СМѢСЬ.

Журналъ заѣданія Отдѣленія Этнографіи 12 Октября 1890 г.

Заѣданіе подъ предсѣдательствомъ Д. Чл. В. И. Ламанекаго, въ присутствіи Помощника Предсѣдательствующаго Д. Чл. Н. И. Веселовскаго, гг. Дѣйств. Членовъ и Членовъ Сотр., при секретарѣ, Чл. Сотр. Ф. М. Истоминѣ.

Читанъ и утвержденъ журналъ заѣданія 18 мая 1890 г.

Д о л о ж е н о о поступлениіи нижеслѣдующихъ заявлений:

1) Отъ А. А. Димитріева, (автора и издателя „Пермской Старины“, инспектора училищъ въ Соликамскѣ, съ предложеніемъ услугъ по части изученія мѣстныхъ ино-родцевъ (Пермяковъ). О предѣлено: представить въ Совѣтъ Общества обь утвержденія г. Дмитріева въ званіи Чл.-Сотрудника.

2) Отъ К. И. Ченгерова изъ Даргаяата въ Хивинскихъ владѣніяхъ: письмо съ препровожденіемъ монеты, найденої Хивинцами въ развалинахъ крѣпости Даихатаина въ хивинскихъ владѣніяхъ на лѣвомъ берегу Аму-Дары въ 235 в. отъ Петро-Александровска въ 163 в. отъ г. Чарджуя; г. Ченгеровъ просить опредѣлить монету и предлагаетъ высылать Обществу дальѣйшія находки.

О предѣлено: вручить монету на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому,

Д о л о ж е н о о поступлениіи нижеслѣдующихъ рукописныхъ материаловъ: 1) отъ г. Нтицыа: „Очеѣки нарѣчія Голоусненскихъ Тунгусовъ“. О предѣлено: вручить на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому. 2) Отъ Чл. Сотр. А. Н. Минихъ: Дополненія къ труду его. „Обычаи, обряды, предразсудки и суевѣрія крестьянъ Саратовской губерніи“. О предѣлено: хранить въ ученомъ архивѣ Общества. 3) Отъ крестьянина Минской губ. Н. Ф. Морозика: „Стихотвореніе или сочиненіе подъ рифму на пьянство и лѣтнайство“. Определено: возвратить автору. 4) Отъ П. А. Шилкова: „Адская газета“. 5). Отъ Чл.-Сотр. К. И. Боголѣпова: „Свадебный обычай крестьянъ Кургоминского правл. Шенкурск. у. Арх. губ.“ 6) отъ П. Соснина: а) „О кладахъ“, б) „Самоубійство“, записано въ с. Ремонтномъ, Астрах. губ. 7) отъ Чл.-Сотр. Н. Ф. Катанова: „Собрание памятниковъ народнаго творчества у Карагасовъ, живущихъ въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губ. О предѣлено: рукописи № 4—6 представить на усмотрѣніе Редактора „Живой Старины“, № 7— вручить на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому.

По предложенію Предсѣдательствующаго, Отдѣленіе признало Членами-Сотрудниками слѣдующихъ лицъ: г. Фридмана, приславшаго свой трудъ объ юридическихъ обычаяхъ и выразившаго готовность исполнять порученія Отдѣленія, гг. В. Н. Бондаревка, П. А. Шилкова и В. А. Георгіевскаго, доставляющихъ Отдѣленію рукописные материалы и г. Булича, прив.-доцента Спб. Университета по кафедрѣ сравнительного языкознанія, могущаго быть между прочимъ полезнымъ Отдѣленію

и въ качествѣ знатока русской народной музыки. Определено: Представить въ Со-вѣтъ Общества объ утверждении названныхъ лишь въ званіи членовъ-сотрудниковъ.

Въ томъ же засѣданіи избрана комиссія для присужденія медалей Отдѣлению за выдающіеся труды по этнографіи, въ составъ комиссіи, кромѣ Предсѣдательствующаго В. И. Ламанскаго и секретаря Отдѣленія Ф. М. Истомина, вошли слѣдующія лица: Л. Н. Майковъ, А. Ф. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Н. В. Латкинъ, С. В. Пахманъ, А. Н. Пыпинъ, С. В. Максимовъ, А. И. Соболевскій, И. Н. Ждановъ и Э. А. Вольтеръ.

Ф. А. Браунъ сдѣлалъ сообщеніе: „О Мариупольскихъ Грекахъ“, въ которомъ изложилъ результаты своей командировкіи въ Мариупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи съ цѣлью разысканія тамъ стѣдовъ пребыванія древнихъ Готовъ. Указавъ на то, что главная цѣль поѣзdkи, ~~насательно~~ древнихъ Готовъ, не достигнута въ желательной степени, докладчикъ сообщилъ ~~несколько~~ любопытныхъ этнографическихъ наблюдений своихъ надъ бытомъ Мариупольскихъ Грековъ, причемъ представилъ въ распоряженіе Общества собраніе найденныхъ имъ рукописныхъ сберегиковъ на ново-греческомъ языкѣ. Отдѣлѣніе выразило докладчику удовольствіе по поводу сообщенныхъ имъ интересныхъ данныхъ.

Чл.-Сотр. Ф. М. Истоминъ сдѣлалъ сообщеніе: „Прошлое с. Усть-Цильмы, Печорского края Архангельской губ., по вновь найденнымъ рукописнымъ даннымъ“. Во время пребыванія шпиущимъ лѣтомъ въ Печорскомъ краѣ для собранія этнографическихъ свѣдѣній, докладчику удалось найти въ с. Усть-Цильмы рукописную лѣтопись, составленную въ 50-хъ годахъ мѣстными священникомъ и передающую прошлое с. Усть-Цильмы, начиная съ основанія его Новгородцемъ Ивашкой Ласткою. Въ лѣтописи приводится послѣдовательное развитіе Усть-Цильмы, упоминаются при этомъ наиболѣе выдающіяся события, какъ пожары, нападенія карачеевъ и разбойниковъ, а также сообщается о возникновеніи раскола на Печорѣ и раскольничьяго скита на р. Пижѣ, основателемъ котораго названъ одинъ изъ дѣятелей извѣстной Выголексинской пустыни въ Олонецкой губ. Иванъ Акундиновичъ. Лѣтопись составлена на основаніи грамотъ Иоанна Грознаго, коіи съ которыхъ приложены, и на разсказахъ стариковъ.

Предсѣдательствующій В. И. Ламанскій.

Секретарь Ф. Истоминъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“

въ 1891 году. (Годъ второй).

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ издается, подъ редакціей ординарного профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергеевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ф. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова**. Задачею журнала поставляется, впервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ заключаетъ въ себѣ:

I. Самостоятельный (иногда переводный) научные статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники: законодательную, судебную и научную; III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждого мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавление. Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Гг. **многородные** благоволятъ обращаться въ Главную контору „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, по 5-й линіи, д. № 28, **книжный складъ М. М. Стасюлевича.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанского Университета

на 1891 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографические отзывы и энциклопедіи.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными kommentariями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученые Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложенийъ.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 р., съ пересылкою 7 р. Отдѣльные книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ф. Мищенко.*

Открыта подписка на журналъ

СТРАНИКЪ

на 1891 годъ

(одинадцатый годъ издания подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературного знанія,—превимущественно въ отдѣлахъ, имѣющіхъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдовавія и неопубликованные материалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поучевія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи филосовскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицистического содержанія по выдающимъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и превимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простого народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе въ хроника епархиальной жизни. 9) Иностранные обозрѣнія: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіонной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархиальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтоисчислительная указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Развѣяныя отрывочные извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Въ минувшемъ 1890 году, кроме ежемѣсячныхъ статей по всѣмъ отдѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ текущей современной жизни, въ «Странникѣ», между прочимъ, были напечатаны слѣдующія слова и бесѣды архіепископа Никавора: «О перестояложеніи для крестнаго вінченія и благословленія», о «О христіанскомъ супружествѣ» (противъ «Крейцеровой Сонаты» гр. Л. Толстаго), «О значеніи семинарскаго образования» (противъ «ненавистно-враждебнаго отношенія къ духовному состоянію старого русского дворянства»), «О классицизмѣ».—Изслѣдовавія и статьи: «О вицѣ Господа И. Христа», В. Белавіна.—«Пастыреначальникъ Господь И. Христосъ и его св. Апостолы», П. Н. Ровинскаго.—«Іконографія креста Христова», Н. Бирюкова.—«Нравственное Богословіе Филарета, митроп. московскаго», Свяш. Вышеславцева.—«Учепіе о нравственности въ католичествѣ и протестантизмѣ», Г. Грѣцкаго.—«Всеземіскіе отцы Церкви», Фаррара, въ пер. А. П. Лопухина.—«Католический приходъ въ Пруссіи», П. Ф. Маркова.—«Участіе духовенства въ вародномъ образованіи»,—Ф. Благовидова.—Статьи проф. П. Б. Знаменскаго, прот. А. А. Лебедева, А. Ковалевскаго, К. Попова, И. Корнѣенко и другихъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписанная цѣна: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ: съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургъ (Невскій пр., д. № 173).

Редакторы-издатели: А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

У СЛѢВІЯ ПОДПІСКІ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургъ	12 " 50 "
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 " 50 "
На полгода	7 " 50 "
» четверть года.	4 " — "
За границу	15 " — "

Для многородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ я учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скідкою 2 р. съ годовой цѣнѣи и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября—2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года введеніе «Сѣверного Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица обѣщали «Сѣверному Вѣстнику» свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Авучинъ, Н. М. Астыревъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Болдаковъ, В. И. Бородавская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Винницкая, А. Л. Волынскій, Ф. Ф. Воропововъ, З. Н. Гиппіусъ, Б. Б. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Голь, цвѣтъ, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншиевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Карбенъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Кретовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. Б. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Лавинчевко, Е. И. Лихачевъ, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. Н. Лѣткова, Б. И. Макъ-Гахантъ, проф. Д. И. Медведѣвъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайлова (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовненъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Давченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубаківъ, М. И. Сиѣшниковъ, А. М. Скабиченскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. И. Н. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фусекъ, проф. И. Я. Файнцикъ, проф. А. Ф. Фортунатонъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ф. А. Червінскій, проф. В. М. Шамкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжуль, Е. Н. Янжуль, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и друг.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9 и въ отдельныхъ конторахъ—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карабасакова—Литейная, д. 46; Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова, въ Кіевѣ—Крешатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул., въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостиный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годовой цѣнѣи экземпляра.

Многородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣтствуетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личные объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Редакторъ-Издатель Б. Глинскій.

Открыта подписька на 1891 г.

(Четвертый годъ вадавія)

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ“

Трехмесячный историко-литературный журналъ.

Въ предстоящемъ году, «ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ. Желавіе помѣщать статьи, по возможності, цѣликомъ, а ве частями, побудило редакцію измѣнить сроки выхода журнала, превративъ его изъ ежемѣсячнаго въ трехмесячный, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ подписной платы. Въ 1891 г. «Пантеонъ Литературы» будетъ выходить томами: 1-го марта, 1-го іюня, 1-го сентября и 1-го декабря.

Изъ произведеній, помѣщенныхъ въ «Пантеонъ Литературы» за прошліе года, лва перевода «КАЛЕВАЛА» — Л. П. Бѣльского и «НИБЕЛУНГИ» — М. И. Кудряшева Академіей наукъ удостоены Пушкинской преміи.

Въ числѣ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщению въ ближайшихъ томахъ журнала, вавовемъ слѣдующія: 1) Сочиненія Р. П. Боткина, т. 2-й. — 2) Л. Н. Майкова, Материалы для біографіи В. Н. Майкова. — 3) В. Я. Стоюнина, Историко-литературные этюды. — 4) Письма темныхъ людей, пер. А. И. Кирпичникова. — 5) Мовтанъ, Опыты, пер. В. П. Глѣбовой. — 6) М. Гюйо, Искусство съ соціальной точки зренія. — 7) Геннакенъ, Теорія научной критики. — 8) Шериданъ, Изобразивная комедія. — 9) Чосеръ, Кентерберийскіе разсказы, пер. М. И. Кудряшева. — 10) Аристотѣло, Неистовый Розандъ, пер. С. Ф. Уварова. — 11) А. Ўбертъ, Всеобщая история средневѣковой литературы на за-падѣ, пер. А. Чудинова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
Съ дост. и перес.	6 р.	3 р.	1 р. 50 к.
Съ перес. заграницу	8 »	—	—

Выписывающіе «Пантеонъ Литературы» за прошедшіе годы уплачиваютъ: за всѣ 4 года — 25 р., за 3 года — 20 р., 2 года — 15 р. — Равсрочка платежа по соглашенію.

Подписька принимается: въ редакціи «Пантеона Литературы» въ С.-Петербургѣ, Захарьевская ул., д. 25. — Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5 проц.

Редакторъ-Издатель А. ЧУДИНОВЪ.

Утвержденная Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ программа «Неофиціального отдѣла Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

ОТДѢЛЪ ОВІЦІЙ: 1) Важнѣйшія Правительственные распоряженія и придворныя извѣстія. 2) Телеграфныя извѣстія. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Смѣсь. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ мѣстной общественной жизни. 2) Хроника г. Гродна и Гродненской губерніи. 3) Корреспонденція. 4) Периодическая печать о Гродненской губерніи. 5) Сельскій отдѣлъ. 6) Къ исторіи края. 7) Справочные извѣстія и 8) Объявленія.

«Неофиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей» будетъ выходить съ 1-го Января 1891 года два раза въ недѣлю — по Средамъ и Субботамъ.

ЖИВАЯ СТАРИНА

выходитъ четыре раза въ годъ (съ Сентября по Май). Подписная плата — въ Петербургѣ **5 р.**, внутри Имперіи и за границею — **5 р. 50 к.** Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (у Чернышева моста), въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Стасюлевича, Девріэна, Бerezовскаго въ Петербургѣ.

Выпуски продаются отдельно. Цѣна Перваго выпуска — **2 р.** Втораго — **1 р. 75 к.**